Ли Чайлд

Ценой собственной жизни

Если бы я перечислил все то, в чем выражается ее помощь, это посвящение получилось бы более объемным, чем сама книга. Поэтому я просто говорю: моей жене Джейн с выражением огромной признательности.

Глава 1

Натан Рубин погиб из-за собственной храбрости. Причем не той, длительной и упорной, за которую во время войны награждают орденами и медалями; его погубила вспышка слепой ярости, длившаяся всего какую-то долю секунды.

Рубин вышел из дома рано, как поступал всегда, шесть дней в неделю, пятьдесят недель в году. Сдержанный завтрак, подобающий невысокому, кругленькому мужчине сорока с лишним лет, который стремится сохранить форму. Долгая прогулка по застеленным коврами коридорам особняка на берегу озера, подобающего человеку, который в каждый из этих трехсот рабочих дней получает по тысяче долларов. Большой палец на кнопке ворот гаража, движение запястьем, которое завело бесшумный двигатель дорогого импортного седана. Компакт-диск, вставленный в проигрыватель, выезд задом на дорожку, мощенную гравием, тычок в педаль тормоза, переключение передач, плавное нажатие на газ – и, наконец, последняя короткая поездка в его жизни. Шесть часов сорок девять минут утра, понедельник.

По дороге на работу только зеленый свет светофоров, что, возможно, и послужило косвенной причиной смерти. Это привело к тому, что Рубин поставил машину на отдельную стоянку за зданием, в котором работал, за тридцать восемь секунд до окончания прелюдии к фуге си-бемоль минор Баха. Оставшись в машине, он дождался, когда затихли последние аккорды органа; это означало, что Рубин вышел из машины, когда трое мужчин подошли уже достаточно близко, чтобы по их поведению можно было сделать какие-то предположения. Поэтому он мельком взглянул на них. Мужчины отвернулись и направились в другую сторону, ступая в ногу, словно танцоры или солдаты. Рубин направился к зданию. Затем вдруг остановился. И обернулся. Мужчины стояли рядом с его машиной. И пытались открыть двери.

– Эй! – крикнул он.

Это краткое восклицание везде и всегда служило выражением удивления, негодования, вызова. Такой звук непроизвольно издает честный, наивный гражданин, столкнувшись с чем-то таким, чего не

должно быть. Не раздумывая ни минуты, Рубин устремился обратно к машине. Противники втрое превосходили его числом, но его дело было правым, и это придавало ему уверенности в собственных силах. Рубин вернулся к машине, переполненный праведным гневом, чувствуя себя хозяином ситуации.

Однако это чувство было призрачным. Мягкий, изнеженный горожанин никогда не может быть хозяином ситуации, подобной этой. Мышцы Рубина были натренированы в фитнес-центре. В данной ситуации это не шло в счет. Упругая мускулатура его брюшного пресса оказалась пробита первым же ударом. Он уронил голову вперед и вниз, и твердые костяшки пальцев превратили в кровавое месиво его губы и выбили ему зубы. Рубина поймали грубые руки, схватившие его так, словно он совершенно ничего не весил. У него из руки вырвали ключи от машины, а сам он получил сокрушительны удар в ухо. Его рот наполнился кровью. Рубин повалился на асфальт, и тяжелые ботинки заколотили его по спине. Затем по почкам. Затем по голове. Он потерял сознание, отключился словно телевизор в грозу. Окружающий мир перед его глазами просто исчез. Сжался до тонкой горячей полоски и, дернувшись, превратился в ничто.

И Рубин умер, потому что на какую-то долю секунды отдался храбрости. Но это произошло позже. Значительно позже, после того, как мгновение храбрости растворилось в бесконечных часах агонизирующего страха, которые, в свою очередь, взорвались долгими минутами безумно вопящей паники.

* * *

Джек Ричер остался жив, потому что он повел себя осторожно. Он повел себя осторожно, потому что услышал отголосок из прошлого. У него было большое, богатое прошлое, и этот отголосок донесся из худшей его части.

Ричер прослужил в армии тринадцать лет, и в тот единственный раз, когда он был ранен, виновата оказалась не пуля. Ранение причинил осколок кости челюсти одного сержанта морской пехоты. Ричер в то время служил в Бейруте, на военной базе, расположенной рядом с аэропортом. Эту базу атаковал на грузовике, начиненном взрывчаткой, террорист-смертник. Ричер дежурил у ворот. Злополучный сержант морской пехоты находился на сотню ярдов ближе к месту взрыва. От него уцелел лишь тот самый осколок челюсти. Осколок попал в Ричера, находившегося на удалении ста ярдов, и, кувыркаясь, словно пуля прошел через внутренности. Военный хирург, зашивавший Ричера, сказал, что ему повезло. Попадание настоящей пули было бы еще более болезненным. Это и был тот самый отголосок, который услышал Ричер, и он внимательно к нему прислушался, потому что тринадцать лет

спустя ему в живот был направлен пистолет. Причем до дула было всего около полутора дюймов.

Это был автоматический пистолет калибра девять миллиметров. Совершенно новый. В заводской смазке. Пистолет целился низко, в ту самую область, где был шрам. Мужчина, державший пистолет, более или менее знал свое дело. Оружие было снято с предохранителя. Дуло застыло практически неподвижно. В мышцах руки никакого напряжения. Указательный палец приготовился сделать свое дело. Ричер понял все это с первого взгляда. Он очень внимательно смотрел на указательный палец, лежащий на спусковом крючке.

Ричер стоял рядом с женщиной. Поддерживая ее под руку. Он видел эту женщину первый раз в жизни. Ей в живот был направлен абсолютно такой же девятимиллиметровый пистолет. Тот тип, который целился в женщину, держался более возбужденно. Он заметно нервничал. Волновался. Пистолет дрожал у него в руке. У него были обгрызенные ногти. Нервный, дерганый тип. Все четверо стояли прямо посреди улицы: трое застыв неподвижно, словно каменные изваяния, четвертый переступая с ноги на ногу.

Это происходило в Чикаго. В центре города, на оживленном тротуаре, в понедельник, в последний день июня. Самый разгар дня, яркое летнее солнце. Все произошло за какую-то долю секунды. Произошло спонтанно, как нельзя было бы отрепетировать и за миллион лет. Ричер шел по улице, не имея определенной цели, не быстро и не медленно. Он проходил мимо двери химчистки. Дверь распахнулась прямо у него перед лицом, и на тротуар ему под ноги с грохотом упал металлический костыль. Подняв взгляд, Ричер увидел в дверях женщину, готовую вот-вот выронить девять пакетов с вещами, которые она неловко держала в охапке. Возраст около тридцати лет, дорогая одежда, смуглая, привлекательная, уверенная в себе. У нее было что-то с ногой. Скорее всего, травма. По ее неуклюжей позе Ричер понял, что травма причиняет женщине боль. Она бросила на него взгляд, красноречиво призывающий о помощи, и он, в свою очередь молча выразив готовность помочь, нагнулся и подобрал с асфальта костыль. Одной рукой забрал у женщины пакеты, другой протянул костыль. Закинул пакеты через плечо и ощутил, как девять проволочных плечиков впиваются в палец. Опершись костылем об асфальт, женщина удобно обхватила изогнутую металлическую ручку. Ричер предложил ей руку. Она помедлила. Затем смущенно кивнула, и Ричер взял ее под руку, чувствуя себя неловко. Они повернулись и двинулись вперед. Ричер решил проводить женщину несколько шагов, чтобы она почувствовала себя на ногах уверенно. После чего убрать руку и вернуть женщине пакеты с одеждой. Но вместо этого они наткнулись на двоих мужчин с девятимиллиметровыми пистолетами.

Все четверо стояли на месте, лицом к лицу, разбившись на пары. Подобно четверым посетителям ресторана, которые устроились обедать в тесном отдельном кабинете. Мужчины с пистолетами были белые и откормленные; в их поведении смутно чувствовалась армейская выправка, и они были смутно похожи друг на друга. Среднего роста, коротко остриженные темные волосы. Большие мускулистые руки. Широкие, тупые лица, напряженные, жесткие взгляды. Нервный был помельче своего напарника, словно он, переживая, жег дополнительную энергию. Оба были в клетчатых рубашках и поплиновых ветровках. Мужчины стояли рядом, плечом к плечу. Ричер был значительно выше ростом остальных троих. Он видел все вокруг, поверх их голов. Ричер стоял, опешивший от изумления, с перекинутыми через плечо пакетами с одеждой. Женщина, опираясь на трость, молча смотрела перед собой. Парни держали пистолеты. Направленные в упор. Ричеру показалось, они простояли так довольно долго. Но на самом деле он знал, что это чувство обманчивое. Вероятно, все это продолжалось не больше пары секунд.

Мужчина, стоявший перед Ричером, судя по всему, был главный. Выше своего напарника, шире в плечах. Более спокойный. Он перевел взгляд с Ричера на женщину и дернул стволом пистолета, указывая на проезжую часть.

– Садись в машину, стерва, – бросил он. – И ты тоже, козел.

Мужчина говорил выразительно, но тихо. Повелительным тоном. Голос практически без акцента. Ричер предположил, скорее всего, из Калифорнии. У тротуара стояла машина. Ждавшая именно их. Большой, дорогой черный седан. Водитель, обернувшись, протянул руку и открыл заднюю дверь. Мужчина, стоявший напротив Ричера, снова сделал движение пистолетом. Ричер не шелохнулся. Огляделся по сторонам. По его прикидке, у него было несколько секунд, чтобы принять решение. Двое типов с девятимиллиметровыми пистолетами особенно его не волновали. Ричер мог действовать только одной рукой, поскольку во второй были пакеты из химчистки, но он решил, что с типми он справится без особых проблем. Проблемы начинались рядом с ним и у него за спиной. Ричер посмотрел в витрину химчистки как в зеркало. В двадцати ярдах за ним по перекрестку двигалась сплошная стена спешащих пешеходов. Пара шальных пуль найдет пару случайных жертв. В этом можно не сомневаться. Это абсолютно точно. В этом заключалась та проблема, что была у Ричера за спиной. Проблема рядом с ним заключалась в незнакомой женщине. Ее способности представляли собой неизвестный фактор. У нее травмированная нога. Женщина среагирует медленно. И движения ее также будут медленными. Ричер не был готов вступать в схватку. Только не в таком окружении, и только не с таким напарником.

Мужчина с калифорнийским акцентом протянул руку и схватил Ричера за запястье, прижатое к ключице тяжестью девяти пакетов из химчистки. Рывком дернул его к машине. Его указательный палец на спусковом крючке по-прежнему был готов к работе. Ричер следил за ним краем глаза. Он отпустил руку женщины. Шагнул к машине. Забросил пакеты на заднее сиденье и забрался в салон. Женщину втолкнули в машину следом за ним. Последним на заднее сиденье плюхнулся нервный и захлопнул за собой дверь. Главный сел спереди справа. Захлопнул дверь. Водитель переключил передачу, и машина тихо и плавно тронулась с места.

* * *

Женщина стонала от боли, и Ричер предположил, что нервный ткнул ее в ребра пистолетом. Главный, развернувшись на переднем сиденье, положил руку с пистолетом на толстый кожаный подголовник. Пистолет был направлен Ричеру в грудь. Это был «глок-17». Об этом оружии Ричеру было известно все. По заказу своей части он проводил комплексное тестирование. Это задание ему поручили, когда он поправлялся после ранения, полученного в Бейруте. Для своих небольших размеров «глок» показал себя очень неплохо. Ствол длиной семь с половиной дюймов от бойка до дула. Достаточный для обеспечения точности стрельбы. С расстояния семьдесят пять футов Ричер пулями загонял в доску кнопки. Боеприпасы тоже мощные. Пуля весом в четверть унции покидала ствол со скоростью почти восемьсот миль в час. Емкость обоймы – семнадцать патронов, отсюда название модели. И пистолет был очень легким. При всей своей огневой мощи он весил меньше двух фунтов. Главные детали были из стали. Все остальное – пластмасса. Черный полимер, как на дорогом фотоаппарате. В целом замечательно сработанная штуковина.

Но Ричер был не в восторге от «глока». Пистолет совсем не удовлетворял специальным требованиям его части. Ричер рекомендовал отказаться от этой модели. Вместо этого он предложил «беретту-92Ф». Также калибра девять миллиметров, «беретта» была на полфунта тяжелее и на дюйм короче, а в обойме помещалось на два патрона меньше. Однако убойная сила была на десять процентов выше, чем у «глока». А для Ричера это имело очень большое значение. Кроме того, в «беретте» почти не было пластмассы. Ричер остановил свой выбор на «беретте». Командир части, в которой он служил, его поддержал. Он отправил по инстанции заключение Ричера, и армейское руководство в целом согласилось с ним. На той самой неделе, когда Ричеру на грудь прикололи «Серебряную звезду» и «Пурпурное сердце», армия сделала заказ на «беретты», хотя «беретты» были более дорогими, НАТО всеми силами поддерживала «глоки», а голос Ричера, только что окончившего академию Вест-Пойнт, звучал совсем одиноко. Потом Ричера переводили с места на место, он служил на военных базах, раскиданных

по всему земному шару, но больше ни разу не видел «глок-17». До сих пор. Двенадцать лет спустя ему во второй раз представилась возможность хорошо рассмотреть пистолет.

Оторвав взгляд от оружия, Ричер посмотрел на мужчину, который его держал. Лицо загорелое, вдоль линии волос белая полоса. Стригся недавно. У водителя был широкий лоб, блестящий от пота, зачесанные назад редеющие волосы, пухлое розовое лицо и самодовольная ухмылка урода, считающего себя красавцем. Такая же дешевая рубашка, купленная на распродаже, такая же ветровка. Такое же брюшко, говорящее о любви к попкорну. Такая же властная самоуверенность, чуть тронутая запыхавшимся волнением. Трое мужчин, возраст лет тридцать – тридцать пять: один предводитель, один спокойный подчиненный, один нервный подчиненный. Все в напряжении, однако повторяют хорошо заученные действия. Загадка. Оторвав взгляд от неподвижного дула «глока», Ричер посмотрел в лицо предводителю, но тот покачал головой.

– Никаких разговоров, козел. Одно слово – и я тебя пристрелю. Поверь мне на слово. Молчи – и все будет хорошо.

Ричер ему поверил. Глаза предводителя были твердые как сталь, а рот сжался в узкую полоску. Поэтому Ричер молчал. Машина сбавила скорость и свернула к зданию заброшенного завода. Обогнула его по неровному бетонному покрытию. По прикидкам Ричера, они отъехали миль пятьдесят на юг от Чикаго. Водитель остановил седан за грузовиком с крытым кузовом. Кроме грузовика, других машин на стоянке не было. Это был «Форд Эконолайн», грязно-белый, еще не старый, но уже видавший виды. Раньше на борту имелась какая-то надпись. Теперь она была закрашена белой краской, не совпадавшей по оттенку с краской кузова. Ричер осмотрелся по сторонам. На стоянке валялось много мусора. Недалеко от грузовика стояла пустая банка из-под краски. И кисть. Вокруг ни души. Стоянка была пустынной. Если предпринимать какие-либо шаги к спасению, то сейчас было самое время и самое место. Но предводитель, едва заметно усмехнувшись, перегнулся назад. Схватил левой рукой Ричера за шиворот и приставил ему к уху дуло «глока».

– Сиди смирно, козел!

Водитель вышел из машины и обошел вокруг капота. Достал из кармана ключи и отпер дверь в задней части кузова грузовика. Ричер сидел неподвижно. Прижимать дуло пистолета к уху – поступок не слишком умный. Если резко дернуть головой, пистолет скользнет по лбу. После чего даже быстро нажатый спусковой крючок не наделает много беды. Возможно, пуля продырявит ухо, над самой мочкой, и от грохота выстрела уж точно лопнет барабанная перепонка. Но эти раны не будут

смертельными. Какое-то мгновение Ричер взвешивал за и против. Но тут нервный вытащил женщину из машины и затолкнул ее в кузов грузовика. Она проковыляла несколько шагов, от одной двери до другой. Ричер следил за ней краем глаза. Вырвав из рук женщины сумочку, парень швырнул ее в салон седана. Сумочка упала Ричеру под ноги. Тяжело ударилась о толстый коврик. Большая сумочка, дорогая кожа, внутри что-то тяжелое. Что-то металлическое. Такой гулкий звук мог издать только один металлический предмет, который может носить в сумочке женщина. Ричер посмотрел на свою спутницу, охваченный внезапным любопытством.

Она лежала, растянувшись на полу грузовика. Ей мешала травмированная нога. Затем предводитель, сидевший спереди, толкнул Ричера по кожаному сиденью в руки нервному. Как только один «глок» оторвался от уха Ричера, второй воткнулся ему в бок. Ричера вытащили на неровный бетон. Подвели к двери кузова грузовика. Затолкнули внутрь, к женщине. Нервный держал обоих под прицелом трясущегося «глока», а предводитель тем временем достал из седана костыль. Подошел к грузовику и зашвырнул его в кузов. Он с грохотом ударился о металлическую обшивку. Пакеты с одеждой из химчистки и сумочка остались в легковой машине. Затем предводитель достал из кармана наручники. Поймал женщину за запястье правой руки и защелкнул на нем один браслет. Грубо дернул ее вбок и схватил запястье левой руки Ричера. Защелкнул на нем второй браслет. Подергал за цепочку, проверяя, что наручники надеты надежно. Захлопнул левую заднюю дверь фургона. Ричер увидел, как водитель поливает салон из пластиковых бутылок. Разглядел бледно-желтую жидкость, уловил сильный запах бензина. Одна бутылка на передние сиденья, другая на задние. Тут предводитель захлопнул правую дверь фургона. Последнее, что успел увидеть Ричер до того, как его окутал мрак, был водитель, достававший из кармана спички.

Глава 2

А в это время в тысяче семистах двух милях от Чикаго готовили апартаменты для гостей. Эти апартаменты представляли собой единственную комнату. Комната обладала необычным дизайном, который определил человек обстоятельный, и после долгих, всесторонних размышлений. Этот дизайн имел несколько специфических особенностей.

Комната была оборудована для особенной цели, и для особенного гостя. Природа этой цели и личность гостя продиктовали необычные черты. Помещение было обустроено на втором этаже готового здания. Под него была выбрана угловая комната. Эта комната имела несколько больших

окон, выходивших на две стороны. На юг и на восток. Стекла в окнах были выбиты и заменены толстой фанерой, прибитой гвоздями к сохранившимся рамам. Снаружи фанера была выкрашена белой краской, в тон стен здания. Изнутри она осталась необработанной.

Потолок в угловой комнате был выломан. Здание было старым, и потолок был покрыт толстым слоем штукатурки. Вся она пролилась дождем удушливой пыли. Теперь верх помещения стал открыт до самых стропил. Внутренняя обшивка стен также была сорвана. Стены были обшиты старой сосной, гладкой от времени и полировки. Все это исчезло. Обнажились каркас здания и плотный старый рубероид под наружной обшивкой. Половицы были оторваны. Под массивными балками перекрытий стал виден потолок помещений первого этажа, покрытый толстым слоем пыли. От комнаты осталась лишь оболочка.

Обломки штукатурки с потолка, доски внутренней обшивки и половицы были выброшены из окон до того, как их заколотили фанерой. Двое рабочих, осуществивших переустройство комнаты, лопатами сгребли строительный мусор в большую кучу и подогнали к ней задом свой грузовик. Им не терпелось оставить после себя чистоту и порядок. Они впервые работали на этого заказчика, намекнувшего о том, что в будущем у него будут и другие заказы. И, оглядываясь вокруг, рабочие видели, что дел здесь начать и кончить. То есть, ситуация внушала оптимизм. Найти новые заказы сейчас было очень нелегко, а этот заказчик не стоял за ценой. Рабочие решили, что в их собственных интересах произвести выполнением первого же заказа благоприятное впечатление. Они загружали в машину осколки штукатурки, стараясь ничего не оставить на земле, и в этот момент к ним подошел сам заказчик.

– Все сделано? – спросил он.

Заказчик был здоровенный верзила, одутловатый, с писклявым голосом и двумя красными пятнами размером с десятицентовые монеты, горящими на бледных щеках. Однако передвигался он легко и бесшумно, словно имел вчетверо меньшие габариты. В целом получался не слишком приятный тип, от которого все отворачивались и которому отвечали подобострастно, без промедления.

– Только что закончили уборку, – ответил один из рабочих. – Куда отвезти мусор?

– Я вам покажу, – сказал заказчик. – Придется сделать две ездки. Отвезете вот эти доски отдельно, хорошо?

Второй рабочий кивнул. Половицы, имевшие в ширину по восемнадцать дюймов, были сделаны в те времена, когда лесозаготовщики могли валить любое приглянувшееся дерево. Они все равно ни за что не

поместились бы в кузов грузовика вместе с остальным мусором. Рабочие закидали в кузов остатки штукатурки, и заказчик втиснулся в кабину вместе с ними. Он был такой крупный мужчина, что им пришлось потесниться.

– Надо будет проехать на север, – сказал заказчик, указывая рукой. – Где-то с милю.

Выйдя за пределы городка, дорога стала взбираться вверх, выписывая крутые повороты. Заказчик ткнул рукой.

– Вот сюда, – сказал он. – К дальней стене, хорошо?

С этими словами заказчик неслышно удалился. Рабочие разгрузили машину, вернулись обратно и покидали в кузов старые сосновые половицы. Снова попетляв по извилистой дороге, прибыли на место. Выгрузили доски и аккуратно сложили их. Как только они закончили, откуда-то из тени вышел заказчик. Он ждал рабочих. У него в руке что-то было.

– Все кончено, – сказал один из рабочих.

Заказчик кивнул.

– Это ты точно подметил.

Он поднял руку. В ней был зажат пистолет. Заказчик убил первого рабочего выстрелом в голову. Грохот был оглушительный. Во все стороны брызнули осколки кости и мозг. Второй рабочий застыл в ужасе. Затем, опомнившись, бросился бежать. Бросаясь из стороны в сторону, отчаянно пытаясь достичь укрытия. Заказчик усмехнулся. Ему нравилось стрелять в бегущие цели. Он чуть опустил вниз свою здоровенную лапищу. Выстрелил и всадил второму рабочему пулю в колено. Снова усмехнулся. Вот так вот лучше. Ему нравилось, когда жертвы бежали, но еще больше ему нравилось, когда они корчились на земле. Некоторое время заказчик постоял на месте, слушая вопли раненого. Затем бесшумно приблизился к нему и тщательно прицелился. Второй пулей раздробил другое колено. Но вскоре игра ему наскучила. Пожав плечами, заказчик добил рабочего выстрелом в голову. Потом положил пистолет на землю и перекатил трупы, аккуратно уложив их рядом со старыми половицами.

Глава 3

Они провели в пути один час тридцать три минуты. Сначала ползли по городским улицам, затем набрали скорость, выйдя на трассу. Всего проехали миль шестьдесят. Однако в грохочущем мраке закрытого кузова грузовика Ричер не имел ни малейшей возможности определить, в каком именно направлении были пройдены эти шестьдесят миль.

Он был прикован наручниками к молодой женщине с травмированной ногой, и в течение первых минут вынужденного знакомства они лишь пытались устроиться так удобно, как только это было возможно в сложившихся обстоятельствах. Они ползали по полу кузова до тех пор, пока не уселись вдоль правого борта, по обе стороны от большой колесной арки, полностью вытянув ноги, в постоянном напряжении. Женщина оказалась дальше, а Ричер – ближе к кабине. Их скованные запястья лежали на плоском металлическом наросте так, словно они были возлюбленными, наслаждавшимися обществом друг друга за столиком в кафе.

Первое время они не разговаривали. Просто сидели молча, приходя в себя. Первоочередной проблемой была жара. Последний день июня, самое сердце Среднего Запада. Они были заперты в замкнутой железной коробке. Вентиляция отсутствовала. Потоки воздуха, обтекавшие кузов грузовика, играли роль своеобразного охладителя, однако этого явно не хватало.

Ричер просто сидел в полумраке, используя пропитанное жарой безделье на размышления и планы, чему он был обучен. Сохраняя спокойствие, сохраняя хладнокровие, оставаясь в готовности, не сжигая энергию на бесполезную суету. Оценивая и осмысливая. Трое нападавших продемонстрировали определенную степень эффективности. Ничего особенного, без филигранного таланта, но и без существенных ошибок. Нервный тип с «глоком» был в команде самым слабым звеном, однако предводитель его достаточно хорошо подстраховывал. В целом весьма действенное трио. Далеко не худшее из того, что доводилось видеть Ричеру. Однако пока что он еще не начал беспокоиться. Ему приходилось бывать в ситуациях и похуже, и он выходил из них живым и невредимым. В гораздо более худших ситуациях, и не раз. Так что пока что он еще не беспокоился.

Затем Ричер обратил внимание на одну любопытную деталь. Женщина также сохраняла спокойствие. Она просто сидела, покачиваясь, прикованная к его запястью, и размышляла и строила планы, как, вероятно, тоже была обучена. Взглянув на нее в полумраке, Ричер увидел, что женщина пристально смотрит на него. Взгляд вопросительный, спокойный, повелительный, с оттенком превосходства, с оттенком неодобрения. Самоуверенность молодости. Встретившись глазами с Ричером, женщина долго не отводила взгляд. Наконец она протянула скованную наручниками правую руку, тем самым дернув левую руку Ричера. Однако это был подбадривающий жест. Неловко повернувшись, Ричер пожал ей руку, и они усмехнулись, веселясь своеобразному этикету.

– Холли Джонсон, – представилась женщина.

Она тщательно оценила своего спутника. Ричер чувствовал, как ее взгляд путешествует по его лицу. Затем спускается на одежду и снова возвращается к лицу. Женщина опять улыбнулась, как будто пришла к выводу, что ее спутник заслуживает определенную учтивость обращения.

– Рада с вами познакомиться, – добавила она.

Ричер в свою очередь посмотрел на нее. Всмотрелся в ее лицо. Холли Джонсон была очень привлекательной женщиной. Возраст лет двадцать шесть – двадцать семь. Ричер оценивающим взглядом пробежал по ее одежде. У него в голове мелькнула строчка из старой песни: «платья по сто долларов за каждое, за которые я еще не заплатила». Он попробовал вспомнить продолжение, но не смог. Поэтому просто улыбнулся в ответ и кивнул.

– Джек Ричер, – сказал он. – На самом деле, Холли, это я должен радоваться нашему знакомству, честное слово.

Разговаривать было трудно, потому что в кузове грузовика было очень шумно. Рев двигателя старался перекрыть грохот старой подвески. Ричер предпочел бы просто посидеть молча, но Холли не унималась.

– Мне нужно от вас избавиться, – сказала она.

Уверенная женщина, умеющая держать себя в руках. Ричер ничего не ответил. Просто взглянул на нее и отвернулся. Следующая строчка из песни всплыла в памяти сама собой: «хладнокровная, хладнокровная красавица». Унылая осенняя пора, грустные, душещипательные слова. Старая песня из репертуара Тощего Мемфиса. Однако вторая строчка женщине не подходила. Совсем не подходила. Холли Джонсон не была хладнокровной женщиной. Снова бросив на нее взгляд, Ричер пожал плечами. Она пристально смотрела на него. Раздраженная его молчанием.

– Вы отдаете себе отчет, что именно произошло? – спросила она.

Ричер всмотрелся в ее лицо. В глаза. Она не отрывала от него взгляда. У нее на лице появилось выражение изумления. Женщина пришла к выводу, что судьба свела ее с полным идиотом. Она решила, ее спутник просто не понимает, что происходит.

– Все совершенно очевидно, не так ли? – спросил Ричер. – Факты говорят сами за себя.

– Какие еще факты? – удивилась женщина. – Все случилось за долю секунды.

– Вот именно, – подтвердил Ричер. – Это и есть все факты, которые мне нужны, верно? Они более или менее сообщили мне все то, что мне нужно знать.

Умолкнув, он снова сосредоточился на том, чтобы отдохнуть. Следующая возможность бежать представится во время следующей остановки грузовика. А ждать ее придется, быть может, несколько часов. У Ричера возникло предчувствие, что день будет длинным. Он решил не тратить силы напрасно.

– И что вам нужно знать? – спросила женщина.

Пристально глядя ему в глаза.

– Похитили вас, – ответил Ричер. – Я попал сюда случайно.

Она по-прежнему смотрела на него. По-прежнему уверенная в себе. По-прежнему размышляя. По-прежнему не в силах решить, не прикована ли она к полному идиоту.

– Все ведь совершенно очевидно, не так ли? – повторил Ричер. – Эти ребята охотились не за мной.

Женщина ничего не ответила. Лишь изогнула красивые брови.

– Никто не знал наперед, что я окажусь в этом месте, – продолжал он. – Даже я сам этого не знал. До тех пор, пока не оказался там. Однако похищение было спланировано заранее. Его подготовка заняла определенное время. Все было основано на данных наблюдения, так? Трое нападавших, один в машине, двое на улице. Машина поставлена именно там, где нужно. Эти ребята понятия не имели, где окажусь я. Но, несомненно, они знали наверняка, где окажетесь вы. Так что не смотрите на меня как на полного идиота. Это вы совершили большую ошибку.

– Ошибку? – переспросила женщина.

– Вы слишком постоянны в своих привычках, – объяснил Ричер. – За вами наблюдали в течение двух или трех недель, и вы сами шагнули в объятия похитителей. Они не ожидали больше никого встретить. Это же очевидно, так? Они ведь захватили лишь одну пару наручников.

Подчеркивая свои слова, Ричер поднял свою руку, поднимая при этом и руку женщины. Та надолго умолкла. Ей пришлось полностью пересмотреть свое мнение о спутнике. Ричер мерно покачивался в такт движению машины и улыбался.

– А вы знаете, что к чему, – снова заговорил он. – Вы работаете в каком-нибудь правительственном ведомстве, так? Управление по борьбе с наркотиками, ЦРУ, ФБР, что-нибудь в таком духе, может быть,

полиция Чикаго? На этой работе вы недавно, до сих пор сохранили трудовой энтузиазм. Кроме того, вы достаточно обеспечены. Так что или кто-то хочет получить выкуп, или вы представляете для кого-то потенциальную угрозу, даже несмотря на то, что вы новенькая. И в том, и в другом случае вам следовало бы быть более осторожной.

Холли Джонсон внимательно посмотрела на него, широко раскрывая глаза в полумраке. Кивнула. Слова Ричера произвели на нее впечатление.

– Факты? – спросила она.

Он снова улыбнулся.

– Пара мелочей. Одежда, которую вы забрали из химчистки. Бьюсь об заклад, каждый понедельник в обеденный перерыв вы относите в чистку вещи, скопившиеся за прошедшую неделю, и забираете готовые. Это означает, что у вас от пятнадцати до двадцати нарядов. Судя по тому, что на вас надето, дешевые вещи вы не носите. Положив в среднем четыре сотни долларов на наряд, получим тысяч восемь, вложенных в одежду. Вот то, что я называю достаточной обеспеченностью, и то, что я называю излишним постоянством в привычках.

Женщина медленно кивнула.

– Ну хорошо. А с чего вы взяли, что я работаю в правительственном ведомстве?

– Это достаточно просто. На вас навели «глок-17», вас запихнули в машину, затем бросили в кузов грузовика, прикованной к совершенно незнакомому человеку, и теперь везут неизвестно куда. Любой нормальный человек в данной ситуации вопил бы во всю глотку. Но не вы. Вы сохраняете завидное спокойствие, и это позволяет предположить, что вы прошли определенную подготовку, возможно, знакомы с тем, как следует себя вести в чрезвычайных и неожиданных ситуациях. И, плюс, за всем этим еще стоит твердая уверенность, что в самое ближайшее время вас уже начнут искать.

Ричер остановился. Женщина кивнула, приглашая его продолжать.

– К тому же, у вас в сумочке был пистолет, – сказал он. – И довольно тяжелый, скорее всего, 38-го калибра с длинным стволом. Если бы это было ваше личное оружие, к такой изысканной одежде вы бы выбрали что-нибудь изящное, например, короткоствольный револьвер 22-го калибра. Но этот пистолет был большой, значит, вам его выдали. Следовательно, вы сотрудник какой-то федеральной службы или служите в полиции.

Женщина снова медленно кивнула.

– А почему я недавно работаю на этом месте?

– Ваш возраст, – объяснил Ричер. – Сколько вам? Двадцать шесть?

– Двадцать семь, – уточнила она.

– Для следователя вы слишком молоды. Колледж, потом несколько лет в форме? И для ЦРУ, ФБР и управления по борьбе с наркотиками вы тоже слишком молоды. Так что где бы вы ни работали, работаете вы там недавно.

Женщина пожала плечами.

– Ну хорошо, – согласилась она. – А почему у меня еще не пропал трудовой порыв?

Ричер указал левой рукой, зазвенев при этом наручниками.

– Ваша травма. Вы вернулись на работу после несчастного случая, полностью не поправившись. Вы до сих пор ходите, опираясь на костыль. На вашем месте большинство людей оставались бы сидеть дома на больничном.

Она улыбнулась.

– А может быть, я инвалид. Может быть, я родилась такой.

Ричер покачал головой.

– Этот костыль выдали в больнице. На короткий срок, пока вы не поправитесь. Если бы нелады с ногой у вас были давно, вы бы купили себе что-нибудь свое. Быть может, целую дюжину разных костылей. К каждому из дорогих костюмов.

Женщина рассмеялась. Этот приятный звук заглушил рев двигателя и громыханье подвески.

– Очень хорошо, Джек Ричер, – сказала она. – Я действительно специальный агент ФБР. С прошлой осени. И я недавно порвала связки, играя в европейский футбол.

– Вы играете в европейский футбол? – спросил Ричер. – Неплохо, Холли Джонсон. И чем именно вы занимаетесь в Бюро с прошлой осени?

Она ответила не сразу.

– Я простой агент. Один из многих в Чикагском отделении.

Ричер покачал головой.

– Не простой агент. А агент, сделавший кому-то нечто такое, за что этот кто-то захотел отомстить. Итак, кого вы чем-то задели?

Она покачала головой.

– Я не могу обсуждать это с первым встречным.

Ричер кивнул. Он ничего не имел против.

– Любой агент может нажить себе врагов, – продолжала женщина.

– Естественно, – согласился он.

– И я в том числе.

Ричер удивленно посмотрел на нее. Это была очень странная фраза. Произнесенная с вызовом. Произнесенная женщиной, подготовленной и обученной, рвущейся в бой, но с прошлой осени прикованной к кабинетной работе.

– Финансовые махинации? – высказал догадку Ричер.

Холли Джонсон покачала головой.

– Я не могу это обсуждать.

– Но вы уже нажили себе врагов.

Ничего не ответив, она слабо улыбнулась. С виду она сохраняла спокойствие, но по дрожи запястья Ричер определил, что ее впервые охватила тревога. Однако женщина упорно стояла на своем. В чем была ее ошибка.

– Вас не убьют, – заметил Ричер. – Вас могли бы убить еще на пустыре. Зачем пересаживать вас в этот проклятый грузовик? И ваш костыль также захватили.

– А причем тут мой костыль?

– Ну, в этом не было бы никакого смысла, – объяснил Ричер. – Зачем забирать ваш костыль, если вас все равно убьют? Нет, Холли, вы заложница, в этом нет сомнений. Вы точно незнакомы с этими ребятами? Никогда раньше их не видели?

– Никогда, – подтвердила она. – Я понятия не имею, кто они такие и что им от меня нужно.

Он пристально посмотрел на нее. Холли ответила чересчур уж решительно. Ей известно больше, чем она говорит.

Они снова умолкли, трясясь и подпрыгивая в шумном кузове. Ричер сидел, уставившись в полумрак. Он чувствовал, как рядом с ним Холли пытается принять решение. Наконец она снова повернулась к нему.

– Мне нужно вытащить тебя отсюда.

Ричер взглянул на нее. Усмехнувшись, отвернулся.

– Меня это устраивает. Чем раньше, тем лучше.

– Когда тебя хватятся?

На этот вопрос Ричер предпочел бы не отвечать. Но Холли пристально смотрела на него, дожидаясь ответа. Поэтому он, подумав, сказал ей правду.

– Никогда.

– Почему? – изумилась она. – Кто ты такой, Ричер?

Посмотрев на нее, он пожал плечами.

– Никто.

Холли продолжала озадаченно смотреть на него. Ее охватило раздражение.

– Ну хорошо, что значит «никто»?

У Ричера в голове снова зазвучал Тощий Мемфис: «устроился работать на сталелитейный завод».

– Я вышибала, – сказал он. – Работаю в одном клубе в Чикаго.

– В каком? – спросила Холли.

– В одном заведении на Южной стороне, где исполняют блюз. Вероятно, ты о таком не слышала.

Посмотрев на него, она покачала головой.

– Вышибала? Для вышибалы ты слишком умен.

– Вышибалам приходится иметь дело с самыми странными ситуациями, – пожал плечами Ричер.

Похоже, его слова Холли не убедили. Он нагнулся к запястью, проверяя, сколько на часах. Половина третьего.

– А когда хватятся тебя?

В свою очередь посмотрев на часы, Холли нахмурилась.

– Очень нескоро. Совещание начнется в пять вечера. А до тех пор ничего. Пройдут еще два с половиной часа, прежде чем кто-либо заметит мое отсутствие.

Глава 4

Прямо внутри оболочки комнаты второго этажа принимала форму вторая оболочка. Она сооружалась из новых сосновых брусьев два на четыре дюйма, сшитых гвоздями: обычная новая комната, вырастающая внутри старой. Но только новая комната получалась на фут меньше во всех измерениях, чем старая. На фут короче в длину, на фут уже в ширину, на фут меньше в высоту.

Новые половые балки были подняты над старыми на фут с помощью двенадцатидюймовых обрезков брусьев. Обрезки напоминали целый лес ходулей, готовых подхватить новый пол. Другие обрезки были готовы отдалить новую обшивку на фут от старой обшивки по всему периметру стен. Новая обшивка радовала глаз светлой желтизной свежего дерева. На фоне дымчато-бурых тонов прежней обшивки она словно сияла. Старая обшивка казалась древним скелетом, внутри которого внезапно вырос новый скелет.

Новую оболочку строили трое плотников. Они с легкостью опытных рабочих перешагивали с балки на балку. Похоже, им уже приходилось строить дома. И они работали спорно. Условия контракта требовали, чтобы они уложились в срок. Заказчик особо подчеркнул это. Спешная работа. Трое плотников не жаловались. Заказчик сразу же согласился на объявленную ими цену. Они назначили ее с большим запасом, готовые торговаться. Но заказчик торговаться не стал. Кивнув, он попросил приступить к работе сразу же, как только будет закончен вывоз мусора. Найти работу было трудно, а найти заказчика, без торговли соглашающегося на назначенную цену, было еще труднее. Поэтому трое строителей работали с удовольствием, работали усердно, быстро, задерживаясь допоздна. Они горели желанием произвести на заказчика хорошее впечатление. Оглядываясь вокруг, плотники видели, что работы здесь начать и кончить.

Поэтому они старались изо всех сил. Все трое бегали вверх и вниз по лестницам с инструментами и досками. Они делали отметины на мягком дереве ногтем, а пневмопистолеты и пилы использовали так, что инструмент перегревался. Однако все же им приходило часто прерываться, чтобы измерить зазор между старой и новой обшивками. Заказчик особо подчеркнул, что это расстояние очень важно. Старая обшивка имела в толщину шесть дюймов. Новая – четыре. Зазор составлял ровно двенадцать дюймов.

– Шесть, четыре и двенадцать, – заметил один из плотников. – Всего двадцать два дюйма.

– Ну как? – спросил у старшего второй плотник.

– Все точно, – ответил тот. – Именно так, как сказал нам этот тип.

Глава 5

Совещание, на которое в пять часов вечера должна была попасть Холли Джонсон, происходило в зале на третьем этаже Чикагского отделения ФБР. Это было просторное помещение размером сорок футов на двадцать, основное пространство которого занимал длинный полированный стол. Вдоль стола были расставлены тридцать стульев – по пятнадцать с каждой стороны. Кожаные сиденья были очень удобными, а стол был сделан из отборной древесины, однако все потуги помещения внешне походить на зал заседаний преуспевающего концерна сводились на нет убогими обоями, какие можно встретить только в государственных учреждениях, и дешевым ковром. Пол застилали целых девяносто ярдов ковра, и все девяносто, вероятно, стоили меньше, чем один-единственный стул.

В пять часов вечера в разгар лета солнце, врывавшееся сквозь ряд сплошных окон вдоль одной стены, предоставляло тем, кто заходил в помещение, выбор. Если сесть лицом к окнам, солнце будет светить прямо в глаза, поэтому в течение всего совещания придется щуриться, а к его концу дико разболится голова. И поскольку солнце пересиливало кондиционеры, если сесть к окнам спиной, невыносимая жара вскоре заставит начать беспокоиться, не кончилось ли действие дезодоранта. Выбор нелегкий, и все же предпочтительнее было избежать головной боли, рискуя получить тепловой удар. Поэтому первые прибывшие заняли места вдоль окна.

Первым в комнату вошел юрист ФБР, чьей специализацией были финансовые преступления. Он постоял в дверях, оценивая, сколько может продлиться совещание. Минут сорок пять, решил юрист, хорошо знавший Холли, поэтому он попытался прикинуть, какое место окажется в благословенной тени тонкой колонны, разделявшей надвое стеклянную стену. Темная полоска лежала на третьем стуле слева, и юрист определил, что с течением времени она будет смещаться к голове стола. Поэтому он разложил свои папки на столе перед вторым стулом и, скинув пиджак, повесил его на спинку, закрепляя место за собой. Затем прошел к кофейному автомату в глубине помещения и налил себе чашку.

Затем вошли двое агентов, занимавшихся делами, которые могли быть как-то связаны с тем, что вела Холли Джонсон. Кивнув юристу, они увидели, какое место он выбрал. И поняли, что нет смысла выбирать между оставшимися четырнадцатью стульями вдоль окна. Там везде будет одинаково жарко. Поэтому агенты просто бросили свои портфели на ближайшие два стула и заняли очередь за кофе.

– Она еще не пришла? – спросил один из них у юриста.

– Я ее сегодня еще не видел, – ответил тот.

– Для вас это большое горе, не так ли? – заметил второй агент.

Холли Джонсон работала в Бюро недавно, но была очень способной и пользовалась всеобщим расположением. В прошлом ФБР не видело никакой радости гонять различных не совсем чистых на руку предпринимателей, которыми сейчас занималась Холли, однако времена изменились, и Чикагское отделение вошло во вкус. В настоящее время бизнесмены даже внешне напоминали проходимцев, а вовсе не порядочных граждан, и агенты Бюро имели возможность вдоволь насмотреться на них по дороге на работу и с работы в пригородных поездах. Агентам приходилось сходить с поезда за несколько миль до того, как банкиры и биржевые маклеры добирались до своих престижных пригородов. Они ломали головы над тем, как получить вторую закладную под свой дом и даже как устроиться на вторую работу, подсчитывали, сколько лет им еще надо будет проработать в частных охранных предприятиях, чтобы получить хоть сколько-нибудь весомую прибавку к скудной государственной пенсии. А финансисты наблюдали за ними с самодовольными снисходительными усмешками. Поэтому когда один – два из них начинали падение вниз, Бюро несказанно радовалось. А когда единицы превратились в десятки, а затем в сотни, это стало своеобразным кровавым спортом.

Единственный минус заключался в том, что работа эта была очень сложная. Возможно, сложнее любой другой. Но с появлением Холли Джонсон все изменилось. У нее был особенный дар. Она могла посмотреть на лист бухгалтерской отчетности и сразу сказать, все ли с ним в порядке. Как будто определяла это особым чутьем. Холли сидела за столом, изучала бумаги, чуть склонив голову набок, и думала. Иногда она думала часами, но в конце концов она обязательно раскрывала, что к чему. После чего все объясняла на совещаниях. Холли излагала все доходчиво и логически стройно, и после ее доклада ни у кого не оставалось никаких сомнений. Именно благодаря ей в работе отдела по борьбе с экономическими преступлениями наметился существенный прогресс. Именно благодаря ей коллеги по работе стали чувствовать себя лучше, возвращаясь вечером с работы на пригородных поездах. Вот что позволило Холли Джонсон завоевать всеобщую любовь.

Четвертым человеком, вошедшим в зал на третьем этаже, был агент, которого выделили в помощь Холли на то время, пока она поправлялась после травмы. Его фамилия была Милошевич. Щуплое телосложение, легкий акцент Западного побережья. Возраст под сорок, с виду небрежный костюм, сшитый на заказ, золото на шее и на запястьях. Милошевич также работал в Чикаго недавно; его перевели в местное отделение, потому что руководство решило: именно здесь в настоящий момент требуются лучшие финансисты. Встав в очередь к кофейному автомату, Милошевич окинул взглядом комнату.

– Она задерживается?

Юрист пожал плечами, и Милошесич кивнул. Ему очень нравилась Холли Джонсон. Он работал с ней на протяжении пяти недель, с момента несчастного случая на футбольном поле, и получал удовольствие от каждой минуты этой совместной работы.

– Обычно она никогда не опаздывает, – заметил Милошевич.

Пятым человеком стал Броган, начальник отделения, в котором работала Холли. Ирландец родом из Бостона, попавший в Чикаго через Калифорнию. Первая половина того, что называют «средним возрастом». Темные волосы, красное ирландское лицо. Плотный, мускулистый парень, одетый в красивый дорогой шелковый пиджак. Честолюбивый. Броган прибыл в Чикаго одновременно с Милошевичем, ругаясь на чем свет стоит, что его назначили не в Нью-Йорк. Он ждал повышения, которое считал заслуженным. Считалось, что с появлением под его началом Холли шансы Брогана значительно повысились.

– Ее еще нет? – спросил он.

Остальные молча пожали плечами.

– Я хорошенько надеру ей уши, – пробурчал Броган.

Перед тем, как прийти в ФБР, Холли работала аналитиком рынка на Уолл-стрит. Никто точно не знал, почему она решила сменить карьеру. У нее были влиятельные друзья и отец, занимающий высокое положение, поэтому все решили, что Холли решила произвести на него впечатление. Никто не знал наверняка, как отнесся к поступку дочери старик Джонсон, но все сходились во мнении, что у него есть все причины гордиться ей. В тот год Холли оказалась одной из десяти тысяч тех, кто изъявил желание работать в ФБР, и она стала лучшей из тех четырехсот, кого взяли на работу. Ее данные как нельзя лучше удовлетворяли жесткие критерии набора сотрудников. Бюро искало людей, имеющих высшее образование по специальностям юриспруденция или финансы, имеющих опыт работы не меньше трех лет. Холли подходила по всем статьям. Она окончила экономический факультет Йельского университета, защитила диссертацию в Гарварде, после чего проработала три года на Уолл-стрит. Тесты на интеллект и профессиональную пригодность Холли прошла блестяще. А трех действующих агентов, допекавших ее на главном собеседовании, она просто очаровала.

Проверку прошлого Холли пролетела без запинки, что было объяснимо, учитывая то, кем был ее отец, после чего ее направили в академию ФБР в Квантико. Там из нее сделали настоящего сотрудника Бюро. Физически крепкая и подготовленная, она научилась стрелять, да так, что добилась

поразительных результатов на стрелковых состязаниях. Однако главным было отношение к делу. Холли удались две вещи. Во-первых, она всем сердцем приняла заповеди чести Бюро. Холли ясно дала понять, что она готова жить и умереть за ФБР. Но, во-вторых, сделала она это так, чтобы исключить малейший намек на заносчивость. Холли приправила свое отношение мягким, насмешливым юмором, что сразу же расположило к ней людей. Вместо ненависти ее встретили любовью. Не было никаких сомнений, что Бюро приобрело ценного сотрудника. Холли направили в Чикаго и стали ждать результатов.

* * *

Последней в зал совещаний на третьем этаже вошла группа людей, появившихся одновременно. Тринадцать агентов и старший агент по фамилии Макграт. Тринадцать агентов толпились вокруг своего шефа, который на ходу читал им наставления. Тринадцать агентов жадно ловили каждое его слово. Макграт был выдающейся личностью. Он поднялся по служебной лестнице почти на самый верх, а затем снова спустился к оперативной работе. Макграт проработал три года в центральном аппарате в должности заместителя директора ФБР, но затем сам вызвался пойти на понижение в должности и в окладе и вернуться в оперативный отдел. Это решение стоило ему десяти тысяч долларов в год, зато он сохранил душевное равновесие и завоевал безграничное уважение и слепую преданность тех, с кем работал.

Старший агент в таком отделении как Чикагское подобен командиру крупного военного корабля. Формально над ним есть начальники, но они находятся в Вашингтоне, за пару тысяч миль. Они существуют чисто теоретически. А старший агент – это нечто реальное. Он распоряжается своими подчиненными так, словно его рукой движет сам господь бог. Вот как Чикагское отделение смотрело на Макграта. А он даже не старался смягчить подобное отношение. Он вел себя достаточно замкнуто, и в то же время к нему можно было обратиться в любой момент. Он никого не посвящал в свою личную жизнь, и в то же время его подчиненные не сомневались, что он ради них пойдет на все. Это был невысокий коренастый мужчина, очень энергичный, один из тех не знающих усталости людей, которые излучают вокруг себя ощущение полной уверенности. Которые своим руководством улучшают любой коллектив. Имя Макграта было Пол, однако все называли его Мак.

Макграт дал своим тринадцати агентам рассесться: десять человек сели спиной к окнам, а трое так, что солнце слепило в глаза. Затем он подтащил стул и установил его в голове стола, для Холли. Прошел к противоположному краю и поставил второй стул для себя. Сел, боком к солнцу. И тотчас же выразил беспокойство.

– Где она? Броган?

Начальник отделения, пожав плечами, развел руки.

– Насколько я знаю, она уже должна была быть здесь.

– Она никому ничего не говорила? – спросил Макграт. – Милошевич?

Милошевич, остальные пятнадцать агентов и юрист Бюро молча пожали плечами и покачали головами. Беспокойство Макграта возросло. Каждый человек обладает своим собственным ритмом, характером поведения, таким же неповторимым, как отпечатки пальцев. Холли опаздывала всего на пару минут, однако это было так непохоже на нее, что зазвонил тревожный колокольчик. За те восемь месяцев, что Макграт ее знал, она ни разу не опоздала ни на минуту. Этого просто не случалось. Другие могут опоздать на совещание на пять минут, и это будет выглядеть нормально. Потому что у них такой характер поведения. Но только не Холли. В три минуты шестого Макграт, глядя на пустой стул во главе стола, понял, что случилась какая-то беда. Встав, он в полной тишине прошел в соседнее помещение. Рядом с кофейным автоматом стоял телефон. Сняв трубку, Макграт набрал номер своего кабинета.

– Холли Джонсон не звонила? – спросил он у секретарши.

– Нет, Мак, – ответила та.

Хлопнув ладонью по рычажкам, Макграт набрал номер приемной, расположенной на первом этаже.

– Холли Джонсон не оставляла никаких сообщений? – спросил он у агента, дежурившего у входа.

– Нет, шеф, – ответил тот. – Я ее не видел.

Снова хлопнув по рычажкам, Макграт связался с центральным коммутатором.

– Холли Джонсон не звонила?

– Нет, сэр, – ответил оператор.

Не кладя трубку, Макграт жестом попросил принести бумагу и карандаш.

– Дайте номер ее пейджера и сотового телефона, хорошо?

В трубке послышалось бульканье, и Макграт черкнул на листке бумаги номера. Нажал на рычажки и позвонил Холли на пейджер. Услышал длинный низкий гудок, говорящий о том, что пейджер был отключен. Позвонил на сотовый. Услышал электронный писк и записанный женский голос, сообщивший, что абонент недоступен. Положив трубку,

Макграт обвел взглядом зал совещаний. Времени было пять часов десять минут.

Глава 6

В половине седьмого по часам Ричера характер движения грузовика изменился. В течение шести часов и четырех минут машина катила ровно и прямо, со скоростью миль пятьдесят пять – шестьдесят в час, а жара тем временем нарастала, а затем начала спадать. Ричер сидел в душном полумраке, трясясь и налетая на борта, отделенный колесной аркой от Холли Джонсон, отсчитывая расстояние по мысленной карте в голове. Он прикинул, что грузовик преодолел около трехсот девяноста миль. Но ему не было известно, в каком направлении. Если грузовик ехал на восток, он уже должен был миновать Индиану и сейчас покидал из Огайо, въезжая в Пенсильванию или Западную Вирджинию. Если дорога лежала на юг, грузовик, выехав из Иллинойса, двигался по Миссури или Кентукки, а может быть, даже добрался до Теннесси, если Ричер недооценил его скорость. При движении на запад грузовик сейчас должен был тащиться по Айове. А может быть, он обогнул озеро вдоль южного берега и сейчас двигался на север через Мичиган. Или прямо на северо-запад, и в этом случае грузовик сейчас должен был быть где-то неподалеку от Миннеаполиса.

Однако одно можно было сказать определенно: грузовик куда-то приехал. Он сбросил скорость. Дернулся вправо, словно съезжая с шоссе. Загремела коробка передач, подвеска застучала на выбоинах в асфальте. Центробежные силы зашвыряли Ричера и Холли из стороны в сторону. Костыль Холли с грохотом покатился по ребристому железному полу. Двигатель натужно завыл, борясь с подъемами и спусками. Грузовик останавливался на невидимых перекрестках, трогался, набирая скорость, резко тормозил, и, наконец, круто повернув влево, в течение четверти часа медленно тащился по прямой, ухабистой дороге.

– Какой-то сельскохозяйственный район, – заметил Ричер.

– Очевидно, – согласилась Холли. – Но где?

Ричер молча пожал плечами. Грузовик сбавил скорость до предела, а затем круто повернул направо. Дорожное покрытие стало еще хуже. Грузовик протащился ярдов сто пятьдесят и остановился. Спереди донесся звук открывшейся двери кабины. Двигатель продолжал работать. Дверь захлопнулась. Послышался звук открывающихся ворот, и грузовик медленно прополз вперед. Шум двигателя гулко отразился от металлических стен. Наконец двигатель заглох, и наступила тишина.

– Мы в каком-то сарае, – сказал Ричер. – С закрывающимися воротами.

Холли нетерпеливо кивнула.

– Знаю. В коровнике. Я чувствую запах.

Ричер услышал приглушенные голоса. К задней двери приблизились шаги. В замке заскрипел ключ. Повернулась ручка. Дверь открылась, и в кузов хлынул ослепительный свет. Ричер прищурился, спасаясь от внезапно вспыхнувших ярких электрических ламп, и, посмотрев мимо Холли, увидел троих мужчин, два «глока» и ружье.

– Выходите, – приказал предводитель.

Ричер и Холли неуклюже выбрались из кузова, скованные наручниками. Движения давались им с трудом. Члены затекли и онемели от долгого сидения на полу, рядом с колесной аркой. Колено у Холли совсем разболелось. Ричер наклонился, чтобы поднять костыль.

– Оставь ее, козел, – остановил его предводитель.

В его голосе прозвучали усталость и раздражение. Пристально посмотрев на него, Ричер пожал плечами. Холли напряглась и попыталась опереться на больную ногу. Ахнула от боли и тотчас же перенесла вес на другую ногу. Бросила безразличный взгляд на Ричера, словно он был деревом, и, протянув свободную левую руку, обвила его за шею. Только так она могла удержать равновесие.

– Извини, пожалуйста, – пробормотала Холли.

Предводитель махнул пистолетом влево. Грузовик действительно стоял внутри просторного коровника. Коров в нем не было, но, судя по запаху, грузовик стоял в широком центральном проходе. По обе стороны тянулись стойла, сваренные из металлических труб. Развернувшись, Ричер ухватил Холли за руку, и они заковыляли к тому стойлу, на которое указал предводитель. Холли смущенно ухватилась за трубу ограждения и остановилась.

– Извини, – снова пробормотала она.

Кивнув, Ричер стал ждать. Водитель с ружьем в руках держал их с Холли под прицелом, а предводитель ушел. Навалился на массивные ворота, приоткрывая их, и вышел на улицу. Ричер успел мельком увидеть темнеющее небо. Затянутое облаками. Никакой возможности определить местонахождение.

Предводитель отсутствовал пять минут. Все это время в коровнике стояла полная тишина. Остальные двое похитителей стояли неподвижно, держа оружие наготове. Нервный с «глоком» смотрел Ричеру в лицо. Водитель с ружьем смотрел Холли на бюст. Едва заметно ухмыляясь. Никто не произнес ни слова. Наконец вернулся предводитель. Он принес еще одну пару наручников и два отрезка массивной цепи.

– Вы совершаете большую ошибку, – обратилась к нему Холли. – Я являюсь агентом ФБР.

– И без тебя знаю, сучка, – пробурчал тот. – Молчи.

– Вы совершаете серьезное преступление, – не сдавалась Холли.

– Знаю, сучка, – повторил предводитель. – И я сказал тебе молчать. Еще одно слово – и я пущу этому типу пулю в голову. Тогда тебе придется провести ночь, прикованной к трупу, поняла?

Он дождался от нее молчаливого кивка. Затем водитель с ружьем занял позицию сзади, а главарь, расстегнув наручники, освободил Холли запястье. Обмотав один отрезок цепи вокруг стального ограждения, он пропустил оба конца в свободное кольцо наручников, болтающихся на левой руке Ричера. Потянул и подергал за цепь, проверяя, что она держится надежно. Затем оттащил Холли в третье от Ричера стойло и с помощью новой пары наручников и второго отрезка цепи приковал Холли. В двадцати футах от Ричера. Под Холли подогнулась нога, и она, вскрикнув, грузно упала на грязную солому. Главарь даже не посмотрел на нее. Просто вернулся к прикованному Ричеру.

– Итак, козел, кто ты такой?

Ричер промолчал. Он знал, что ключи от обеих пар наручников лежат у главаря в кармане. Знал, что ему потребуется около полутора секунд на то, чтобы переломить ему шею цепью, перекинутой петлей через ограждение. Но другие два типа находились вне его досягаемости. Один «глок», одно ружье, слишком далеко, чтобы можно было дотянуться до них до того, как он успеет освободится, и слишком близко, чтобы у него была возможность это сделать. Ему противостояли достаточно опытные противники. Поэтому Ричер просто пожал плечами и опустил взгляд на солому под ногами. Она была перепачкана навозом.

– Я задал тебе вопрос, твою мать, – повторил главарь.

Ричер посмотрел на него. Краем глаза увидел, как нервный тип вскинул «глок» на пару градусов.

– Я задал тебе вопрос, козел! – тихо произнес главарь.

«Глок» в руке нервного дернулся вперед. Застыл в вытянутой руке на уровне плеча. Нацеленный Ричеру в голову. Дрожащее дуло описывало небольшую окружность, но, наверное, оно дрожало недостаточно сильно для того, чтобы нервный промахнулся. Тем более, с такого близкого расстояния. Ричер перевел взгляд с одного похитителя на другого. Водитель оторвал взгляд от груди Холли. Поднял ружье к бедру. Направил его на Ричера. Это была «итака-37». Двенадцатый калибр. Модель с магазином на пять патронов, пистолетной рукояткой и без

приклада. Водитель дослал патрон в патронник. Двойной щелчок механизма гулким эхом раскатился в пустом коровнике. Отразился от металлических стен. Затих. Ричер увидел, как спусковой крючок преодолел первую одну восьмую дюйма своего короткого хода.

– Имя? – спросил главарь.

Указательный палец водителя напрягся, и спусковой крючок ружья преодолел еще одну восьмую дюйма. При выстреле с такого расстояния Ричер лишится обеих ног и большей части живота.

– Имя? – повторил главарь.

Ружье двенадцатого калибра, он умрет не сразу, а будет долго мучиться на грязной соломе, истекая кровью. Если окажется перебита бедренная артерия, он продержится минуту – полторы. В таких обстоятельствах нет никаких причин не назвать свое имя.

– Джек Ричер, – сказал Ричер.

Главарь удовлетворенно кивнул, словно одержал победу.

– Ты знаешь эту сучку? – спросил он.

Ричер посмотрел на Холли.

– Лучше, чем я знаю многих, – сказал он. – Я только что провел шесть часов, прикованный к ней.

– Эй, козел, ты что, умник? – спросил главарь.

Ричер покачал головой.

– Невинный прохожий. Я вижу ее первый раз в жизни.

– Ты из Бюро?

Ричер снова покачал головой.

– Я вышибала. Работаю в одном клубе в Чикаго.

– Ты в этом уверен, козел?

Ричер кивнул.

– Уверен. У меня достаточно ума, чтобы помнить, чем я зарабатываю на жизнь.

Наступило долгое молчание. Напряженное. Затем нервный тип с «глоком» несколько расслабился. Водитель опустил ружье стволом в пол. Отвернулся и снова уставился Холли на грудь. Главарь кивнул.

– Ну хорошо, козел. Будешь вести себя хорошо – останешься жить. То же самое относится и к тебе, сучка. Ни с кем ничего не произойдет. По крайней мере, сейчас.

Все трое развернулись и по центральному проходу вышли из коровника. Прежде чем они успели закрыть ворота, Ричер снова мельком увидел небо. Потемневшее еще больше. По-прежнему затянутое тучами. Никаких звезд. Никаких указаний на местонахождение. Ричер подергал цепь. Она была надежно закреплена наручником на одном конце и трубой ограждения на другом. Отрезок имел в длину футов семь. Ричер услышал, что в двадцати футах от него Холли проделала то же самое. Натянула цепь и исследовала радиус свободы передвижения.

– Ты не мог бы отвернуться? – окликнула она Ричера.

– Зачем?

Короткая пауза. Вздох. Наполненный смущением и безысходностью.

– Ты действительно не понимаешь? – сказала Холли. – Мы провели в машине шесть часов, а туалета там не было.

– Ты идешь в соседнее стойло? – спросил Ричер.

– А ты как думаешь?

– Хорошо. Ты иди направо, а я пойду налево. Ты не подглядываешь, и я тоже.

* * *

Трое похитителей вернулись в коровник час спустя и принесли еду. Что-то вроде тушеной говядины с овощами в стальных мисках, по одной каждому. Редкие кусочки мяса и много жесткой моркови. Кем бы ни были похитители, готовка явно не входила в число их талантов. Ричер понял это сразу. Кроме того, пленники получили по эмалированной кружке жидкого кофе. Затем похитители уселись в грузовик. Завели двигатель и выехали на улицу. Выключили в коровнике яркое освещение. Ричер успел заметить за воротами погруженный в полумрак пустырь. Затем похитители закрыли ворота и заперли их. Оставив пленников в темноте и в тишине.

– Они поехали на заправку, – окликнула Ричера Холли. – Им нужно залить бак на оставшуюся часть пути. Они не рискнули сделать это с нами в кузове. Рассудив, что мы начнем колотить в борта и призывать на помощь.

Кивнув, Ричер допил кофе. Чисто облизал вилку из миски с говядиной. Согнул один зубец под прямым углом и ногтем сделал на конце маленький крючок. С помощью этого крючка он отпер замок

наручников. На все от начала до конца Ричеру потребовалось восемнадцать секунд. Бросив наручники и цепь на солому, он подошел к Холли. Нагнулся и отпер ее наручники. Двенадцать секунд. Помог ей подняться на ноги.

– Значит, простой вышибала, да? – спросила Холли.

– Совершенно верно, – подтвердил Ричер. – Давай оглядимся по сторонам.

– Я не могу ходить. Мой костыль остался в этом чертовом грузовике.

Ричер кивнул. Холли осталась в стойле, держась за ограждение. Ричер осмотрел большой пустынный коровник. Это было прочное сооружение, сваренное из того же металла, что и ограждения. Массивные ворота заперты снаружи. Вероятно, железный засов, схваченный навесным замком. Никаких проблем, если добраться до замка, но Ричер находился внутри, а замок был снаружи.

Стены соединялись с полом посредством угольников, привинченных болтами к бетону. Сами стены представляли собой горизонтальные металлические панели длиной футов тридцать, высотой фута четыре. В углах стены были также скреплены угольниками на болтах. Все угольники имели полку шириной дюймов шесть. Что-то вроде гигантского трапа со ступенями, отстоящими друг от друга на четыре фута.

Ричер взобрался на стену, быстро поднимаясь по угольникам, преодолевая за раз по четыре фута. Семь панелей, общая высота двадцать восемь футов над землей. Между верхом стены и нависающим скатом металлической крыши оставалась щель для вентиляции. Шириной около восемнадцати дюймов. Можно перекатиться в нее подобно прыгуну в высоту, повиснуть на руках и спрыгнуть на землю с высоты двадцать футов.

Ричер мог это осуществить, но Холли Джонсон это было не под силу. Она даже не могла самостоятельно дойти до стены. С разорванными связками она не сможет взобраться наверх и уж точно не сможет спрыгнуть с высоты двадцать футов.

– Ну же, давай, – окликнула Холли Ричера. – Беги отсюда, быстрее.

Не обращая на нее внимание, Ричер высунулся в щель и всмотрелся в темноту. Нависающая крыша ограничивала поле зрения сверху. Вокруг покуда хватало глаз – необъятный пустырь. Спустившись вниз, Ричер поочередно поднялся на три остальные стены. Со второй открылся вид на такой же пустырь. С третьей была видна ферма. Белая кровля. Свет в двух окнах. Четвертая стена коровника выходила на безликую проселочную дорогу. За ней пустота. Вдалеке одинокая пара фар.

Качающихся вверх и вниз, переваливающихся из стороны в сторону. Широко расставленных друг от друга. Фары становились ярче. Приближались. Это был грузовик, возвращающийся назад.

– Ты можешь рассмотреть, где мы находимся? – окликнула Холли.

– Понятия не имею, – ответил Ричер. – Какие-то сельскохозяйственные угодья. Это может быть что угодно. Где разводят коров? И где много полей?

– Местность здесь ровная или холмистая? – спросила Холли.

– Не могу сказать. Слишком темно. Наверное, скорее холмистая.

– Тогда это может быть Пенсильвания, – сказала Холли. – Там есть холмы и там разводят коров.

Спустившись с четвертой стены, Ричер подошел к стойлу, в котором она стояла.

– Во имя всего святого, беги отсюда, – воскликнула Холли. – Подними тревогу.

Ричер покачал головой. За воротами послышался гул дизеля.

– Возможно, это не лучший вариант, – сказал он.

Холли недовольно уставилась на него.

– Кто ты такой, черт побери, что выбираешь варианты? Я тебе приказываю. Ты гражданский человек, а я работаю в ФБР, и я приказываю тебе спасаться.

Молча пожав плечами, Ричер не двинулся с места.

– Я тебе приказываю, понятно? – не сдавалась Холли. – Ты собираешься мне подчиняться?

Ричер покачал головой.

– Нет.

Она сверкнула глазами. Грузовик вернулся. Послышался скрип рессор на ухабах. Защелкнув наручники Холли, Ричер бегом вернулся в свое стойло. Хлопнула дверь, раздались шаги по бетону. Ричер пристегнул свое запястье к трубе и разогнул зубец вилки. Когда ворота открылись и в коровнике зажегся свет, он мирно сидел на соломе.

Глава 7

Изоляционный материал, которым заполнялись двадцать два дюйма пустоты между старыми и новыми стенами, переносился на руках из

кузова грузовика. Его было очень много, и пришлось делать четыре ездки. Каждый раз машину разгружали восемь добровольцев. Они выстраивались цепочкой наподобие пожарной команды в старину, передававшей друг другу ведра с водой. Добровольцы передавали друг другу коробки с изоляционным материалом, из рук в руки, от машины до дома и вверх по лестнице на второй этаж. Коробки укладывали в коридоре перед переоборудованной угловой комнатой. Трое плотников, вскрывая коробки, переносили изоляционный материал в комнату. Затем аккуратно заполняли им просторные полости за новой обивкой. Добровольцы, подносившие коробки, задерживались на мгновение, наблюдая за их работой и урывая минуту отдыха.

Процесс продолжался почти всю вторую половину дня. Это было обусловлено большим количеством изоляционного материала и тщательностью, с которой его укладывали. Когда четвертая партия груза была поднята наверх, восемь добровольных помощников разошлись. Семеро из них направились в столовую. Восьмой потянулся, ловя последние лучи заходящего солнца, и отправился прогуляться. Это вошло у него в привычку. Четыре – пять раз в неделю он совершал долгие прогулки, особенно после тяжелого физического труда. Считалось, что он так снимает усталость.

Восьмой доброволец углубился в лес. На запад сквозь тишину деревьев убегала проторенная тропинка. Парень шел по ней около полумили. Затем остановился и снова потянулся. Эти движения усталого человека, расправляющего болящие члены, он использовал для того, чтобы внимательно оглядеться по сторонам. Затем парень сошел с тропинки. Оставил неспешную походку и перешел на быстрый шаг. Огибая деревья, он описал широкую дугу на запад, затем на север. Вышел к определенному дереву. У его основания лежал большой, плоский камень, засыпанный иголками. Парень постоял, прислушиваясь. Затем нагнулся и сдвинул камень в сторону. Под ним лежало что-то прямоугольное, завернутое в промасленную бумагу. Развернув бумагу, парень достал небольшую переносную рацию. Вытянул короткую антенну, нажал кнопку и стал ждать. Затем возбужденным голосом проговорил длинное сообщение.

* * *

Когда в старом здании снова воцарилась тишина, заказчик поднялся наверх, чтобы отдать новые странные распоряжения. Трое плотников не задавали никаких вопросов. Лишь внимательно слушали. Этот тип получит все, что только пожелает. Новые распоряжения означали, что часть работы придется переделать. Однако с этим не возникло никаких проблем. Даже наоборот, поскольку заказчик предложил дополнительно к оговоренной сумме еще небольшие премиальные наличными.

Трое плотников работали спорно и справились с поставленной задачей очень быстро. Но к этому времени уже стемнело. Самый младший остался, чтобы собрать инструмент. Старший и другой плотник сели на машину и в полной темноте поехали на север, туда, куда им сказал заказчик. Выйдя из машины, они стали ждать.

– Сюда, – послышался голос. Заказчик. – Заходите внутрь.

Они вошли. Внутри было темно. Заказчик ждал, скрываясь в тени.

– Эти доски вам пригодятся? – спросил он.

У задней стены были сложены старые сосновые доски.

– Хорошее дерево, – ответил старший плотник. – Их еще можно использовать.

На земле рядом с досками лежало еще что-то. Что-то странное. Плотники изумленно уставились. Какие-то бесформенные кучи. Двое плотников посмотрели на кучи, затем переглянулись. Обернулись. Заказчик, улыбнувшись, поднял черный пистолет.

* * *

У дежурного на станции спутниковой связи ФБР хватило ума понять, что это сообщение может быть очень важным. Он не знал, в чем именно будет заключаться важность сообщения, однако тайный осведомитель не станет без причины рисковать, выходя на связь. Поэтому дежурный ввел сообщение в компьютерную систему ФБР. Его доклад молниеносно распространился по сети и осел в огромном главном компьютере, установленном на первом этаже здания штаб-квартиры ФБР в центре имени Гувера в Вашингтоне. База данных центра имени Гувера обрабатывает за сутки больше донесений, чем за этот период времени истекает секунд, поэтому программное обеспечение нескоро просмотрело сообщение и обнаружило в нем ключевые слова. Однако как только это произошло, сообщение было поставлено в приоритетную очередь.

В это же самое время система приняла сообщение от Чикагского отделения ФБР. Глава отделения старший агент Макграт докладывал, что он потерял одного из своих людей. Пропала специальный агент Холли Джонсон, которую последний раз видели в двенадцать часов дня по чикагскому времени. Настоящее местонахождение неизвестно, попытки установить контакт успеха не дали. А поскольку Холли Джонсон была далеко не простым сотрудником, сообщение имело специальный код доступа, который не позволил ему попасть на все терминалы, находящиеся в здании, за исключением того, что был на последнем этаже в кабинете директора.

* * *

Директор ФБР вернулся с совещания бюджетной комиссии в половине восьмого вечера. Войдя в свой кабинет, он ознакомился с почтой. Его звали Гарланд Уэбстер и он работал в Бюро уже тридцать шесть лет. Ему оставалось провести еще один год на посту директора, после чего его ждала пенсия. Поэтому директору меньше всего были нужны неприятности, но он обнаружил их мигающими на экране терминала. Вызвав сообщение, Уэбстер прочитал его дважды и вздохнул.

– Проклятие, – выругался он. – Проклятие, проклятие, проклятие!

Сообщение из Чикаго от Макграта было не худшим известием, которое Уэбстер получил за тридцать шесть лет работы в Бюро, однако оно было чертовски к этому близко. Директор связался по внутреннему коммутатору с секретаршей.

– Соедините меня с Макгратом, с Чикаго.

– Макграт уже на связи. Он давно ждет вас.

Проворчав, Уэбстер ткнул кнопку. Перевел разговор на громкоговорящую связь и откинулся на спинку кресла.

– Мак, что там у тебя за история?

Из Чикаго донесся отчетливый голос Макграта.

– Здравствуйте, шеф. Никакой истории нет. Пока нет. Быть может, мы рано забили тревогу, но когда Холли не появилась на совещании, у меня сразу же возникло дурное предчувствие. Вам не надо объяснять, что это такое.

– Я все понимаю, Мак. Ты хочешь сбить меня с толку какими-то фактами?

– Никаких фактов у нас нет. Холли просто не пришла на совещание, назначенное на пять часов вечера. Мне это показалось очень необычным. Она не оставила никаких сообщений. Ее пейджер и сотовый телефон не отвечают. Я поспрашивал своих людей, и оказалось, что последний раз Холли видели около полудня.

– Сегодня утром она была на работе? – спросил Уэбстер.

– Все утро она провела у себя в кабинете.

– До пятичасового совещания у нее были назначены еще какие-нибудь встречи?

– В дневнике у нее ничего не отмечено, – сказал Макграт. – Я понятия не имею, чем она занималась и где была.

– Господи, Мак, ты же должен был за ней приглядывать! Не выпускать на улицу, черт побери!

– Она вышла в свой обеденный перерыв. Что я мог поделать?

В кабинете директора ФБР наступила полная тишина, нарушаемая лишь слабым шорохом громкоговорящей системы. Уэбстер забарабанил пальцами по столу.

– Над чем она сейчас работает? – спросил он.

– Даже не думайте об этом. Можно смело предположить, что те, кого разрабатывает Бюро, тут ни при чем. Это было бы бессмысленно.

Уэбстер кивнул.

– Да, пожалуй, ты прав. В таком случае, куда еще нам обратить взгляд?

– Холли получила травму. Порвала связки в коленном суставе, играя в футбол. Можно предположить, она упала, ей стало хуже, и ее забрала «скорая помощь». Сейчас мы проверяем все больницы.

Уэбстер проворчал что-то невнятное.

– А может быть, у Холли есть приятель, о котором мы ничего не знаем, – продолжал Макграт. – Быть может, они сейчас мило проводят время в каком-нибудь мотеле.

– На протяжении шести часов подряд? Я считал бы себя очень счастливым. – Снова наступила тишина. Затем Уэбстер подался вперед. – Ладно, Мак, ты сам знаешь, что делать. И что не делать, особенно в случае Холли, так? Держи со мной связь. Я сейчас отправлюсь в Пентагон. Вернусь через час. Если я буду тебе нужен, звони.

Закончив разговор, Уэбстер связался с секретаршей и попросил вызвать машину. Прошел к личному лифту и спустился на подземную стоянку. Там его встретил водитель, и они прошли вместе к бронированному лимузину.

– В Пентагон, – бросил водителю директор.

* * *

В половине восьмого вечера, в июньский понедельник дороги были относительно свободны. На две с половиной мили ушло около одиннадцати минут. Все это время Уэбстер постоянно звонил по сотовому. Звонил в различные места, географически сосредоточенные на таком маленьком пятачке, что директор, наверное, мог бы просто докричаться до них без всякого телефона. Затем большой лимузин подъехал к въезду в Пентагон со стороны реки, и дорогу преградил

морской пехотинец. Отключив телефон, Уэбстер опустил стекло для ритуала идентификации.

– Директор ФБР, – представился он. – К председателю объединенного комитета начальников штабов.

Козырнув, часовой махнул рукой, пропуская лимузин. Подняв стекло, Уэбстер подождал, когда машина остановится. Он вошел в здание через отдельную дверь. Прошел к кабинету председателя. Его встретила секретарша.

– Проходите, сэр. Генерал сейчас подойдет.

Войдя в кабинет, Уэбстер остановился. Посмотрел в окно. Открывающийся вид был превосходен, однако все краски обладали каким-то странноватым металлическим отблеском. Стекла были пуленепробиваемыми, пропускающими свет только в одну сторону. Панорама за окном была великолепная, однако поскольку кабинет находился на внешней стороне здания, у входа со стороны реки, его окна должны были быть защищены. Уэбстер нашел взглядом свою машину, водителя, стоящего рядом. На противоположном берегу Потомака возвышался Капитолий. В излучине белели паруса яхт; на водной глади отражались последние лучи клонящегося к горизонту солнца. «Очень неплохой кабинет, – подумал Уэбстер. – Получше моего.»

Директору ФБР было непросто встретиться с председателем объединенного комитета начальников штабов. Это был тот случай, когда четкая субординация отсутствовала. Кто занимает более высокое положение? Оба руководителя назначаются непосредственно президентом. Оба докладывают президенту через единственного посредника, в одном случае министра обороны, в другом – генерального прокурора. Председатель объединенного комитета начальников штабов занимает самый высокий пост в армии. Директор ФБР занимает самый высокий пост в правоохранительных органах. Оба достигли абсолютной вершины соответствующих служебных лестниц. Но вот чья лестница была выше? Для Уэбстера ответ был очевиден. Что его совсем не радовало, поскольку его лестница была значительно ниже. Директор ФБР распоряжался бюджетом в два миллиарда долларов и имел под своим началом двадцать пять тысяч человек. Председатель объединенного комитета начальников штабов распоряжался бюджетом в двести миллиардов и имел под своим началом около миллиона человек. Больше двух миллионов, если добавить национальную гвардию и резервистов. Председатель бывал в Овальном кабинете раз в неделю. Уэбстер попадал туда дважды в год – в лучшем случае. Неудивительно, что кабинет генерала был лучше.

Сам председатель также был впечатляющей фигурой. Его взлет в полные генералы был стремительным. Он появился из ниоткуда и

пронесся вверх по служебной лестнице быстрее, чем его портной успевал нашивать ленточки ему на мундир. В конце концов от обилия орденов и медалей на левой стороне мундира генерала уже перекашивало на один бок. Затем его перевели в Вашингтон и посадили в этот кабинет.

Услышав в приемной шаги, Уэбстер обернулся к двери.

– Добрый вечер, генерал. Махнув рукой, председатель улыбнулся.

– Не хотите купить ракеты?

Уэбстер был удивлен.

– Вы их продаете? Какие ракеты?

Покачав головой, генерал усмехнулся.

– Шутка. Сокращение вооружений. Русские избавились от базы бомбардировочной авиации в Сибири, поэтому нам теперь нужно избавляться от всех тех ракет, что предназначались для борьбы с ними. Надо соблюдать условия договора, так? Надо вести честную игру. Все большие ракеты мы продаем Израилю. Но остается еще около пары сотен маленьких, знаете, «Стингеров», переносных ракет класса «земля-воздух». Они лишние, нам больше не нужны. Порой у меня возникает желание продать их наркоторговцам. Видит бог, все остальное у них уже есть. По крайней мере, оружие у них лучше, чем у нас.

Разговаривая так, председатель прошел к своему креслу и сел. Уэбстер кивнул. Ему уже приходилось видеть, как то же самое проделывали президенты: пошутить, рассказать веселый анекдот, расколоть лед, снять напряжение первых минут. Председатель откинулся назад и улыбнулся.

– Итак, чем я могу вам помочь?

– Генерал, мы получили сообщение из Чикаго. Ваша дочь пропала.

Глава 8

К полуночи зал совещаний на третьем этаже здания ФБР в Чикаго был превращен в командный центр. Техники возились весь вечер, протягивая телефонные линии и устанавливая вдоль длинного стола компьютерные терминалы. Теперь, с наступлением ночи здесь воцарились тишина и прохлада. За стеклянной стеной – сияющая чернота. Можно больше не ломать голову, за какой стороной стола будет лучше.

Домой не ушел никто. На кожаных стульях сидели, развалившись, семнадцать агентов. Даже юрист Бюро оставался здесь. На то не было никаких причин, но юрист ощущал тот же самый трехслойный груз

ответственности. ФБР заботится о своих. Это был слой номер один. Чикагское отделение заботится о Холли Джонсон. Это был слой номер два. И не только из-за ее связей. Связи тут были ни при чем. Просто Холли была Холли. А слой номер три заключался в том, что если Макграт чего-то хотел, он этого добивался. И если Макграт тревожился насчет Холли, все его подчиненные тоже тревожились. Перестанут они тревожиться только тогда, когда Холли найдется, живая и невредимая. Поэтому все оставались в зале. Притихшие и встревоженные. Наконец в помещение с шумом влетел радостный Макграт, дымя сигаретой так, словно от этого зависела его жизнь.

– Ребята, у меня хорошие новости. Слушайте, слушайте внимательно!

Макграт пробрался во главу стола. Гомон приглушенных голосов мгновенно сменился полной тишиной. На старшего агента устремились взоры восемнадцати пар глаз.

– Мы нашли Холли, – громко произнес Макграт. – Мы ее нашли, понятно? С ней все в порядке. Паника закончена. Теперь всем можно успокоиться.

Разом заговорили восемнадцать голосов. Задавая один и тот же вопрос. Макграт поднял руки, призывая к тишине, словно судья на гонках.

– Холли в больнице, – объяснил он. – Произошло вот что: ее лечащий врач неожиданно выкроил на сегодняшний вечер окно. Он позвонил Холли, она приехала в больницу, и ее сразу же положили на операцию. С ней все в порядке, ей лучше, она ужасно смущена тем, что вызвала такой переполох.

Восемнадцать голосов снова заговорили разом, и Макграт подождал, давая им выговориться. Затем опять поднял руки.

– Итак, паника закончена, понятно? – улыбаясь, сказал он.

Гул стал громче; в голосах зазвучало облегчение.

– А теперь, ребята, все по домам, спать, – сказал Макграт. – Завтра новый рабочий день, не забыли? Но спасибо за то, что были здесь. От меня и от Холли. Для нее это очень важно. Броган и Милошевич, задержитесь, вам надо будет распределить между собой работу, которую должна была сделать до конца недели Холли. А остальные свободны. До свидания, спокойной ночи, и еще раз спасибо, джентльмены!

Пятнадцать агентов и юрист улыбнулись, и, позевывая, встали. Толкаясь, шумно вышли из зала. За столом остались Макграт, Броган и Милошевич. В наступившей тишине Макграт прошел к двери. Бесшумно прикрыл ее. Затем обернулся и посмотрел на своих сотрудников.

– Это была полная чушь. Как вы, не сомневаюсь, и сами догадались.

Броган и Милошевич молча смотрели на него.

– Мне звонил Уэбстер, – продолжал Макграт. – Не сомневаюсь, вы оба догадываетесь, почему. Вашингтон очень, очень сильно обеспокоен. Они там наложили в штаны от страха. Похищение особо важной персоны, так? Уэбстеру поручено взять расследование под свой личный контроль. Он хочет сохранить все в строжайшей тайне. Количество посвященных должно быть минимальным. Делом должны заниматься лишь я и еще два человека. На мой выбор. Я остановился на вас, потому что вы лучше всего знаете Холли. Итого нас будет трое. Мы будем иметь дело напрямую с Уэбстером. И больше никому ни слова, понятно?

Броган, посмотрев на начальника, кивнул. Затем кивнул Милошевич. Они понимали, что выбор их в качестве помощников был очевиден. Однако работать вместе с Макгратом – всегда большая честь, какими бы ни были на то причины. Агенты это понимали, и понимали, что Макграту это известно. Поэтому они снова кивнули, уже более твердо. Наступило молчание. Дым сигареты Макграта смешивался под потолком с тишиной. Часы на стене показывали половину первого ночи.

– Ну хорошо, – наконец сказал Броган. – Что дальше?

– А дальше то, что мы будем работать всю ночь, – сказал Макграт. – Потом весь день, опять всю ночь, и так до тех пор, пока не отыщем Холли.

Он по очереди оглядел своих подчиненных, убеждаясь, что сделал правильный выбор. Пришел к выводу, что пара подобрана хорошо. Агенты прекрасно дополняют друг друга. Броган старше, серьезнее, он пессимист. Невысокий, худой, любит строгий и четкий порядок, при этом достаточно воображения, чтобы приносить пользу. Сумбурная личная жизнь, подружка и пара бывших жен, вытягивающие у него изрядные деньги и причиняющие массу беспокойства, но никогда не мешающие работе. Милошевич моложе, менее инициативный, зато упорный и расторопный. Имеет множество закадычных друзей, что необязательно является недостатком. Испытывает слабость к большим, дорогим полноприводным машинам, но каждому человеку нужно какое-нибудь увлечение в жизни. Оба агента уже довольно давно работают в Бюро, имеют на поясе скальпы многочисленных врагов. Оба умеют полностью отдаваться работе, и ни один еще не жаловался на сверхурочные. И на зарплату, что делает их уникальными. Хорошая команда. Оба лишь недавно в Чикаго, однако расследование не будет ограничено одним Чикаго. Макграт был абсолютно уверен в этом.

– Мило, ты восстанавливаешь все действия Холли, – сказал он. – Шаг за шагом, минута за минутой начиная с полудня.

Милошевич рассеянно кивнул, словно уже погрузившись в работу.

– Броган, ты проверяешь ее прошлое, – продолжал Макграт. – Надо найти какие-то причины произошедшего.

Броган угрюмо кивнул, словно ему было известно, что в этом деле главное – установить причины.

– Мне начать со старика? – спросил он.

– Разумеется, – согласился Макграт. – По крайней мере, я бы поступил так.

– Хорошо, с которого? – спросил Броган.

– С любого. Выбирай сам.

* * *

В тысяче семистах двух милях от Чикаго было принято другое важное решение. Решение относительно третьего плотника. Заказчик вернулся к белому зданию на пикапе строителей. Третий плотник, как раз сложивший инструмент, шагнул было вперед, увидев подъезжающую машину. Затем озадаченно остановился, увидев того, кто сидел за рулем. Он в замешательстве застыл на месте, а заказчик, подъехав к дому, вылез из кабины.

– Ну? – спросил он.

– Где ребята? – ответил вопросом на вопрос плотник.

– Появилось одно дельце, – ответил заказчик. – Одно срочное дельце.

– Какие-то проблемы?

Он умолк, подумав о своей доле. Конечно, она была самая маленькая, потому что в бригаде он был младшим, но все же даже самая маленькая доля от общей стоимости работ представляла сумму большую, чем он видел за все последнее время.

– У тебя есть пила? – спросил заказчик.

Плотник лишь молча посмотрел на него.

– Глупый вопрос, да? – продолжал заказчик. – Вы плотники, а я спрашиваю, есть ли у вас пила. Ладно, покажи мне лучшее из того, что у вас есть.

Плотник растерянно постоял на месте, затем нагнулся и достал из ящика с инструментами мощную циркулярную пилу. Тусклый блеск металлического корпуса, большой диск, облепленный свежими опилками.

– Поперечный? – спросил заказчик. – Подойдет для того, чтобы перепилить действительно твердые штуковины?

Плотник кивнул.

– Справится со всем.

– Ну хорошо, тогда слушай внимательно. Мне нужна демонстрация.

– Чего? Пилы?

– Комнаты.

– Комнаты? – переспросил плотник.

– Должно быть так, чтобы из нее было невозможно выбраться, – сказал заказчик. – Это ведь было главное требование, так?

– Вы сами поставили задачу.

– Но выполнили ли вы ее? Вот что я хочу узнать. Нам нужно устроить проверку. Демонстрацию того, что комната действительно удовлетворяет всем требованиям.

– Хорошо. Как? – спросил плотник.

– Ты отправишься туда. И мы посмотрим, сможешь ли ты выбраться из нее до утра. Ты ведь сам ее строил, так? Значит, тебе должны быть известны все ее слабые места. Если кто-то и сможет выбраться оттуда, то только ты, ведь так?

Плотник молчал. Пытаясь понять.

– Ну а если у меня получится? – наконец спросил он.

Заказчик пожал плечами.

– Тогда я ничего не заплачу. Потому что вы не выполнили мои требования.

Плотник снова умолк. Недоумевая, говорит ли заказчик серьезно.

– Ты заметил изъян в моей логике? – спросил заказчик. – Сейчас ты думаешь, что в твоих интересах просто просидеть всю ночь, ничего не делая, а утром доложить мне: «Нет, сэр, я не смог выбраться отсюда. Нет, сэр, совсем не смог.»

Плотник издал нервный смешок.

– Да, я именно так и думал, – подтвердил он.

– Значит, тебе нужна побудительная причина, – сказал заказчик. – Понимаешь? Для того, чтобы ты действительно всеми силами старался выбраться из комнаты.

Плотник обернулся на глухие стены угловой комнаты второго этажа. Когда он снова посмотрел на заказчика, тот держал в руке черный пистолет.

– В машине лежит мешок. Сходи, принеси его, хорошо?

Ошеломленный плотник огляделся по сторонам. Заказчик навел пистолет ему в голову.

– Принеси мешок, – тихо повторил он.

В кузове ничего не было. Холщовый мешок лежал на сиденье в кабине. Внутри какой-то бесформенный куль длиной фута полтора. Мешок оказался тяжелым. Плотнику почему-то вспомнилось, как он на рынке доставал из морозилки половину свиной туши.

– Открой, – окликнул его заказчик. – И загляни внутрь.

Плотник развернул горловину мешка. Первым, что он увидел, был палец. Белый как лед, потому что из него вытекла вся кровь. Отчетливо выступали трудовые мозоли, большие и желтые.

– Сейчас я запру тебя в комнате, – продолжал заказчик. – Если к утру ты не выберешься из нее, я сделаю с тобой то же самое, понятно? Твоей собственной пилой, потому что моя затупилась, пока я занимался вот этим.

Глава 9

Ричер тихо лежал на грязной соломе на полу коровника. Он не спал, однако его тело полностью отключилось, так что эффект был тот же самый. Все мышцы расслабились, дыхание стало ровным и медленным. Глаза были закрыты, потому что в кромешной темноте все равно смотреть было не на что. Однако мозг его бодрствовал. Не носился лихорадочно, а напряженно работал, с той самой полной сосредоточенностью, которая бывает только ночью, когда ничто не отвлекает мысли.

Ричер занимался сразу двумя делами. Во-первых, он вел отсчет времени. Прошло уже почти два часа с тех пор, как он в последний раз сверялся с часами, но Ричер знал время с точностью до двадцати секунд. Это умение родилось давно, за долгие ночи без сна во время службы в армии. Когда чего-то ждешь, тело закрывается, словно домик на морском курорте на зимний период, а рассудок сосредотачивается на ровном счете проходящих секунд. Жизненные процессы словно

приостанавливаются. Это позволяет сберечь энергию, а ответственность за работу сердца передается от погруженного в сон мозга каким-то внутренним часам. Вместо мыслей остается бескрайняя черная пустота. Но это позволяет оставаться бодрствующим, готовым к тому делу, которое ждешь. И это означает, что ты всегда знаешь, сколько сейчас времени.

Во-вторых, Ричер осуществлял мысленно нехитрые арифметические вычисления. Перемножал в уме многозначные числа. Ему ровно тридцать семь лет и восемь месяцев, с точностью до дня. Тридцать семь умножить на триста шестьдесят пять будет тринадцать тысяч пятьсот пять. Плюс двенадцать дней на двенадцать високосных лет, итого получится тринадцать тысяч пятьсот семнадцать. И еще восемь месяцев начиная от его дня рождения в октябре до сегодняшнего дня в июне – двести сорок три дня. Всего тринадцать тысяч семьсот шестьдесят дней, тринадцать тысяч семьсот шестьдесят ночей. Ричер пытался определить место данной конкретной ночи в этой бесконечной веренице. Исходя из того, насколько она плохая.

И он вынужден был признать, что хотя это была не лучшая ночь в его жизни, ей было далеко и до худшей. Очень далеко. Из первых четырех лет у него в памяти ничего не сохранилось. То есть, оставалось около двенадцати тысяч трехсот ночей. Так вот, данная конкретная ночь попадала куда-то в верхнюю треть. Особо не напрягаясь, Ричер мог вспомнить тысячи ночей, более плохих, чем эта. Сегодня ему было тепло и уютно, он не был ранен, непосредственно в данный момент ему ничего не угрожало, и его накормили. Не слишком хорошо, но Ричер был склонен думать, что объяснялось это скорее отсутствием кулинарных навыков, чем стремлением причинить боль. Так что в физическом отношении ему было не на что жаловаться.

Правда, рассудок подсказывал другое. Ричер оказался в вакууме, таком же непроницаемом, как и темнота в коровнике. Вся проблема заключалась в полном отсутствии информации. Ричер был не из тех, кто автоматически чувствует себя неуютно от отсутствия информации. Сын офицера морской пехоты, он буквально с самого рождения жил неразрывно с армией. Поэтому непредсказуемость и неопределенность были ему хорошо знакомы. Однако сегодня недостающих элементов было слишком много.

Ричер не имел понятия, где он находится. Случайно или преднамеренно, трое похитителей ничем не выдали того, куда они направляются. Поэтому Ричер чувствовал себя заблудившимся. Одна из проблем состояла в том, что из тринадцати тысяч семисот шестидесяти дней своей жизни он меньше пятой части провел на территории Соединенных Штатов. Американец с рождения и достойный быть президентом, Ричер большую часть жизни провел на военных базах, раскиданных по всему

земному шару. За пределами Соединенных Штатов. В результате свою родину он знал приблизительно так же, как ее знает семилетний ребенок. Поэтому Ричер не мог распознавать тонкие нюансы, ощущения и запахи Америки, как ему этого хотелось бы. Вполне вероятно, кто-нибудь другой смог бы интерпретировать невидимые контуры невидимого ландшафта, привкус воздуха или температуру ночи и сказать: «Сейчас я нахожусь в том или ином штате.» Вероятно, кто-нибудь мог так сделать. Но только не Ричер. И в этом была главная проблема.

Вдобавок он не имел понятия, кто похитители. Чем они занимаются. И что они замыслили. Ричер внимательно наблюдал за ними при каждой возможности. Но прийти к каким-нибудь заключениям было очень трудно. Свидетельства были противоречивыми. Похитителей трое, относительно молодые, лет тридцать – тридцать пять, обученные, подготовленные действовать вместе с определенной степенью эффективности. Выучка почти военная, но не совсем. И вообще ни к какому официальному ведомству они отношения не имеют. Весь их внешний вид вопит: любители.

Потому что все в них было таким аккуратным. У всех троих новые поплиновые костюмы, купленные в универмаге. Все трое лишь недавно постриглись. Оружие только что из ящиков. «Глоки» абсолютно новые. Ружье абсолютно новое, еще хранит заводскую смазку. Итого, это не профессионалы. Потому что профессионалы занимаются своей работой каждый день. Спецназ, ЦРУ, ФБР, полиция – это их ремесло. Они носят рабочую одежду. Оружие выдано им еще в прошлом, а то и в позапрошлом году; это проверенное, надежное оружие, поцарапанное, потертое, рабочее. Если наугад выхватить трех профессионалов, у одного на рубашке окажутся следы от вчерашней пиццы, другой утром не успел побриться, третий в ужасных старых брюках, над которыми у него за спиной смеются все коллеги. Возможно, попадется и новый костюм, новый пистолет, новые ботинки, но вероятность одновременно увидеть на троих профессионалах все новое настолько мала, что ее можно сбросить со счетов.

Кроме того, похитителей выдавало их поведение. Уверенные, но нервные, напряженные, грубые, жесткие. Прошедшие определенную подготовку, но не имеющие опыта. Не применявшие полученные знания на практике. Теорию они усвоили достаточно хорошо, что позволило им избежать серьезных ошибок, но до автоматизма профессионалов им было далеко. Следовательно, эта троица – любители. И они похитили молодого агента ФБР. Почему? Чем мог кому-то помешать молодой агент ФБР? Ричер не имел понятия. А сам агент ФБР ничего не говорил. Еще одна загадка. Но не самая большая. Самая большая загадка

состояла в том, что Ричер до сих пор никак не мог понять, почему он остался.

Ричер понимал, что лишь по прихоти случая он оказался рядом с Холли Джонсон в тот самый момент, когда на нее набросились похитители. Он ничего не имел против. Судьба выкидывает самые неожиданные фокусы. Вся жизнь зависит от воли случая, сколько бы люди ни утверждали обратное. И сам Ричер никогда не тратил время на то, чтобы гадать, а как могли бы развиваться события, если бы это случилось так, а это – так. Несомненно, если бы он шел по этой чикагской улице минутой раньше или минутой позже, он или уже прошел бы мимо химчистки, или еще не подошел бы к ней и так ни черта ни о чем и не узнал бы. Но он шел по этой улице не раньше и не позже и по прихоти случая оказался втянут в эту историю, поэтому не было смысла без толку гадать, могло ли все сложиться иначе.

Но Ричер еще не определил, почему он до сих пор здесь, четырнадцать часов спустя после похищения, если верить часам у него в голове. У него было две относительно надежных возможности бежать и одна железная. В первый раз, на улице, ему, может быть, удалось бы бежать. Вероятно, удалось бы. Его остановила возможность причинения вреда случайным прохожим. Затем он мог бы бежать на пустынной стоянке, когда пересаживался в грузовик. Вероятно, смог бы. В обоих случаях трое против одного, но трое любителей против Джека Ричера, и он ничего не имел против такого соотношения сил.

Железная возможность бежать представилась ему в коровнике, скажем, через час после того, как похитители вернулись с заправки. Ричер мог бы снова отпереть наручники, забраться на стену, спрыгнуть во двор и уйти. Добежать до дороги, пойти пешком и исчезнуть в темноте. Почему он этого не сделал?

Ричер лежал, погруженный в бескрайнюю иссиня-черную пустоту релаксации и думал, что удержала его Холли Джонсон. Он не бежал, потому что не смог пойти на риск. Похитители могли запаниковать и, расправившись с молодой женщиной, спастись бегством. Ричер этого не хотел. Холли умная, храбрая женщина. Проницательная, нетерпеливая, уверенная, крепкая. И привлекательная, в застенчивом, ненавязчивом стиле. Смуглая, стройная, образованная и энергичная. Замечательные глаза. Самое большое впечатление на Ричера произвели глаза. Эти очаровательные глаза его пленили.

И все же главным были не глаза. И не внешность Холли. Не ее ум и характер. Главным было ее колено. Вот что определило решение Ричера. Мужество Холли и чувство собственного достоинства. Ричер нашел благородным и мужественным то, как симпатичная, волевая женщина борется с непривычным для себя состоянием относительной

беспомощности. Он уважал таких людей. Холли превозмогала трудности. У нее это хорошо получалось. Она не жаловалась. Не просила о помощи. И потому, что она не просила о помощи, Ричер решил ей помочь.

Глава 10

В половине шестого утра во вторник специальный агент ФБР Броган, оставшись один в зале совещаний на третьем этаже, воспользовался одним из только что проведенных телефонов, чтобы позвонить своей подруге. Половина шестого утра – не лучшее время, чтобы извиняться за сорванную встречу вчера вечером, но Броган был очень занят и, по его прикидкам, впереди просвета тоже не предвиделось. Поэтому он набрал номер своей подруги. Разбудив ее, он объяснил, что на него навалились дела и, по всей видимости, он не разберется с ними до конца недели. Не очнувшаяся от сна, подруга была очень недовольна. Она заставила Брогана повторить все дважды. После чего предпочла истолковать его слова как трусливую прелюдию к разрыву. Броган, в свою очередь, тоже рассердился. Он сказал, что Бюро всегда будет на первом месте. Неужели это нельзя понять? Но объяснять подобные вещи в половине шестого утра заспанной женщине очень непросто. Они поругались, и Броган расстроенно положил трубку.

Его напарник Милошевич сидел один в своем кабинете. Обессиленно развалившись в кресле, также расстроенный. Его проблема заключалась в отсутствии воображения. Это было его самым слабым местом. Макграт приказал ему проследить каждый шаг Холли Джонсон, начиная со вчерашнего полудня. Однако Милошевичу пока что так ничего и не пришло в голову. Он видел, как Холли вышла из здания ФБР. Шагнула на улицу, сжимая в руке металлический костыль. Все это произошло у него на глазах. Но дальше картинка обрывалась. Милошевич усердно ломал голову всю ночь напролет, но так ничего и не смог придумать.

В половине шестого он принял душ, затем выпил кофе. По-прежнему чувствуя себя отвратительно. Вернулся в свой кабинет. Сел за стол, погружаясь в размышления. Затем взглянул на массивные золотые часы на руке. Узнал время. Улыбнулся. Почувствовал себя лучше. Подумал еще немного. Снова сверился с часами. Кивнул. Теперь Милошевич мог ответить своему начальнику, куда направилась вчера в двенадцать часов дня Холли Джонсон.

* * *

В тысяче семистах двух милях от него сгущалась паника. Первые несколько часов третий плотник провел в тупом оцепенении. Обессиленный и покорный. Заказчик заставил его подняться на второй этаж и затолкнул в угловую комнату. Тупое оцепенение вынудило молодого парня потерять впустую несколько часов. Он сидел на полу,

бессмысленно уставившись в стену. Затем его охватила безумная надежда, что все это лишь неудачная шутка-страшилка в духе Праздника всех святых. После этого парень потерял еще несколько часов, убеждая себя, что ничего страшного не произойдет. Но наконец, как бывает всегда с осужденными, оставшимися в одиночестве в предрассветные часы, надежды оставили его, и он задрожал от страха, погружаясь в панику.

Потеряв впустую половину отведенного времени, плотник взорвался лихорадочной деятельностью. Однако он понимал, что все его усилия бесполезны. Удар насмешницы-судьбы был сокрушительным. Работая над этой комнатой, плотники постарались на славу. Сделали все как нужно. У них перед глазами плясали пухлые пачки долларов. Они нигде не схалтурили. Все до одной доски были плотно подогнаны друг к другу и прочно приколочены. Плотники не использовали ни одной своей уловки, позволяющей убыстрить работу за счет ее качества. Все до одного гвозди были забиты по самую шляпку. Окна отсутствовали. Дверь была прочная. Выбраться отсюда невозможно. Парень целый час словно обезумевший бродил по комнате. Ощупывал огрубелыми ладонями каждый квадратный дюйм стен, потолка, пола. Это было лучшее творение его бригады. В конце концов парень забился в угол и, уставившись на свои окровавленные руки, расплакался.

* * *

– Химчистка, – сказал Макграт. – Вот куда направилась Холли.

Они находились в зале совещаний на третьем этаже. Вторник, семь часов утра. Макграт сидел во главе стола. Перед ним лежала новая пачка сигарет.

– Да? – переспросил Броган. – Она направилась в химчистку?

Макграт кивнул.

– Мило, объясни ему.

Милошевич улыбнулся.

– Я только что вспомнил, – начал он. – Я проработал с Холли пять недель, так? С тех пор, как она повредила колено. Каждый понедельник в обеденный перерыв она сдавала вещи в химчистку. И забирала то, что сдавала на прошлой неделе. Не думаю, что этот понедельник чем-то отличался от остальных.

– Допустим, – согласился Броган. – Но в какую именно химчистку?

Милошевич покачал головой.

– Не знаю. Холли всегда ходила одна. Я пытался предложить свою помощь, но она каждый раз отказывалась, все пять понедельников подряд. Холли не возражала, когда я помогал ей по работе, но она ни за что не соглашалась позволить мне носить ее вещи в химчистку. Холли не любит ни от кого зависеть.

– Но она ходила в химчистку пешком, так? – заметил Макграт.

– Совершенно верно, – подтвердил Милошевич. – Только пешком. Неся на плечиках восемь – девять предметов. Так что можно спокойно предположить, что это место находится где-то недалеко.

Броган кивнул. Улыбнулся. Это уже какая-то зацепка. Достав телефонный справочник, он раскрыл его на букве "Х".

– Каким радиусом ограничимся? – спросил он.

Макграт пожал плечами.

– Двадцать минут туда, двадцать минут обратно. Это максимум, так? Не думаю, что с костылем Холли могла проковылять за двадцать минут больше четверти мили. Итого берем квадрат со стороной в полмили, в центре это здание. Что у нас получается?

Броган развернул подробный план города. Изобразил грубый прямой угол раздвинутыми большим и указательным пальцами. По масштабной сетке определил, какое расстояние соответствует половине мили. Нарисовал на плотной сетке улиц квадрат. Уткнулся в телефонный справочник, то и дело сверяясь с планом. Подчеркивая названия карандашом. Закончив, подсчитал, что получилось.

– Двадцать один пункт.

Макграт удивленно посмотрел на него.

– Двадцать один? Ты не ошибся?

Броган кивнул. Пододвинул начальнику справочник.

– Двадцать одна химчистка. Судя по всему, жители этого города очень следят за своей одеждой.

– Ну хорошо, – согласился Макграт. – Двадцать один пункт. Ребята, в дорогу!

Броган взял себе десять адресов, оставив Милошевичу одиннадцать. Макград выдал обоим агентам большие цветные фотографии Холли Джонсон, переснятые с ее личного дела. Проводив их, он сел в кресло во главе стола и стал ждать, уставившись в пустоту, непрерывно куря, выстукивая кончиком карандаша беспокойный ритм.

* * *

Парень услышал шум на улице гораздо раньше, чем ожидал. У него не было часов, а в комнате отсутствовали окна, но он был уверен, что до утра еще было далеко. Как минимум, еще час. А то и два. Но он услышал шум. К дому приблизились люди. Затаив дыхание, парень прислушался. Три или четыре человека. Парень снова заметался по комнате. Затем растерянно застыл. Сознавая, что ему следовало бы колотить кулаками и ногами по новым сосновым доскам. Он это понимал. Но ничего не делал. Потому что знал, что это безнадежно, потому что в глубине души понимал, что ему надо хранить молчание. Парень был в этом уверен. Убежден. Если он будет вести себя тихо, его, возможно, оставят в покое. Забудут, что он заперт в комнате.

* * *

Нужное заведение нашел Милошевич. Оно оказалось седьмым из одиннадцати, которые были у него в списке. Химчистка только открылась, времени было без двадцати восемь утра. Скромная вывеска, но внутри все очень изящно. Чувствовалось, что заведение не заинтересовано в том, чтобы привлекать случайных клиентов. Химчистка обещала все мыслимые и немыслимые виды чистки и индивидуальный подход к клиентам. Заказы принимала кореянка. Показав значок ФБР, Милошевич положил на стойку фотографию Холли.

– Вы когда-нибудь видели эту женщину? – спросил он.

Кореянка вежливо и сосредоточенно посмотрела на снимок, сплетя руки за спиной.

– Ну конечно. Это мисс Джонсон, она приходит каждый понедельник.

Милошевич шагнул ближе к стойке.

– Вчера она приходила?

Задумавшись на мгновение, женщина кивнула.

– Ну да. Как я уже говорила, она приходит каждый понедельник.

– В котором часу?

– В обеденный перерыв. Всегда в обеденный перерыв.

– Около полудня? В половине первого, да?

– Ну да, – подтвердила кореянка. – Всегда по понедельникам, в обеденный перерыв.

– Так, что было вчера?

Женщина пожала плечами.

– Ничего особенного. Мисс Джонсон вошла, забрала готовую одежду, расплатилась, сдала другие вещи в чистку.

– С ней кто-нибудь был? – спросил Милошевич.

– Никого. Мисс Джонсон всегда приходит одна.

– В какую сторону она направилась, выйдя от вас?

Женщина указала в сторону здания ФБР.

– Она пришла оттуда.

– Я не спрашиваю у вас, откуда она пришла. Куда она направилась, выйдя от вас?

Женщина задумалась.

– Я не видела. Я относила вещи, которые принесла мисс Джонсон. Я услышала, как открылась и закрылась дверь, но я не видела, куда направилась мисс Джонсон. Я была в задней части заведения.

– Вы просто схватили ее вещи? – недоверчиво спросил Милошевич. – И побежали их относить еще до того, как мисс Джонсон ушла?

Женщина потупила взор, словно ее обвинили в чем-то непристойном.

– Я никуда не побежала. Мисс Джонсон ходит с трудом. У нее ведь больная нога. Мне показалось, я не должна на нее смотреть. Чтобы она не смущалась. Поэтому я отправилась относить ее вещи, чтобы она смогла выйти спокойно.

Кивнув, Милошевич запрокинул голову, испуская вздох. Увидел над прилавком объектив видеокамеры.

– Это еще что такое?

Кореянка, обернувшись, посмотрела в ту же сторону.

– Видеокамера наблюдения. На ней настояла страховая компания.

– Она работает?

– Разумеется. Страховая компания сказала, что без этого никак нельзя.

– Она включена постоянно? – продолжал Милошевич.

Кивнув, женщина хихикнула.

– Ну да. Она и сейчас записывает. И вы есть на ленте.

Милошевич взглянул на часы.

– Мне нужна кассета, снятая вчера. Немедленно.

Женщина снова запнулась. Милошевич вторично продемонстрировал значок.

– Этим делом занимается Федеральное бюро расследований. Мне нужна эта кассета, прямо сейчас, вы поняли?

Кивнув, женщина подняла руку, прося его подождать. Вышла в дверь в задней части помещения. Вернулась через некоторое время, принеся с собой запах химических реактивов и видеокассету.

– Но вы должны будете вернуть ее, хорошо? Страховая компания заставляет нас хранить их в течение месяца.

* * *

Милошевич сразу же отнес кассету в здание ФБР, и к половине девятого технические специалисты Бюро снова засуетились в зале совещаний на третьем этаже, подключая к обычному видеомагнитофону мониторы, установленные на длинном столе. Сначала перегорел какой-то предохранитель, потом нужный шнур оказался слишком коротким, поэтому компьютер пришлось переставлять ближе к видеомагнитофону. Наконец старший техник протянул Макграту пульт дистанционного управления и кивнул.

– Все работает, шеф.

Прогнав техников из зала, Макграт пригласил двоих агентов подсесть ближе к экрану. Мониторы были установлены лицом к окнам, поэтому агентам пришлось сесть к свету спиной. Однако никаких неудобств это причинить не могло, потому что в утренние часы солнце нещадно жарило противоположную сторону здания.

* * *

То же самое солнце, поднявшись над горизонтом в тысяче семистах двух милях от Чикаго, возвестило начало ясного утра. Парень знал, что оно взошло. Он слышал тихое потрескивание старого дерева, нагревающегося под жаркими лучами. Снаружи, снизу доносились приглушенные голоса. Голоса людей, начинающих новый день.

У него на руках не осталось ногтей. Парень нашел щель между двумя неплотно подогнанными досками. Просунул в нее ногти и потянул изо всех сил. Ногти оторвались один за другим. Доска даже не шелохнулась. Парень отступил в угол и свернулся в клубок на полу. Он облизал изуродованные пальцы, измазав рот кровью, словно ребенок, перепачкавшийся кремом с торта.

На лестнице послышались шаги. Высокий и тяжелый человек, легкая походка. Шаги остановились за дверью. Щелкнул замок. Дверь открылась. Парень увидел заказчика. Одутловатое лицо, два красных пятна на щеках.

– Ты все еще здесь.

Молодой плотник был словно парализован. Не в силах двигаться, не в силах говорить.

– Ты не смог выбраться отсюда.

Тишина в комнате нарушалась лишь медленным поскрипыванием деревянного каркаса, нагревающегося по мере того, как лучи утреннего солнца скользили по крыше.

– Итак, что нам теперь делать? – спросил заказчик.

Парень лишь безучастно смотрел перед собой. Не шелохнувшись. Вдруг заказчик улыбнулся, дружелюбно, ласково. Как будто удивляясь чему-то.

– Ты решил, я говорил серьезно? – мягко спросил он.

Парень заморгал. Медленно, с надеждой покачал головой.

– Ты ничего не слышишь? – спросил заказчик.

Парень прислушался. Услышал тихое потрескивание дерева, песнь лесных птиц, беззвучный шелест нагретого на солнце воздуха.

– Вы просто пошутили? – спросил он.

Его голос прозвучал сиплым хрипом. Облегчение, надежда и страх приклеили язык к пересохшему небу.

– Прислушайся хорошенько.

Парень прислушался. Скрипело дерево, пели птицы, вздыхал теплый воздух. Больше ничего не было слышно. Тишина. Вдруг парень услышал щелчок. И вой. Низкий, быстро повысившийся до знакомой, громкой ноты. Этот звук был ему хорошо знаком. Звук мощной дисковой пилы, работающей на максимальных оборотах.

– Ну а теперь ты что думаешь? – пронзительно взвизгнул заказчик.

Глава 11

Холли Джонсон была немного разочарована тем, как Ричер оценил стоимость ее гардероба. Он предположил, что у нее пятнадцать – двадцать нарядов, каждый стоимостью около четырехсот долларов, итого тысяч восемь на одежду. В действительности у Холли в гардеробе

было тридцать четыре деловых костюма. Она проработала три года на Уолл-стрит. У нее было восемь тысяч в одной только обуви. Четыре сотни долларов она тратила на одну блузку, и то лишь когда здравый смысл подсказывал ей быть экономной.

Больше всего Холли любила Армани. У нее было тринадцать весенних костюмов этого модельера. В весенней одежде по меркам Милана в Чикаго можно было проходить все лето. Ну разве что в самую сильную августовскую жару Холли переходила на одежду от Мосчино, но в июне, июле и, если повезет, сентябре костюмы от Армани были как раз тем, что нужно. Свой любимый костюм темно-персикового цвета Холли купила в последний год работы на бирже. Какая-то загадочная итальянская смесь шелков. Раскроенная и сшитая людьми, чьи предки уже несколько сотен лет имели дело с тканями. Они смотрят на материал, оценивают его, разрезают, и он как-то сам собой принимает восхитительные мягкие формы. Затем они выставляют свое произведение на продажу, и его покупает молодая брокер с Уолл-стрит, которая носит его в течение двух лет. Именно оно надето на ней и сейчас, когда ее, уже агента ФБР, похитили среди бела дня на улице Чикаго. Костюм надет на ней и восемнадцать часов спустя, после бессонной ночи на грязной соломе в коровнике. Правда, сейчас он уже в таком виде, что Армани никогда бы не узнал в нем творение своих рук.

Трое похитителей, вернувшись, загнали грузовик задом в центральный проход коровника. Заперли ворота и исчезли. Холли рассудила, они отправились ночевать в дом. Ричер тихо спал в своем стойле, прикованный к ограждению, а она, не в силах заснуть, крутилась и металась на соломе, размышляя о нем.

Она чувствовала себя в ответе за его безопасность. Он был лишь случайным прохожим, оказавшимся замешанным в ее дела. Что бы ни готовило ей будущее, она обязательно должна позаботиться о нем. Это ее долг. Ричер тяжкой ответственность лег ей на плечи. И он лгал. Холли была абсолютно уверена в том, что он не вышибала из блюз-клуба. Семейство Джонсонов было тесно связано с армией. Вместе с отцом Холли провела на военных базах всю свою жизнь, вплоть до поступления в Йельский университет. Она знала армию. Знала военных. Холли сразу же почувствовала, что Ричер военный. Своим наметанным глазом она разглядела в нем солдата. И, самое главное, он вел себя как солдат. Вполне возможно, вышибала умеет отпирать отмычкой замки и словно обезьяна взбираться на стены, но даже если он это и сделает, в его движениях будет сквозить растерянность или, наоборот, бравада. У него это не получится так же естественно, как вдох и выдох. Ричер – молчаливый, сдержанный, физически подготовленный человек, натренированный сохранять сверхчеловеческое спокойствие. Вероятно, он лет на десять старше Холли, но ему еще меньше сорока. Рост около

шести футов пяти дюймов, массивный, вес двести двадцать фунтов, голубые глаза, редеющие светлые волосы. Достаточно внушительный для того, чтобы работать вышибалой, и возраст у него достаточный для того, чтобы он успел повидать жизнь, и все же определенно он военный. Военный, выдающий себя за вышибалу из клуба. Но почему?

Холли не имела понятия. Она неуютно ворочалась на соломе, вслушиваясь в тихое дыхание Ричера, лежащего в двадцати футах от нее. Вышибала или швейцар, старшее ее на десять лет или нет, она за него в ответе. Холли не спала. Напряженно думала. К тому же, и колено разболелось. В половине девятого, если верить ее часам, она услышала, как Ричер проснулся. Ритм его дыхания едва уловимо изменился.

– Доброе утро, Ричер, – окликнула она.

– Доброе утро, Холли. Они возвращаются.

На улице было тихо, но через некоторое время Холли различила звук шагов. Ловкость как у обезьяны, слух как у летучей мыши. Тот еще вышибала.

– Как ты? – спросил Ричер.

Холли ничего не ответила. Это она отвечает за него, а не наоборот. Послышался грохот ключа, распахнулись ворота. В коровник хлынул свет. Холли увидела просторные зеленые луга. Возможно, Пенсильвания. Трое похитителей вошли в коровник и закрыли ворота.

– Вставай, сучка, – бросил главарь.

Холли не шелохнулась. Ее охватило непреодолимое желание ни за что на свете не возвращаться в грузовик. Там слишком темно и неуютно, и дорога слишком утомительная. Холли не знала, сможет ли она продержаться там еще день, трясясь, налетая на стены, и, самое главное, не имея понятия, куда ее везут, зачем и кто. Она непроизвольно вцепилась в стальную трубу ограждения, словно собираясь оказать сопротивление. Главарь, не двинувшись с места, достал «глок». Посмотрел на Холли.

– Есть два способа. Простой и сложный.

Холли ничего не ответила. Продолжая молча сидеть на соломе, ухватившись за трубу. Урод-водитель, сделав три шага вперед, ухмыльнулся, снова уставившись на ее грудь. Под его взглядом Холли почувствовала себя обнаженной и содрогнулась от отвращения.

– Выбирай, сучка, – сказал главарь.

Холли услышала, как Ричер зашевелился в стойле.

– Нет, выбирайте вы, – окликнул он главаря. – Нам нужно пойти друг другу навстречу. Проявить взаимопонимание. Вы хотите, чтобы мы вернулись в кузов грузовика? Сделайте так, чтобы мы сами это захотели.

Голос Ричера прозвучал спокойно и ровно. Холли изумленно уставилась на него. Увидела сидящего на соломе мужчину, скованного, безоружного, совершенно беспомощного во всех мыслимых значениях этого слова перед лицом троих враждебно настроенных вооруженных людей.

– Нам нужно позавтракать, – продолжал Ричер. – Пожалуйста, тосты с виноградным джемом. И кофе, но гораздо крепче, чем вчерашнее пойло, хорошо? Хороший кофе имеет для меня очень большое значение. Вы должны это понять. Далее, положите в кузов два матраса. Один полуторный, один двойной. Сделайте нам что-то вроде дивана. И тогда мы сядем в машину.

Наступила полная тишина. Холли переводила взгляд с Ричера на главаря и обратно. Ричер, сидя на полу, спокойно смотрел главарю в лицо. Не мигая. Главарь ошеломленно таращился на него. В воздухе сгущалось напряжение. Водитель, оторвав взгляд от тела Холли, посмотрел на Ричера. В его глазах сверкнула ярость. Но тут главарь развернулся и кивком приказал подручным следовать за собой. Холли услышала, как за ними закрылись ворота.

– Ты ешь тосты? – спросил Ричер.

Потрясенная, Холли не смогла вымолвить ни слова.

– Когда тебе принесут тосты, отошли их назад, – продолжал Ричер. – Пусть приготовят другие. Скажешь, что они слишком бледные или, наоборот, подгорели. В общем, придумаешь что-нибудь.

– Черт побери, что ты делаешь?

– Психология, – объяснил Ричер. – Пора начинать занимать доминирующее положение. В подобных ситуациях это очень важно.

Холли изумленно смотрела на него.

– Делай как я говорю, хорошо? – спокойно произнес он.

* * *

Холли послушно сделала все так, как сказал Ричер. Нервный тип принес тосты. На вид они были практически безукоризненные, но девушка их отвергла. Бросив на тосты презрительный взгляд, которым может удостоиться разве что небрежно составленный балансный отчет, она заявила, что эти сухари есть не будет. Холли приходилось стоять, опираясь на одну ногу; в персиковом платье от Армани, перепачканном

коровьим навозом, она выглядела ужасно; но тем не менее ей удалось изобразить столько высокомерного презрения, что парень смутился. Вернувшись в дом, он приготовил новые тосты.

Тосты сопровождал кофейник с крепким кофе. Холли и Ричер позавтракали, звеня цепями, каждый в своем стойле, в двадцати футах друг от друга. Тем временем двое других похитителей притащили в коровник матрасы. Один полуторный, другой двуспальный. Закинув матрасы в кузов грузовика, они уложили полуторный на пол, а двуспальный, сложив под прямым углом, прислонили к стенке. Наблюдая за ними, Холли почувствовала себя гораздо лучше. Только сейчас до нее дошло, чего именно стремился добиться своими психологическими опытами Ричер. Он думал не только о похитителях. Но и о ней. Он постарался не допустить, чтобы она ввязалась в драку. Потому что она потерпела бы поражение. И Ричер пошел на риск, чтобы разрядить безнадежное противостояние. Холли была поражена. Ошеломлена. И вдруг она поймала себя на мысли: "Этот человек вывернул все наизнанку. Теперь уже*он*старается заботиться обо*мне*."

– Вы не хотите представиться? – спокойным тоном спросил Ричер. – Как-никак, нам предстоит провести вместе какое-то время, так почему бы не вести себя как культурные люди?

Главарь молча смерил его взглядом. Ничего не сказал.

– Лица ваши мы уже видели, – продолжал Ричер. – Так что если вы назовете свои имена, хуже от этого никому не станет. А нам с вами, думаю, нужно постараться установить хорошие отношения.

Подумав, главарь кивнул.

– Лодер.

Нервный переступил с ноги на ногу.

– Стиви.

Ричер кивнул. Водитель с некрасивым лицом понял, что все четверо смотрят на него. Он быстро опустил лицо.

– А я вам ничего не скажу. С какой стати я должен что-то говорить?

– И давайте уясним, – сказал тот, кого звали Лодером. – Культурные отношения – это не значит дружеские, договорились?

Он навел своей «глок» Ричеру в голову и задержал его так. У него на лице не дрогнул ни один мускул. Да, отношения никак не дружеские. Ричер кивнул. Осторожно. Они с Холли оставили тарелки и кружки на соломе. Тип по имени Лодер расстегнул наручники. Ричер и Холли встретились в центральном проходе. Под прицелом двух «глоков» и

одного ружья. Водитель ухмылялся. Спокойно выдержав его взгляд, Ричер нагнулся и подхватил Холли на руки, словно она была невесомой. Пронес десять шагов до грузовика. Осторожно поднял ее в кузов. Забрался сам. Они проползли к импровизированному дивану. Устроились поудобнее.

Задняя дверь кузова захлопнулась. Щелкнул замок. Открылись ворота коровника. Завизжал стартер, заработал двигатель. Грузовик выехал из коровника и затрясся на ухабах. Через сто пятьдесят ярдов повернул вправо и пятнадцать минут медленно ехал прямо.

– Мы не в Пенсильвании, – заметила Холли. – Дороги слишком прямые. И слишком ровные.

Ричер пожал плечами.

– И мы больше не скованы наручниками. Вот что дает психология.

Глава 12

– Это еще что за чертовщина? – выругался старший агент Макграт.

Повозившись с пультом дистанционного управления, он перемотал кассету на начало. Снова включил воспроизведение. Однако картинка на экране по-прежнему не имела никакого смысла. Ускоренное изображение дергалось, запорошенное белым «снегом».

– Черт побери, что это? – повторил Макграт.

Броган, посмотрев на экран, покачал головой. Милошевич придвинул стул. Это он принес видеокассету, поэтому он чувствовал себя за нее ответственным. Макграт снова перемотал кассету на начало и еще раз попробовал включить воспроизведение. Тот же результат. Стремительное мельтешение несвязанных картинок.

– Тащите сюда кого-нибудь из техников, – крикнул Макграт.

Милошевич воспользовался телефоном рядом с кофейным автоматом. Позвонил в технический отдел, расположенный на следующем этаже. Через минуту в зал прибежал старший специалист. Тон, которым разговаривал с ним Милошевич, заставил его поторопиться лучше любых слов.

– Эта треклятая кассета не работает, – пожаловался Макграт.

Техник взял пульт дистанционного управления со смесью уверенности и неуверенности, которую демонстрируют технические специалисты во всем мире. Они свободно обращаются с самым сложным оборудованием, но каждый конкретный аппарат обладает своими причудами. Изучив клавиши, техник большим пальцем с обгрызенным ногтем уверенно

ткнул в перемотку. Кассета с ворчанием перемоталась на начало. Техник включил воспроизведение и увидел тот же самый поток мелькающих изображений и белый «снег».

– Ты можешь это исправить? – спросил Макграт.

Остановив кассету, техник снова включил перемотку. Покачал головой.

– С кассетой все в порядке. Такой она и должна быть. Обычная дешевая система видеонаблюдения. Записывает отдельные кадры, где-то раз в десять секунд. Все равно что делает фотографии.

– Почему? – спросил Макграт.

– Дешево и просто, – объяснил техник. – Таким способом на одну кассету можно записать целые сутки. Низкая цена, к тому же не надо заботиться о том, чтобы не забыть каждые три часа переменить кассету. Ее можно будет переменить раз в день. Если исходить из разумного предположения, что похищение длилось больше десяти секунд, на кассете обязательно должно быть лицо преступника, по крайней мере один раз.

– Хорошо, – нетерпеливо сказал Макграт. – Но как же нам ее просмотреть?

Техник заработал одновременно двумя пальцами. Нажал воспроизведение и тотчас же паузу. На экране появилось четкое черно-белое изображение пустой химчистки. В нижнем левом углу дата и время – понедельник, семь тридцать пять утра. Протянув пульт Макграту, техник показал маленькую кнопку.

– Видите? Покадровый просмотр. Нажмете – перейдете на следующий кадр. Обычно это используется в спорте, понимаете? Например, в хоккее. Можно посмотреть, как шайба влетает в ворота. Или в порнухе. Можно посмотреть именно то, что хочется увидеть. Но в данном случае вы будете просто перескакивать через десять секунд. Как будто смотреть следующую фотографию, понятно?

Несколько успокоившись, Макграт кивнул.

– А почему изображение черно-белое?

– Дешевая камера, – объяснил техник. Вся система наблюдения дешевая. Такие устанавливают только потому, что этого требуют страховые компании.

Передав пульт Макграту, он направился к двери.

– Если я вам еще понадоблюсь, зовите.

Ответа техник не услышал, потому что трое агентов уже прильнули к экрану. Макграт начал дюйм за дюймом просматривать ленту. После каждого нажатия кнопки по экрану проползала широкая полоса белого «снега», а затем появлялось новое изображение, такое же серое, снятое с той же точки, с того же ракурса, но только счетчик времени в левом нижнем углу перескакивал на десять секунд. В третьем кадре за стойкой появилась женщина. Милошевич ткнул пальцев в экран.

– Это та приемщица, с которой я разговаривал.

Макграт кивнул.

– Поле зрения широкое. Видно все от стойки до входной двери.

– В видеокамере широкоугольный объектив, – заметил Броган. – Все равно что дверной глазок. Владельцу видно все. И то, как входят посетители, и то, не мухлюют ли с кассой приемщики.

Снова кивнув, Макграт продолжил медленное путешествие по утру понедельника, по десять секунд за шаг. В кадре появлялись и исчезали клиенты. Женщина за стойкой прыгала из стороны в сторону, принимая и выдавая вещи и пробивая чеки. На улице мелькали машины.

– Надо промотать до полудня, – предложил Милошевич. – Иначе уйдет слишком много времени.

Кивнув, Макграт нажал кнопку ускоренной перемотки вперед. Остановил кассету, нажал воспроизведение и паузу и попал на четыре часа дня.

– Проклятие!

Помотав кассету в ту и в другую сторону, Макграт в конце концов попал на одиннадцать часов, сорок три минуты и пятьдесят секунд.

– Точнее не получится.

Нажав кнопку покадрового просмотра, он не стал отнимать палец, и по экрану непрерывно замелькали белые полосы. Через сто пятьдесят семь кадров Макграт остановился.

– Вот она.

Милошевич и Броган прижались плечами, чтобы лучше видеть экран. Изображение показывало Холли Джонсон, вдалеке справа. Она была на улице, на тротуаре, с костылем в одной руке, с плечиками с одеждой в другой. Одним пальцем открывала дверь. Счетчик времени в левом нижнем углу показывал двенадцать часов, десять минут и десять секунд.

– Так, – тихо произнес Макграт, – будем смотреть дальше.

Он нажал кнопку, и Холли одним прыжком преодолела половину расстояния до стойки. Даже на застывшем, мутном черно-белом изображении была видна ее неловкая поза. Макграт снова нажал кнопку, и после того, как промелькнула полоса «снега», Холли уже оказалась у стойки. Через десять секунд с ней рядом стояла кореянка. Еще десять секунд, и Холли, отогнув полу одного из костюмов, что-то показывала приемщице. Вероятно, пятно грязи. Двенадцать кадров, две минуты женщины продолжали стоять, склонившись над костюмом, чуть подергиваясь от изображения к изображению. Затем кореянка исчезла, и на протяжении пяти кадров Холли оставалась одна. Пятьдесят секунд. На втором из этих кадров у нее за спиной слева появилась машина, которая на трех последующих оставалась стоять у тротуара.

Затем вернулась приемщица с кипой одежды. Застыла в неестественной позе, раскладывая вещи на стойке. Через десять секунд оторвала пять бирок. Еще через десять – еще четыре бирки, и встала за кассу.

– Девять костюмов, – заметил Макграт.

– Совершенно верно, – подтвердил Милошевич. – Пять на работу, с понедельника по пятницу, а четыре, наверное, на вечер, так?

– А как же выходные? – спросил Броган. – Может быть, пять на работу, два на вечер и два на выходные?

– А может быть, в выходные Холли ходит в джинсах, – заметил Милошевич. – В джинсах и рубашке. И стирает их в машине.

– Господи, какая разница! – остановил их Макграт.

Он нажал кнопку, и пальцы кореянки заплясали на клавишах кассового аппарата. На следующих двух кадрах было видно, как Холли расплачивается наличными и получает два доллара сдачи.

– Сколько же это может стоить? – спросил вслух Броган.

– Девять костюмов? – уточнил Милошевич. – Почти пятьдесят долларов в неделю. Я видел прейскурант. Специальная обработка, особо нежные реактивы и все такое.

На следующем кадре Холли направилась к выходной двери в левом углу. Виднелся затылок кореянки, уходящей вглубь химчистки. Времени ровно пятнадцать минут первого. Пододвинув стул, Макграт застыл в футе от мерцающего серого экрана.

– Так, Холли, и куда ты отправилась дальше?

В левой руке молодая женщина держала девять костюмов. Неуклюже поднимая плечики, чтобы одежда не волочилась по полу. Правый локоть покоился в металлическом захвате костыля, но пальцы не

сжимали рукоятку. На следующем кадре было видно, как Холли протянула правую руку, толкая входную дверь. Макграт снова нажал кнопку.

– Господи…

Милошевич громко ахнул, Броган ошеломленно раскрыл рот. Не вызывало никакого сомнения, что именно они увидели на экране. Неизвестный мужчина набросился на Холли Джонсон. Высокий, широкоплечий. Одной рукой схватил костыль, другой – плечики с одеждой. Все очевидно. Мужчина стоял, протягивая к Холли руки, вырывая у нее костыль и вещи. Видеокамера отчетливо зафиксировала его через стеклянную дверь. Трое агентов смотрели на незнакомца. В зале совещаний стояла полная тишина. Наконец Макграт снова нажал кнопку. Счетчик времени перепрыгнул еще на десять секунд. У троих агентов вырвался новый вздох.

Холли Джонсон оказалась окружена тремя мужчинами. К высокому, выхватившему у нее костыль, присоединились еще двое. Высокий стоял, перекинув плечики с одеждой через плечо, и сжимал Холли руку. Повернувшись к стеклянной двери химчистки. Словно он знал, что там находится видеокамера. Другие двое смотрели на Холли.

– Ей угрожали оружием! – воскликнул Макграт. – Твою мать, только посмотрите!

Снова ткнув кнопку, он дождался, пока внизу экрана исчезнет полоска «снега» и изображение снова станет четким. Двое новых типов держали правые руки согнутыми в локте, плечевые мышцы были напряжены.

– Машина, – высказал догадку Милошевич. – Сейчас Холли затащат в машину.

Позади Холли и троих мужчин стояла машина, подъехавшая к химчистке четырнадцать кадров назад. Она просто стояла у тротуара. Макграт нажал кнопку. Полоса «снега» проползла вниз. Случайные прохожие отскочили в сторону. Высокий, первым напавший на Холли, забирался в машину на заднее сиденье. Один из двоих других подталкивал Холли следом за ним. Другой открывал переднюю правую дверь. Через боковое стекло был отчетливо виден четвертый, сидящий за рулем.

Макграт снова нажал кнопку. Мельтешащая полоса проползла по экрану. Улица стала пустынной. Машина исчезла. Как будто ее никогда не было.

Глава 13

– Нам нужно поговорить, – сказала Холли.

– Так говори, – ответил Ричер.

Они лежали на матрасах в полумраке кузова грузовика. Их трясло и подбрасывало, но теперь уже не слишком сильно. Не вызывало сомнений, что машина ехала по шоссе. После пятнадцати минут медленной езды по прямой дороге последовало замедление, короткая остановка, затем левый поворот и равномерный разгон по развилке. Небольшой толчок, когда грузовик выскочил задним колесом на бордюр. И монотонное движение вперед, со скоростью миль шестьдесят в час, которое непрерывно продолжалось с тех самых пор и, казалось, будет продолжаться вечно.

Температура внутри кузова медленно повышалась. Теперь здесь уже было очень тепло. Ричер снял рубашку. Однако грузовик остыл, простояв целую ночь в коровнике, и Ричер решил, что пока машину будет обдувать встречный поток воздуха, в кузове будет терпимо. Проблемы начнутся только в том случае, если грузовик остановится на длительное время. Вот тогда кузов нагреется словно духовка, и снова станет так же плохо, как было вчера.

Двуспальный матрас стоял вертикально на длинной стороне, приваленный к передней стенке, а полуторный лежал на полу, образуя грубое подобие дивана. Однако прямой угол между сиденьем и спинкой делали все сооружение весьма неудобным. Поэтому Ричер отодвинул полуторный матрас назад, прокатив на нем Холли как на санях, а двуспальный уложил рядом. Получилась мягкая горизонтальная поверхность размером восемь футов на шесть футов шесть дюймов. Ричер и Холли лежали на спине, головой друг к другу, чтобы можно было разговаривать, ногами в разные стороны, и мягко покачивались в такт движению машины.

– Ты должен был сделать то, что я сказала, – начала Холли. – Бежать оттуда.

Ричер ничего не ответил.

– Ты мне обуза, – продолжала она. – Это понятно? У меня и так полно проблем, не хватает еще заботиться о тебе.

Ричер молчал. Они лежали, покачиваясь в полумраке. Ричер чувствовал аромат вчерашнего шампуня, исходящий от волос Холли.

– Итак, отныне ты будешь беспрекословно мне повиноваться, – снова заговорила Холли. – Ты меня слушаешь? Я просто не могу тратить силы, заботясь о тебе.

Повернув голову, Ричер посмотрел на Холли в упор. Она собирается о нем заботиться. Это явилось для него полной неожиданностью. Шоком. Все равно как будто он приехал на поезде на станцию и остановился на

перроне рядом с другим поездом. Его поезд трогается, начинает набирать скорость. И вдруг выясняется, что его поезд не двигается. Тронулся другой поезд. А его поезд продолжает стоять на месте. Все дело в том, что изначально была выбрана ошибочная система координат. Ричер полагал, что движется его поезд. Холли была уверена, что ее.

– Мне не нужна твоя помощь, – продолжала она. – У меня уже и так есть вся помощь, какая мне только нужна. Ты знаешь, как работает Бюро? Знаешь, что у нас считается самым тяжким преступлением? Не терроризм, не наркотики и не рэкет. Самое тяжкое преступление – это когда обижают кого-нибудь из наших. ФБР заботится о своих людях.

Ричер помолчал. Улыбнулся.

– Значит, нам обоим ничего не угрожает. Мы просто спокойно лежим на месте, и скоро сюда ворвется отряд агентов, которые нас спасут.

– Я верю в своих товарищей, – заявила Холли.

Снова наступила тишина. Грузовик монотонно катил вперед. Ричер мысленно отсчитывал расстояние. Они отъехали от Чикаго примерно на четыреста пятьдесят миль. На восток, на запад, на север или на юг. Вздохнув, Холли с помощью обеих рук поправила положение травмированной ноги.

– Болит? – участливо спросил Ричер.

– Когда сгибается. Когда лежит прямо – терпимо.

– В какую сторону мы направляемся?

– Ты сделаешь то, о чем я тебя прошу? – ответила вопросом на вопрос она.

– Воздух становится холоднее или теплее? Или не изменяется?

Холли пожала плечами.

– Не могу сказать. А что?

– Если мы едем на север или на юг, воздух должен становиться холоднее или теплее, – объяснил Ричер. – А если на восток или на запад, он должен оставаться более или менее таким же.

– На мой взгляд, температура не меняется. Однако здесь, в кузове это определить трудно.

– Шоссе почти пустое, – продолжал рассуждать вслух Ричер. – Мы не выезжаем на встречную полосу, чтобы кого-нибудь обогнать. Нам не приходится сбавлять скорость. Мы просто равномерно едем вперед.

– Ну и что?

– Возможно, это означает, что мы направляемся не на восток, – сказал Ричер. – Там ведь есть что-то вроде барьера, так? От Кливленда через Питтсбург до Балтимора. Своеобразная граница. Движение становится очень оживленным. Мы попали бы в плотный поток машин. Какой сегодня день, вторник? Около одиннадцати часов утра? Для востока дорога слишком свободна.

Холли кивнула.

– Значит, мы направляемся на север, на запад или на юг.

– В угнанном грузовике, – добавил Ричер. – Что довольно опасно.

– В угнанном? С чего ты взял?

– Потому что машина, в которую нас затолкали у химчистки, тоже была угнанная.

– Как ты это определил?

– Потому что ее сожгли, – объяснил Ричер.

Перевернувшись, Холли посмотрела ему в лицо.

– Только задумайся, – продолжал Ричер. – Представь себе план похищения. Эти типы приехали в Чикаго на своей машине. Какое-то время назад. Возможно, им потребовались две недели, чтобы следить за тобой. А то и три.

– Три недели? – удивилась Холли. – Ты думаешь, за мной следили три недели?

– Скорее всего, три, – подтвердил он. – Ты ходишь в химчистку по понедельникам, так? Раз в неделю. Похитителям потребовалось какое-то время на то, чтобы установить закономерность. И они не могли посадить тебя в свою машину. В этом случае их было бы слишком легко проследить, к тому же, в ней наверняка есть окна, поэтому она не подходит для того, чтобы перевезти на большое расстояние похищенную жертву. Поэтому я считаю, что они угнали этот грузовик в Чикаго, скорее всего, вчера утром. Закрасили надпись, которая была на кузове. Ты обратила внимание на пятно белой краски? Свежей, несколько отличающейся от остального кузова? Похитители перекрасили машину, вероятно, сменили номера. Но машина по-прежнему оставалась угнанной, так? И она нужна для того, чтобы добраться до конечной цели. Поэтому похитители не стали рисковать, разъезжая на ней по улицам Чикаго. К тому же, когда людей запихивают в кузов грузовика, это выглядит странно. Поэтому они угнали черный седан и

воспользовались им. Пересели из одной машины в другую на заброшенной стоянке, сожгли черный седан и тронулись в путь.

Холли пожала плечами. Поморщилась.

– Из твоих рассуждений никак не следует, что эти типы что-либо угоняли.

– Следует, – возразил Ричер. – Кто станет покупать новую машину с кожаным салоном, зная, что ее придется сжечь?

Холли неохотно кивнула.

– Кто эти люди? – спросила она, обращаясь не столько к Ричеру, сколько к самой себе.

– Дилетанты. Они совершают одну ошибку за другой.

– Например, какие?

– Сжигать машины глупо. Это привлекает ненужное внимание. Похитители считают, что поступили умно, но это не так. Высока вероятность, что они сожгли и ту машину, на которой приехали в Чикаго. Готов поспорить, сожгли ее неподалеку от того места, где был угнан черный седан.

– А мне кажется, это был умный ход, – заметила Холли.

– Полицейские обращают внимание на сожженные машины. Они обнаружат черный седан, выяснят, откуда он был угнан, отправятся туда и найдут ту машину, на которой похитители приехали в Чикаго. Возможно, она будет еще дымиться. Это след, Холли. Похитителям нужно было бы оставить обе машины на стоянке в аэропорту «О'Хейр». Прошел бы целый год, прежде чем на них там обратили бы внимание. А можно было бы оставить обе машины где-нибудь на Южной стороне, незапертые, с ключами в замке зажигания. Две минуты спустя двое жителей этого района получили бы себе по новому транспортному средству. И тогда эти машины никто и никогда больше не увидел бы. Вот как нужно заметать следы. Сожженная машина кажется хорошим, окончательным решением проблемы, но на самом деле это огромная глупость.

Отвернувшись, Холли уставилась на раскаленную металлическую крышу. Спрашивая себя: кто же такой на самом деле этот человек?

Глава 14

На этот раз Макграт не стал просить старшего техника спуститься на третий этаж. Он сам с видеокассетой в руке поднялся в лабораторию, расположенную на шестом этаже. Распахнул дверь и расчистил место на

ближайшем столе. Положил кассету так, словно она была сделана из чистого золота. Подоспевший старший техник удивленно посмотрел на нее.

– Мне нужно сделать фотографии, – объяснил Макграт.

Взяв кассету, техник отнес ее к стойке с видеомагнитофонами в углу. Щелкнул выключателями. Ожили три экрана, запорошенные белым «снегом».

– И ты ни одной живой душе не обмолвишься о том, что сейчас увидишь, хорошо? – сказал Макграт.

– Хорошо, – кивнул техник. – Что я должен переснять?

– Последние пять кадров. На них будет все.

Техник не стал пользоваться пультом дистанционного управления. Он нажимал кнопки прямо на видеомагнитофоне. Кассета прокрутилась назад, показав задом наперед историю похищения Холли Джонсон.

– Господи! – ахнул техник.

Он остановил ленту на том кадре, где Холли отворачивалась от стойки. Затем стал медленно прокручивать ленту вперед. Холли отскочила к двери, столкнулась лицом к лицу с высоким типом, оказалась под дулами пистолетом, села в машину. Техник перемотал кассету назад и прокрутил ее второй раз. Затем третий.

– Господи, – пробормотал он.

– Только не затри пленку, – предупредил его Макграт. – Мне нужны увеличенные снимки этих пяти кадров. Много копий.

Техник кивнул.

– Я прямо сейчас могу вывести изображение на лазерный принтер.

Он понажимал на кнопки, щелкнул тумблерами. Затем сходил в противоположный угол и загрузил компьютер. На мониторе появилась Холли, выходящая из химчистки. Техник вызвал экранное меню, щелкнул мышью.

– Дело сделано, – объявил он. – Я сохранил этот кадр на жестком диске в виде графического файла.

Вернувшись к видеомагнитофону, техник прокрутил кассету вперед на один кадр. Снова возвратился к компьютеру и сохранил кадр, на котором Холли открывала входную дверь. Повторил тот же самый процесс трижды. Распечатал все пять изображений на быстром

лазерном принтере. Макграт, подойдя к компьютеру, подхватывал теплые листы бумаги еще до того, как они падали в приемный лоток.

– Неплохо, – сказал он. – Я предпочитаю бумагу видео. Она мне кажется какой-то более осязаемой.

Техник удивленно посмотрел на него.

– Это вы правильно подметили.

– Я хочу увеличить лица, – продолжал Макграт.

– Теперь, когда снимки в компьютере, это можно сделать без труда. Вот почему компьютер лучше бумаги.

Сев за клавиатуру, он открыл четвертый файл. На экране появилось изображение Холли и троих похитителей, обступивших ее плотным кольцом. Щелкнув мышью, техник заключил лица в рамку. Снова щелкнул мышью. На экране появилось увеличенное изображение четырех лиц. Высокий тип смотрел прямо в объектив. Двое других стояли боком и смотрели на Холли.

Отправив изображение на печать, техник открыл пятый файл и вывел на экран увеличенное изображение лица водителя, сидящего в машине. Распечатал и его. Макграт выхватил из принтера новые листы.

– Хорошо. По крайней мере, ничего лучше пока что нет. Жаль, что твой чертов компьютер не может заставить всех троих повернуться лицом к объективу.

– Может, – возразил техник.

– Может? – удивился Макграт. – Это еще как?

– Ну, это не совсем так, – объяснил техник, показывая пальцем на увеличенное изображение лица Холли. – Предположим, мы хотели снять Холли в фас. В этом случае мы бы попросили ее встать перед видеокамерой и посмотреть в объектив. Но, предположим, она по какой-то причине не может двигаться. Что нам делать в этом случае? Мы можем переместить видеокамеру, правильно? Предположим, вы забрались на стойку, открутили видеокамеру от потолка, опустили ее вниз, пронесли вперед и установили прямо перед Холли. В этом случае мы бы увидели ее лицо в фас, верно?

– Ну да, – согласился Макграт.

– А теперь мы произведем расчеты, – продолжал техник. – Прикинем, что если бы установили камеру перед Холли, на какое расстояние нам пришлось бы ее переместить? Скажем, шесть футов вниз, десять футов влево, развернуть на сорок градусов – и Холли будет смотреть прямо в

объектив. Достаточно будет ввести эти данные в компьютер, и программа произведет необходимые пересчеты и нарисует новую картинку, как будто на самом деле мы переместили видеокамеру.

– И ты можешь это сделать? – недоверчиво спросил Макграт. – У тебя получится?

– Конечно, с определенной степенью погрешности, – объяснил техник. Он ткнул пальцем в лицо одного из нападавших. – Вот этот тип, к примеру, стоит к камере в профиль. Компьютер нарисует его в фас, без проблем, но относительно второй половины лица ему придется гадать, так? Он запрограммирован предполагать, что обе половины похожи друг на друга. В программу встроена некоторая асимметрия, однако если у этого типа отсутствует одно ухо или на противоположной стороне шрам, мы этого не определим.

– Хорошо, – сказал Макграт. – Что тебе нужно?

Техник выбрал общий снимок троих нападавших.

– Расстояния. Измерьте их как можно точнее. Мне нужно знать положение камеры относительно двери и уровня тротуара. А также фокусное расстояние объектива. Для масштабирования принесите фотографию Холли из личного дела. Нам же известно, как именно она выглядит, так? Ее лицо можно будет использовать для настройки параметров. Если Холли получится у меня правильно, значит, и похитители тоже получатся правильно, если исходить из предположения, что у них по два уха и так далее, о чем я уже говорил. И еще принесите мне одну плитку из тех, которыми вымощен пол в химчистке, и одежду, которая была на приемщице.

– Это еще зачем? – удивился Макграт.

– Тогда я смогу распознать оттенки серого на видеоизображении и выдать вам снимки в цвете.

* * *

Командир назначил шесть женщин из провинившихся, которым в это утро предстояло отрабатывать наказание. Он отобрал тех, чьи проступки были самые серьезные, потому что предстоящая работа должна была стать тяжелой и неприятной. Выстроив всех шестерых, командир, здоровенный широкоплечий верзила, стал расхаживать перед ними, выжидая, которая первой отведет взгляд. Удовлетворившись, что ни одна из женщин не осмелилась сделать это, он объяснил, в чем будет состоять их задача. Вся комната была залита кровью, разбрызганной мощной центробежной силой циркулярной пилы. Повсюду разлетелись осколки костей. Командир приказал женщинам греть воду на кухне и носить ее в ведрах. Щетки, половые тряпки и моющие средства они

должны будут взять на складе. Командир предупредил, что через два часа помещение должно выглядеть девственно чистым. Малейшая задержка приведет к новым наказаниям.

* * *

На то, чтобы измерить все расстояния и углы, ушло два часа. В химчистку отправились Милошевич и Броган. Закрыв заведение, они облазили его словно бригада криминалистов, производящих осмотр места преступления. Составили подробный план с точностью до четверти дюйма. Сняли установленную под потолком видеокамеру наблюдения и забрали ее с собой. Вскрыли пол и вытащили несколько плиток. Забрали одежду приемщицы, а заодно захватили два плаката, висевших на стене, решив, что это поможет восстановить цвета. После того, как Милошевич и Броган вернулись на второй этаж здания ФБР, старший техник потратил еще два часа на то, чтобы ввести всю информацию в компьютер. Затем он запустил тест, чтобы настроить программу по фотографии Холли Джонсон.

Макграт внимательно посмотрел на увеличенное изображение лица молодой женщины, выведенное на принтер. Передал его своим агентам. Последним изображение получил Милошевич; он изучал его дольше всего. Закрывая отдельные участки ладонью, прищуриваясь.

– По-моему, Холли получилась слишком худой, – наконец сказал он. – И нижний правый угол искажен. Сжат по вертикали.

– Согласен, – подтвердил Макграт. – Поэтому подбородок у Холли какой-то странный.

Вернувшись в главное меню программы, техник подправил пару параметров. Снова запустил тест. Зажужжал лазерный принтер. Из него выполз лист бумаги.

– Вот так лучше, – заметил Макграт. – И нос стал прямым.

– Колер подходит? – спросил техник.

– Персиковый цвет должен быть темнее, – сказал Милошевич. – Я имею в виду костюм. Я его хорошо помню. Дорогой, итальянский.

– Покажите, – сказал техник, выводя на экран многоцветную палитру.

Милошевич ткнул в один из квадратиков.

– По-моему, вот такой.

Техник снова запустил программу. Загудел жесткий диск, зажужжал принтер.

– Так больше похоже, – удовлетворенно произнес Милошевич. – Цвет костюма полностью совпадает. И волосы стали лучше.

– Ну хорошо, – заявил техник, сохраняя параметры на жестком диске. – Теперь принимаемся за работу.

ФБР никогда не использует самые последние модели техники. Считается лучше работать с тем, что уже проверено в работе. Поэтому компьютер старшего техника работал не так быстро, как компьютеры богатых мальчиков, живущих в престижных домах на Северном берегу. Но ненамного медленнее. Через сорок минут Макграт получил пять распечатанных на принтере изображений. Четыре крупных плана лиц похитителей и снимок их машины. Все изображения в цвете, несмотря на сильное увеличение без заметного зерна. Макграт пришел к выводу, что лучших снимков ему еще не приходилось видеть.

– Спасибо, – поблагодарил он старшего техника. – Отлично сработано. Лучшее, что было сделано в этих стенах за все последнее время. Но никому ни слова. Рот на замке, договорились?

Он похлопал техника по плечу, и тот проникся уверенностью, что он самый важный человек во всем отделении.

* * *

Шестеро женщин трудились усердно и уложились точно в срок. Сложнее всего им пришлось с тонкими щелями между досками. Щели оказались слишком большими для того, чтобы в них затекла кровь, но слишком узкими, чтобы туда проникал ворс щеток. Женщинам пришлось вымывать бурые подтеки, обильно поливая их водой. Доски потемнели. Женщины молили бога о том, чтобы от влаги они не начали коробиться. Двоих вырвало. Это увеличило объем работ. И все же женщинам удалось успеть закончить отмывать комнату к приходу командира. Выстроившись вдоль стены, они ждали, пока он проверял их работу. Командир заглянул повсюду. Половицы скрипели под его грузной тушей. Но в конце концов он остался доволен работой и дал женщинам еще два часа на то, чтобы они отмыли от пятен крови коридор и лестницу, через которые тащили труп.

* * *

С машиной все оказалось просто. В ней сразу же опознали «Лексус». Четырехдверный седан. Последняя модель. На это однозначно указали форма бампера и решетка радиатора. Цвет или черный, или темно-серый. Определить точнее было невозможно. Компьютерная программа могла многое, и все же ей было не по силам однозначно определить цвет темного автомобиля, стоявшего на ярком солнце.

– Угнана? – спросил Милошевич.

Макграт кивнул.

– Практически стопроцентно. Займись проверкой, хорошо?

Колебания курса иены все равно не могли повлиять на тот факт, что стоимость нового «Лексуса» была приблизительно равна годовому заработку Милошевича, поэтому он сразу понял, где следует искать, а куда можно и не соваться. Милошевич решил, что южнее Петли забираться не следует. Поэтому он связался с полицией Чикаго, а затем со всеми участками на Северном берегу до самого озера Форест.

Попадания в цель Милошевич добился перед самым полуднем. Правда, он получил не совсем то, что искал. Не угнанный «Лексус», а пропавший. Милошевичу перезвонили из полицейского участка в Уилметте и сообщили, что один зубной врач выехал оттуда на работу на новеньком «Лексусе» в семь часов утра и поставил машину на стоянку перед клиникой. Мануальный терапевт, работающий в соседнем кабинете, видел, как дантист сворачивал на стоянку. Но в клинике он так и не появился. Медсестра позвонила домой, и жена связалась с полицией Уилметта. Приняв ее заявление, полицейские не предприняли никаких действий. Им уже не раз приходилось иметь дело с исчезнувшими мужьями. Они сообщили Милошевичу, что фамилия зубного врача Рубин, машина у него цвета «черный металлик», а номерной знак тщеславный дантист заказал себе индивидуальный: ОРТО 1.

Не успел Милошевич положить трубку, как телефон зазвонил снова. Это было сообщение от управления пожарной охраны Чикаго. Пожарный расчет выехал на тушение горящего автомобиля. Столб маслянистого черного дыма поднимался над пустырем неподалеку от аэропорта «Мейгс». Прибыв на место, расчет обнаружил пылающий черный «Лексус». Рассудив, что машину все равно уже не спасти, пожарные решили не тратить пену и просто дали «Лексусу» догореть до конца. Уточнив, где именно это произошло, Милошевич побежал к Макграту за приказаниями.

– Поезжай туда, проверь все, – ответил тот.

Милошевич кивнул. Ему всегда нравилось бывать в разъездах. Это давало возможность прокатиться на новеньком «Форде Эксплорере», который Милошевич предпочитал убогим машинам Бюро. И начальство ничего не имело против, потому что он никогда не клянчил на бензин для личной машины. Поэтому Милошевич проехал на своем новом, большом, сверкающем внедорожнике пять миль на юг и без труда обнаружил дымящийся остов «Лексуса». Машина стояла на неровной бетонной площадке за заброшенным промышленным зданием. Покрышки сгорели дотла, и машина стояла на ободьях. Номерной знак еще можно было разобрать: ОРТО 1. Смахнув пепел, еще теплый,

Милошевич вытащил из замка зажигания обугленный ключ и открыл багажник. Тотчас же отшатнулся назад. Его вырвало. Он стоял, обливаясь потом, и сплевывал на бетон кислую желчь. Наконец, придя в себя, Милошевич достал сотовый телефон и позвонил в кабинет Макграта.

– Я разыскал дантиста.

– Где?

– В багажнике собственной машины, – пробормотал Милошевич. – Поджаренного на медленном огне. Похоже, когда машина загорелась, он был еще жив.

– Господи, – ахнул Макграт. – Ты думаешь, это как-то связано?

– Никаких сомнений.

– Ты уверен?

– Никаких сомнений, – повторил Милошевич. – Я нашел кое-что еще. Сильно обгоревшее, но сомнений нет. Пистолет 38-го калибра и металлические петли, как в дамской сумочке. Монеты, тюбик губной помады, металлические детали сотового телефона и пейджера. И девять проволочных плечиков на полу. Какие выдают в химчистке.

– Господи, – повторил Макграт. – Какие выводы?

– Преступники угнали «Лексус» в Уилметте, – сказал Милошевич. – Вероятно, дантист застиг их за этим занятием. Его избили и запихнули в багажник. А потом сожгли вместе с остальными уликами.

– Проклятие! – выругался Макграт. – Но где Холли? У тебя никаких мыслей?

– Ее отвезли в аэропорт «Мейгс». До него около полумили. Посадили в частный самолет, а машину бросили здесь. Именно так все и произошло. Холли переправили по воздуху. Четыре типа, способные сжечь человека заживо, – они переправили ее неизвестно куда. Возможно, она уже в миллионе миль отсюда.

Глава 15

Белый грузовик монотонно катил вперед еще час, преодолев за это время еще около шестидесяти миль. Часы у Ричера в голове отсчитали от одиннадцати до двенадцати часов дня. Он начал ощущать первые признаки беспокойства. Прошли уже сутки. Двадцать четыре часа. Завершилась первая фаза, началась вторая. И пока никакого прогресса. И становилось неуютно. Воздух в закрытом кузове накалился. Ричер и Холли лежали на горячих матрасах. Темные волосы Холли,

рассыпавшиеся веером, были мокрые от пота. С левого бока они падали Ричеру на голое плечо.

– Это потому что я женщина? – спросила она. – Или потому что моложе? Или и то, и другое?

– Что потому? – устало переспросил Ричер.

– Ты полагаешь, что должен заботиться обо мне, – продолжала Холли. – Ты беспокоишься обо мне, потому что я молодая и я женщина, верно? Ты считаешь, что я нуждаюсь в помощи более опытного мужчины.

Ричер зашевелился. На самом деле у него не было никакого желания двигаться. Ему было неудобно, но он был доволен тем, что имел. В особенности ему было приятно ощущать прикосновение волос Холли к плечу. В жизни всегда так. Во всем можно найти свои светлые стороны.

– Итак? – настаивала Холли.

– Твой пол тут ни при чем, Холли, – ответил Ричер. – И возраст тоже. Но помощь тебе нужна, так?

– Я молодая женщина, а ты многоопытный мужчина. Следовательно, ты и есть тот, кто будет помогать, а не наоборот, правильно?

Ричер покачал головой, не отрывая ее от матраса.

– Твой пол тут ни при чем, – повторил Ричер. – И возраст тоже. Я хочу тебе помочь только потому, что ты нуждаешься в помощи, а я могу ее оказать.

– Ты рискуешь по-глупому, – настаивала Холли. – Провоцируешь похитителей, настраиваешь их против нас. Пойми же, так ты ничего не добьешься. Нас обоих прикончат.

– Чушь, – возразил Ричер. – Эти ублюдки должны видеть в нас людей, а не груз.

– Кто это сказал? – отрезала Холли. – С чего это ты вдруг стал крупным специалистом?

Он пожал плечами.

– Позволь задать тебе один вопрос. Если бы ты была на моем месте, ты бы бросила меня одного в коровнике?

Холли задумалась.

– Разумеется, бросила бы.

Ричер улыбнулся. Возможно, Холли говорила правду. За это он проникся к ней симпатией.

– Ну хорошо. Когда ты в следующий раз прикажешь мне уйти, я исчезну. Без возражений.

Холли молчала довольно долго.

– Ладно, – наконец сказала она. – Если ты действительно хочешь мне помочь, ты поступишь именно так.

Ричер пожал плечами. Передвинулся на полдюйма ближе к ней.

– Для тебя это может кончиться очень плохо. Если я сбегу, ублюдки могут запаниковать и смыться, предварительно прикончив тебя.

– И все же я рискну, – упрямо заявила Холли. – За это мне и платят.

– Но кто нас похитил? – спросил Ричер. – И что этим людям нужно?

– Понятия не имею.

Холли ответила слишком быстро. Ричер понял, что она догадывается.

– Им ведь нужна ты, правильно? – продолжал он. – Или ты лично, или им был нужен любой агент ФБР, а ты просто подвернулась под руку. Сколько в Бюро агентов?

– В ФБР двадцать пять тысяч сотрудников, – сказала Холли. – Из них десять тысяч агенты.

– Хорошо. Значит, похитителям нужна лично ты. Один на десять тысяч – шансы на случайное совпадение слишком малы. Ими можно пренебречь.

Холли отвела взгляд. Ричер вопросительно посмотрел на нее.

– Холли, почему выбрали именно тебя?

Пожав плечами, она покачала головой.

– Не знаю.

Слишком быстро. Ричер снова посмотрел на нее. Голос Холли звучал уверенно, но в нем присутствовал какой-то вызов.

– Я ничего не знаю, – повторила она. – Могу только предположить, что меня по ошибке приняли за кого-то другого.

Рассмеявшись, Ричер повернулся к ней. Коснувшись щекой ее волос.

– Ты шутишь, Холли Джонсон. Такую женщину как ты невозможно ни с кем спутать. И за тобой следили на протяжении трех недель. Времени достаточно, чтобы хорошо познакомиться.

Усмехнувшись, Холли отвернулась и уставилась на металлическую крышу.

– Увидев один раз, не забудешь никогда, так? Эх, если бы.

– Ты в этом сомневаешься? – сказал Ричер. – Ты самая красивая женщина из всех, кого я видел на этой неделе.

– Спасибо, Ричер. Сегодня вторник. Ты впервые увидел меня в понедельник. Так что это весьма сомнительный комплимент.

– Но ты поняла мою мысль.

Холли уселась на полу, согнувшись в пояснице, как гимнастка, и обеими руками передвинула в сторону больную ногу. Опустилась на матрас, опираясь на локоть. Закинула волосы за ухо и посмотрела на Ричера.

– Я никак не могу в тебе разобраться.

Ричер спокойно выдержал ее взгляд. Пожал плечами.

– Если у тебя есть какие-то вопросы, задавай их. Я обеими руками за свободу информации.

– Хорошо. Вот первый вопрос: кто ты такой, черт побери?

Пожав плечами, Ричер улыбнулся.

– Джек Ричер. Без среднего имени, возраст тридцать семь лет и восемь месяцев, не женат, работаю вышибалой в клубе в Чикаго.

– Неправда!

– Неправда? – повторил он. – Какая именно часть? Имя, возраст, семейное положение или род занятий?

– Род занятий. Ты не вышибала из клуба.

– Вот как? А кто же я?

– Ты военный, – уверенно заявила Холли. – Ты служишь в армии.

– Да?

– Это очевидно. Мой отец военный. Всю свою жизнь я провела на военных базах. До тех пор, пока мне не исполнилось восемнадцать, я видела вокруг себя одних военных. Я знаю, как они выглядят. Знаю, как они себя ведут. Я догадывалась, что ты служишь в армии. А когда ты снял рубашку, я убедилась наверняка.

Ричер усмехнулся.

– Почему? Это очень грубый поступок, выдающий настоящего солдафона?

Холли улыбнулась. Покачала головой. Рассыпав волосы. Согнув палец крючком, она зачесала их обратно за ухо.

– Шрам у тебя на животе. Швы наложены ужасно. Это работа полевого госпиталя. Вся операция заняла не больше полутора минут. Если бы такие швы наложил гражданский хирург, на него сразу же подали бы в суд за профессиональную некомпетентность.

Ричер провел пальцем по затянувшейся ране. Швы напоминали схему железнодорожных путей оживленной станции.

– У того парня было очень много работы. На мой взгляд, получилось весьма неплохо, принимая в расчет обстоятельства. Это было в Бейруте. Моя рана по серьезности шла в самом конце списка. Я лишь медленно истекал кровью.

– Значит, я права? – сказала Холли. – Ты военный?

Усмехнувшись, Ричер покачал головой.

– Я вышибала в клубе, как я уже говорил. Заведение на Южной стороне, там исполняют блюз. Тебе следует как-нибудь заглянуть в него. Он гораздо лучше, чем те места, куда водят туристов.

Холли перевела взгляд с огромного шрама на лицо. Поджала губы и медленно покачала головой. Ричер кивнул, уступая.

– Я действительно служил в армии. Но уволился, четырнадцать месяцев назад.

– В каких частях?

– Военная полиция.

Холли насмешливо покачала головой.

– Худшие из худших. Вас никто не любит.

– Можешь мне не рассказывать.

– Это многое объясняет, – согласилась Холли. – Вы проходите специальную подготовку. Так что ты действительно знаешь, что к чему. Черт побери, ты должен был сразу же выложить все начистоту. А теперь мне, наверное, нужно извиниться перед тобой за свои слова.

Ричер ничего не ответил.

– В каких краях ты служил?

– Мне пришлось поколесить по всему свету. Европа, Дальний Восток, Ближний Восток. Проще сказать, где я не побывал.

– Звание?

– Майор.

– Медали?

Ричер пожал плечами.

– Пара десятков. Самых разных. Ты же должна это знать. Разумеется, медали армейских театров. Плюс Серебряная звезда, две Бронзовых, «Пурпурное сердце» за Бейрут, медали за участие в операциях в Панаме и на Гренаде, за «Щит в пустыне» и «Бурю в пустыне».

– Серебряная звезда? – спросила Холли. – За что?

– За Бейрут. Вытащил кое-кого из бункера.

– И был при этом ранен? Вот как ты получил шрам и «Пурпурное сердце»?

– Я уже был ранен до того, как попал в бункер. Наверное, именно это произвело впечатление на начальство.

– Значит, ты герой?

Усмехнувшись, Ричер покачал головой.

– Вовсе нет. Я ничего не чувствовал. Ни о чем не думал. Я не оправился от шока. Лишь через какое-то время я понял, что меня зацепило. Если бы я это знал, я бы свалился без чувств. Из распоротого живота вываливались внутренности. Выглядели они ужасно. Ярко-розовые, мясистые.

Холли помолчала. Грузовик катил вперед. Проехал еще двадцать миль. На север, на запад или на юг. Вероятно.

– Сколько лет ты прослужил в армии?

– Всю свою жизнь. Мой старик служил в морской пехоте, его тоже побросало по всему свету. Он женился на француженке в Корее. Я родился в Берлине. До девяти лет ни разу не был в Штатах. А едва попав в них, сразу же отправился на Филиппины. Наша семья кружила по всему миру. Дольше всего на одном месте – четыре года – я пробыл, когда учился в академии Вест-Пойнт. Затем я сам пришел в армию, и все началось сначала. Теперь уже я сам кружил по всему миру.

– Где сейчас твои родные? – спросила Холли.

– Умерли. Старик умер – когда? Кажется, десять лет назад. Два года спустя умерла мать. Я похоронил вместе с ней Серебряную звезду. На самом деле, это она заслужила ее. Она не уставала повторять: «Делай то, что должен делать.» По миллиону раз на день, с сильным французским акцентом.

– Братья и сестры?

– У меня был брат. Он умер в прошлом году. Насколько мне известно, я последний Ричер на земле.

– Когда ты уволился?

– В апреле прошлого года. Четырнадцать месяцев назад.

– Почему?

Ричер пожал плечами.

– Полагаю, просто потерял интерес. Началось сокращение расходов на оборону. Армия стала слишком большой. И мне показалось, что раз не нужна большая и хорошая армия, я тоже не нужен. Мне не хотелось быть частью чего-то маленького и второсортного. Поэтому я уволился. Ну как, ты считаешь меня заносчивым дураком?

Холли рассмеялась.

– И ты стал вышибалой? Подумать только! Из майора, награжденного боевыми медалями, в вышибалы! По-моему, это уже полная деградация.

– Все было совсем не так. Я вовсе не собирался становиться вышибалой – то есть, превращать эту работу в дело всей жизни. Это лишь временное. В Чикаго я попал только в пятницу. И намеревался уехать где-нибудь в среду. Я собирался отправиться, например, в Висконсин. Кажется, в это время года там очень неплохо.

– С пятницы по среду? – удивилась Холли. – Ты такой неусидчивый?

– Наверное. На протяжении тридцати шести лет я всегда делал то, что мне приказывали другие. Вел строго упорядоченную жизнь. И сейчас, наверное, я восстал против нее. Мне нравится переезжать с места на место тогда, когда я этого хочу. Что-то вроде наркотика. Уволившись из армии, я однажды провел на одном месте десять дней – самый большой срок. Это было прошлой осенью, в Джорджии. Десять дней за четырнадцать месяцев. Все остальное время я практически непрерывно находился в движении.

– Зарабатывая на жизнь вышибалой в ночных клубах? – спросила Холли.

– Этот случай вообще из ряда вон выходящий. Большую часть времени я вообще не работаю, а живу на сбережения. Но я приехал в Чикаго вместе с одним певцом, дальше одно за другим – и мне предложили поработать в клубе, куда направлялся этот парень.

– А чем ты занимаешься, когда не работаешь? – спросила она.

– Смотрю по сторонам. Не забывай, что я тридцатисемилетний американец, но я на самом деле почти не был в Америке. Ты поднималась на смотровую площадку небоскреба «Эмпайр-стейт билдинг»?

– Разумеется.

– А я не поднимался, – признался Ричер. – До прошлого года. Ты была в музеях Вашингтона?

– Естественно.

– А я не был. До прошлого года. И все такое. Бостон, Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Новый Орлеан, гора Рашмор, залив Золотые ворота, Ниагарский водопад. Я веду себя как турист. Наверстываю упущенное, да?

– А у меня все наоборот, – сказала Холли. – Я люблю путешествовать за границей.

Ричер пожал плечами.

– Лично я уже достаточно насмотрелся за границей. На всех шести континентах. И пока что мне хочется оставаться здесь.

– Я повидала все Штаты. В свое время мой отец поездил по всему свету, но мы жили здесь, если не считать двух поездок в Германию.

Ричер кивнул. Вспомнил время, которое провел в Германии сам, сначала в детстве, затем уже взрослым человеком. Всего несколько лет.

– И именно в Европе ты полюбила европейский футбол?

– Верно. Там его все любят. Однажды нам пришлось остановиться рядом с Мюнхеном. Я тогда была еще маленькой, лет одиннадцать. Моему отцу дали билеты на важный матч в Роттердаме, это в Голландии. Финал европейского кубка, мюнхенская «Бавария» против одной английской команды. «Астон вилла», слышал о такой?

Ричер кивнул.

– Из Бирмингема. Одно время я был расквартирован в Оксфорде. Это в часе езды.

– Я почему-то возненавидела немцев, – продолжала Холли. – Такие заносчивые, такие наглые. Уверенные, что учинят англичанам полный разгром. Я не хотела идти на стадион и быть свидетелем этого. Но мне пришлось. Этого требовал протокол НАТО, если бы я не пошла, разразился бы большой скандал. Поэтому мы пошли всей семьей. И англичане разделали немцев. Немцы были в ярости. Я была в восторге. А ребята из «Астон виллы» играли так классно. Вот тогда я и влюбилась в футбол. И люблю его до сих пор.

Ричер кивнул. Ему тоже нравился европейский футбол. Однако он привыкал к нему постепенно, с раннего детства. Игра на первый взгляд очень незатейливая, но на самом деле техничная и увлекательная. Полная скрытых сюрпризов. Ричер мог понять, как маленькая девочка много лет назад заразилась в Европе футболом. Стадион в Роттердаме, заполненный ликующей толпой, яркие огни прожекторов. Девочка начинала следить за игрой с неохотой, но вскоре ее зачаровали движения белого мяча по зеленому газону. К концу матча она уже окончательно влюбилась в эту игру и сохранила любовь с тех пор. И все же в словах Холли Ричер услышал тревожный звонок. Как мог отказ одиннадцатилетней дочери американского военного присутствовать на матче стать причиной конфликта в руководстве НАТО? Но, кажется, Холли сказала именно так?

– Кто твой отец? – спросил Ричер. – Судя по твоим словам, он был каким-то большим шишкой.

Холли пожала плечами. Ничего не ответила. Ричер долго смотрел на нее. У него в голове зазвонил еще один тревожный звонок.

– Холли, черт побери, кто твой отец?

Ее лицо стало каменным. Молчание.

– Кто, Холли? – настойчиво повторил Ричер.

Она отвернулась. Заговорила, обращаясь к стальному борту грузовика. Ее голос потонул в шуме дороги. Но в нем прозвучал вызов.

– Генерал Джонсон, – едва слышно произнесла Холли. – В то время он был главнокомандующим вооруженных сил НАТО в Европе. Ты его знаешь?

Потрясенный Ричер молча смотрел на нее. Генерал Джонсон. Холли Джонсон. Отец и дочь.

– Я с ним встречался, – наконец сказал он. – Но ведь дело не в этом?

Холли яростно сверкнула глазами.

– А в чем? В чем, черт побери?

– Это и есть причина. Твой отец – самый высокопоставленный военный в Америке, так? Вот почему тебя похитили, Холли. Этим ребятам нужна не Холли Джонсон, агент ФБР. Бюро вообще оказалось замешано случайно. Им нужна дочь генерала Джонсона.

Повернувшись, Холли посмотрела на него так, словно он дал ей пощечину.

– Ну почему? Ну почему, черт возьми, все считают, что все происходящее со мной как-то связано с тем, кто мой отец?

Глава 16

Взяв с собой Брогана, Макграт встретился с Милошевичем в аэропорту «Мейгс». Он также захватил с собой четыре фотографии, выполненные с помощью компьютера, и снимок Холли Джонсон. Макграт рассчитывал на полное взаимопонимание со стороны обслуживающего персонала аэропорта. И он его нашел. Да и как иначе можно было встретить троих агентов ФБР, переживающих за своего коллегу?

«Мейгс» – небольшой аэропорт, обслуживающий коммерческие рейсы, находится на самом берегу озера и с трех сторон окружен водой. Расположенный в самом конце Двенадцатой улицы, он судорожно пытается выжить в тени своего гигантского собрата «О'Хейра».

Вся документация аэропорта была в полном порядке, администраторы знали свое дело. Не настолько, чтобы мгновенно ответить на вопросы сотрудников ФБР, свалившихся как снег на голову, но все же чувствовалось, что они зарабатывают на жизнь в соперничестве с крупнейшим в мире аэропортом. Сотрудники «Мейгса» горели желанием помочь, и с их помощью Макграт уже через тридцать секунд понял, что этот путь ведет в тупик.

Обслуживающий персонал «Мейгса» решительно заявил, что никогда не видел ни Холли Джонсон, ни кого-либо из четверых похитителей. И уж точно не в понедельник, около часа дня. В этом они были категоричны. Причем их уверенность не была напускной. Это была уверенность людей, изо дня в день провожающих маленькие самолеты в самое оживленное воздушное пространство на планете.

И в понедельник из «Мейгса» между полуднем и, скажем, тремя часами дня не вылетел ни один подозрительный самолет. Это не вызывало сомнений. Документы однозначно показывали это. Трое агентов разочарованно покинули администрацию аэропорта. Сотрудники «Мейгса» забыли о них еще до того, как они дошли до своих машин.

– Итак, возвращаемся на первую клетку, – сказал Макграт. – Отправляйтесь в Уилметт прояснить дело с этим зубным врачом. Меня

ждут другие дела. И я должен позвонить Уэбстеру. Полагаю, в Вашингтоне от волнения уже на стены лезут.

* * *

В тысяче семистах двух милях от аэропорта «Мейгс» молодой человек, удалившись в лес, ждал инструкций. Он был хорошим, подготовленным агентом, однако у него не было опыта оперативной работы. Спрос на агентов, которых можно было бы внедрять в различные преступные группировки, всегда превышает предложение. Бюро приходится напрягаться, чтобы заткнуть все дыры. Этим и определяется выбор таких неопытных людей. Парень надеялся, что до тех пор, пока он будет помнить, что не знает ответы на все вопросы, все будет в порядке. Самолюбие ему нисколько не мешало. Он был всегда готов спросить указаний. Он действовал очень осторожно. Трезво оценивал свои способности. И сейчас парень понимал, что столкнулся с чем-то, что выходило за границы его возможностей. Дела непреклонно шли все хуже и хуже, угрожая взорваться настоящей катастрофой. Что именно могло произойти, парень не знал. Просто его не покидало нехорошее предчувствие. Но он доверял своим чувствам. Доверял настолько, что, не доходя до своего тайника, остановился и развернулся. Выдохнув, переменил решение и пошел в ту сторону, откуда только что пришел.

* * *

Уэбстер ждал звонка Макграта. Это было очевидно. Макграта сразу же соединили с директором, как будто тот просто сидел в своем кабинете и ждал, когда зазвонит телефон.

– Есть какие-нибудь успехи? – спросил Уэбстер.

– Да, кое-что. Мы установили, что именно произошло. Все случившееся зафиксировано видеокамерой наблюдения в химчистке. Холли вошла в десять минут первого. Вышла через пять минут. Ее встретили четверо. Трое стояли на улице, один ждал в машине. Они схватили Холли.

– И что дальше?

– Похитители приехали на угнанном «Лексусе». Судя по всему, владельца они убили. Они перевезли Холли на пять миль и сожгли машину. Вместе с владельцем, запертым в багажник. Он сгорел заживо. Зубной врач, по фамилии Рубин. Что сталось с Холли, нам пока что неизвестно.

Гарланд Уэбстер ответил не сразу.

– Есть смысл тщательно обыскать окрестности? – наконец спросил он.

Настал черед Макграта задуматься. Понять, что именно имел в виду Уэбстер. Искать место, где затаились похитители, или еще один труп?

– Мое нутро говорит, нет, – сказал Макграт. – Похитители должны понимать, что мы обязательно прочешем всю округу. Мне кажется, Холли уже перевезли в другое место. Возможно, очень далеко.

Снова наступила тишина. Макграт буквально слышал, как работают мысли Уэбстера.

– Думаю, я должен с тобой согласиться, – наконец сказал директор ФБР.

– Ее перевезли. Но как? Сухопутным путем? По воздуху?

– Только не по воздуху, – решительно заявил Макграт. – Мы изучили все коммерческие рейсы, состоявшиеся вчера. Ничего не подходит.

– Ну а если Холли вывезли вертолетом? – предположил Уэбстер. – Тайком, не ставя в известность авиадиспетчеров?

– В Чикаго это невозможно. Особенно по соседству с «О'Хейром». Здесь больше радиолокаторов, чем во всей военной авиации. Если бы в воздухе появился неопознанный вертолет, мы бы об этом знали.

– Ну хорошо, – согласился Уэбстер. – Это дело надо распутать как можно скорее. Убийство и похищение – Мак, меня не покидает нехорошее чувство. Ты предполагаешь наличие второй угнанной машины? Которая встречалась с «Лексусом»?

– Вероятно, – подтвердил Макграт. – Сейчас мы как раз это проверяем.

– Есть какие-нибудь мысли по поводу того, кто похитители?

– Нет, – признался Макграт. – Нам удалось получить с видеокассеты довольно неплохие снимки. Обработанные компьютером. Немедленно высылаем их вам. Похитителей четверо, белые, возраст между тридцатью и сорока годами, трое чем-то похожи друг на друга, нормальное телосложение, опрятные, коротко остриженные волосы. Четвертый тип высокий, по оценке компьютера, шесть футов пять дюймов. По моим предположениям, именно он у них главный. Это он первый схватил Холли.

– Относительно мотива есть какие-нибудь предположения?

– Пока что никаких.

Снова наступила тишина.

– Ну хорошо, – сказал Уэбстер. – Никому ни слова.

– Молчу как рыба. Нас всего трое.

– Кого ты пригласил?

– Брогана и Милошевича.

– Ребята толковые?

Макграт недовольно фыркнул. Как будто иначе он выбрал бы их!

– Оба близко знакомы с Холли, – объяснил он. – И оба знают свое дело.

– Не нытики? – спросил Уэбстер. – Спокойные, серьезные люди, такие, какие были раньше?

– На моей памяти они ни разу не жаловались. Ни на что. Оба выполняют любую работу, оба готовы задерживаться допоздна. И я ни разу не слышал, чтобы они ворчали по поводу зарплаты.

Уэбстер рассмеялся.

– Слушай, а клонировать их нельзя?

Недолгая вспышка веселья быстро погасла. И все же Макграт оценил попытку директора разрядить обстановку.

– Сэр, а у вас как дела?

– Что ты имеешь в виду, Мак? – тон Уэбстера снова стал серьезным.

– Старик вас не слишком донимает? – объяснил Макграт.

– Какой?

– Генерал.

– Пока что нет, – сказал Уэбстер. – Он справлялся сегодня утром, однако говорил исключительно вежливо. Впрочем, так бывает всегда. Первые день – два родители, как правило, сохраняют спокойствие. Все проблемы начинаются позже. И генерал Джонсон вряд ли станет исключением. Хоть он и большая шишка, под внешней оболочкой люди ведь одинаковые, правильно?

– Правильно, – подтвердил Макграт. – Если он захочет узнавать все из первых рук, пусть звонит мне. Быть может, ему так будет легче.

– Хорошо, Мак, спасибо, – сказал Уэбстер. – Но я полагаю, о зубном враче нам лучше пока помолчать. С ним все дело начинает выглядеть гораздо хуже. Направляй мне все, что у тебя будет. Я посажу наших людей за работу. И ни о чем не беспокойся. Мы вернем Холли. Бюро заботится о своих, так? И всегда выручает тех, кто попал в беду.

* * *

Выйдя из леса, парень столкнулся нос к носу с командиром. У него хватило ума вытянуться в струнку и отдать честь. Он заметно нервничал, однако это можно было отнести к обычному волнению новобранца,

столкнувшегося с командиром. Ничего подозрительного. Парень стоял и ждал, когда к нему обратятся.

– Для тебя есть работа, – сказал командир. – Ты ведь молод, так? Разбираешься в технике?

Парень с опаской кивнул.

– Так точно, сэр, имею кое-какой опыт.

– Мы раздобыли новую игрушку, – сказал командир. – Сканер, прослушивает радиочастоты. Я хочу следить за эфиром.

У парня заледенела кровь.

– Зачем, сэр? Вы полагаете, кто-то использует радиопередатчик?

– Такое не исключено, – подтвердил командир. – Я не доверяю никому и подозреваю всех. Осторожности никогда не может быть слишком много. И особенно сейчас. Надо вникнуть в мелочи. Знаешь это выражение? «Гений проявляется в мелочах.»

Сглотнув комок в горле, парень кивнул.

– Так что разворачивай сканер, – сказал командир. – Надо будет организовать посменное дежурство. Две смены, шестнадцать часов в день, хорошо? Сейчас нам необходима постоянная бдительность.

Развернувшись, командир пошел прочь. Кивнув, парень облегченно вздохнул. Непроизвольно оглянулся в ту сторону, где остался тайник, и поблагодарил бога за то, что прислушался к предчувствию.

* * *

Милошевич отвез Брогана в Уилметт в своей новой машине. Они завернули к почтовому отделению, чтобы Броган отправил алименты своим бывшим женам. Затем направились к дому, в котором жил убитый дантист. У стоянки за домом дежурил полицейский в форме. Он даже не попытался извиниться за то, что его коллеги положили под сукно заявление жены. Милошевич устроил ему разнос, словно бедняга был лично в ответе за похищение Холли Джонсон.

– Мужья часто исчезают, – оправдывался полицейский. – Такое происходит сплошь и рядом. Это же Уилметт. Мужчины здесь такие же, как и везде, но только у них гораздо больше денег, на которые можно исчезнуть. Что мы могли сделать?

Милошевич был неумолим. Полицейский совершил две ошибки. Во-первых, он предположил, что ФБР в Уилметт привело убийство зубного врача. Во-вторых, его больше беспокоило то, как прикрыть свою задницу, и он понятия не имел о четырех убийцах, среди бела дня

схвативших прямо на улице Холли Джонсон. Но затем он искупил свою вину.

– Что случилось с народом? – сказал полицейский. – Повадились жечь машины. Какой-то козел сжег машину на берегу озера. Теперь надо убирать ее остов. Местные жители подняли шум.

– Где именно это случилось? – встрепенулся Милошевич.

Полицейский пожал плечами. Постарался описать место как можно точнее.

– На стоянке на самом берегу. На Шеридан-роуд, рядом с парком Вашингтона. Ничего подобного мне видеть не приходилось, по крайней мере, в Уилметте.

Милошевич и Броган захотели взглянуть на место своими глазами. Они поехали следом за сверкающей полицейской машиной. Полицейский проводил их до озера. Оказалось, этот была не легковая машина, а пикап, десятилетний «Додж». Без номеров. Облитый бензином, он сгорел практически дотла.

– Это произошло вчера, – объяснил полицейский. – Машину обнаружили где-то в половине восьмого утра. Ее видели водители, направлявшиеся на работу, и один за другим звонили нам. – Он обошел вокруг обгорелого остова. – Мое мнение – машина не местная.

– Почему? – спросил Милошевич.

– Ей ведь десять лет, так? В наших краях есть несколько пикапов, но они все новенькие, как игрушечные. Восьмицилиндровые двигатели, сверкающие хромированные поверхности. Такое старье никто держать не будет.

– Ну а садовники, монтеры, прислуга?

– Но зачем ее жечь? – спросил полицейский. – Если старая машина больше не устраивает, ее просто меняют на новую. Зачем выбрасывать деньги?

Подумав, Милошевич кивнул.

– Ну хорошо. Тогда пикапом займется Бюро. Мы пришлем тягач, чтобы его забрали. А вы до тех пор охраняйте машину. Никого к ней близко не подпускайте, понятно?

– А в чем дело? – удивился полицейский.

– На этой машине приехали похитители. Они бросили ее здесь, а сами угнали «Лексус» и уже на нем отправились на дело.

Полицейский посмотрел на взволнованное лицо Милошевича, затем перевел взгляд на сгоревший пикап. У него мелькнула мысль, как четверо человек смогли уместиться в кабине «Доджа», но он ничего не сказал. Чтобы не выставлять себя на посмешище. Полицейский лишь молча кивнул.

Глава 17

Холли сидела на матрасе, подобрав колено, вытянув больную ногу. Ричер сидел рядом, склонившись вперед, опираясь одной рукой об пол, погрузив другую в волосы.

– А что насчет твоей матери? – наконец спросил он.

– Твой отец был знаменитым? – в свою очередь спросила его Холли.

Ричер покачал головой.

– Едва ли. Ну, его знали в части, в которой он служил.

– Значит, ты понятия не имеешь, что это такое. Что бы с тобой ни происходило, черт побери, обязательно к этому причастен твой отец. Я окончила школу с отличием, поступила в Йельский университет, а затем в Гарвард, устроилась работать на Уолл-стрит, но на самом деле это была не я, а некая странна личность «дочь генерала Джонсона». То же самое было и тогда, когда я перешла работать в Бюро. Все считают, что мне посодействовал отец, и до сих пор половина нашего отделения относится ко мне подчеркнуто любезно, а вторая половина, наоборот, подчеркнуто грубо, только чтобы показать, что им все равно.

Ричер задумчиво кивнул. Сам он превзошел своего отца. Пошел дальше. Оставив старика позади. Но Ричер знавал детей знаменитых родителей. Сыновей великих военачальников. Даже внуков. Как бы ярко они ни горели, их свет неизменно тускнел в сиянии их великих предков.

– Хорошо, это нелегко, – наконец согласился Ричер. – И всю остальную жизнь ты стараешься не обращать на это внимание, однако в настоящий момент это приходится принимать в расчет. Сейчас произошло что-то серьезное.

Холли кивнула. Устало вздохнула. Ричер взглянул на нее.

– А ты сама когда догадалась? – спросил он.

– Сразу же. – Она пожала плечами. – Как я уже говорила, это вошло в привычку. Все вокруг уверены, что ко всему, что происходит со мной, причастен мой отец. В том числе, и я сама.

– Ну, спасибо за то, что в конце концов открылась мне.

Холли ничего не ответила. Наступила тишина. Воздух в кузове стал спертым и удушливым; жара смешивалась с монотонным гулом дороги. Темнота, температура и шум образовали что-то вроде густого супа. Ричеру казалось, он тонет в нем. Однако больше всего его мучила неопределенность. Ему много раз приходилось по тридцать часов кряду проводить в транспортных самолетах, в гораздо худших условиях. Но сейчас к мучениям Ричера добавилось новое измерение – полная неопределенность.

– Так что насчет твоей матери? – снова спросил он.

Холли покачала головой.

– Она умерла от рака. Мне тогда было двадцать лет.

– Извини. – Ричер помолчал. – Братья и сестры?

Она снова покачала головой.

– Я единственная в семье.

Он неохотно кивнул.

– Этого я и опасался. Понимаешь, я тешил себя надеждой, что дело в ком-то другом. Ну, может быть, мать у тебя судья, или брат конгрессмен, или еще что-нибудь.

– Забудь об этом. Я одна. Я и папа. Так что это все из-за папы.

– Ну а он-то тут при чем? Черт побери, чего хотят добиться похитители? Выкупа? Об этом нечего и думать. Твой отец – большая шишка, но он всего лишь военный, всю свою жизнь он карабкался по армейским должностным окладам. Согласен, поднимался он быстрее многих, но все же я хорошо знаю, что такое армейские оклады. Я сам жил на них тринадцать лет. Я не разбогател, и твой отец тоже. По крайней мере, не настолько, чтобы кому-нибудь могла прийти мысль о выкупе. Если кто-то мечтал получить хороший выкуп, похитив чью-либо дочь, в одном только Чикаго нашелся бы миллион более заманчивых кандидатур.

Холли кивнула.

– Все дело в высоком положении, которое занимает папа. В его распоряжении находятся два миллиона человек и годовой бюджет в двести миллиардов долларов. А это очень большое влияние.

Ричер покачал головой.

– Нет, и в этом все дело. Я не могу представить, как это можно использовать.

Поднявшись на колени, Ричер пополз вперед.

– Что ты задумал, черт возьми? – окликнула его Холли.

– Нам надо поговорить с похитителями. Прежде чем мы попадем туда, куда нас везут.

Подняв кулак, он заколотил по перегородке. Изо всех сил. Напротив того места, где по его предположению должна была находиться голова водителя.

Ричер колотил до тех пор, пока не добился желаемого. На это потребовалось какое-то время. Несколько минут. У него разболелся кулак. Но грузовик свернул на обочину и начал останавливаться. Под колесами зашуршал гравий. Заскрежетали тормоза. Ричера инерция вжала в переборку. Холли перекатилась пару футов по матрасу. Ахнула от боли, подвернув колено.

– Мы съехали с шоссе, – заметил Ричер. – Похоже, вокруг никого на много миль.

– Ричер, ты совершаешь большую ошибку.

Пожав плечами, он взял Холли за руку и помог ей усесться, спиной к перегородке. Затем переполз назад, усаживаясь напротив двери. Трое похитителей вылезли из кабины. Хлопнули двери. Послышались шаги на гравии. Двое обходили грузовик справа, один слева. Повернулся ключ в замке. Опустилась ручка.

Левая половина задней двери приоткрылась на два дюйма. В кузов просунулось дуло ружья. Ричер успел разглядеть в щель полоску неба, не говорящую ни о чем. Чистая голубизна, мелкие белые облака. Такое небо можно увидеть в любой точке Западного полушария. Затем в кузов просунулся «глок-17». Зажатый в руке. Манжета хлопчатобумажной рубашки. Рука, державшая «глок», не шевелилась, словно каменная. Лодер.

– Надеюсь, ты потревожила нас не из-за пустяков, сучка.

Враждебный, напряженный голос.

– Нам нужно поговорить, – откликнулся Ричер.

В узкую щель протиснулся второй «глок». Заметно дрожащий.

– О чем, козел? – крикнул Лодер.

Его голос звучал на грани срыва. Второй «глок» выписывал случайные зигзаги.

– Ребята, у вас ничего не получится, – сказал Ричер. – У того, кто приказал вам сделать это, не все дома. Быть может, он собирался сделать что-то умное, но на самом деле сделал страшную глупость. Этим вы ничего не добьетесь. Наоборот, вы очутитесь по уши в дерьме.

За дверью кузова наступила тишина. Продолжавшаяся одно мгновение. Однако достаточно долго для того, чтобы Ричер понял, что Холли была права. Для того, чтобы он понял, что совершил ошибку. Уверенно зажатый в руке «глок» исчез. Ружье дернулось, словно меняя хозяина. Ричер бросился вперед и, сбив Холли, прижал ее к матрасу. Дуло ружья взметнулось вверх. Послышался щелчок курка, и через какую-то долю секунды – оглушительный грохот. Ружье выстрелило в крышу. Мощный заряд. В тонком металлическом листе появилась сотня маленьких отверстий. Сотня маленьких точек, вспыхнувших голубым светом. Мятая дробь градинками посыпалась на пол. Наконец отголоски выстрела потонули в ватном гуле временной глухоты.

Ричер ощутил, как захлопнулась дверь. Полоска дневного света исчезла. Трое похитителей забрались в кабину, и грузовик качнулся на рессорах. Затарахтел дизель. Резко дернувшись вперед, машина вильнула влево, выезжая на шоссе.

* * *

Первым, что услышал Ричер, когда к нему вернулся слух, был тоскливый свист воздуха, врывающегося через сотню дырок в потолке, оставленных дробью. По мере того, как грузовик глотал милю за милей, свист становился все громче. Сотня пронзительных свистков, разбросанных в интервале двух полутонов, которые переливались и ссорились друг с другом, словно песнь лишившейся слуха пташки.

– Просто сумасшествие, правда? – спросила Холли.

– Ты имеешь в виду меня или их?

Ричер кивнул, принося извинение. Кивнув в ответ, Холли с трудом уселась у стенки. Обеими руками уложила больную ногу. Отверстия в крыше пропускали в кузов свет. Достаточно для того, чтобы Ричеру было видно лицо Холли. Он прочитал, что было на нем написано. Мелькнувшая боль, словно шторы, опустившиеся на глаза и тотчас же поднявшиеся. Встав на колени, Ричер смахнул с матраса дробинки. Они загрохотали на стальном полу.

– Вот теперь тебе точно нужно убираться отсюда, – сказала Холли. – Иначе ты дождешься, что тебя убьют.

На ее волосах плясали яркие блики.

– Я это серьезно, – продолжала она. – Каким бы крутым ты ни был, я не могу допустить, чтобы ты остался.

– Знаю.

Воспользовавшись своей рубашкой, Ричер сгреб дробинки в кучку у двери. Затем расправил матрас и улегся. Мягко покачиваясь в такт движению. Уставившись в продырявленный лист железа над головой. Дырки, оставленные дробью, напоминали карту далекой галактики.

– Мой отец сделает все, чтобы вызволить меня, – уверенно произнесла Холли.

Теперь говорить стало труднее, чем было раньше. К реву двигателя и шелесту покрышек добавился пронзительный свист дырявой крыши. Полный спектр шума. Холли лежала рядом с Ричером. Прижавшись головой к его голове. Ее рассыпавшиеся волосы щекотали ему щеку и шею. Затем Холли, устроившись поудобнее, вытянула ноги. Между телами по-прежнему оставалось какое-то расстояние. Изящная буква "Л" осталась. Однако угол стал более острым.

– Но что мы можем сделать? – спросил Ричер. – Давай прикинем.

– Несомненно, похитители выдвинут какие-то требования. Сам знаешь: «или вы делаете то-то и то-то, или вашей девочке будет плохо.»

Она говорила медленно, и в ее голосе прозвучала дрожь. Уронив свою руку в пространство, разделяющее их, Ричер нащупал руку Холли. Мягко ее пожал.

– Это совершенно бессмысленно, – возразил он. – Сама подумай. Чем занимается твой отец? Проводит в жизнь долгосрочную политику и обеспечивает боевую готовность. Долгосрочную политику определяют конгресс, президент и министр обороны, так? И если председатель объединенного комитета начальников штабов встанет у них поперек пути, они его просто сместят. Особенно если будет известно, что на него оказывается давление, так?

– Ну а боевая готовность войск? – спросила Холли.

– То же самое, – сказал Ричер. – Твой отец – председатель комитета. В который входят начальники штабов сухопутных сил, военно-морского флота, авиации и морской пехоты. Если все они не станут подпевать твоему отцу, это недолго останется тайной, ведь так? И твоего отца опять же сместят. Выведут его из уравнения.

Холли повернула голову. Посмотрела на Ричера.

– Ты уверен? А что если эти ребята работают, например, на Ирак? Предположим, Саддам Хусейн хочет снова захватить Кувейт. Но боится новой «Бури в пустыне». Он похитил меня, и теперь мой отец скажет: «Извините, это невозможно», и придумает тысячу разных отговорок.

Ричер пожал плечами.

– Ты сама ответила на свой вопрос. Отговорки будут надуманными. В действительности мы можем повторить «Бурю в пустыне», если захотим этого. Без труда. Всем это известно. Так что если твой отец начнет это отрицать, все сразу поймут, что он лжет, и догадаются, почему. И его просто отстранят. В армии нет места для чувств. Если похитители задумали именно это, они напрасно теряют время. У них ничего не получится.

Холли ответила не сразу.

– Тогда, может быть, это месть, – медленно промолвила она. – Быть может, моему отцу мстят за то, что он сделал в прошлом. Опять таки мне приходит на ум Ирак. Быть может, кто-то хочет, чтобы отец принес извинения за «Бурю в пустыне». Или за Панаму, за Гренаду или еще на что-нибудь.

Ричер лежал на спине, покачиваясь в такт движению. Сквозь отверстия в крыше в кузов проникал ветерок. Из-за этой своеобразной вентиляции в машине стало значительно прохладнее. А может быть, все объяснялось сменой настроений.

– Все это слишком уж сложно, – наконец сказал Ричер. – Надо обладать слишком уж извращенным умом, чтобы винить во всем председателя объединенного комитета начальников штабов. Есть и более очевидные цели. Более важные персоны, так? Президент, министр обороны, сотрудники государственного департамента, генералы, непосредственно командовавшие частями. Если бы Багдад действительно хотел кого-нибудь публично унизить, выбрали бы человека, который у всех на виду, а не штабную крысу из Пентагона.

– Тогда в чем же дело, черт побери? – спросила Холли.

Ричер снова пожал плечами.

– В конечном счете, ни в чем. Похитители не продумали все до конца. Вот что делает их такими опасными. Они знают свое дело, но они глупы.

* * *

Грузовик размеренно катился вперед на протяжении еще шести часов.

По оценке Ричера, проехал еще триста пятьдесят миль. Внутри кузова стало прохладнее, но Ричер уже больше не пытался определить по температуре направление, в котором они ехали. Расчеты сбили дыры в крыше, проделанные дробью. Вместо этого Ричеру приходилось полагаться только на голые рассуждения. Грузовик отъехал от Чикаго на восемьсот миль, и не в восточном направлении. Все равно выбор возможностей был очень широким. Ричер мысленно прошелся по карте

по часовой стрелке. Машина могла доехать до Джорджии, Алабамы, Миссисипи, Луизианы. До Техаса, Оклахомы, до юго-западной оконечности Канзаса. Не западнее. На мысленной карте в голове Ричера в этих местах сгущались коричневые краски, которые показывали восточные склоны гор, а грузовик пока что еще не начинал затяжные подъемы. Оставались еще Небраска и Южная Дакота. Быть может, Ричеру предстояло проехать мимо горы Рашмор, второй раз в жизни. А может быть, грузовик миновал Миннеаполис и углубился в Северную Дакоту. Восемьсот миль от Чикаго – гигантская дуга, пересекающая весь континент.

* * *

Свет, проникающий сквозь отверстия в крыше, уже несколько часов как сменился темнотой, когда наконец грузовик сбавил скорость и свернул вправо. Поднялся по насыпи. Холли, заворочавшись, повернула голову. Посмотрела на Ричера. В ее глазах появился вопрос. Пожав в ответ плечами, Ричер стал ждать. Грузовик, остановившись на мгновение, повернул направо. Проехал прямо, вильнул влево, вправо, опять поехал прямо, уже медленнее. Усевшись на полу, Ричер нащупал рубашку. Натянул ее. Холли тоже уселась.

– Еще одно тайное убежище, – заметила она. – Ричер, эта операция была тщательно спланирована.

Теперь это оказалась конюшня. Грузовик потрясся на ухабах и развернулся. Сдал задом. Один из похитителей вылез из кабины. Хлопнула дверь. Грузовик задним ходом заехал в какое-то замкнутое пространство. Шум двигателя гулко отразился от стен. Воздух наполнился запахом навоза и лошадиного пота. Двигатель заглох. Остальные двое также вылезли из кабины. Все трое собрались у двери кузова. В замке повернулся ключ. Дверь со скрипом приоткрылась. В щель просунулось ружье. На этот раз направленное не вверх, а горизонтально.

– Вылезайте, – приказал Лодер. – Сначала сучка. Без посторонней помощи.

Холли застыла. Затем, пожав плечами, проползла по матрасу. Дверь распахнулась настежь; две пары рук схватили молодую женщину и вытащили ее из кузова. Показался водитель, целившийся из ружья в Ричера. Указательный палец напряженно застыл на спусковом крючке.

– Эй, козел, сделай что-нибудь, – сказал он. – Пожалуйста, дай мне повод!

Ричер молча смотрел на него. Прошли пять долгих минут. Наконец ружье дернулось вперед. Рядом с ним появился «глок». Лодер махнул рукой. Ричер медленно прополз навстречу двум дулам. Нагнувшись,

Лодер захлопнул ему на запястье наручники. Просунул в свободное кольцо цепь и застегнул его. Дернув за цепь, вытащил его из кузова. Это действительно была конюшня. Деревянное сооружение. Значительно меньше коровника, в котором они провели прошлую ночь. Значительно более старое. Представитель предыдущего поколения сельскохозяйственных построек. Два ряда стойл вдоль центрального прохода. Пол, вымощенный каменными плитками. Зелеными от мха.

Центральный проход был достаточно широким для лошадей, но слишком узким для грузовика. Машина остановилась сразу же за воротами. Ричер разглядел за кузовом рамку ночного неба. Такого, которое может быть где угодно. Его словно лошадь протащили по вымощенному плитками проходу. Лодер держал цепь. Стиви шел рядом с Ричером. Высоко поднимая руку, приставив «глок» ему к виску. Водитель шел последним, уткнув ствол ружья Ричеру в почки. Они остановились в последнем стойле, самом дальнем от ворот. Холли приковали в стойле напротив. Один браслет наручников был у нее на запястье правой руки, через второй был пропущен отрезок цепи, прикрепленной другим концом к чугунному кольцу, прикрученному к задней стене стойла.

Двое помощников разошлись в стороны, и Лодер толкнул Ричера в стойло. Отпер наручники. Пропустил цепь в чугунное кольцо, прикрученное шурупами к деревянной стене, и снова запер браслет наручников. Подергав цепь, он убедился, что кольцо держит надежно.

– Матрасы, – сказал Ричер. – Принесите из машины матрасы.

Лодер покачал головой, но водитель, ухмыльнувшись, кивнул.

– Хорошо. Отличная мысль, козел.

Вернувшись к грузовику, он вытащил из кузова двуспальный матрас. Протащил его по проходу и швырнул в стойло, где была прикована Холли. Распрямил его ногой.

– Сучка получит матрас, – сказал он. – А ты обойдешься.

Он рассмеялся, и двое дружков присоединились к нему. Затем все вернулись к воротам. Водитель сел в кабину и вывел грузовик из конюшни. Массивные ворота захлопнулись. Послышался грохот засова, вставленного в скобы, звон цепи и скрежет навесного замка. Ричер посмотрел на Холли. Затем опустил взгляд на влажный каменный пол.

Ричер сидел на корточках, забившись в дальний угол стойла. Он ждал, когда трое похитителей принесут ужин. Они пришли через час. С одним «глоком» и ружьем. И одной железной миской. Ее нес Стиви. Забрав у него миску, водитель протянул ее Холли. Постоял, ухмыляясь, затем повернулся к Ричеру. Направил на него ружье.

– Сучка будет есть. А ты обойдешься.

Ричер остался сидеть в углу. Лишь пожал плечами.

– Я уж как-нибудь переживу.

Никто ему не ответил. Похитители молча вышли из конюшни. Закрыли за собой массивные деревянные ворота. Задвинули засов, заперли цепь. Дождавшись, когда их шаги затихнут в дали, Ричер повернулся к Холли.

– Что это?

Она пожала плечами.

– Жидкий соус. Или густой бульон. Или то, или другое. Хочешь?

– Вилку тебе дали?

– Нет, только ложку.

– Проклятие, от ложки никакого толка.

– Хочешь поесть? – повторила Холли.

– Ты достанешь? – спросил он.

Поев немного, Холли распростерла руки. Одной натянула цепь, другой толкнула миску по полу. Затем, развернувшись, здоровой ногой протолкнула миску еще дальше. Ричер скользнул ногами вперед, так далеко, как только пускала цепь. Прикинув, что если постараться, можно будет зацепить миску ступней и подтащить ее ближе. Однако у него ничего не получилось. В нем было шесть футов пять дюймов роста, его руки, вероятно, были самыми длинными, на какие только приходилось шить одежду армейским портным, но даже ему не хватило четырех футов. Они с Холли вытянулись на одной прямой, настолько, насколько только позволяли цепи, и все же миска оставалась вне досягаемости Ричера.

– Забудем об этом, – сказал он. – Возвращай миску себе.

Подцепив миску ступней, Холли подтянула ее к себе.

– Извини. Представляю, как тебе хочется есть.

– Как-нибудь переживу, – ответил Ричер. – К тому же, наверняка это несъедобно.

– Ты прав, – подтвердила она. – Та еще отрава. Похожа на корм для собак.

Ричер молча посмотрел на нее. Внезапно его охватила тревога.

* * *

Холли виновато улеглась на матрас и быстро заснула, но Ричер не спал. Не из-за каменного пола. Холодного, сырого и жесткого. Плиты как нарочно были неровные и неудобные. Однако дело было не в этом. Ричер чего-то ждал. Мысленно отсчитывая минуты. По его подсчетам, это должно было произойти часа через три – четыре. Рано утром, когда терпение заканчивается и воля к сопротивлению ослабевает.

Ждать надо было долго. Тринадцать тысяч семьсот шестьдесят первая ночь его жизни, где-то в нижней трети; Ричер лежал и что-то ждал. Что-то плохое. Что-то такое, что ему, возможно, удастся предотвратить. Это надвигалось. Ричер был уверен. Он видел знаки. Он лежал и ждал, отсчитывая минуты. Три часа; может быть, четыре.

* * *

Это произошло через три часа тридцать четыре минуты. В конюшню вернулся безымянный водитель. Один, сна ни в одном глазу. Ричер услышал его крадущиеся шаги на улице. Загремел навесной замок, запирающий цепь. Тяжелый засов сдвинулся в скобах. Ворота приоткрылись. На пол упала яркая полоска лунного света. Водитель шагнул вперед, заслоняя ее собой. Ричер успел увидеть, как блеснуло его розовое свинячье лицо. Водитель торопливо прошел по проходу. Он был без оружия.

– Я за тобой слежу, – тихо промолвил Ричер. – Немедленно убирайся отсюда, или ты покойник.

Водитель застыл на месте. Он не был полным кретином. Остановился вне досягаемости. Его глаза скользнули от наручника на руке Ричера вдоль цепи и застыли на чугунном кольце на стене. Водитель усмехнулся.

– Следи, если хочешь. Я ничего не имею против зрителей. А ты, возможно, узнаешь что-нибудь новенькое.

Заворочавшись, Холли проснулась. Подняла голову, оглянулась по сторонам, моргая в темноте.

– Что случилось?

Водитель повернулся к ней. Ричеру не было видно его лицо. Но ему было видно лицо Холли.

– Сейчас мы с тобой немного развлечемся, сучка, – произнес водитель. – Только ты и я, а твой козел-дружок будет наблюдать и учиться.

Опустив руки, он расстегнул ремень. Потрясенная Холли смотрела на него. Попыталась усесться.

– Ты, наверное, шутишь. Если ты ко мне приблизишься, я тебя убью.

– Ну почему? Зачем? После того, как я принес тебе матрас? Как раз для того, чтобы нам было удобно.

Ричер встал. Ночная тишина огласилась громким звоном цепи.

– Я тебя убью, – произнес он. – Только тронь ее – и ты покойник.

Ричер сказал свою угрозу один раз, затем второй. Однако водитель словно не слышал его. Как будто он был глухой. Ричер ощутил холодок страха. Если этот тип не будет его слушать, он ничего не сможет сделать. Ричер потряс цепь. Она громко зазвенела в ночной тишине. Это не возымело никакого действия. Водитель просто не обращал на него внимания.

– Если ты ко мне приблизишься, я тебя убью, – повторила Холли.

Больная нога затрудняла ее движения. Молодой женщине никак не удавалось подняться с пола. Водитель стремительно ворвался в стойло. Поднял ногу и с силой опустил ее на поврежденное колено. Вскрикнув от боли, Холли рухнула на матрас и сжалась в комок.

– Ты будешь делать так, как я тебе говорю, сучка, – зловеще произнес водитель. – В точности так, иначе тебе всю оставшуюся жизнь придется ковылять на костылях.

Крик Холли перешел во всхлипывания. Убрав ногу, водитель тщательно пнул носком колено, словно футболист, который готовится сделать подачу со штрафного. Холли снова закричала.

– Ты труп! – заорал Ричер.

Обернувшись, водитель посмотрел ему в лицо. Широко улыбнулся.

– Держи свою пасть закрытой. Еще раз тявкнешь – сучке будет хуже, ты все понял?

Концы расстегнутого ремня болтались. Сжав кулаки, водитель подбоченился. Его широкое лицо сияло. Волосы топорщились, словно он только что их вымыл и зачесал назад. Обернувшись, водитель бросил Холли через плечо:

– У тебя под костюмом что-нибудь есть?

Холли ничего не ответила. В конюшне наступила полная тишина. Водитель развернулся к Холли. Ричер видел, что она следит за каждым его движением.

– Я задал тебе вопрос, сучка. Хочешь, чтобы я еще раз лягнул твою коленку?

Она молчала. Учащенно дыша. Превозмогая боль. Водитель расстегнул ширинку. Треск молнии прозвучал в полной тишине оглушительно громко. Перекрывая тяжелое дыхание троих людей.

– Видишь вот это? – спросил водитель. – Знаешь, что это такое?

– Ну, приблизительно, – пробормотала Холли. – Это отдаленно похоже на член, но только значительно меньше размером.

Водитель недоуменно уставился на нее. Затем, взревев от ярости, бросился в стойло, замахиваясь ногой. Холли увернулась. Короткая кривая нога водителя, метнувшись вперед, ударила в пустоту. Он пошатнулся, теряя равновесие. Холли торжествующе прищурилась. Отпрянув назад, она вонзила локоть водителю в живот. Сделала все по правилам. Обратила поступательный момент водителя против него самого, вложила в удар всю свою силу, словно намереваясь добиться того, чтобы позвоночник вылез из спины. Удар получился на славу. Ахнув, водитель отшатнулся назад.

Ричер издал восторженный крик. В котором также прозвучало облегчение. Он подумал: «Малыш, у меня у самого не получилось бы лучше.» Водитель никак не мог отдышаться. Ричеру было видно его лицо, перекошенное от боли. Холли торжествующе оскалилась. Подскочила к нему на одной ноге. Целясь в пах. Ричер отчаянно желал ей успеха. Холли нанесла удар. Водитель успел развернуться, и удар пришелся в бедро. Однако Холли именно на это и рассчитывала. Этим движением водитель открыл свое горло для удара локтем. Ричер это увидел. Холли тоже. Она замахнулась. Смертельный удар. Беспощадная, неумолимая траектория. Удар должен был переломить водителю шейные позвонки. Холли выбросила локоть вперед. И тут цепь натянулась, останавливая ее руку. С громким лязгом ударилась о чугунное кольцо и отдернула Холли назад.

Торжествующая усмешка мгновенно схлынула с лица Ричера. Водитель, шатаясь, отскочил назад, вне досягаемости. Постоял, пытаясь отдышаться. Выпрямился, затянул ремень. Холли следила за ним. У нее была свободна только одна рука. Вторую натягивала цепь, вибрирующая от напряжения.

– Мне по душе бойцы, – наконец выдавил водитель. – Так гораздо интереснее. Но не забудь приберечь силы. Я не хочу, чтобы ты просто валялась подо мной.

Учащенно дыша, Холли сверкнула глазами. Излучая агрессивность. Но она могла действовать только одной рукой. Водитель снова двинулся вперед, и Холли нанесла прямой удар. Быстрый, нацеленный в корпус. Сместившись влево, водитель поставил блок. Нанести следующий удар Холли не могла. Вторая ее рука была надежно блокирована цепью.

Подняв ногу, водитель ударил Холли в живот. Она увернулась. Водитель снова нанес удар ногой и налетел прямо на локоть Холли, вонзившийся ему в ухо. Однако это была левая рука, и неестественная поза Холли не позволила ей вложить в удар всю силу. Удар не получился. Холли потеряла равновесие. Шагнув вперед, водитель ударил ее коленом в пах. Она согнулась пополам. Водитель снова ударил ее, на этот раз в колено. Послышался хруст. Холли вскрикнула от боли. Рухнула на матрас. Учащенно дыша, водитель остановился над ней.

– Я задал тебе вопрос, черт побери, – сказал он.

Мертвенно бледная, Холли дрожала. Корчилась на полу, с заломленной за спину рукой, стеная от боли. Ричер увидел ее лицо, мелькнувшее в полосе яркого лунного света.

– Я жду, сучка, – сказал водитель.

Ричер снова увидел лицо Холли. Понял, что она сломлена. У нее не осталось больше сил сопротивляться.

– Хочешь получить еще один удар? – спросил водитель.

В конюшне наступила тишина.

– Я жду ответ, – сказал водитель.

Ричер молча следил за происходящим. Тишина нарушалась лишь хриплым дыханием троих людей. Наконец Холли заговорила:

– Какой вопрос?

Водитель ухмыльнулся.

– У тебя под костюмом что-нибудь надето?

Холли молча кивнула.

– Что именно?

– Нижнее белье, – едва слышно промолвила она.

Водитель приложил ладонь к уху.

– Я тебя не слышу, сучка.

– На мне надето нижнее белье, ублюдок! – произнесла Холли, уже громче.

Водитель покачал головой.

– Очень нехорошее слово. Тебе надо будет за него извиниться.

– Пошел к такой-то матери! – бросила Холли.

– Я снова ударю тебя ногой, – пригрозил водитель. – В колено. И тогда до конца жизни, сучка, тебе придется ходить на костылях.

Холли отвела взгляд.

– Выбирай, сучка.

Он угрожающе занес ногу. Холли сидела, уставившись в пол.

– Ну хорошо, я приношу свои извинения. Я была неправа.

Водитель злорадно кивнул.

– А теперь опиши мне свое нижнее белье. В мельчайших подробностях.

Холли пожала плечами. Отвернулась и заговорила, обращаясь к деревянной стене.

– Лифчик и трусики. Цвета персика.

– Обтягивающие?

Она снова униженно пожала плечами, словно зная наверняка, каким будет следующий вопрос.

– Да.

– Хочешь показать мне?

– Нет.

Водитель приблизился на шаг.

– Значит, ты хочешь снова получить ногой в колено?

Холли ничего не ответила. Водитель снова приложил ладонь к уху.

– Я тебя не слышу, сучка.

– Что ты спросил?

– Ты хочешь снова получить ногой в колено?

Холли покачала головой.

– Не хочу.

– Хорошо. Покажи мне свое нижнее белье, и я не буду тебя бить.

Он занес ногу. Холли подняла руку. К верхней пуговице костюма. Ричер, затаив дыхание, следил за ней. Пуговиц было пять. Ричер мысленно приказал Холли расстегивать их медленно и размеренно. Это было ему очень нужно. Жизненно необходимо. Медленно и размеренно. «Холли, пожалуйста, медленно и размеренно,» – мысленно взмолился он.

Стиснув обеими руками цепь. В четырех футах от того места, где она была пропущена в чугунное кольцо. Ричер натянул цепь.

Холли расстегнула верхнюю пуговицу. Ричер сосчитал: раз. Водитель осклабился. Рука Холли скользнула к следующей пуговице. Ричер снова натянул цепь. Холли расстегнула вторую пуговицу. Ричер сосчитал: два. Ее рука скользнула к третьей пуговице. Развернувшись лицом к дальней стене стойла, Ричер набрал полную грудь воздуха. Оглянулся через плечо. Холли расстегнула третью пуговицу. Ее грудь вывалилась из блузки. Персиковый бюстгальтер. Узкая полоска, отделанная кружевами. Водитель переступил с ноги на ногу. Ричер сосчитал: три. Выпустил выдох из самой глубины легких. Рука Холли скользнула вниз к четвертой пуговице. Ричер сделал глубокий вдох, самый глубокий в жизни. Натянул цепь так, что побелели костяшки пальцев. Холли расстегнула четвертую пуговицу. Ричер сосчитал: четыре. Ее рука скользнула вниз. Застыла на мгновение. Расстегнула последнюю пуговицу. Блузка раскрылась. Водитель облизнулся. Отскочив назад, Ричер вонзил ногу в стену. Прямо под чугунным кольцом. Навалился на цепь всем своим весом – двести двадцать фунтов сжатой энергии, распрямившейся одним взрывным толчком ноги. Из стены вылетели влажные щепки. Старые доски задрожали. Шурупы вылетели из дерева. Ричер отлетел назад. Вскочив на ноги, он двинулся вперед, яростно размахивая перед собой цепью.

– Пять!

Схватив водителя за руку, Ричер затащил его в стойло. Швырнул его в дальнюю стену. Налетев на нее, водитель застыл на месте, словно сломанная кукла. Шатаясь, он шагнул к Ричеру, но тот ударил его ногой в живот. Водитель подлетел вверх и рухнул лицом на каменные плиты. Сложив цепь пополам, Ричер замахнулся. Нацелив смертельный удар стального хлыста водителю в голову. Чугунное кольцо устремилось вперед, словно средневековое оружие. Но в самое последнее мгновение Ричер передумал. Дернул цепь, изменяя ее траекторию, и обрушил ее на каменную плиту, высекая сноп искр. Он схватил водителя одной рукой за шиворот, другой за волосы. Поднял его тело и швырнул в стойло к Холли. Уткнул свинячье лицо в мягкий матрас и, навалившись сзади всем своим весом, держал водителя так до тех пор, пока тот не задохнулся. Водитель брыкался, извивался, но Ричер просто придавил ему затылок своей огромной лапищей и терпеливо ждал, когда он умрет.

* * *

Холли молча смотрела на труп. Ричер сидел рядом, пытаясь перевести дыхание. Он никак не мог прийти в себя после нечеловеческого усилия, которое потребовалось для того, чтобы вырвать чугунное кольцо из стены. Ему казалось, что всего за одно мгновение по потратил столько энергии, сколько расходуется за целую жизнь. У него в жилах бурлила

многократная доза адреналина. Мысленные часы в голове сломались и встали. Ричер не имел понятия, сколько времени они с Холли просидели на полу. Встряхнувшись, он поднялся на ноги. Протащил труп по проходу и оставил его рядом с открытыми воротами. Затем вернулся назад и присел на корточки рядом с Холли. Его пальцы были изувечены отчаянной хваткой за цепь, но Ричер заставил их быть нежными. Он застегнул все пуговицы, одну за другой, до самого верха. Холли дышала неглубоко и часто. Затем она обвила Ричеру шею и припала ему к груди. Прижимаясь губами к его рубашке.

Они долго сидели так, застывшие в объятиях друг друга. Ричер почувствовал, как ярость покидает Холли. Они отпустили друг друга и улеглись рядом на матрасе, уставившись в темноту. Повернувшись к Ричеру, Холли положила свою маленькую ручку на его руку.

– Наверное, отныне я перед тобой в долгу, – сказала она.

– Рад был тебе помочь, – ответил Ричер. – Честное слово.

– Мне действительно была нужна помощь, – тихо продолжала Холли. – Я обманывала себя.

Он сжал ее руку.

– Чепуха, Холли, – мягко произнес он. – Время от времени всем нам бывает нужна помощь. Не переживай по этому поводу. Если бы ты была в форме, ты бы справилась с этим ублюдком и без меня. Я это видел. Даже с одной ногой и одной рукой ты едва его не прикончила. Тебя подвело колено. Такая боль не оставила тебе никаких шансов. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. После Бейрута я в течение целого года не смог бы отобрать конфету у ребенка.

Слабо улыбнувшись, Холли тоже пожала ему руку. Часы в голове Ричера снова пошли. Показав, что приближается рассвет.

Глава 18

В среду в двадцать минут восьмого утра по Восточному поясному времени генерал Джонсон вышел из Пентагона. Вместо военной формы он надел светлый костюм. И он пошел пешком. Генерал предпочитал этот способ передвижения всем остальным. Утро в Вашингтоне выдалось жарким и душным, но генерал шел размеренным шагом, размахивая руками, вскинув голову, глубоко дыша.

Он шел на север по обочине бульвара Джорджа Вашингтона, вдоль края обширного кладбища, остававшегося слева, через парк Леди Бирд Джонсон, по Арлингтонскому мемориальному мосту. Затем генерал обогнул по часовой стрелке мемориал Линкольна, прошел мимо Мемориала ветеранов Вьетнама и повернул направо на

Конститьюшен-авеню, оставив справа Зеркальный пруд. Впереди показался памятник Вашингтону. Генерал прошел мимо Национального музея американской истории, мимо Национального музея естествознания и повернул налево на Девятую улицу. Ровно три с половиной мили, прекрасное летнее утро, час ходьбы бодрым шагом по одной из лучших столиц мира, мимо достопримечательностей, перед которыми всегда толпятся туристы со всего света, – однако генерал Джонсон не видел абсолютно ничего кроме матового тумана тревоги, застилавшего ему взор.

Он пересек Пенсильвания-авеню и вошел в центр имени Гувера через главный вход. Оперся ладонями на стол дежурного.

– Председатель объединенного комитета начальников штабов. К директору ФБР.

Его ладони оставили два влажных отпечатка на полированной крышке. Агент, спустившийся для того, чтобы проводить генерала наверх, обратил на них внимание. В лифте Джонсон не произнес ни слова. Гарланд Уэбстер ждал его у двери своего личного кабинета. Джонсон кивнул ему. Не сказал ни слова. Уэбстер отступил в сторону, пропуская генерала во внутренний кабинет. Там царил полумрак. Обилие поверхностей из красного дерева, шторы опущены. Джонсон опустился в кожаное кресло, а Уэбстер, обойдя его, сел за стол.

– Я не хочу становиться у вас на пути, – начал Джонсон.

Он не отрывал взгляда от Уэбстера. Тот задумался на мгновение, пытаясь расшифровать эту фразу. Наконец осторожно кивнул.

– Вы разговаривали с президентом? – спросил он.

Джонсон кивнул.

– Вы понимаете, что я должен был так поступить?

– Естественно, – согласился Уэбстер. – В таких ситуациях можно не беспокоиться о требованиях протокола. Вы говорили с президентом по телефону или встречались лично?

– Я ездил к нему. Несколько раз. Мы с ним подолгу беседовали.

Уэбстер подумал: «С глазу на глаз. Несколько долгих бесед. Хуже, чем я предполагал, однако это объяснимо.»

– И? – спросил он.

Джонсон пожал плечами.

– Президент сказал, что поручил вам лично руководить операцией.

Уэбстер кивнул.

– Похищение. Это юрисдикция Бюро, кем бы ни была жертва.

Джонсон медленно кивнул.

– Я ничего не имею против. Пока что.

– Но вы беспокоитесь. Поверьте мне, генерал, все мы беспокоимся.

Джонсон снова кивнул. После чего задал вопрос, ради которого шел три с половиной мили:

– Есть какие-нибудь успехи?

Уэбстер пожал плечами.

– Скоро истекут вторые сутки. Мне это совсем не нравится.

Он умолк. Вторые сутки после похищения являются своеобразным порогом. Все надежды на быстрое решение проблемы исчезают. Ситуация становится серьезной. Начинается долгая, кропотливая работа. Тревога за жертву возрастает. Похищения лучше всего раскрывать в первый день. На вторые сутки это становится значительно сложнее. Шансы на благополучный исход уменьшаются.

– Есть какие-нибудь успехи? – повторил Джонсон.

Уэбстер отвел взгляд. Вторые сутки – это тот срок, когда похитители выходят на связь. Об этом говорит опыт Бюро. На вторые сутки, вымотавшийся и измученный, упустив первый и лучший шанс, сидишь, отчаявшись, и ждешь звонка похитителей. Если они не позвонят на вторые сутки, высока вероятность, что они вообще никогда не позвонят.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил генерал.

Уэбстер кивнул.

– Помогите мне найти мотив. Кто может угрожать вам таким способом?

Джонсон покачал головой. Тот же самый вопрос он задавал себе с понедельника.

– Никто.

– Вы должны мне открыться, – настаивал Уэбстер. – Если у вас есть какой-то секрет, какая-то давняя тайна, лучше скажите сейчас. Это очень важно, ради блага Холли.

– Знаю, – сказал Джонсон. – Но ничего такого нет. Абсолютно ничего.

Уэбстер кивнул. Он верил генералу, потому что знал, что тот говорит правду. Директор заново проштудировал все личное дело Джонсона, составленное ФБР. Это был увесистый том. Первая страница начиналась с краткой биографии прапрадедушек и прапрабабушек по материнской линии. Они приехали в Америку из крошечного европейского княжества, которое больше не существовало.

– С Холли все будет в порядке? – тихо спросил Джонсон.

Последние страницы были посвящены смерти жены Джонсона. Неожиданное заболевание раком, стремительный ход болезни, продолжавшейся от начала до конца меньше полутора месяцев. Негласное заключение психиатров, созванных Бюро, гласило, что старик выдержит – из-за дочери. Как выяснилось, диагноз оказался верным. Но если генерал лишится и ее, и без психиатров будет ясно, что он сломается. Кивнув, Уэбстер постарался, чтобы его голос прозвучал как можно убедительнее:

– С вашей дочерью все будет в порядке.

– Итак, что мы имеем на настоящий момент? – спросил Джонсон.

– Похитителей было четверо. Мы обнаружили пикап, на котором они приехали в Чикаго. Машина была брошена перед самым нападением. Брошена и сожжена. Мы нашли ее к северу от Чикаго. В настоящий момент пикап переправляют по воздуху на нашу базу в Квантико. Наши специалисты займутся им.

– Они будут искать улики? – скептически спросил Джонсон. – Даже несмотря на то, что машина сожжена?

Уэбстер пожал плечами.

– На самом деле, поджог не был таким уж умным ходом. Многого он не скроет. По крайней мере, от наших людей. Через этот пикап мы выйдем на похитителей.

– А что затем? – спросил Джонсон.

Уэбстер снова пожал плечами.

– А затем мы вернем вашу дочь. Отряд по освобождению заложников находится в полной боевой готовности. Пятьдесят ребят, в своем деле лучшие в мире. Ждут у своих вертолетов. Мы освободим Холли и уберем тех, кто ее похитил.

В кабинете наступила недолгая пауза.

– Уберете? – спросил Джонсон. – Что это значит?

Уэбстер обвел взглядом кабинет и понизил голос. Привычка, выработавшаяся за тридцать шесть лет.

– Соображения политики. Такой крупный скандал с участием ведущих фигур нельзя выпустить в средства массовой информации. Ни в коем случае. Если это попадет на телевидение, каждый придурок в стране тотчас же бросится повторять что-нибудь подобное. Поэтому мы будем действовать тихо. Где-то выстрелит оружие. В подобных ситуациях это неизбежно. Будут пострадавшие.

Джонсон медленно кивнул.

– Вы намереваетесь расправиться с похитителями? – спросил он.

Уэбстер спокойно выдержал его взгляд. Психологи Бюро предположили, что обещание покарать похитителей смертью поможет генералу держать себя в руках, особенно поскольку речь идет о человеке, привыкшем к прямым и решительным действиям.

– Соображения политики, – повторил директор ФБР. – Определяю ее я. Ведь, как сказал президент, я лично отвечаю за происходящее.

* * *

Обугленный пикап был установлен на алюминиевую платформу и закреплен нейлоновыми тросами. Прилетевший из аэропорта «О'Хейр» армейский «Чинук» завис над ней, поднимая несущими винтами рябь на водной глади озера. Вертолет опустил крюк, и пикап поднялся в воздух. Обогнув озеро, «Чинук» опустил нос и с ревом понесся на запад, обратно в «О'Хейр». Положил свою ношу прямо перед открытым носом транспортного «Гэлекси». Экипаж военного самолета загрузил пикап в фюзеляж. Люк закрылся, и четыре минуты спустя «Гэлекси» уже катился по рулежной дорожке. Еще через четыре минуты самолет поднялся в воздух и взял курс на восток, в сторону Вашингтона. Еще через четыре часа он пролетел в небе над столицей и совершил посадку на авиабазе Эндрюс. К этому времени в воздухе уже висел другой армейский «Чинук». «Гэлекси» остановился в конце взлетно-посадочной полосы, и из него выгрузили пикап. Нырнув, вертолет подхватил платформу и снова поднялся в воздух. Полетел на запад, вдоль шоссе И-95 в Вирджинию, сорок миль до самого Квантико.

«Чинук» осторожно опустил свой груз на площадку перед лабораторией исследования транспортных средств. Выбежавшие эксперты Бюро, в белых халатах, трепещущих в турбулентных завихрениях от несущих винтов, затащили платформу с пикапом в ворота. Сняли обгорелый остов и установили его посреди просторного ангара. Расставили вокруг софиты и зажгли их. Постояли, словно бригада патологоанатомов, готовых приступить к вскрытию трупа.

* * *

Генерал Джонсон вернулся тем же самым путем, которым пришел.

Спустился по Девятой улице, мимо музея естествознания, мимо музея американской истории, учащенно дыша, сжав рот в напряженный овал. Когда генерал обходил пруд, у него запершило в горле. Свернув налево на Конститьюшен-авеню, он дошел до Мемориала ветеранов Вьетнама. И остановился. Там как всегда стояла притихшая толпа. Генерал посмотрел на нее. Посмотрел на свое отражение в зеркально-черном граните. Он ничем не выделялся среди толпы. Обычный светлый костюм. Все в порядке. Поэтому генерал позволил слезам затуманить его взор, шагнул вперед, сел у основания стены и затрясся в рыданиях, прижимаясь спиной к высеченным золотом именам ребят, погибших тридцать лет назад.

Глава 19

Свернув свободный конец цепи в клубок, Ричер зажал ее в кулак и выскользнул из конюшни в предрассветные сумерки. Пройдя двадцать шагов, он остановился. Свобода. Вокруг простирался в бесконечность нежный ночной воздух. Однако Ричер понятия не имел, где находится. Конюшня стояла одиноко, на удалении пятидесяти ярдов от скопления сельских построек, таких же старых. Дом, два небольших сарая и навес, под которым стоял новый пикап. Рядом с пикапом трактор. Рядом с трактором призрачной белизной сиял в лунном свете грузовик. Ричер прошел к машине. Двери кабины заперты. Кузов заперт. Вернувшись бегом в конюшню, он обшарил карманы водителя. Один только ключ к навесному замку. Ключей от грузовика нет.

Ричер пробежал назад, сжимая тяжелую цепь, чтобы она не гремела. Пройдя мимо навеса, он посмотрел на дом. Обошел вокруг. Входная дверь заперта. Дверь черного входа заперта. А за дверью собака. Ричер услышал, как она ворочается во сне. Услышал тихое сонное ворчание. Он поспешно отступил назад.

На полпути к конюшне Ричер остановился и огляделся по сторонам. Сфокусировал взгляд на едва различимой полоске горизонта и описал в темноте полный круг. Пустынный, безликий ландшафт. Плоский, бесконечный, никаких характерных черт. В сыром ночном воздухе запах миллиона акров, засаженных какой-то культурой. Бледная полоска рассвета на востоке. Пожав плечами, Ричер вернулся в конюшню. Приподнявшись на локте, Холли вопросительно посмотрела на него.

– У нас кое-какие проблемы, – сказал Ричер. – Ключи от наручников в доме. Как и ключи от грузовика. Войти в дом я не могу, потому что там есть собака. Она залает и разбудит всех. В доме есть еще кто-то помимо наших двух друзей. Это что-то вроде фермы. Здесь есть пикап и трактор. Так что в доме четыре – пять вооруженных людей. Как только проклятая собака залает, я получу по первое число. А уже начинает светать.

– Проблемы, – согласилась Холли.

– Верно. Мы не можем раздобыть машину и не можем просто уйти пешком, потому что ты скована, потому что у тебя болит нога и ты не можешь идти, и потому что мы за миллион миль до чего бы то ни было.

– Где мы находимся?

Ричер пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Я хочу взглянуть сама. Хочу выйти на улицу. Мне уже тошно от того, что я столько времени нахожусь взаперти. Ты не можешь вырвать и эту цепь?

Подойдя к стене, Ричер осмотрел чугунное кольцо. Доски здесь были лучше, чем в его стойле. Прочные, подогнанные. Ричер потряс кольцо и понял, что надежды нет никакой. Холли подавленно кивнула.

– Будем ждать, – сказала она. – Будем ждать другого случая.

Пройдя в середину конюшни, Ричер проверил стены, в самом низу, где была самая большая сырость, а доски обшивки были самые длинные. Выбрав одно место, он с силой надавил ногой. Доска выгнулась, вытаскивая ржавый гвоздь. Воспользовавшись образовавшимся зазором, Ричер оторвал соседнюю доску, затем еще одну. В результате получилась щель, в которую мог пробраться ползком человек. Вернувшись в центральный проход, Ричер уложил свободный конец цепи на живот мертвому водителю. Порывшись у него в карманах, достал ключ от навесного замка. Зажал его в зубах. Нагнулся и поднял труп с лежащей на нем цепью. Вынес его через открытые ворота.

Отнес ярдов на двадцать пять. В противоположную сторону от дома. Поставил труп на ноги, поддерживая его под плечи, словно танцуя с пьяным партнером. Нагнулся и взвалил его на плечо. Подхватил свободной рукой цепь и пошел прочь от конюшни.

Ричер шел быстро в течение двадцати минут. Прошел больше мили. Достиг дороги. Свернул налево и пошел по дороге. Вокруг расстилались конские пастбища. Вдоль дороги справа и слева тянулись ограждения. Бесконечные плоские луга, прохладные и влажные в последние ночные часы. В темноте кое-где виднелись силуэты деревьев. Узкая, прямая, ухабистая полоска дороги.

Некоторое время Ричер шел прямо посреди дороги. Затем, свернув к заросшей травой обочине, отыскал канаву. Она шла вдоль самого ограждения. Ричер описал полный круг, разворачивая мертвого водителя, лежавшего на плече. Он ничего не видел. Ферма осталась

больше чем в миле, а до следующей, вероятно, было еще миль сто. Нагнувшись, Ричер сбросил труп в канаву. Скрывшись в высокой траве, труп упал лицом вниз на сырую землю. Развернувшись, Ричер пробежал милю до фермы. Небо озарилось полоской рассвета.

Ричер свернул к конюшне. В окнах дома уже зажегся свет. Ричер сделал рывок к конюшне. Закрыл снаружи массивные деревянные ворота. Задвинул засов в скобы и запер цепь на висячий замок. Отбежал от конюшни и забросил ключ далеко в поле. Над восточным горизонтом пламенело утро среды. Обежав конюшню, Ричер отыскал проделанную в обшивке щель. Просунул сначала цепь. Протиснул плечи, затем забрался сам. Постарался как мог вернуть старые доски на место. Затем вышел в проход и остановился, учащенно дыша.

– Готово, – объявил он. – Труп никогда не найдут.

Ричер поднял с земли миску с остатками холодного бульона. Пошарил в стойле, собирая упавшие шурупы. Сгреб все щепки, какие только смог найти. Окунул их в холодный бульон, а затем вставил в рваные дырки в досках. Вернулся в стойло к Холли и поставил миску на землю. Взял ложку. Вставил шурупы в отверстия в основании чугунного кольца, закрепленного на конце цепи. Засунул их в дырки, заполненные липкими щепками. Кончиком ложки дожал шурупы до конца. Поправил пропущенную петлей цепь так, чтобы она свисала вертикально вниз и лежала на каменном полу. Чтобы нагрузка на хрупкое соединение была минимальной.

Затем Ричер швырнул ложку Холли. Поймав одной рукой, та положила ее в миску. Опустившись на корточки, Ричер прижался ухом к стене и стал слушать. Собаку выпустили из дома. Ричер слышал, как она принюхивается. Затем послышались шаги людей. Подбежавших к воротам. Кто-то потряс и подергал засов, запертый на цепь. Отошел назад. Послышались крики. Повторяющие имя, снова и снова. Щель в воротах посветлела, озаряясь рассветом. Деревянные доски заскрипели, нагреваясь под лучами поднявшегося над горизонтом солнца.

Шаги снова приблизились к конюшне. Загремела цепь. Засов упал на землю. Ворота со скрипом отворились. В конюшню шагнул Лодер. У него в руке был «глок», на лице застыло напряжение. Лодер остановился у самого входа. Лихорадочно переводя взгляд с Ричера на Холли и обратно. Напряжение у него на лице сменилось яростью. Глаза зажглись холодным огнем. У него из-за спины вышел нервный тип. С ружьем водителя в руках. Улыбающийся. Отстранив Лодера, нервный пробежал по проходу. Поднял ружье, целясь в Ричера. Лодер поспешил к нему. Стиви дослал патрон в патронник. Ричер переступил на шаг влево, закрывая собой чугунное кольцо.

– В чем дело? – спросил он.

– В тебе, козел, – сказал Лодер. – Ситуация изменилась. У нас теперь на одного человека меньше, так что ты стал лишним.

Ричер нырнул на пол в тот самый момент, когда Стиви нажал на спусковой крючок. Распластавшись на жестких каменных плитах, Ричер дернулся вперед. Прогремел выстрел, и стена разлетелась. В воздухе повисло плотное облако сырых щепок и порохового дыма. Доска, к которой было прикреплено чугунное кольцо, буквально развалилась на куски, и цепь с грохотом упала на пол. Перекатившись, Ричер поднял взгляд. Стиви, подняв ружье вертикально, передернул затвор, досылая в патронник новый патрон. Опустил ствол и снова прицелился.

– Стой! – заорала Холли.

Стиви оглянулся на нее. Не смог удержаться.

– Не будь дураком, черт побери! – продолжала она. – Что ты делаешь? У вас нет времени!

Лодер тоже повернулся к ней.

– Он ведь сбежал, так? – продолжала Холли. – Ваш водитель. Ведь произошло именно это, да? Он перетрусил и смылся, так? Значит, вам нужно немедленно трогаться в путь. Нельзя терять ни минуты.

Лодер недоуменно уставился на нее.

– Сейчас вы пока что идете на шаг впереди, – нетерпеливо сказала Холли. – Но если вы пристрелите этого парня, вам на хвост сразу же сядет местная полиция. Вам нужно срочно трогаться в путь.

Ричер смотрел на нее, распростертый на полу. Холли была великолепна. Она притягивала к себе все внимание. Спасала ему жизнь.

– Вас двое, нас тоже двое, – продолжала она. – Неужели вы с нами не справитесь?

Наступила тишина. В воздухе висели пыль и пороховая гарь. Наконец Лодер отступил назад, держа Холли и Ричера под прицелом пистолета. На лице Стиви появилось разочарование. Ричер медленно поднялся с пола, вытаскивая свободный конец цепи из обломков. Вывалившись из расщепленной доски, чугунное кольцо звякнуло о камень.

– Сучка права, – сказал Лодер. – Мы с ними справимся.

Он кивнул Стиви. Тот побежал к воротам, а Лодер, достав ключ, расстегнул браслет на руке Холли. Бросил наручники на матрас. Вес цепи подтащил их к стене. Соскользнув с матраса, наручники с громким металлическим звоном упали на каменные плиты.

– Так, козел, вставай живо, – сказал Лодер. – Пока я не передумал.

Ричер подобрал свободный конец цепи. Нагнулся, подхватил Холли, под колени и плечи. На улице взревел двигатель. Грузовик медленно вполз задом в ворота. Остановился. Ричер бегом отнес Холли к машине. Положил ее в кузов. Забрался следом за ней сам. Лодер захлопнул дверь, оставив их в темноте.

* * *

– А теперь, полагаю, я у тебя в долгу, – тихо произнес Ричер.

Холли смущенно махнула рукой. Ричер с признательностью посмотрел на нее. Она ему очень нравилась. Нравилось ее лицо. Ричер не отрывал от него взгляд. Вспоминая, каким бледным и испуганным оно было, когда над ней измывался водитель. Представляя, как тот похотливо разглядывал налившуюся под блузкой грудь. Затем картина сменилась: это уже был ухмыляющийся Стиви, который целился в него, прикованного к стене. В голове у Ричера снова прозвучал голос Лодера, сказавшего, что ситуация изменилась.

Изменилось все. Изменился сам Ричер. Он лежал на полу, чувствуя, как внутри скрежещет ярость. Холодная, неутихающая ярость. Неуправляемая. Похитители совершили ошибку. Они превратили его из стороннего наблюдателя в своего заклятого врага. Это была очень страшная ошибка. Они открыли запретную дверь, не представляя себе, какое проклятие вырвется оттуда на них. Ричер лежал, ощущая себя бомбой с часовым механизмом, которую похитители везли в самое сердце своих владений. Он чувствовал прилив ярости, наслаждаясь, упиваясь ей, накапливая ее впрок.

* * *

Теперь в кузове был только один матрас. Имевший в ширину всего три фута. А водитель из Стиви был никудышный. Ричер и Холли лежали на полу, прижимаясь друг к другу. На левой руке Ричера по-прежнему оставался наручник с прикованной к нему цепью. Правой он обнимал Холли за плечо. Крепко прижимая ее к себе. Крепче, чем это было нужно.

– Далеко еще? – спросила она.

– Мы приедем на место до наступления ночи, – тихо промолвил Ричер. – Твою цепь не захватили. Ночевок больше не будет.

Холли помолчала.

– Не знаю, радоваться этому или нет. Этот грузовик я уже возненавидела, но я не знаю, хочется ли мне приезжать куда бы то ни было.

Ричер кивнул.

– Да, наши шансы станут хуже. Правило большого пальца гласит, что бежать надо, пока тебя куда-то перемещают. Потом сделать это будет гораздо сложнее.

Движение грузовика указывало на то, что он ехал по шоссе. Однако или характер местности изменился, или Стиви не мог справиться с машиной, или и то и другое вместе, но грузовик сильно раскачивало. Машину заносило на поворотах; она металась из стороны в сторону, словно водителю с большим трудом удавалось удерживать ее между линиями дорожной разметки. Холли то и дело швыряло на Ричера. Он придвинул ее к себе ближе, прижал крепче. Она инстинктивно прильнула к нему. Ричер почувствовал, что Холли замялась, словно поняв, что совершила необдуманный поступок, но затем решила не отодвигаться от него.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она. – Ты ведь убил человека.

Ричер ответил не сразу.

– Он не был первым. И я только что пришел к выводу, что он не будет последним.

Они одновременно повернулись друг к другу, собираясь что-то сказать. Грузовик круто вильнул влево. Их губы оказались на расстоянии дюйма. Грузовик вильнул снова. Они поцеловались. Сначала робко и нерешительно. Ричер ощутил незнакомые мягкие губы, незнакомый, непривычный вкус. Затем они поцеловались еще раз. Но тут грузовик начал выписывать крутые дуги, и они, забыв про поцелуи, просто вцепились друг в друга, думая только о том, чтобы не сорваться с матраса на жесткий металлический пол.

Глава 20

Прорыв сделал Броган. В то утро он был третьим, кто прошел мимо банки из-под белой краски, оставленной на заброшенной стоянке, но он стал первым, кто понял ее смысл.

– Угнанный грузовик был белым, – сказал Броган. – На борту какая-то надпись или эмблема. Преступники ее закрасили. Все произошло именно так. Банка стояла здесь, вместе с кистью, в десяти футах от «Лексуса». Разумно предположить, что «Лексус» подъехал прямо к грузовику, так? Следовательно, банка стояла рядом с грузовиком.

– Что за краска? – спросил Макграт.

– Обычная бытовая. Банка емкостью в кварту. Двухдюймовая кисть. На ней сохранился ценник из хозяйственного магазина. А на рукоятке отпечатки пальцев.

Кивнув, Макграт улыбнулся.

– Отлично. За работу!

* * *

Броган отнес полученные с помощью компьютера снимки похитителей в хозяйственный магазин, в котором была куплена кисть. Это оказалось небольшое заведение, расположенное всего в двухстах ярдах от заброшенной стоянки. Семейный бизнес. За кассой сидела полная пожилая женщина, чей мозг напоминал стальной капкан. Она сразу же опознала преступника, которого видеокамера наблюдения зафиксировала за рулем «Лексуса». Кассирша показала, что этот человек купил банку краски и кисть около десяти часов утра в понедельник. В доказательство она с шумом выдвинула старый ящик и достала кассовую ленту за понедельник. Семь долларов девяносто восемь центов за краску, пять долларов девяносто восемь центов за кисть, плюс налог.

– Он расплатился наличными, – добавила женщина.

– У вас здесь есть система видеонаблюдения? – спросил Броган.

– Нет.

– А разве страховая компания не требует этого?

Полная пожилая женщина усмехнулась.

– Мы не застрахованы. – Нагнувшись, она достала из-под кассы ружье. – По крайней мере, страховая компания не имеет к этому никакого отношения.

Броган посмотрел на обрез. У него мелькнула мысль, что ствол слишком короткий и ружье не может иметь официальной регистрации. Однако в настоящий момент подобные мелочи его не беспокоили. Пока не беспокоили.

– Спасибо, – сказал он. Надеюсь, вам не придется прибегать к этой страховке.

* * *

В Чикаго и окрестностях проживает больше семи миллионов человек; у этих людей зарегистрировано десять с лишним миллионов единиц транспортных средств, но за двадцатичетырехчасовой промежуток между воскресеньем и понедельником был зафиксирован лишь один случай угона белого грузовика. Это оказался «Форд эконолайн». Принадлежащий одному электрику с Южной стороны. Страховая компания заставила его каждый вечер разгружать грузовик и убирать оборудование и инструмент в мастерскую. Все имущество, оставленное в

машине, под страховку не подпадало. Это было твердо оговорено. Требование страховой компании вызывало одни неудобства, но когда в понедельник утром электрик пришел на стоянку и не обнаружил своего грузовика, оно вдруг показалось ему чертовски разумным. Электрик поставил в известность о случившемся страховую компанию и полицию, решив про себя, что больше ничего не услышит об этом деле. Поэтому он был поражен, когда сорок восемь часов спустя к нему нагрянули двое агентов ФБР, которые стали задавать самые разные вопросы.

* * *

– Хорошо, – сказал Макграт. – Мы знаем, что искать. Белый «Эконолайн», на бортах свежая краска. Номерной знак известен. Теперь нам надо определить, где искать. Есть какие-нибудь мысли?

– Прошло сорок восемь часов, – начал Броган. – Предположим, преступники держали среднюю скорость пятьдесят пять миль в час. То есть, максимальное расстояние, которое они могли преодолеть, составляет больше двух тысяч шестисот миль. А значит, сейчас они могут находиться практически в любой точке Североамериканского континента.

– Слишком пессимистичная оценка, – возразил Милошевич. – Скорее всего, похитители делали привал на ночь. Скажем, в понедельник они находились в дороге шесть часов, затем десять во вторник, еще около четырех часов сегодня. Итого двадцать часов, то есть, максимум тысяча сто миль.

– Иголка в стогу сена, – пробормотал Броган.

Макграт пожал плечами.

– Что ж, определим размеры стога. После чего можно будет приступать к поискам иголки. Остановимся на полутора тысячах миль. Что это нам даст?

Броган достал из кипы бумаг на столе дорожный атлас. Раскрыл его вначале, где на одной странице пестрой мозаикой были изображены все штаты. Сверившись с масштабной линейкой, очертил ногтем круг.

– Они могут быть где угодно за исключением Калифорнии, – сказал Броган. – За чертой остаются половина штата Вашингтон, половина Орегона и вся Калифорния. Но и только. Итого, миллион квадратных миль.

В комнате наступила подавленная тишина.

– Штат Вашингтон отделен горами, так? – сказал Макграт. Так что предположим, что туда преступники еще не успели добраться. Как и в Орегон и в Калифорнию. А также на Аляску и на Гавайи. Итого мы уже

сократили объем работы. Осталось всего сорок пять штатов, так? Итак, за работу.

– Они могли перебраться в Канаду, – заметил Броган. – Или в Мексику. Или пересесть на самолет или корабль.

Пожав плечами, Милошевич отобрал у него атлас.

– Ты настроен чересчур пессимистически.

– Иголка в стогу сена, черт побери, – ответил Броган.

* * *

На третьем этаже над ними дактилоскописты Бюро работали с кистью, которую принес Броган. Этой кистью воспользовались всего один раз, причем сделал это человек весьма неуклюжий. Краска склеила щетину и стекла на металлический ободок, крепивший щетину к деревянной рукоятке. Человек, пользовавшийся кистью, приложил большой палец с одной стороны металлического кольца и указательный и средний с другой. Это позволяло предположить, что он имел средний рост и красил вертикальную поверхность на уровне своей головы, может быть, чуть выше, держа кисть щетиной вверх. «Форд эконолайн» имел в высоту чуть меньше восьмидесяти одного дюйма. Надпись на борту должна находиться в пределах семидесяти дюймов от земли. Компьютер не смог рассчитать рост водителя, потому что на снимке он сидел в «Лексусе», однако, судя по кисти, его рост был пять футов восемь или девять дюймов, и он работал кистью как раз на уровне глаз. Работал усердно, прилагая силу. Его творчество вряд ли отличалосьособой старательностью.

Незасохшая краска – хороший носитель для фиксации отпечатков пальцев, и у дактилоскопистов не возникло особых проблем. Однако они для полноты картины применили все имеющиеся у них в распоряжении средства, от флюорографии до обычного серого порошка. В результате были получены три с половиной четких отпечатка, большого, указательного и среднего пальцев правой руки и в качестве бесплатного приложения боковой поверхности мизинца. Отпечатки были оцифрованы, переданы в компьютер и тотчас же по прямой линии переправлены в центр Гувера в Вашингтон. В сообщении был указан код, означавший максимальную срочность.

* * *

В криминалистической лаборатории Квантико охотники разделились на две группы. Обугленный остов пикапа разобрали на мелкие детали, и половина криминалистов занялась исследованием микроскопических следов, уникальных для данной машины. Вторая половина погрузилась в изучение архивов производителей, вслушиваясь в слабые отголоски истории сборки и последующей продажи машины.

Это был «Додж», собранный десять лет назад в Детройте. Номер кузова и код, выбитый на блоке цилиндров двигателя, оказались оригинальными. Эти номера позволили производителю установить путь машины. Пикап выехал из ворот завода в конце апреля и отправился по железной дороге в Калифорнию. Там он своим ходом доехал до автомагазина в Мохаве. В мае автомагазин расплатился с производителем, и с тех пор производитель больше ничего не знал о судьбе пикапа.

Два года спустя автомагазин в Мохаве разорился. Заведение выкупили новые владельцы. Вся текущая информация хранилась в компьютере. Все архивы так и остались в бумажном виде. Маленькому автомагазину крохотного городка, затерявшегося на краю пустыни, не каждый день приходится отвечать на звонок из академии ФБР, поэтому на запрос пообещали ответить в самое ближайшее время. Старший управляющий вызвался лично собрать всю информацию и перезвонить в Квантико.

Сама машина сильно пострадала от огня. Все горючие материалы были уничтожены. Номерные знаки отсутствовали. В кабине не было обнаружено ничего достойного внимания. Ни жетонов на пользование платными автострадами, ни жетонов на пользование мостами и тоннелями. Наклейки на лобовом стекле были полностью уничтожены. Криминалистам досталась одна грязь. Они срезали обе задних колесных арки, изогнутые стальные листы, закрывавшие ведущие колеса, и осторожно перенесли их в лабораторию анализа материалов. Каждое транспортное средство ведет историю своих поездок, накапливая слой за слоем грязь на своем днище. Геологи Бюро, изучая эти слои, пытались выяснить, где побывал пикап и откуда он приехал.

Горящие покрышки спекли грязь в твердую корку. Некоторые мягкие породы расплавились, превратившись в стекло. Однако расшифровка слоев не допускала сомнений. Внешний был тонким. Геологи пришли к выводу, что он образовался за время долгого переезда через всю страну. Далее следовала смесь каменистых частиц, скопившихся за пару лет. Смесь весьма любопытная. Подобное сочетание различных видов песчинок должно было позволить однозначно определить место, где встречаются такие почвы. А под этой смесью следовал толстый слой пыли, собранной в каменистой пустыне. Геологи единодушно сошлись во мнении, что свою трудовую жизнь пикап начал где-то недалеко от пустыни Мохаве.

* * *

Во все до одного правоохранительные ведомства сорока пяти штатов были разосланы описание и номерные знаки угнанного белого «Эконолайна». Каждый сотрудник, выходя на дежурство, получил инструктаж искать эту машину, в движении или стоящую, сожженную,

спрятанную или брошенную. В ту среду на короткое время белые «Эконолайны» стали самой разыскиваемой маркой машин на планете.

Макграт сидел во главе стола в притихшем зале совещаний, курил и ждал. Он не испытывал лишнего оптимизма. Если грузовик спрятан в укромном месте, его, скорее всего, никогда не найдут. Задача была слишком грандиозной. Любой закрытый гараж или сарай могли навсегда спрятать «Форд». Если же машина оставалась на дороге, шансы были несколько лучше. Поэтому главный вопрос жизни Макграта стоял сейчас так: сейчас, по прошествии двух суток после похищения, преступники уже добрались до места назначения или до сих пор находятся в пути?

* * *

Через два часа после начала поисков из базы данных отпечатков пальцев пришел ответ: Питер Уэйн Белл. Полное совпадение трех пальцев правой руки. Кроме того, компьютер назвал вероятность совпадения отпечатка мизинца очень высокой.

– Возраст – тридцать один год, – зачитал Броган. – Уроженец Мохаве, штат Калифорния. Две судимости за насилие. Три года назад был обвинен в двойном изнасиловании, но за решетку так и не попал. Жертвы провели в больнице по три месяца. Трое дружков Белла подтвердили его алиби. А жертвы не оправились от шока в результате побоев и не смогли его опознать.

– Очень милый тип, – заметил Макграт.

Милошевич кивнул.

– И сейчас у него в руках Холли. В кузове его грузовика.

Макграт ничего не ответил. Зазвонил телефон. Макграт снял трубку. Выслушал краткую фразу, произнесенную лающим голосом. На глазах Брогана и Милошевича лицо их начальника озарилось, словно лицо человека, чей любимый клуб в один день выиграл все чемпионаты по бейсболу, футболу, баскетболу и хоккею, чей сын в тот же день с отличием окончил Гарвард, и чьи акции взлетели выше облаков.

– Он в Аризоне! – воскликнул Макграт. – Белый «Эконолайн» в Аризоне, направляется на север по федеральной магистрали номер 60.

* * *

Пожилой полицейский в черном «Крауне» полиции штата Аризона заметил, как белый грузовик с нарушением правил перестраивается из ряда в ряд на федеральной магистрали номер 60 на выезде из городка Глоуб, в семидесяти милях к востоку от Феникса. Догнав машину, он прочитал номерной знак, увидел синий овал с надписью «Форд». Включив микрофон, полицейский доложил о случившемся. И тотчас же

наступил конец света. Полицейский получил приказ продолжать преследование грузовика любой ценой. Ему сообщили, что из Феникса, Флагстаффа и даже из Альбукерка в штате Нью-Мексико уже вылетают вертолеты. С юга к нему на помощь подтягиваются все имеющиеся в наличии мобильные группы. Впереди шоссе перекрывает подразделение национальной гвардии. Полицейский узнал, что через двадцать минут получит такое подкрепление, о котором никогда не смел и мечтать, и понял, что он стал самым важным сотрудником правоохранительных органов Америки.

* * *

Управляющий автомагазина из Мохаве, штат Калифорния, перезвонил в Квантико меньше чем через час. За это время он успел сходить в архив и разыскать данные о продажах, оставшиеся от предыдущих владельцев. Пикап, о котором шла речь, в мае того же года, когда он был выпущен, был продан одному фермеру, занимавшемуся выращиванием цитрусовых в Кенделле, в пятидесяти милях к югу от Мохаве. Фермер купил машину с рассрочкой на четыре года. В течение этого срока он пригонял машину для ремонта и сервисного обслуживания. После того, как четыре года истекли и фермер полностью расплатился за пикап, его больше никто не видел. Звали его Датч Боркен.

* * *

Полчаса спустя угнанный белый «Эконолайн» все еще оставался в Аризоне. За это время он успел проехать еще двадцать восемь миль на север и сейчас находился в голове вереницы из пятидесяти автомобилей, вытянувшихся длинной каплей за ним. В воздухе над грузовиком висели пять вертолетов. Впереди, в десяти милях к северу шоссе было перекрыто другими сорока автомобилями, которые выстроились во всю ширину проезжей части аккуратной стрелой. Всей операцией руководил старший агент ФБР, начальник отделения в Фениксе. Находясь в головном вертолете, он не отрывал взгляда от крыши грузовика, отчетливо видневшегося сквозь прозрачный воздух пустыни. На голове у старшего агента были наушники с ларингофоном, и он говорил не переставая.

– Так, ребята, все готовы? С богом, пошли, пошли, пошли!

Головной вертолет взмыл вверх. Два других вертолета устремились вниз. Они зависли рядом с грузовиком, у самой земли, по одному с каждой стороны, держа ту же скорость, что и он. Полицейские машины за грузовиком рассредоточились по всей ширине шоссе и одновременно включили мигалки и сирены. Еще один вертолет, опустившись, развернулся задом и полетел прямо перед грузовиком, со включенным опознавательным маячком, вспарывая несущим винтом воздух. Затем сирены разом умолкли, и из носовой части кабины вертолета вылез огромный рупор. Над пустыней раскатился голос второго пилота,

многократно усиленный, отчетливо слышный даже сквозь рев двигателей.

– Федеральное бюро расследований, – с надрывом прокричал второй пилот. – Приказываю немедленно остановиться. Повторяю, приказываю немедленно прекратить движение и остановиться!

Грузовик продолжал двигаться вперед. Вертолет поднялся вверх и покачался. Затем снова опустился, еще ближе к грузовику, летя на расстоянии меньше десяти футов от его лобового стекла.

– Вы окружены со всех сторон, – продолжал кричать второй пилот. – Вас преследуют больше сотни сотрудников полиции. Шоссе впереди перекрыто. У вас нет выбора. Вы должны немедленно прекратить движение и остановиться. Повторяю, немедленно остановиться!

Полицейские машины снова включили сирены, и две, вырвавшись вперед, зажали грузовик в «коробочку». Тот еще некоторое время катил вперед, затем начал сбавлять скорость. Растянувшийся конвой следом за ним тоже затормозил, рассредоточиваясь по шоссе. Вертолеты взмыли в воздух, но остались над грузовиком. Тот сбросил скорость еще больше. Полицейские машины окружили его двойным кольцом, дверь к двери, бампер к бамперу. Грузовик наконец полностью остановился. Вертолеты зависли над ним. Головные полицейские машины подрезали грузовик и резко затормозили, в каких-то дюймах от его капота. Отовсюду повыскакивали сотрудники полиции. Шоссе оказалось запружено полицейскими. И даже сквозь рев двигателей вертолетов отчетливо послышались щелчки затворов и взводимых курков сотни ружей и револьверов.

За многие сотни миль, в Чикаго Макграт не слышал ружья и револьверы, но он слышал голос начальника фениксовского отделения, кричащего по радио. Сигнал с ларингофонов пересылался через Вашингтон и трещал из громкоговорителя, установленного на длинном полированном столе. Старший агент непрерывно говорил возбужденным тоном, выдавая поток распоряжений своим подчиненным и попутно комментируя все то, что происходило на дороге внизу. Макграт сидел за столом, стиснув холодные и влажные от пота руки, уставившись на шумящий без умолку громкоговоритель так, словно тот под пристальным взглядом мог превратиться в хрустальный шар, в котором была бы видна вся картинка.

– Грузовик останавливается, останавливается! – кричал старший агент, находящийся в кабине вертолета. – Вот он остановился, остановился прямо посреди шоссе, и его окружили со всех сторон. Не открывать огонь, ждать моего приказа! Из машины никто не выходит. Откройте двери, откройте двери, черт побери, и вытащите всех из кабины! Отлично, в кабине были двое, водитель и еще один человек рядом с ним,

они выходят. Наденьте на них наручники и посадите в машины! Возьмите ключи, откройте кузов, но только осторожнее, там еще двое преступников. Так, отлично, мы подходим к кузову, обходим вокруг машины, дверь заперта, мы подбираем ключи. И знаете что? На борту грузовика по-прежнему видна надпись. Надпись на белом фоне. Она гласит: "Электрическая компания «Яркая искра». А мне казалось, надпись должна была быть закрашена, разве не так? Белой краской?

В зале совещаний чикагского отделения наступила мертвая тишина. Макграт побледнел. Милошевич бросил на него взгляд. Броган спокойно смотрел в окно.

– И почему грузовик направлялся на север? – спросил Макграт. – Обратно в Чикаго?

Громкоговоритель снова ожил. Сотрудники Бюро повернулись к нему. Вслушались в возбужденный голос начальника фениксовского отделения. Звучавший на фоне рева двигателей вертолета.

– Задняя дверь открывается, – объявил голос. – Дверь открывается, она открыта. Мы заходим внутрь, оттуда появляются люди, появляются люди, но что это такое, черт побери? Их там целая толпа. Человек двадцать. И все вылезают из кузова. Вылезают из кузова. Их человек двадцать или тридцать. Черт побери, что происходит?

Старший агент умолк. Судя по всему, выслушал сообщение с земли. Макграт, Броган и Милошевич не отрывали взгляда от шипящего громкоговорителя. Молчание длилось довольно долго. Из громкоговорителя доносились лишь громкое дыхание старшего агента, рев двигателей и треск атмосферных разрядов. Затем снова зазвучал голос.

– Проклятие! Проклятие! Вашингтон, вы меня слышите? Вы слышите, что я говорю? Знаете, что мы только что сделали? Знаете, куда вы нас послали? Мы только что перехватили партию «живого товара». Тридцать нелегальных иммигрантов из Мексики. Их везут от самой границы. Машина направлялась в Чикаго. Мексиканцы утверждают, что им обещали там работу.

Глава 21

Белый «Эконолайн» размеренно катил вперед. Двигаясь быстрее, чем прежде. Крутые повороты закончились. Выехав на прямой участок, машина набрала скорость. Шум в кузове стоял громче, чем прежде, поскольку грузовик ехал быстрее, и к тому же свистел воздух, врывающийся тонкими струйками через сотню с лишним отверстий в крыше.

Ричер и Холли лежали рядом на полуторном матрасе. Лежали на спине, уставившись на продырявленный потолок. Каждое отверстие казалось им яркой точкой. Не голубой, а просто настолько яркой, что цвет уже отсутствовал. Светлые точки на абсолютно черном фоне. Некие абстрактные понятия. Внутри полная темнота, а за листом тонкой стали абсолютный свет. Свет, противоположность темноты. Темнота, полное отсутствие света. Позитив и негатив. Оба абстрактных понятия контрастировали на металлической крыше.

– Мне хочется увидеть небо, – заявила Холли.

В кузове было тепло. Не жарко, как в первый день. Эту проблему решили врывающиеся со свистом потоки воздуха. Создававшие в кузове относительный уют. И все же здесь оставалось настолько тепло, что Ричер снял рубашку. Скатал ее в комок и подложил под голову.

– Мне хочется увидеть все небо целиком, – продолжала Холли. – А не только его крохотные кусочки.

Ричер ничего не ответил. Он был занят тем, что считал отверстия в крыше.

– Сколько сейчас времени? – спросила Холли.

– Сто тринадцать, – ответил он.

Она недоуменно повернулась.

– Что?

– В крыше сто тринадцать отверстий, – объяснил Ричер.

– Замечательно. А времени сейчас сколько?

– Половина четвертого по центральному поясному времени.

Холли перевернулась на бок. Прижалась к ричеру. Положила голову ему на правое плечо. Закинула ногу ему на бедро. Колено Ричера оказалось зажато между ногами Холли.

– Сегодня среда, так? – спросила она.

– Среда, – подтвердил Ричер.

Ему нечасто приходилось наслаждаться такой физической близостью с женщиной. Тело Холли было гибким и атлетическим. Упругим, но нежным. Молодым. Приятно пахнущим. Забываясь, Ричер наслаждался этим ощущением. У него участилось дыхание. Однако он не обманывал себя по поводу чувств Холли. Она прижималась к нему, но делала это для того, чтобы дать отдых больному колену, чтобы не скатиться с узкого матраса на пол.

– Пятьдесят один час, – с тоской произнесла Холли. – Вот уже пятьдесят один час я не видела неба.

Сто тринадцать – простое число. Его нельзя получить, перемножив два целых числа. Вот число сто двенадцать можно получить, умножив пятьдесят шесть на два, или двадцать восемь на четыре, или четырнадцать на восемь. Число сто четырнадцать можно получить, умножив пятьдесят семь на два, или девятнадцать на шесть, или тридцать восемь на три. Но число сто тринадцать простое. Оно не имеет целых делителей. Число сто тринадцать можно получить, только умножив сто тринадцать на один. Или выпустив в крышу заряд дроби.

– Ричер, я начинаю беспокоиться, – призналась Холли.

Пятьдесят один час. Число пятьдесят один не является простым. Его можно получить, умножив семнадцать на три. Трижды десять будет тридцать, трижды семь будет двадцать один, тридцать и двадцать один будет пятьдесят один. Это не простое число. Оно имеет целые делители. Подтянув левой рукой цепь, Ричер обнял Холли, прижимая ее к себе.

– С тобой все будет в порядке, – убежденно заявил он. – Тебя не тронут. Ты для похитителей представляешь большую ценность. Они с тобой ничего не сделают.

Ричер ощутил, как Холли покачала головой. Всего один раз, но решительно.

– Я беспокоюсь не о себе. О тебе. Ты-то представляешь какую-нибудь ценность?

Ричер промолчал. На это ему нечего было ответить. Холли заморгала, и он ощутил прикосновение ее ресниц к коже своей груди. Грузовик с ревом несся вперед, быстрее, чем ему хотелось. Водитель выжимал из машины больше того, на что она была рассчитана.

– Поэтому я начинаю беспокоиться, – повторила Холли.

– Ты присматривай за мной, а я буду присматривать за тобой, – успокоил ее Ричер.

– Я тебя ни о чем не прошу.

– Знаю.

– И я не могу принять помощь от тебя.

– Но ты не можешь мне помешать, – сказал Ричер. – Теперь это и мое дело тоже. Ублюдки совершили ошибку. Они пытались меня застрелить. У меня есть правило, Холли: те, кто идет против меня, сильно рискует. Я стараюсь быть очень терпеливым. Однажды, когда я учился в начальной

школе, у меня была учительница. Кажется, это было на Филиппинах, потому что она постоянно носила белую шляпу с широкими полями. Так что это было где-то в жаркой стране. Я с самого детства был вдвое выше ростом всех своих сверстников, и она мне говорила: «Ричер, перед тем, как разозлиться, сосчитай до десяти.» И вот сейчас я тоже считал до десяти. И гораздо дальше. Но теперь тебе не остается ничего иного, кроме как принять: мы с тобой идем до конца, каким бы он ни был.

Они умолкли. Грузовик натужно ревел, глотая мили.

– Ричер, – окликнула Холли.

– Что?

– Обними меня.

– Обнимаю.

В доказательство своих слов Ричер нежно сжал ее обеими руками. Холли прильнула к нему.

– Ричер, – повторила она.

– Да?

– Хочешь поцеловать меня еще раз? Мне так легче.

Повернувшись к ней, Ричер улыбнулся в темноте.

– И мне тоже большого вреда не будет.

* * *

Восемь часов со скоростью шестьдесят пять или семьдесят миль в час. Где-то от пятисот до пятисот пятидесяти миль. Вот сколько они проехали. По крайней мере, такова была оценка Ричера. И у него наконец появились первые мысли по поводу того, куда направлялись похитители.

– Мы находимся там, где отменили верхний предел скорости, – сказал он.

Холли потянулась и зевнула.

– Что?

– Мы едем быстро. Под семьдесят миль в час, на протяжении четырех часов. Лодер человек дотошный. Он не позволил бы Стиви гнать так быстро, если бы существовал риск оказаться задержанным за превышение скорости. Значит, мы находимся там, где предел скорости повысили или вообще отменили. В каких штатах это сделали?

Холли пожала плечами.

– Точно не могу сказать. В основном, в западных.

Ричер кивнул. Мысленно провел на карте в голове дугу.

– На восток мы не едем, – сказал он. – Это мы уже решили. Так что мы сейчас где-то в Техасе, Нью-Мексико, Колорадо, Вайоминге или Монтане. Быть может, добрались до Айдахо, Юты, Невады или Аризоны. В Калифорнию еще не попали.

Грузовик сбавил скорость, и рев двигателя стал более натужным. Послышался лязг коробки передач: водитель переключился с пятой на четвертую.

– Горы, – определила Холли.

И это был не холм. А длинный, затяжной подъем. Шоссе начало взбираться вверх. На каждую милю грузовик набирал несколько сотен футов высоты. Время от времени он дергался влево, обгоняя медленно ползущие машины. Редкие. Водитель ехал на четвертой передаче, вдавив педаль газа в пол. Наконец рев двигателя утих, водитель переключился на пятую передачу, проехал на ней немного и снова перешел на пониженную. Начался затяжной спуск.

– У нас должен кончиться бензин, – сказала Холли.

– Этот двигатель дизельный, а не бензиновый, – возразил Ричер. – У нас были такие машины в армии. Бак емкостью тридцать пять галлонов. На одном галлоне дизель делает по шоссе миль двадцать пять. Так что бака хватит почти на девятьсот миль.

– То есть, до самых отдаленных уголков Соединенных Штатов, – печально заключила Холли.

* * *

Путешествие продолжалось. Грузовик в течение нескольких часов надрывно ревел, борясь с горами, затем свернул с шоссе. Спустилась ночь. Яркие отверстия в крыше померкли. Затем совсем исчезли. Стали темнее самой крыши. Позитив и негатив. Грузовик резко вильнул вправо, сворачивая с шоссе. Покрышки завизжали на асфальте. Далее последовала беспорядочная последовательность поворотов, остановок и рывков вперед. Ухабистые спуски и крутые виражи, преодолеваемые на пониженной передаче. Относительно ровные отрезки, плохой асфальт, хороший асфальт, уклоны, щебенка, выбоины. Ричер представил себе, как лучи фар мечутся влево и вправо, вверх и вниз.

Грузовик уменьшил скорость, практически останавливаясь. Сделал крутой поворот направо. Подпрыгивая, проехал по деревянному мосту. Затем затрясся по грунтовой дороге с торчащими корнями. Машина двигалась медленно, виляя из стороны в сторону. Казалось, она едет по

высохшему руслу реки. По узкой, каменистой дороге. Судя по всему, это был самый последний отрезок пути. Похоже, конечная цель была уже близка. Водитель больше никуда не торопился. Чувствуя себя дома.

Однако последний отрезок пути отнял много времени. Дорога была плохая, и грузовик едва тащился. Из-под колес вылетали мелкие камешки. Покрышки сердито гудели на неровной поверхности. Так продолжалось сорок минут. Пятьдесят минут. Ричеру стало холодно. Усевшись, он встряхнул свою рубашку. Надел ее. Тряска продолжалась уже целый час. За это время с такой скоростью можно было проехать миль пятнадцать, от силы двадцать.

И вот наконец грузовик приехал на место. Взобравшись на последний пригорок, он остановился. Двигатель затих. Наступила гнетущая тишина. В безмолвии необъятной пустоты было слышно, как капает влага с остывающего глушителя. В кабине двое похитителей, измученные и опустошенные, сидели и молчали. Затем они вылезли. Послышался звук открывающихся дверей, заскрипели пружины сидений. Раздались шаги по гравию. Двери захлопнулись – оглушительный металлический лязг в полной тишине. Шаги зашуршали по гравию, направляясь к задней двери кузова. В руке водителя тихо звякнули ключи.

В замке зашерудил ключ. Щелкнул язычок. Рукоятка повернулась. Распахнулась одна створка. Лодер подпер ее железной стойкой. Затем распахнул вторую створку. Подпер ее. Махнул «глоком», предлагая пленникам вылезать. Ричер помог Холли пробраться по неровному полу. Выпрыгнул из кузова. Отрезок цепи, прикованный к руке, со звоном упал на землю. Подхватив Холли на руки, Ричер опустил ее рядом с собой. Они стояли, опираясь на неровную сталь пола кузова грузовика. Оглядываясь по сторонам.

Совсем недавно Холли хотелось увидеть небо. Теперь она стояла под самым бескрайним небом, какое только когда-либо видел Ричер. Небо было темно-темно синее, почти черное, и оно казалось необъятным. Оно уходило в бескрайнюю высь бесконечно. И было размером с целую планету. На нем рассыпанной солью сверкали сотни миллиардов ярких звезд. Бесконечно далеких, но при этом неестественно живых. Звездная пыль терялась в самых дальних холодных закутках вселенной. Ночное небо было огромным и простиралось в бесконечность.

Грузовик стоял на поляне в лесу. Воздух был насыщен терпким ароматом сосен. Запах был очень сильным. Чистым и свежим. Повсюду вокруг чернела сплошная масса деревьев. Покрывавших рваные склоны гор. Поляна была окружена лесистыми горами. Она была просторной, бесконечно черной, безмолвной. Справа вдалеке смутно виднелись

черные силуэты строений. Это были длинные, приземистые бараки. Деревянные, затаившиеся в темноте.

На краю поляны стояли люди. Рассыпавшиеся среди ближайших деревьев. Ричеру были видны их смутные тени. Всего человек пятьдесят – шестьдесят. Стоящих неподвижно, молча. Все в темной одежде. Все с черными лицами. Выкрашенными ночной камуфляжной краской. На фоне черных деревьев сверкали белые глаза. Все держали в руках оружие. Ричер различил автоматические винтовки и пулеметы. Небрежно перекинутые через плечи молчаливых, настороженных людей. И еще здесь были собаки. Крупные овчарки, на толстых кожаных поводках.

Среди собравшихся было несколько детей. Ричер разглядел их в темноте. Дети жались в кучки, притихшие, смотрящие на прибывших заспанными глазами. Они прятались за спины взрослых, испуганные, но охваченные любопытством. Сонные дети, разбуженные среди ночи для того, чтобы стать свидетелями какого-то знаменательного события.

Лодер повернулся на месте, подзывая жестом молчаливых зрителей подойти ближе. Он неопределенно махнул рукой, словно инспектор манежа в цирке.

– Мы ее привезли! – крикнул Лодер, разрывая ночную тишину. – Сучка из ФБР здесь!

Его голос отразился от отдаленных гор.

– Где мы находимся, черт побери? – спросила Холли.

Обернувшись к ней, Лодер усмехнулся.

– У нас, – тихо ответил он. – Там, где твои дружки из ФБР тебе не помогут.

– Почему? Где мы, черт побери?

– Ты это не поймешь.

– Почему? Где-то же мы ведь находимся, так? На территории Штатов?

Лодер покачал головой.

– Нет.

– В Канаде? – удивленно спросила Холли.

Лодер снова покачал головой.

– И не в Канаде, сучка.

Холли обвела взглядом хвойные деревья и горы. Посмотрела на бескрайнее ночное небо. Поежилась, ощутив холод.

– Ну, это уж точно не Мексика.

Лодер торжественно распростер руки.

– Это совершенно новая страна, – объявил он.

Глава 22

Атмосфера в чикагском отделении вечером в среду была близка к похоронной, и в чем-то это действительно были похороны, потому что последняя реальная надежда вернуть Холли умерла. Макграт понимал, что лучшие шансы были в самом начале. Теперь их уже не оставалось. Если Холли до сих пор жива, ее держат в плену где-то на необъятном североамериканском континенте, и нет никаких шансов найти ее до тех пор, пока похитители не соизволят позвонить со своими требованиями. И, до сих пор, когда с момента похищения прошло уже почти шестьдесят часов, они так и не позвонили.

Макграт сидел во главе длинного стола в зале совещаний на третьем этаже. Курил. В помещении стояла полная тишина. Милошевич сидел сбоку, спиной к окнам. Вечернее солнце дюйм за дюймом проползло к горизонту и скрылось, оставив после себя темноту. Вместе с ним опустилась температура в зале. Полуденная жара сменилась приятной вечерней прохладой. Однако находящихся в помещении людей бил холодный озноб. Они едва взглянули на присоединившегося к ним Брогана. Тот держал в руке компьютерные распечатки. Нельзя сказать, что Броган улыбался, однако он был близок к этому.

– У тебя есть что-нибудь? – спросил Макграт.

Многозначительно кивнув, Броган сел. Разложил распечатки на четыре стопки и по очереди поднял их.

– Это из Квантико. У них есть кое-что. А это из криминального архива в Вашингтоне. У них есть три кое-чего. И еще мне в голову пришла одна мысль.

Разгладив листы бумаги, он поднял взгляд.

– Послушайте, – начал он. – Пегматиты, сцепленные кристаллы, кремниевые сланцы, гнейс, аспидные сланцы, глинистые сланцы, слоистые метаморфизмы, кварциты, кристаллы кварца, красный песчаник, триасовый красный песок, вулканический пепел, розовый полевой шпат, зеленый хлорит, бурый железняк, зернистый песчаник и мелкозем. Вы знаете, что это такое?

Макграт и Милошевич пожали плечами и покачали головой.

– Это геология, – объяснил Броган. – Ребята из Квантико исследовали пикап. Геологи из отдела анализа вещественных улик. Они изучили грязь под колесными арками. Определили, из чего она состоит, и прикинули, где побывал пикап. Крошечные частицы песка и осадочных пород застревают в трещинках металла. Получается что-то вроде геологических отпечатков пальцев.

– Ну хорошо, и где побывал пикап?

– Начал свою жизнь он в Калифорнии, – сказал Броган. – Его купил десять лет назад в Мохаве некий фермер Датч Боркен, разводивший цитрусовые. Это определили на заводе-изготовителе. Геология тут ни при чем. Затем, как определили ученые, пикап провел пару лет в Монтане. После чего приехал сюда, к нам, северным путем, через Северную Дакоту, Миннесоту и Висконсин.

– Геологи в этом уверены? – спросил Макграт.

– Так, как будто у них перед глазами был путевой лист. Но только написанный грязью на брюхе машины, а не пером на бумаге.

– И кто такой этот Датч Боркен? – спросил Макграт. – Он имеет какое-нибудь отношение к делу?

Броган покачал головой.

– Нет. Датч Боркен умер.

– Когда?

– Пару лет назад. Он влез в долги, его хозяйство пошло прахом, банк отказался продлить кредит, и Датч Боркен засунул в рот дуло ружья и разметал свои мозги по всей Калифорнии.

– Ну и? – спросил Макграт.

– Пикап украл его сын, – продолжал Броган. – Формально машина перешла в собственность банка, так? Однако Боркен-младший уехал на ней, и больше его никто не видел. Банк объявил ее в розыск, местная полиция искала пикап, но так и не нашла. Он нигде не зарегистрирован. В управлении транспортных средств о нем ничего не известно. В конце концов полиция прекратила поиски, потому что кому какое дело до старой развалюхи? Но я полагаю, мальчишка Боркен перегнал пикап в Монтану. Определенно, машина провела в Монтане пару лет, ученые в этом уверены.

– У нас есть что-нибудь на Боркена-младшего? – спросил Макграт.

Броган кивнул. Постучал по второй стопке бумаг.

– И много. Он наследил в нашей базе данных, словно колония муравьев. Его зовут Бо Боркен. Возраст тридцать пять лет, рост шесть футов, вес четыреста фунтов. Крупный парень, так? Придерживается крайне правых взглядов, страдает расстройством психики. В настоящее время возглавляет какое-то незарегистрированное военизированное формирование. Оголтелый фанатик. Имеет связи со всеми незарегистрированными военизированными формированиями в своих краях. Является основным подозреваемым в деле об ограблении на севере Калифорнии. Нападению подвергся инкассаторский автомобиль, перевозивший двадцать миллионов в акциях на предъявителя. Полиция предположила, к этому приложило руку какое-то военизированное формирование, потому что нападавшие были одеты в военную форму. Команда Боркена подходила по всем статьям. Однако довести дело до конца так и не удалось. Почему – из архива неясно. И еще один хороший момент для нас. Бо Боркен был одним из тех, кто обеспечил алиби Питеру Уэйну Беллу, позволив ему избежать ответственности за изнасилование. Так что он задокументированно связан с человеком, который имеет отношение к похищению.

Милошевич поднял взгляд.

– И этот Боркен обосновался в Монтане?

Броган кивнул.

– Мы смогли более или менее установить конкретный район. Геологи из Квантико сходятся на нескольких горных долинах в северо-западном углу штата.

– Они не могли бы сказать поточнее? – спросил Милошевич?

– Я уже связывался с ними. Они сказали, что осадочные породы, обнаруженные под колесными арками, встречаются крайне редко. Что-то вроде очень старых скальных пород, которые миллион лет назад раздробил ледник, и теперь они лежат гораздо ближе к поверхности, чем обычно, смешанные с другими породами, тоже старыми, но гораздо моложе. Вы понимаете, что я хочу сказать? Одним словом, смесь очень характерная. Я спросил, почему они так уверены. Геологи ответили, что просто узнали то, что у них перед глазами, точно так же как я с расстояния пятьдесят футов узнал бы свою мать. По их словам, такое сочетание можно встретить в двух – трех долинах, простирающихся с севера на юг, оставленных на северо-западе Монтаны ледником, который надвигался со стороны Канады. И еще геологи обнаружили песчаник, совершенно чуждый для этих мест, однако лесники засыпают им лесные дороги.

– Ну хорошо, – сказал Макграт. – Положим, наши друзья провели пару лет в Монтане. Но кто может поручиться, что они вернулись именно туда?

Броган поднял третью стопку бумаг. Развернул карту. И улыбнулся впервые с понедельника.

– А вот с этим как раз никаких проблем не будет. Взгляните на карту. Прямая дорога от Чикаго до дальнего угла Монтаны проходит через Северную Дакоту, так? Сегодня утром один местный фермер прогуливался где-то здесь. И угадайте, что он нашел в придорожной канаве?

– Что? – спросил Макграт.

– Мертвеца. Кругом поля, пастбища, никого нет. Поэтому, естественно, фермер вызвал полицию, полиция сняла у трупа отпечатки пальцев, и компьютер выдал имя.

– Какое? – нетерпеливо спросил Макграт.

– Питер Уэйн Белл, – торжествующе заявил Броган. – Тот самый тип, который увез нашу Холли.

– Он мертв? Что с ним случилось?

– Пока что это неизвестно. Быть может, он на чем-то прокололся? У этого Белла мозги были в трусах. Это мы уже успели понять, да? Быть может, он засмотрелся на Холли, а та его отшила. Но приложите к карте линейку и взгляните сами. Похитители возвращаются обратно в Монтану. Это точно. Иначе быть не может.

– На чем? – спросил Макграт. – Только не на белом грузовике.

– Нет, как раз на белом грузовике, – решительно заявил Броган.

– Но тот «Эконолайн» был единственным угнанным грузовиком.

Покачав головой, Броган похлопал по четвертой стопке бумаг.

– Мне пришла в голову одна мысль. Я проверил, не брал ли Рубин машину напрокат.

– Кто? – переспросил Макграт.

– Рубин, убитый зубной врач. Я проверил, не брал ли он машину напрокат.

Макграт недоуменно посмотрел на него.

– Зачем мертвому зубному врачу могла понадобиться машина, черт побери?

– Ему она не понадобилась. Но я подумал, что наши ребята могли взять машину напрокат по его кредитной карточке. Это было бы очень разумно. Зачем рисковать, угоняя машину, когда ее можно просто взять напрокат, имея украденный бумажник с кредитными карточками и водительскими правами? Поэтому я навел справки. И действительно, компания «Наши колеса», отделение на Южной стороне, в девять утра в понедельник сдала в аренду «Форд эконолайн» некоему доктору Рубину. Я спросил, соответствовала ли фотография на правах человеку, оформлявшему прокат. Мне ответили, что никто и никогда не сверяет фотографии. Главное – чтобы автомат взял кредитную карточку. Я спросил, какого цвета был «Эконолайн». Мне ответили, что все машины белые. Я спросил, была ли на борту надпись. Мне ответили, что естественно была. «Наши колеса», зелеными буквами, на уровне глаз.

Макграт кивнул.

– Я иду звонить Гарланду Уэбстеру. По-моему, настала пора отправляться в Монтану.

* * *

– Сначала отправляйся в Северную Дакоту, – сказал Уэбстер.

– Зачем? – спросил Макграт.

На том конце линии наступила небольшая пауза.

– Надо делать за раз по одному шагу, – сказал Уэбстер. – Первым делом нужно разобраться с этим Питером Уэйном Беллом. Так что сначала загляни в Северную Дакоту, хорошо?

– Вы в этом уверены?

– Необходима терпеливая, кропотливая работа, – сказал Уэбстер. – Только так мы сможем добиться успеха. Работай над уликами. Пока что это давало результат, так? Этот твой Броган проделал хорошую работу. Он начинает мне нравиться.

– Что же, идти пешком до самой Монтаны, заглядывая в каждую придорожную канаву?

– Нет смысла торопиться до тех пор, пока мы не выясним хоть что-то, – ответил Уэбстер. – А именно, кто, где и почему. Вот что мы должны установить в первую очередь, Мак.

– Нам уже известно, кто и где, – возразил Макграт. – Бо Боркен. В Монтане. Это же достаточно очевидно, разве не так?

На противоположном конце снова наступила пауза.

– Возможно, – наконец согласился Уэбстер. – Но что насчет «почему»?

Зажав трубку плечом, Макграт закурил новую сигарету.

– Никаких мыслей, – вынужден был признать он.

– Мы изучили снимки, – сказал Уэбстер. – Я отправил их в отдел изучения психологии преступников. С ними ознакомились наши мозговеды.

– И?

– Не знаю. Ребята там собрались толковые, но много ли можно определить, таращась на фотографию?

– Что, никаких заключений? – настаивал Макграт.

– Ну, кое-что есть. Наши специалисты пришли к выводу, что трое из четверых похитителей связаны друг с другом, а большой парень совершенно обособленный от них. Те трое даже внешне чем-то похожи. Ты обратил внимание? Одно и то же прошлое, один и тот же образ жизни, быть может, даже гены общие. Не исключено, они родственники. Этот тип Белл ведь родом из Мохаве, штат Калифорния, так? Как и Бо Боркен. Так что наши ребята считают, что все трое из одних мест. С Западного побережья. Но большой парень совсем непохож на них. Другая одежда, другое поведение, другое физическое развитие. Антропологи из Квантико считают, что он может быть иностранцем, возможно, наполовину или во втором поколении. Светлые волосы и голубые глаза, и у него в лице есть что-то. Возможно, он европеец. И он большой. Не накачался в тренажерных залах, а большой от природы.

– И? – спросил Макграт. – К каким заключениям пришли ваши мозговеды?

– Возможно, это европеец. Большой, сильный парень, возможно, выходец из Европы. Наши специалисты опасаются, что он может оказаться террористом. Или наемником. Сейчас они связались с коллегами за океаном.

– Террорист? Наемник? Что это может означать?

– В том-то все и дело, – сказал Уэбстер. – Именно поэтому нам необходимо как можно скорее пригвоздить ответ на вопрос «почему». Если этот тип действительно террорист, какова его цель? Кто кого нанял? Кто отдает приказы? Ребята Боркена наняли этого террориста или наоборот? То есть, главный он? Он нанял ребят Боркена для грязной работы на территории Штатов?

– Проклятие, что происходит? – спросил Макграт.

– Я вылетаю в «О'Хейр», – объявил Уэбстер. – Буду следить за всем отсюда. Дело слишком серьезное, и у меня нет выбора, так, Мак? Старик ждет от меня именно этого.

– Который из стариков? – угрюмо спросил Макграт.

– Оба.

* * *

Вечером, через шесть часов после столкновения с иммигрантами из Мексики Броган поехал в аэропорт «О'Хейр». Макграт сидел спереди рядом с ним, Милошевич устроился сзади. Все молчали. Броган оставил «Форд» Бюро на площадке военной базы, за колючей проволокой. Все трое остались сидеть в машине, дожидаясь «Лира» ФБР, вылетевшего с авиабазы Эндрюс. Маленький реактивный самолет приземлился приблизительно через двадцать минут. Быстро подкатился прямо к машине. Остановился, залитый светом прожекторов, и напоследок взвизгнул двигателями. Открылась дверь, опустился трап. В дверях появился Гарланд Уэбстер. Директор ФБР оглянулся по сторонам. Увидел своих сотрудников и махнул рукой, подзывая их. Резкий, нетерпеливый жест. Повторенный дважды.

Трое агентов поднялись на борт небольшого самолета. Трап убрался внутрь, дверь закрылась за ними. Уэбстер провел агентов в салон. Маленький столик, за ним четыре кресла, два напротив двух. Все расселись, Макграт и Броган напротив Уэбстера и Милошевича. Пристегнули ремни. «Лир» снова покатился по рулежной дорожке. Остановился в начале взлетно-посадочной полосы и стал ждать. Затем, задрожав, покатился вперед по длинной бетонной полосе, набирая скорость, и резко подскочил в воздух. Самолет развернулся на северо-запад, и рев двигателей спал до нормального уровня.

– Итак, предлагаю следующую гипотезу, – сказал Уэбстер. – Дочь председателя объединенного комитета начальников штабов похищена какой-то террористической группировкой, имеющей связи с иностранными государствами. Террористы собираются предъявить ее отцу какие-то требования, связанные с его высоким постом в армии.

Макграт покачал головой.

– Ерунда. Они ничего не смогут добиться. Генерала просто сместят с должности. Старых армейских пердунов, желающих просиживать свои толстые задницы в Пентагоне, пруд пруди.

Броган осторожно кивнул.

– Полностью с вами согласен, шеф. Это предположение даже не обсуждается.

Уэбстер кивнул в свою очередь.

– Вот именно. Итого, что у нас остается?

Все молчали. Никто не хотел произносить эти слова.

* * *

«Лир» долго гнался за отсветами заходящего солнца и наконец совершил посадку в Фарго, штат Северная Дакота. Там прибывших встретил сотрудник отделения Бюро в Миннеаполисе с машиной. Броган и Милошевич не произвели на него никакого впечатления, и он был слишком горд и не подал вид, что на него произвел впечатление начальник чикагского отделения. Однако Гарланда Уэбстера агент встретил настороженно, полный решимости доказать, что он знает свое дело.

– Мы нашли место, сэр, где преступники прятались, – сказал он. – Они провели там ночь и двинулись дальше. Тут не может быть никаких сомнений. Это приблизительно в миле от того места, где был обнаружен труп.

Он повез высоких гостей на северо-запад. Два часа машина словно насекомое ползла в сгущающихся сумерках через бесконечные огромные поля овса, пшеницы, фасоли и ячменя. Все хранили напряженное молчание. Наконец агент из Миннеаполиса свернул направо, и свет фар озарил бескрайние пастбища, раскинувшиеся под потемневшим небом. Солнце скрылось на западе. Тщательно повторив все повороты дороги, агент из Миннеаполиса в конце концов подъехал к ограде ранчо. Ограда уходила в темноту, но фары выхватили желтую полицейскую ленту, натянутую между деревьями, и в двадцати ярдах патрульную машину и микроавтобус коронера.

– Труп был обнаружен здесь, – объяснил агент.

Он достал фонарик, однако смотреть особенно было не на что. Обычный ров между полотном дороги и оградой, заросший травой, затоптанной на протяжении десяти ярдов. Сам труп уже увезли, однако судмедэксперт остался, чтобы сообщить подробности.

– Очень странный случай, – сказал врач. – Этого человека задушили. Никаких сомнений. Уткнули лицом во что-то мягкое. Мелкая сыпь по всему лицу и в глазах. Крошечные точечные кровоизлияния, какие сопровождают удушье.

Макграт пожал плечами.

– И что в этом такого странного? Если бы у меня была возможность, я сам бы придушил этого ублюдка.

– Все дело в том, что было до и после, – объяснил врач. – До – жестокое избиение. На мой взгляд, бедолагу со всей силы швырнули спиной в стену или о борт грузовика. У него трещина в затылочной кости и сломаны три ребра. Затем его били ногами. Внутренние органы в жутком состоянии. Превратились в кашу. Поработал человек огромной физической силы, озверевший от ярости. Мне бы не хотелось рассердить такого, это уж точно, черт побери.

– А что было после? – спросил Макграт.

– Тело перетащили. Весь гипостаз нарушен. Получается, кто-то избил бедолагу, задушил его, оставил лежать, а через час передумал и перетащил труп сюда.

Уэбстер, Макграт и Броган дружно кивнули. Милошевич стоял, уставившись в ров. Затем все вернулись на дорогу и постояли, глядя на бескрайние луга, после чего направились к машине.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил врача Уэбстер. – Вы хорошо поработали.

Врач кивнул. Двери машины захлопнулись. Агент из Миннеаполиса завел двигатель и поехал дальше на запад, в ту сторону, где скрылось солнце.

– Музыку заказывает большой парень, – сказал Уэбстер. – Это очевидно, так? Он нанял троих типов из Монтаны, чтобы те выполнили для него грязную работу. Судя по всему, Питер Уэйн Белл нарушил правила. Начал приставать к Холли. Беспомощная, беззащитная женщина, молодая и красивая, – для этого животного она оказалась слишком большим соблазном, так?

– Так, – согласился Броган. – Однако большой парень – профессионал. Наемник, террорист или кто там еще. Подобные шутки с похищенной не входили в его планы. Поэтому он рассердился и прикончил Белла. И тем самым укрепил дисциплину среди своих людей.

Уэбстер кивнул.

– Иного объяснения быть не может. Такое мог совершить только он. Во-первых, потому, что он босс и, следовательно, обладает необходимой властью. И, во-вторых, только он обладает достаточной физической силой, чтобы нанести такие серьезные увечья.

– Значит, большой парень оберегает Холли? – спросил Макграт.

– Точнее, он защищает свои инвестиции, – угрюмо поправил его Уэбстер.

– И все же, будем надеяться, с ней пока что все в порядке.

На это никто не ответил. Проехав где-то с милю, машина резко свернула направо и затряслась на ухабистой дороге. Фары осветили небольшое скопление деревянных строений.

– Похитители остановились вот здесь, – объяснил агент из Миннеаполиса. – Это бывшая конеферма.

– Здесь кто-нибудь живет? – спросил Макграт.

– Жил до вчерашнего дня. Сейчас здесь ни одной живой души.

Машина остановилась перед конюшней. Из нее вылезли пятеро мужчин. Ворота конюшни были распахнуты. Местный агент остался стоять у машины, а Уэбстер, Макграт, Броган и Милошевич зашли внутрь. Включили фонарики. Внутри было темно и сыро. Вымощенный каменными плитами пол, позеленевший ото мха. По обе стороны от центрального прохода стойла. Четверо мужчин прошли по центральному проходу до самого конца. Стойло справа было изрешечено зарядом дроби из ружья. От задней стены почти ничего не осталось. Многие доски вывалились. Повсюду валялись щепки, потемневшие от гнили.

В последнем стойле слева лежал матрас. Через чугунное кольцо на стене была пропущена цепь. Кольцо было прикреплено к стене лет сто назад для того, чтобы держать коня на привязи. Однако вчера ночью оно держало женщину, прикованную за руку. Нагнувшись, Уэбстер поднял с пола сверкающие хромированные наручники, закрепленные на цепи. Броган подобрал с матраса длинные черные волосинки. Затем они вместе с Милошевичем осмотрели остальные стойла. Макграт молча следил за ними. Затем вышел из конюшни. Повернулся лицом на запад, туда, где скрылось за горизонтом солнце. Он стоял, вглядываясь в непроницаемый мрак, словно стараясь проникнуть за пятьсот миль и увидеть Холли.

Глава 23

А увидеть Холли не мог никто, потому что она находилась в полном одиночестве, запертая в тюрьме, построенной специально для нее. Ее привели сюда с поляны четыре молчаливых женщины в темно-зеленой форме армейского образца, с лицами, выкрашенными камуфляжем, с перекинутыми через плечо автоматическими винтовками, позвякивая подсумками с боеприпасами, закрепленными на поясе. Оторвав Холли от Ричера, они протащили ее в сгущающейся темноте через толпу собравшихся, которые насмехались над ней, провожали ее оскорбительными замечаниями, плевались ей вслед. Молодую женщину заставили с огромным трудом, превозмогая боль, преодолеть милю каменистой тропинки, петляющей среди деревьев, которая привела к большому белому зданию. За всю дорогу женщины не обмолвились с

Холли ни словом. Пленницу провели внутрь и, подталкивая в спину, заставили подняться наверх. Открыв массивную, прочную дверь, женщины затолкнули Холли внутрь. Та с трудом взобралась на ступеньку больше фута высотой, потому что пол в комнате был приподнят относительно пола в коридоре. Холли пришлось карабкаться, опустившись на четвереньки. Как только она очутилась внутри, за ней громко захлопнулась дверь и в замке повернулся ключ.

Окон в помещении не было. Лампочка в потолке, закрытая железной решеткой, заливала комнату ярким, горячим желтым светом. Все четыре стены, пол и потолок были обшиты новыми сосновыми досками, необработанными, источающими сильный аромат свежей древесины. В дальнем конце стояла кровать. Простая железная рама и тонкий матрас. Такую можно увидеть в армейском бараке или в тюремной камере. На кровати лежали два комплекта одежды. Две пары брюк и две рубашки защитного цвета. Темно-зеленые, как и те, что были на четверых молчаливых женщинах. Доковыляв до кровати, Холли ощупала одежду. Старая и ношеная, но чистая. Выглаженная. Складки на брюках были острые как бритва.

Обернувшись, Холли осмотрела комнату внимательнее. Помещение было довольно просторным. Площадью около шестидесяти квадратных футов. Однако Холли почувствовала, что на самом деле оно должно было бы быть больше. Пропорции показались ей странными. Она вспомнила приподнятый пол. Находящийся на целый фут выше, чем следовало бы. Холли предположила, что то же самое можно сказать про стены и потолок. Хромая, она с трудом приблизилась к стене и постучала по новым доскам обшивки. Звук был глухой. Значит, внутри пустота. Кто-то встроил эту новую деревянную оболочку внутрь более просторной комнаты. И выполнил работу хорошо. Ровные новые доски были плотно подогнаны друг к другу. Однако в узких щелях скопилась влага. Холли внимательно посмотрела на влагу, принюхалась. В комнате пахло страхом.

Один угол был отделен. Простая перегородка наискосок от стены к стене, в ней дверь. Доковыляв до двери, Холли открыла ее. Туалет. Унитаз, раковина. Мусорный бак с новой пластмассовой окантовкой. И душ над ванной. Дешевая белая керамика, но совершенно новая. Тщательно установленная. Все очень аккуратно. На полочке мыло и шампунь. Прислонившись к дверному косяку, Холли уставилась на душ. Она смотрела на него очень долго. Затем скинула грязный костюм от Армани. Свернула его в комок и бросила в мусорное ведро. Включила душ и шагнула под струи воды. Вымыла голову трижды. Отскребла ноющее тело. Холли стояла под душем почти целый час.

Затем она, хромая, добралась до кровати и выбрала комплект старой формы. Одежда оказалась ей впору. Холли улеглась на кровать и,

уставившись в потолок, вслушалась в тишину. Впервые больше чем за шестьдесят часов она осталась совершенно одна.

* * *

Ричер был не один. Он по-прежнему оставался на поляне в лесу. В двадцати футах от белого «Эконолайна», прикованный к дереву, под охраной шестерых молчаливых мужчин с автоматами. По поляне разгуливали спущенные с привязи собаки. Прислонившись к грубой коре, Ричер внимательно разглядывал своих сторожей. Ему было холодно. Тонкая рубашка липла к смоле. Охранники вели себя очень осторожно. Они стояли, выстроившись в ряд, наведя на него оружие. На вымазанных камуфляжем лицах блестели глаза. Все мужчины были одеты в форму защитного цвета. На плечах какие-то полукруглые нашивки. В темноте Ричер не мог разобрать, что было на них изображено.

Всем шестерым было лет по сорок. Все поджарые, бородатые. Уверенно обращающиеся с оружием. Молчаливые. Настороженные. Привыкшие к ночным дежурствам. Это не вызывало сомнений. Мужчины напоминали солдат, оставшихся в живых после гибели пехотного взвода. Казалось, лет двадцать назад они, тогда еще зеленые новобранцы, вошли в лесную чащу ночным дозором и так и не вышли оттуда.

Услышав приближающиеся сзади шаги, охранники вытянулись по стойке «смирно». В ночной тишине шаги прозвучали неестественно громко. Армейские ботинки щелкнули на щебенке. Ладони стиснули приклады. Взглянув на поляну, Ричер увидел приближающегося седьмого мужчину. Он был моложе, лет тридцати пяти. Высокий, гладко выбритый, без камуфляжа на лице, новенькая форма, начищенные до блеска ботинки. Та же полукруглая нашивка на плече. Судя по всему, что-то вроде офицера.

Шесть сорокалетних новобранцев отступили назад и вытянулись в струнку, и новоприбывший остановился лицом к лицу перед Ричером. Он достал из кармана пачку сигарет, вытряхнул из пачки сигарету. Закурил и не стал гасить зажигалку, чтобы осветить лицо Ричера. Долго безучастно разглядывал его в свете дрожащего огонька. Ричер выдержал его взгляд. У этого мужчины были маленькая голова, посаженная на широкие плечи, и узкое, суровое лицо, иссеченное преждевременными морщинами и складками. В резких тенях огонька зажигалки казалось, что у него совсем нет губ. Лишь щель там, где должен быть рот. Холодные глаза, горящие под тонкой кожей, обтянувшей лоб. Армейская стрижка «под ежик», выполненная с неделю назад, только начавшая отрастать. Не отрывая взгляда от лица Ричера, мужчина наконец погасил зажигалку. Провел ладонью по голове. В ночной тишине раздался громкий скрежет щетины.

– Я Делл Фаулер, – представился мужчина. – Я здесь начальник штаба.

Тихий голос. Акцент Западного побережья. Спокойно выдержав взгляд человека по фамилии Фаулер, Ричер медленно кивнул.

– Не хочешь открыть мне, начальником штаба чего ты являешься?

– Разве Лодер не объяснил?

– Лодер ничего не объяснил, – ответил Ричер. – Он был полностью поглощен тем, чтобы только доставить нас сюда.

Фаулер кивнул, и у него на лице появилась леденящая усмешка.

– Лодер идиот. Он совершил пять серьезных ошибок. И ты – одна из них. Лодер вляпался в дерьмо по самые уши. Как и ты.

Он жестом подозвал одного из охранников. Тот подошел и достал из кармана ключ. Пока охранник стоял, держа оружие наготове, Фаулер отпер замок цепи, которой был скован Ричер. Цепь с лязгом сползла по стволу сосны на землю. Металл, скользящий по дереву, – звук далеко разнесся по ночному лесу. Одна из собак, подбежав ближе, принюхалась. В зарослях деревьев произошло какое-то движение. Оторвавшись от ствола, Ричер сжал затекшие руки, восстанавливая кровообращение. Все шестеро охранников шагнули вперед. Вскидывая оружие. Ричер посмотрел на черные дула. Фаулер поймал его запястье и завел руку назад. Снова защелкнул наручники, сковывая руки за спиной. Кивнул. Двое охранников растаяли среди деревьев. Третий ткнул дулом автоматической винтовки Ричеру в спину. Четвертый занял позицию сзади. Двое оставшихся разместились спереди. Фаулер подошел к Ричеру и схватил его за локоть. Повел его через поляну к небольшому бревенчатому домику на противоположной стороне. На открытом месте лунный свет был более ярким. Ричер смог разобрать надпись на нашивке на плече Фаулера. «Вооруженная милиция Монтаны».

– Так это Монтана? – спросил он. – А Лодер сказал, что это совершенно новая страна.

Фаулер на ходу пожал плечами.

– Он поторопился. Пока что это еще Монтана.

Они подошли к домику. Охранники, шедшие спереди, открыли дверь. В темноту выплеснулся желтый свет. Охранник, стоявший за Ричером, ткнул его дулом автомата в спину, заталкивая внутрь. У дальней стены стоял Лодер. Руки у него были скованы за спиной. Его сторожил еще один поджарый бородатый мужчина с автоматом. Этот тип был помоложе остальных новобранцев, и борода у него была более ухоженная. Лоб наискосок пересекал налившийся краской шрам.

Зайдя внутрь, Фаулер сел за простой стол. Указал на стул. Ричер сел, скованный наручниками. Шестеро бойцов остались стоять у него за спиной. Проследив взглядом, как он усаживается, Фаулер повернулся к Лодеру. Ричер сделал то же самое. Когда он в понедельник впервые увидел Лодера, в его жестких глазах светилась спокойная уверенность. Теперь от нее не осталось и следа. Лодер трясся от страха. Наручники, которыми были скованы за спиной его руки, громко звенели. Окинув его взглядом, Ричер пришел к выводу, что бедняга до смерти боится своих начальников.

– Итак, пять ошибок, – сказал Фаулер.

Он по-прежнему говорил очень тихо. И убежденно. Невозмутимо. Спокойная уверенность человека, сознающего свою силу. Когда голос затих, Ричер услышал за спиной скрип деревянных половиц под ботинками.

– Я старался как мог, – сказал Лодер. – Эта сучка ведь здесь, так?

В его голосе прозвучали мольба и отчаяние. Это был голос человека, сознающего, что он по уши в дерьме, но не понимающего, как он туда попал.

– Она ведь здесь, так? – повторил Лодер.

– По какому-то чуду, – возразил Фаулер. – Ты доставил всем массу хлопот. Нашим людям пришлось приложить все силы, чтобы расхлебать последствия твоих глупых поступков.

– Что я сделал не так? – спросил Лодер.

Оторвавшись от стены, со скованными за спиной руками, он шагнул к Ричеру. Бросил на него взгляд, полный отчаяния, словно призывая его в свидетели.

– Пять ошибок, – повторил Фаулер. – Во-первых, ты сжег пикап, и, во-вторых, ты сжег машину. Оставил слишком заметные следы. Почему бы тебе было просто не поместить объявление в газете?

Лодер ничего не ответил. Его рот шевелился, но совершенно беззвучно.

– В-третьих, ты притащил сюда этого типа, – продолжал Фаулер.

Снова взглянув на Ричера, Лодер лихорадочно затряс головой.

– Этот парень – никто. Его не будут искать.

– И тем не менее, ты должен был бы подождать, – сказал Фаулер. – А в-четвертых, ты потерял Питера. Что все-таки сталось с ним?

Лодер снова пожал плечами.

– Не знаю.

– Он перепугался, – ответил за него Фаулер. – Ты совершил столько ошибок, что Питер перепугался и смылся. Вот что произошло. У тебя есть какие-нибудь другие объяснения?

Лодер лишь тупо смотрел перед собой.

– Ну и, в-пятых, вы убили этого чертова зубного врача. Это станет известно всем, так? Операция должна была быть военной, так? Политической. А ты добавил дополнительный фактор.

– Какого еще зубного врача? – спросил Ричер.

Повернувшись к нему, Фаулер изогнул в снисходительной усмешке свой рот, лишенный губ, словно с помощью Ричера он мог еще больше унизить Лодера.

– Эти болваны угнали машину у одного зубного врача, – объяснил Фаулер. – Тот застал их за этим занятием. Им следовало бы дождаться, когда он уйдет.

– Он встал у нас на дороге, – заявил Лодер. – Не могли же мы тащить его с собой, правда?

– Меня-то вы притащили, – заметил Ричер.

Лодер посмотрел на него как на полного кретина.

– Этот тип был еврей, – сказал он. – А здесь не место для евреев.

Ричер обвел взглядом комнату. Прочитал надписи на нарукавных нашивках. «Вооруженная милиция Монтаны». Он кивнул. Ну да, совершенно новая страна.

– Куда вы отвели Холли? – спросил он у Фаулера.

Тот пропустил его слова мимо ушей. Его по-прежнему интересовал только Лодер.

– Завтра ты предстанешь перед трибуналом. Перед особым трибуналом. Председательствовать будет сам командир. Тебе будет предъявлено обвинение в том, что ты подставил под угрозу срыва ответственную операцию. Обвинителем буду выступать я.

– Где Холли? – снова спросил Ричер.

Фаулер пожал плечами. Смерил его холодным взглядом.

– Совсем рядом. Не беспокойся о ней. – Затем он повернулся к охранникам, стоявшим у Ричера за спиной. – Положите Лодера на пол.

Лодер не оказал никакого сопротивления. Просто позволил молодому парню со шрамом схватить себя сзади. Ближайший охранник, развернув винтовку, с размаху ткнул прикладом Лодеру в живот. Ричер услышал, как тот ахнул. Уложив Лодера на пол, молодой парень аккуратно переступил через него. Вышел из домика с сознанием выполненной работы. Дверь громко захлопнулась за ним. Фаулер снова повернулся к Ричеру.

– Теперь давай поговорим о тебе.

Его голос оставался тихим. Тихим и уверенным. Спокойным. Однако почему бы не быть совершенно спокойным человеку, затерявшемуся в глуши у черта на рогах, вместе с шестью подчиненными, окружившими сидящего на стуле мужчину в наручниках? Причем этот мужчина в наручниках только что стал свидетелем неприкрытой демонстрации силы и жестокости.

Ричер пожал плечами.

– А что обо мне говорить? Мое имя вам известно. Я сказал его Лодеру. Тот наверняка передал его вам. Надеюсь, ничего не напутал. Больше говорить особенно не о чем.

Наступила тишина. Фаулер обдумал его слова. Кивнул.

– Решение будет принимать командир.

* * *

Окончательно убедил Холли душ. Именно на нем были основаны ее окончательные выводы. Как хорошие, так и плохие. Совершенно новая сантехника, дешевая, но установленная аккуратно. Такую выбрала бы бедная, но гордая женщина для своего временного жилища, которое она вынуждена терпеть, потому что от нее отвернулась удача. Эта ванная сообщила Холли многое.

Она поняла, что ее собираются держать в заложниках довольно долго, однако с определенной степенью уважения. Потому что она представляет собой какую-то ценность, относительно которой можно торговаться. Не должно возникать никаких сомнений по поводу ее безопасности и повседневных удобств. Это принималось как должное. Как пленница Холли имела очень высокий статус. Благодаря той ценности, которую представляла. Благодаря тому, кем она являлась.

Но сама она была тут ни при чем. Все дело было в ее отце. В ее связях. Ей предстояло сидеть в этой жуткой, наполненной страхом комнате и ждать, пока кто-то будет определять ей цену. Пока кто-то будет решать, как отнестись к ее похищению, отчасти успокоенный тем обстоятельством, что у нее в личном распоряжении есть душ.

Холли встала с кровати. Катись все к черту! Она не желает быть предметом торгов. У нее внутри вскипела ярость. Превратившаяся в непоколебимую решимость. Доковыляв до двери, Холли в двадцатый раз подергала за ручку. И вдруг услышала шаги на лестнице. Прошедшие по коридору. Остановившиеся у двери. В замке повернулся ключ. Дверная ручка опустилась, превозмогая сопротивление руки Холли. Молодая женщина отступила назад, и дверь открылась.

В комнату втолкнули Ричера. У него за спиной мелькнули неясные силуэты в камуфляже. Ричера затолкали внутрь, и дверь захлопнулась у него за спиной. Холли услышала щелчок замка и удаляющиеся шаги. Ричер стоял у порога, озираясь по сторонам.

– Похоже, нам придется потесниться, – заметил он.

Холли недоуменно посмотрела на него.

– Наши друзья ожидали только одного гостя, – объяснил он.

Холли ничего не ответила. Она молча следила, как взгляд Ричера изучает комнату. Исследует стены, пол, потолок. Обернувшись, Ричер взглянул на ванную. Кивнул, соглашаясь с собственными рассуждениями. Снова повернулся к Холли, ожидая ее замечаний. Она молчала, напряженно думая о том, что ей сказать и как.

– Кровать односпальная, – наконец промолвила Холли.

Она попыталась произнести эти слова так, чтобы они прозвучали многозначительно. Так, словно это была длинная речь. Рассуждения, изобилующие весомыми доводами. Она попыталась сказать этими словами: «Да, в грузовике мы были близки. Да, мы целовались. Дважды. Первый раз это произошло само собой. Второй я сама попросила тебя, потому что хотела получить поддержку и успокоиться. Но затем мы оказались разлучены на час или два. Достаточно для того, чтобы я начала немного стыдиться того, что между нами произошло.» Холли попыталась передать все это двумя словами, при этом глядя Ричеру в глаза, чтобы прочесть его реакцию.

– У тебя кто-то есть, да? – спросил Ричер.

Холли поняла, что он сказал это в шутку, показывая, что полностью согласен с ней, что понимает ее. Его вопрос должен был стать своеобразным спасательным кругом, способом разрядить ситуацию так, чтобы ни у кого не осталось обид друг на друга. Но Холли не улыбнулась. Больше того, она помимо своей воли кивнула.

– Да, есть. Что я могу сказать? Если бы не было, возможно, я бы согласилась потесниться.

Ей показалось, Ричер был разочарован.

– Наверное, я даже захотела бы этого, – продолжала она. – Но у меня есть парень, так что извини. Это было бы некрасиво.

Увидев выражение его лица, Холли почувствовала, что ей нужно сказать еще что-то.

– Извини, – повторила она. – Просто так получилось.

Холли не отрывала от него взгляда. Ричер просто пожал плечами. Она увидела, что он думает: «Это еще не конец света.» А затем: «Хотя очень близко.» Холли залилась краской. Абсурд, но ее это очень обрадовало. И все же она поспешила переменить тему.

– Что здесь происходит? Тебе что-нибудь сказали?

– И кто этот счастливчик? – спросил Ричер.

– Так, один человек. Что здесь происходит?

Его взгляд затуманился. Он посмотрел ей в лицо.

– Очень счастливый человек.

– Он даже не знает.

– О том, что ты исчезла?

Холли покачала головой.

– О моих чувствах.

Ричер удивленно посмотрел на нее. Ничего не сказал. Наступила тишина. Затем снова послышались шаги. На улице, торопливые. Загромыхавшие внутри. Поднимающиеся по лестнице. Остановившиеся перед дверью. В замок вставили ключ. Дверь открылась. В комнату шумно вошли шестеро охранников. Шесть автоматических винтовок. Холли непроизвольно отпрянула назад. Однако охранники не обратили на нее никакого внимания.

– Командир готов принять тебя, Ричер, – сказал один из них.

Он знаком приказал Ричеру развернуться. Защелкнул у него за спиной наручники. С силой затянул их. Подтолкнул Ричера дулом к двери, вывел в коридор. Дверь закрылась, отгораживая шумную толпу людей, щелкнул замок.

* * *

Сняв наушники, Фаулер остановил магнитофон.

– Что-нибудь интересное? – спросил командир.

– Ничего. Она сказала, что кровать односпальная; он, похоже, расстроился. Судя по всему, намеревался забраться к ней под трусики. Поэтому она сказала, что у нее есть дружок.

– Мне об этом ничего не известно, – нахмурился командир. – Она назвала его?

Фаулер покачал головой.

– Но она своего добилась? – продолжал командир.

– А то как же, – подтвердил Фаулер.

* * *

Ричера заставили спуститься вниз по лестнице и снова вытолкнули в ночную темноту. Провели назад туда, откуда он пришел, – милю по каменистой тропинке. Тот из охранников, что был за старшего, стиснул Ричеру локоть и тащил его вперед. Они торопились. Чуть ли не бежали. Используя дула винтовок в качестве палок, которыми пастухи погоняют скот. Расстояние было преодолено за пятнадцать минут. Маленький отряд вышел на поляну перед бревенчатым домиком. Ричера грубо затолкали внутрь.

Лодер по-прежнему лежал на полу. Однако за простым письменным столом сидел новый человек. Командир. У Ричера не возникло никаких сомнений. Он увидел перед собой примечательную личность. Рост шесть с лишним футов, вес около четырехсот фунтов. Возраст лет тридцать пять, волосы густые, настолько светлые, что они казались почти белыми, коротко остриженные на висках, а сверху длинные, зачесанные назад, словно у немецкого школьника. Гладкое розовое лицо, одутловатое, под стать общим габаритам, на щеках ярко-красные пятна. Крохотные бесцветные глазки, зажатые в щелки между щеками и белесыми бровями. Влажные алые губы, волевой подбородок, способный сохранить форму несмотря на обилие жира.

На командире была черная форма необъятных размеров. Безукоризненная черная рубашка военного покроя без каких-либо знаков различия за исключением тех же нашивок на плече, которые были у всех. Широкий кожаный ремень, сверкающий словно зеркало. Отутюженные черные галифе, сверху широченные, снизу заправленные в высокие черные ботинки, сиянием сравнимые с ремнем.

– Проходи и садись, – тихим голосом произнес он.

Ричера подтолкнули к тому самому стулу, на котором он сегодня уже сидел. Он сел, неуклюже держа за спиной скованные руки. Охранники застыли вокруг в напряженном внимании, не смея вздохнуть, тупо уставившись в пустоту.

– Я Бо Боркен, – сказал великан. – Я здесь командир.

Голос у него оказался визгливый. Оглядев командира с ног до головы, Ричер ощутил исходящую от него ауру, подобную сиянию. Сиянию безграничной власти.

– Мне предстоит принять решение, – продолжал Боркен. – И я хочу, чтобы ты мне в этом помог.

Ричер поймал себя на том, что отвел от него взгляд. Как будто сияние было для него слишком невыносимым. Он заставил себя медленно повернуть голову и посмотреть прямо в большое бледное лицо.

– Какое решение?

– Оставить ли тебя жить, – объяснил Боркен, – или убить.

* * *

Холли сняла с ванны боковую панель. Ей приходилось сталкиваться с тем, что сантехники сваливают в полость под ванной разный мусор и прикрывают его панелью. Обрезки труб, доски, иногда даже инструменты. Затупившиеся ножи, затерявшиеся гаечные ключи. В тех квартирах, в которых ей приходилось жить, Холли чего только не находила под ванной. Однако здесь за панелью не оказалось ничего. Холли улеглась на пол и пошарила до самой задней стенки, но так ничего и не нашла.

И половое покрытие было очень прочным. Все трубы были плотно вставлены в отверстия строго по диаметру. Было видно, что тут поработал профессионал. Конечно, можно было бы попытаться каким-нибудь рычагом надавить на доски со стороны большой сливной трубы унитаза. Если бы у нее была фомка, можно было бы оторвать одну доску. Вот только фомки не было. И ничего похожего на нее. Вешалка для полотенец была пластмассовая. Она согнется или сломается. И больше ничего. Усевшись на пол, Холли ощутила накатившееся волной отчаяние. И тут за дверью послышались шаги.

На этот раз тихие. Приглушенные. Кто-то приближался бесшумно и осторожно. Кто-то, не имеющий права здесь находиться. Холли медленно поднялась с пола. Вышла из ванной, закрыв за собой дверь, чтобы спрятать снятую панель. Успела дохромать до кровати как раз к тому моменту, как щелкнул замок и дверь открылась.

В комнату вошел мужчина. Довольно молодой, одетый в форму камуфляжной расцветки, с лицом, испачканным грязными подтеками. Его лоб пересекал наискосок ярко-алый шрам. На плече висела автоматическая винтовка. Обернувшись, мужчина тихо закрыл за собой дверь. Повернулся к Холли и приложил палец к губам.

Та изумленно смотрела на него. Чувствуя, как в ней вскипает ярость. На этот раз она была без оков. На этот раз подонок умрет. На лице Холли появилась зловещая усмешка. Ее защитит ванная. Этого требует логика. Как пленница она пользуется особым статусом. К ней должны относиться с уважением. Если она беспощадно расправиться с нагрянувшим к ней насильником, с этим ведь никто не станет спорить, правда?

Однако парень со шрамом, не отрывая пальца от губ, кивнул в сторону ванной. Бесшумно подошел и толкнул дверь. Жестом пригласил Холли присоединиться нему. Та заковыляла следом. Взглянув на снятую боковую панель, парень покачал головой. Включил душ на полную мощность. Направил шумную струю прямо в ванну.

– Здесь установлены микрофоны, – объяснил парень. – Комната прослушивается.

– Кто ты такой, черт побери? – спросила Холли.

Опустившись на корточки, парень поставил панель на место.

– Бесполезно, – объяснил он. – Отсюда нет выхода.

– Должен быть.

Парень покачал головой.

– Здесь устроили пробу. Командир запер в комнате одного из плотников, которые ее отделывали. Пообещал отпилить руки, если тот не выберется отсюда. Так что, полагаю, бедолага старался изо всех сил.

– И что с ним случилось? – спросила Холли.

Парень снова пожал плечами.

– Командир отпилил ему руки.

– Кто ты такой, черт побери? – повторила Холли.

– ФБР. Отдел по борьбе с терроризмом. Я сюда внедрен. Полагаю, мне придется вызволять тебя.

– Как?

– Завтра, – объяснил парень. – Я смогу достать джип. Нам придется нестись сломя голову. Вызвать помощь не удастся, потому что радиочастоты прослушиваются. Так что мы просто угоним джип и помчимся на юг, надеясь на лучшее.

– А что насчет Ричера? Куда его отвели?

– Забудь о нем. К утру его уже не будет в живых.

Холли покачала головой.

– Без него я никуда не пойду.

* * *

– Лодер меня разочаровал, – сказал Бо Боркен.

Пожав плечами, Ричер перевел взгляд вниз. Лодер с трудом уселся боком, втиснувшись в угол между стеной и полом.

– А тебя он разочаровал? – спросил Боркен.

Ричер ничего не ответил.

– Хочешь пнуть его ногой?

Ричер молчал. Он понимал, к чему идет дело. Если он согласится, ему надо будет причинить Лодеру сильную боль. В принципе Ричер не имел ничего против этого, однако он предпочел бы сделать это на своих условиях. Если же он откажется, Боркен назовет его трусом, лишенным чувства собственного достоинства. Игра очевидная, и одержать победу в ней невозможно. Поэтому Ричер промолчал. К этой тактике ему уже приходилось прибегать тысячу раз: если сомневаешься, просто держи язык на замке.

– В лицо? – настаивал Боркен. – Или, может быть, по яйцам?

Лодер молча посмотрел на Ричера. Тот не сразу понял, что означает выражение его лица. Он широко раскрыл глаза от изумления. Лодер безмолвно умолял его дать ему хорошего пинка, чтобы это не сделал Боркен.

– Лодер, ну-ка, ложись снова на пол, – приказал Боркен.

Оторвавшись от стены, Лодер сполз на пол. Поерзав, распластался на животе, лицом вниз. Боркен кивнул ближайшему охраннику.

– В лицо.

Шагнув ближе, охранник каблуком развернул голову Лодера так, чтобы его лицо было обращено к собравшимся. Затем отступил назад и нанес удар ногой. Сильный удар, выполненный тяжелым ботинком. Голова Лодера дернулась в сторону и ударилась о стену. Из носа потекла кровь. Боркен рассеянно следил за происходящим. Затем он повернулся к Ричеру.

– Лодер – один из моих самых давних друзей, – объяснил он.

Ричер ничего не сказал.

– Сразу же напрашиваются два вопроса, не так ли? – продолжал Боркен. – Первый вопрос: почему я требую такой дисциплины даже от своих лучших друзей? И второй вопрос: если я так обращаюсь со своими друзьями, как же я буду относиться к врагам?

Ричер ничего не сказал. Если сомневаешься, просто держи язык за зубами.

– С друзьями я обращаюсь хуже в тысячу раз, – сказал Боркен. – Настолько плохо, что тебе даже не захочется об этом думать. Ей богу, не захочется, поверь мне. А почему я так строг? Потому что осталось всего два дня до незабываемого момента в истории. Произойдут события, которые изменят весь мир. Планы детально разработаны и находятся в стадии осуществления. Поэтому я повысил свою природную осторожность до новой ноты. Мой старинный друг Лодер пал жертвой некой исторической силы. Как, боюсь, и ты.

Ричер молчал. Опустив взгляд, он следил за Лодером. Тот еще не пришел в сознание. Его дыхание шумно вырывалось сквозь сгустки крови, забившие нос.

– Имеешь ли ты для меня ценность в качестве заложника? – спросил Бо Боркен.

Ричер задумался. Ничего не ответил. Боркен, следивший за выражением его лица, усмехнулся. Приоткрыл розовые губы, обнажая маленькие белые зубки.

– Я думаю, не имеешь. Так зачем же мне держать человека, не имеющего ценности в качестве заложника? В момент величайшего исторического события?

Ричер продолжал молча смотреть на него. Готовый ко всему.

– Ты думаешь, тебя будут бить? – спросил Боркен.

Ричер напряг мышцы ног, готовясь прыгнуть.

– Успокойся. Тебя бить не будут. Когда придет время, ты получишь пулю в голову. В затылок. Знай, я не дурак. У меня есть глаза и мозг. Сколько в тебе, шесть футов пять дюймов? И около двухсот двадцати фунтов? Накаченный, сильный. Я смотрю на тебя и вижу, как напряглись мышцы бедер, готовые распрямиться. Определенно, ты прошел хорошую подготовку. Но ты не боксер. Потому что тебе никогда не ломали нос. Тяжеловес с целым носом должен был бы обладать феноменальным талантом, и мы бы видели твои фотографии в газетах. Значит, ты просто умеешь хорошо драться. Вероятно, служил в армии, так? Поэтому я буду вести себя с тобой очень осторожно. Никаких ударов ногами – только пуля.

Охранники поняли намек. Дула шести винтовок поднялись вверх, шесть указательных пальцев напряглись на спусковых крючках.

– У тебя есть судимости? – спросил Боркен.

Пожав плечами, Ричер заговорил – впервые:

– Нет.

– Законопослушный гражданин?

Ричер снова пожал плечами.

– Наверное.

Боркен кивнул.

– Хорошо, я подумаю. Завтра утром я сообщу тебе, будешь ты жить или умрешь, хорошо?

Подняв мясистую руку, он щелкнул пальцами. Пятеро из шестерых охранников пришли в движение. Двое подскочили к двери и распахнули ее. Третий прошел между ними на улицу. Еще двое остались ждать. С поразительной для человека его габаритов легкостью Боркен встал и вышел из-за стола. Под его весом скрипнули деревянные половицы. Четверо охранников окружили его со всех сторон, и он, не оглянувшись, вышел ночную темноту.

* * *

Пройдя через поляну, Боркен вошел в другой домик. Там его ждал Фаулер с наушниками в руке.

– По-моему, кто-то к ней приходил.

– Ты так думаешь?

– Душ был включен. К ней пришел кто-то, знающий о микрофонах. Ей самой душ был не нужен. Она ведь только что вымылась, так? Кто-то пришел к ней и включил душ, чтобы заглушить разговор.

– Кто? – спросил Боркен.

Фаулер покачал головой.

– Не знаю. Но постараюсь узнать.

Боркен кивнул.

– Да, постарайся. Узнай.

* * *

В полумраке внутренних помещений казарм мужчины и женщины были заняты работой. Они чистили оружие. Известия относительно Лодера распространились быстро. Все знали насчет трибунала. Никто не сомневался в наиболее вероятном исходе. Любые шестеро могут быть назначены приводить приговор в исполнение. Если Лодера приговорят к расстрелу. Большинство сходилось во мнении, что так и произойдет. Наказывая такого высокопоставленного офицера как Лодер, командир, скорее всего, ограничится расстрелом. Не станет изобретать ничего страшнее. Поэтому все чистили оружие и клали его, снаряженное и поставленное на предохранитель, у изголовья кроватей.

Те, кого за накопившиеся провинности завтра ждало наказание, пытались урвать хоть немного сна. Если дело не ограничится расстрельной командой, работы будет много. Грязной, неприятной. И если даже Лодеру удастся выпутаться, все равно остается тот, второй. Большой парень, которого привезли вместе со стервой из ФБР. У того почти нет шансов дожить до обеда. Никто не мог припомнить, когда случайно попавшие сюда чужаки протягивали дольше.

* * *

У Холли Джонсон было одно правило. Это правило было привито ей с детства, словно фамильный девиз. А затем укреплено долгим обучением в Квантико. Это правило было отточено тысячелетиями истории войн и столетиями опыта правоохранительных органов. Это правило гласило: надейся на лучшее, но будь готова к худшему.

У Холли не было причин сомневаться в том, что она умчится отсюда прочь на джипе, как только ее новый союзник сможет это устроить. Парень со шрамом, как и она, прошел подготовку в Бюро. Холли понимала, что если бы они поменялись местами, она вытащила бы его из беды, без особого труда. Поэтому она могла просто сидеть спокойно и ждать. Однако Холли не делала этого. Надеясь на лучшее, она готовилась к худшему.

Ванную она оставила в покое. Через нее выхода нет. Теперь Холли изучала саму комнату, дюйм за дюймом. Все шесть поверхностей были обшиты сосновыми досками, плотно пригнанными одна к другой. Это выводило Холли из себя. Сосновые доски в дюйм толщиной, древнейшая технология, применяемая в строительстве на протяжении десяти тысяч лет, и ее никак не обойти. Для одинокой женщины без каких-либо инструментов это было все равно что броня линкора.

Поэтому Холли сосредоточилась на поисках инструмента. Она словно проходила лично весь путь развития человека по Дарвину. Обезьяны спустились с деревьев и сделали себе орудия труда. Холли сосредоточила свое внимание на кровати. От матраса никакого толку. Тонкий, промятый, без пружин внутри. Но вот сама рама была более

обещающей. Она была сделана из железных труб и уголков, скрепленных болтами. Если ее разобрать, можно будет вставить маленький угольник в самую длинную трубу и получить фомку длиной семь футов. Однако все болты были закрашены краской. У Холли были сильные руки, но даже они не могли сдвинуть болты с места. Холли лишь ободрала скользкие от пота пальцы.

* * *

Лодера утащили, и Ричер остался один на один с последним охранником из шестерых. Охранник сел за грубый деревянный стол и положил винтовку перед собой, направленную дулом прямо в Ричера, сидящего на стуле. Руки Ричера по-прежнему оставались скованы за спиной. Ему предстояло принять несколько решений. Во-первых, он ни за что не сможет просидеть вот так всю ночь. Спокойно глядя на охранника, Ричер завел руки под себя. Вжал грудь в бедра и пропустил руки под ногами. Выпрямившись, откинулся назад и натянуто улыбнулся, опуская скованные руки на колени.

– Длинные руки, – объяснил он. – Иногда бывает полезно.

Охранник медленно кивнул. У него были маленькие пытливые глазки, глубоко посаженные на узком лице. Они блестели над окладистой бородой, сквозь пятна камуфляжной краски, однако блеск этот был достаточно безобидным.

– Как тебя зовут? – спросил Ричер.

Охранник замялся. Заерзал. Врожденная вежливость требовала его дать ответ. Однако полученный приказ не допускал различных толкований. Ричер продолжал натянуто улыбаться.

– Моя фамилия Ричер. Тебе она известна. А тебя как зовут? Нам ведь предстоит провести здесь всю ночь, так что можно вести себя культурно, ты не согласен?

Охранник снова медленно кивнул. Пожал плечами.

– Рэй.

– Рэй? – повторил Ричер. – Это имя или фамилия?

– Фамилия. Меня зовут Джозеф Рэй.

Ричер кивнул.

– Очень хорошо, мистер Рэй, рад с вами познакомиться.

– Зови меня Джо, – смущенно произнес Джозеф Рэй.

Ричер снова заставил себя улыбнуться. Лед растоплен. Это все равно что вести допрос. Ричеру приходилось проделывать это не одну тысячу раз. Однако ни разу, сидя с противоположной стороны стола. Ни разу, когда наручники были надеты на нем.

– Джо, тебе предстоит немного мне помочь. Ты должен кое в чем меня просветить. Я не знаю, где нахожусь и почему, и кто вы такие. Ты не мог бы ввести меня в курс основных событий?

Рэй посмотрел на Ричера так, словно не мог решить, с чего начинать. Затем он испуганно огляделся по сторонам, словно гадая, а можно ли ему вообще говорить.

– Где мы находимся? – спросил Ричер. – Это ведь ты можешь мне сказать, так?

– В Монтане, – ответил Рэй.

Ричер кивнул.

– Хорошо. А в каком именно месте Монтаны?

– Неподалеку от города Йорк. Это бывший шахтерский поселок, теперь почти совсем опустевший.

Ричер снова кивнул.

– Хорошо. А вы что здесь делаете?

– Возводим бастион. Наш собственный.

– Для чего?

Рэй пожал плечами. Неразговорчивый собеседник. Помолчав, он вдруг подался вперед и начал читать что-то вроде заклинания, которое, по-видимому, повторял уже много раз. Или которое много раз от кого-то слышал.

– Мы пришли сюда для того, чтобы освободиться от тирании Америки. Мы проведем новую границу, и у нас все будет по-другому.

– В чем по-другому? – спросил Ричер.

– Мы должны будем отвоевать Америку обратно, кусок за куском. Мы построим место, где белый человек сможет жить свободным, без притеснений, в мире, пользуясь надлежащими свободами и подчиняясь надлежащим законам.

– И ты думаешь, это у вас получится? – недоверчиво спросил Ричер.

– Такое уже бывало, – уверенно заявил Рэй. – Такое уже произошло в 1776 году. Народ сказал: «Хватит!» И решил построить новую страну,

лучше той, что была. И вот сейчас мы снова говорим то же самое. И мы собираемся вернуть эту страну. Потому что сейчас мы действуем вместе. Здесь собрался десяток добровольных вооруженных объединений. Все мы хотели одного и того же. Но раньше мы действовали разобщено. Задача Бо заключалась в том, чтобы объединить нас. И вот теперь мы вместе и мы отвоюем свою родину. Начнем мы здесь. И сейчас.

Ричер кивнул. Посмотрел направо, вниз, на темное пятно на полу, оставленное кровью из разбитого носа Лодера.

– Вот таким вот образом? А что же насчет свободного волеизъявления и демократии? И всего остального? Вы собираетесь сместить одних людей и выбрать на их место других?

Печально усмехнувшись, Рэй покачал головой.

– Мы ходили на выборы на протяжении двухсот двадцати лет. И становилось только хуже и хуже. Правительство не интересуют наши голоса. Оно отобрало у нас всю власть. Распродало нашу родину. Ты знаешь, где находится правительство нашей страны?

Ричер пожал плечами.

– В Вашингтоне, да?

– Нет. В Нью-Йорке. В штаб-квартире Организации объединенных наций. Ты никогда не задавался вопросом, почему ООН располагается так близко от Уолл-стрит? Потому что это и есть правительство. Организация объединенных наций и банки. Они заправляют всем миром. А Америка лишь небольшая его частица. Наш президент имеет в этом проклятом сборище всего один голос. Вот почему выборы бессмысленны. Ты думаешь, ООН и международным банкам есть какое-то дело до наших голосов?

– Ты в этом уверен? – недоверчиво спросил Ричер.

Рэй истово закивал.

– Конечно, уверен. Я видел все это в деле. Как ты думаешь, почему мы отдаем миллиарды долларов русским, когда у нас в Америке существует нищета? Потому что так нам приказало всемирное правительство. Ты знаешь, что у нас есть особые лагеря? Сотни лагерей, разбросанных по всей стране? В основном они предназначены для войск ООН. Иностранные солдаты готовы вмешаться в любой момент, если у нас начнутся какие-то беспорядки. Но сорок три лагеря – концентрационные. Вот куда нас отправят, когда мы заговорим слишком громко.

– Ты уверен?

– Конечно, уверен, – продолжал Рэй. – У Бо есть документы. У нас есть доказательства. Происходят такие вещи, в которые трудно поверить. Ты знаешь, существует секретный федеральный закон, предписывающий вживлять микросхему всем младенцам, родившимся в больницах? Когда новорожденных отнимают от матерей, делается это не для того, чтобы их взвесить и обмыть. На самом деле им под кожу вживляют микросхему. Скоро за каждым отдельным человеком можно будет следить с помощью специальных спутников, о которых никто не знает. Ты думаешь, космические челноки используются для проведения научных экспериментов? Ты думаешь, всемирное правительство позволит тратить деньги на подобную чушь? Какой же ты глупец! Челноки используются для вывода на орбиту спутников наблюдения.

– Ты шутишь, да? – спросил Ричер.

Рэй покачал головой.

– И не думаю. У Бо есть документы. Есть еще один закон – об этом Бо сообщил один парень из Детройта. Каждая машина, выпущенная в Америке начиная с 1985 года, оснащена специальным радиопередатчиком, поэтому со спутников можно следить за всеми ее перемещениями. Человек покупает себе машину, а затем экраны радаров в здании ООН показывают его местонахождение, день за днем, минута за минутой. Уже сейчас на территории Америки проходят обучение иностранные войска, которые готовятся к захвату власти. Знаешь, почему мы отправляем так много денег Израилю? Вовсе не потому, что нам есть какое-то дело до евреев. Просто именно в Израиле ООН готовит тайную всемирную армию. Это что-то вроде испытательного полигона. Как ты думаешь, почему ООН не запрещает Израилю нападать на своих соседей? В первую очередь потому, что сама ООН отдала такой приказ. Израиль готовит войска для всемирного переворота. В настоящий момент по авиабазам на всей территории США разбросаны три тысячи вертолетов, которые будут использовать против нас. Все вертолеты выкрашены в черный цвет и не имеют опознавательных знаков.

– Ты уверен? – в который раз спросил Ричер, и в его голосе прозвучал нескрываемый скептицизм. – Я ни о чем подобном не слышал.

– Это и есть лучшее доказательство, так? – обрадовался Рэй.

– Почему?

– Но это же очевидно! Неужели ты думаешь, что всемирное правительство позволит рассказать о своих планах средствам массовой информации? Газеты, радио и телевидение контролируются всемирным правительством. Они принадлежал ему с потрохами. Поэтому логично заключить, что в действительности происходит как раз то, о чем

средства массовой информации не говорят ни слова. Они кормят нас безобидной чепухой, умалчивая о тайнах. Все это правда, поверь мне. Как я тебе уже говорил, у Бо есть документы. Ты знаешь, что на каждом дорожном указателе в Америке сзади есть особый секретный знак? Будешь ехать – оглянись, проверь. Эти секретные знаки предназначены для того, чтобы обеспечить перемещение всемирных войск по нашей территории. Они готовятся захватить власть. Вот почему нам нужно свое собственное место.

– Вы боитесь, что на вас нападут?

– В этом не может быть никаких сомнений, – решительно заявил Рэй. – Нас попытаются стереть с лица земли.

– И вы полагаете, что сможете защититься? Горстка людей, затерявшихся в окрестностях маленького поселка в Монтане?

Джо Рэй покачал головой.

– Не горстка. Нас целая сотня.

– Сотня? Против всемирного правительства?

Рэй снова покачал головой.

– Мы сможем защитить себя. Бо очень хитер. Эта территория подходит как нельзя лучше. Мы находимся в долине. Шестьдесят миль с севера на юг, шестьдесят миль с востока на запад. На севере проходит канадская граница.

Демонстрируя географию, он рассек воздух ладонью, чуть выше уровня глаз, слева направо, словно каратист. Ричер кивнул. Ему было известно, что представляет собой канадская граница. Рэй опустил другую руку, очерчивая на своей воображаемой карте левый край.

– Река Рэпид-ривер. Это наша западная граница. Река широкая и очень стремительная. Переправиться через нее невозможно.

Переместив руку, изображающую канадскую границу, Рэй поводил в воздухе ладонью, словно протирая стекло.

– Заповедный лес. Ты его видел? Пятьдесят миль, с востока на запад. Густой девственный лес, совершенно непроходимый. Вот и восточная граница, лучше которой не о чем и мечтать.

– А что на юге? – спросил Ричер.

Рэй рубанул рукой горизонтально на уровне пояса.

– Овраг. Естественный противотанковый рубеж. Поверь мне, в танках я разбираюсь. Пути через овраг нет: только одна дорога и одна тропа. Тропа проходит через деревянный мост.

Ричер кивнул. Вспоминая, как белый грузовик подпрыгивал на каком-то дощатом настиле.

– Мост будет взорван, – объяснил Рэй. – И тогда тропой никто не сможет воспользоваться.

– Ну а дорога?

– То же самое. Мы взорвем мост и окажемся в полной безопасности. Взрывчатка уже заложена.

Ричер медленно кивнул. Он подумал об авиационном ударе, артиллерии, ракетах, «умных» бомбах, войсках специального назначения, воздушном десанте. Подумал о морских саперах, наводящих мост через реку, и армейских саперах, наводящих мост через овраг. Подумал о войсках НАТО, вторгающихся с территории Канады.

– А что насчет Холли? – спросил он. – Зачем вам она нужна?

Рэй улыбнулся. Сквозь щелку в растительности на лице блеснули зубы.

– Это секретное оружие Бо. Сам подумай. Всемирное правительство заставит ее папашу возглавить штурм. Именно для того его и назначили на эту должность. Ты думаешь, наших генералов назначает президент? Не смеши меня! Старик Джонсон – ставленник всемирного правительства; он ждет лишь секретного приказа, чтобы начать действовать. Но когда Джонсон окажется здесь, что он обнаружит?

– Что? – спросил Ричер.

– Он ведь придет с юга, так? И первым зданием, которое он увидит, будет то самое старое здание суда, на юго-восточной окраине города. Ты сам только что там побывал. Холли находится на втором этаже, так? Ты обратил внимание на ее комнату? Она особенная. Двойные стены, промежуток двадцать два дюйма. Все полости заполнены динамитом и взрывателями, оставшимися на шахтах. Первый же шальной снаряд разорвет девочку старика Джонсона на миллион мелких клочков.

Ричер снова медленно кивнул. Рэй не отрывал от него взгляда.

– Мы ведь многого не просим. Клочок земли шестьдесят мил на шестьдесят миль, только и всего. Три тысячи шестьсот квадратных миль.

– Но почему именно сейчас? – спросил Ричер. – Почему такая спешка?

– Какое сегодня число? – ответил вопросом на вопрос Рэй.

Ричер пожал плечами.

– Какое-то июля.

– Второе июля. Осталось два дня.

– До чего?

– До четвертого июля. До Дня независимости.

– И?

– Мы объявим о своей независимости, – торжественно произнес Рэй. – Послезавтра. Рождение совершенно нового государства. Вот почему нас ни за что не оставят в покое. Какие-то мелкие людишки захотели свободы? В планы всемирного правительства это не входит.

Глава 24

Дозаправившись в Фарго, «Лир» Бюро полетел дальше на юго-запад в Калифорнию. Макграт снова выступал за то, чтобы лететь сразу в Монтану, но Уэбстер настоял на своем. Директор ФБР привык действовать последовательно, продвигаясь вперед маленькими шагами. Поэтому было решено сначала проверить прошлое Бо Боркена в Калифорнии, после чего «Лиру» предстояло отправиться на авиабазу Петерсон в Колорадо, где его должен был встретить генерал Джонсон. Макграт был, наверное, единственным сотрудником Бюро, кто мог позволить себе орать на Уэбстера, и сейчас он постарался вовсю; однако спорить – ее не значит одерживать верх, поэтому в конце концов самолет все-таки взял курс на Мохаве. Макграт, Уэбстер, Броган и Милошевич, усталые и измученные, угрюмо сидели в шумном, душном салоне.

– Я хочу выяснить всю подноготную, – заявил Уэбстер. – Мне поручено взять дело под свой личный контроль, и я не могу обойтись одними предположениями и догадками, ведь так?

Сверкнув глазами, Макграт подумал: «Только не вздумай вести свои глупые столичные игры с жизнью Холли, Уэбстер!» Однако вслух он ничего не сказал. Молча просидел в кресле, в напряжении, пока самолет не начал снижаться над аэродромом, расположенном на краю пустыни.

«Лир» приземлился в два часа ночи по западному поясному времени. Сотрудник отделения Бюро в Мохаве встретил прибывших на своей машине, выехавшей на пустынную взлетно-посадочную полосу, и повез их на юг через спящий город.

– Семья Боркенов родом из Кендэлла, – объяснил дорогой агент. – Это небольшой поселок в пятидесяти милях отсюда. Там живут фермеры,

которые в основном занимаются цитрусовыми. Полицейский участок с единственным сотрудником. Шериф будет ждать нас на месте.

– Ему что-нибудь известно? – спросил Макграт.

Агент пожал плечами.

– Возможно. Поселок-то маленький, правильно?

На то, чтобы преодолеть пятьдесят миль по ночной дороге через пустыню на скорости восемьдесят пять миль в час, потребовалось всего тридцать шесть минут. Кендэлл представлял из себя небольшое скопление зданий, затерявшихся в море цитрусовых рощ. Заправочная станция, магазинчик, торгующий всем, питомник рассады и небольшое каменное строение, ощетинившееся установленными на крыше антеннами. У крыльца чистенькая черно-белая полицейская машина с эмблемой «Шериф округа Кендэлл». В окне горел одинокий огонек.

Выйдя из машины на сухой ночной воздух, пятеро сотрудников Бюро потянулись, зевая, и направились гуськом к каменному зданию. Шериф округа Кендэлл оказался мужчиной лет шестидесяти, широкоплечим, седовласым. Он производил впечатление человека надежного. Шериф начал было подниматься из-за стола, но Уэбстер махнул рукой, останавливая его. Макграт положил на стол четыре глянцевых снимка.

– Вам знакомы эти люди?

Пододвинув фотографии ближе, шериф поочередно взглянул на них. Переложил в другом порядке. Отодвинул на край стола, словно имея дело с колодой огромных игральных карт. Кивнув, протянул руку и выдвинул ящик. Вытащил оттуда три папки. Разложил папки под тремя фотографиями. Ткнул коротким толстым пальцем в первое лицо.

– Питер Уэйн Белл. Вообще-то, он из Мохаве, но частенько ошивался здесь. Не слишком приятный тип, как, наверное, вы уже и сами знаете.

Шериф кивнул на монитор компьютера. На экране светилась зеленая страница национальной криминалистической системы. Это было сообщение полиции Северной Дакоты о личности трупа, обнаруженного в канаве, и обстоятельствах его смерти.

Передвинув руку, шериф ткнул пальцем в следующую фотографию. Это был тот из нападавших, кто заталкивал Холли Джонсон на заднее сиденье «Лексуса».

– Стивен Стюарт, – сказал он. – Малыш Стиви или просто Стиви. Сын фермера, простоватый детина. Дерганый, нервный.

– Что у вас есть на него? – спросил Уэбстер.

Шериф пожал плечами.

– Ничего серьезного. Этот парень просто слишком туп, и от этого все его проблемы. Шайка подростков набедокурит, и угадайте, кто не успеет скрыться, когда я подъеду? Малыш Стиви, вот кто. Раз двадцать я сажал его на замок в участке, но он ни разу, если так можно сказать, не вляпался в серьезное дерьмо.

Кивнув, Макграт указал на фотографию того из нападавших, кто сел на переднее сиденье «Лексуса».

– А это что за тип?

Шериф ткнул пальцем в лицо на снимке.

– Тони Лодер. А это уже плохой парень. Поумнее Стиви, но глупее нас с вами. Сейчас я покажу вам его дело. Может быть, вас в Бюро страдать бессонницей он и не заставит, но и крепче спать вы тоже не станете.

– Ну а вот этот большой парень? – спросил Уэбстер.

Убрав палец, шериф покачал головой.

– Вижу его впервые в жизни. Это абсолютно точно. Такого я бы обязательно запомнил.

– У нас есть основания предполагать, что он иностранец, – продолжал Уэбстер. – Скорее всего, европеец. Возможно, говорит с акцентом. Все равно ничего не можете вспомнить?

Шериф снова покачал головой.

– Я его никогда раньше не видел. Я бы запомнил.

– Ну хорошо, – подвел итог Макграт. – Белл, Малыш Стиви Стюарт, Тони Лодер и таинственный незнакомец. Как сюда вписываются отец и сын Боркены?

Шериф пожал плечами.

– Старый Датч Боркен никуда не вписывался. В этом была его главная проблема. Он воевал во Вьетнаме, рядовым в пехоте, затем перебрался сюда. Привез с собой хорошенькую жену и пухлого десятилетнего сына, начал выращивать цитрусовые. Первое время у него получалось неплохо. Человек он нелюдимый, я его почти не видел. Однако, кажется, жили Боркены достаточно счастливо. Затем его жена умерла, мальчишка начал вести себя странно, прибыль упала, фермеры потянулись в банки за займами, кредитные ставки возросли, земля истощилась, деньги начали кончаться, вода в ирригационных системах

подорожала, и все начали один за другим падать лапками вверх. Старик Боркен не смог этого перенести и сунул себе в рот дуло ружья.

Уэбстер кивнул.

– А пухлый десятилетний мальчик и был Бо Боркеном?

Шериф кивнул.

– Совершенно верно. Очень своеобразный парень. Очень умный. Но одержимый навязчивыми идеями.

– Какими? – спросил Макграт.

– К нам стали приезжать мексиканцы. Дешевая рабочая сила. Молодой Бо насмерть стоял против них. Кричал о том, что надо сохранить Кендэлл городом для белых. Вступил в общество Джона Берча.

– Значит, он расист? – спросил Макграт.

– Был расистом, – поправил его шериф. – Затем у него начался бзик по поводу международных заговоров. Он стал утверждать, что евреи захватили контроль над нашим правительством. А также над Организацией объединенных наций и всеми международными организациями. Правительство состоит сплошь из одних коммунистов, которые вынашивают какие-то секретные планы, весь мир против нас и так далее. Все строят заговоры против всех, и в первую очередь против него. Банки контролируют правительство – или наоборот, правительство контролирует банки? В общем, банками заправляют коммунисты, которые думают лишь о том, как бы погубить Америку. Боркен рассудил, что банк дал его отцу кредит только для того, чтобы затем разорить его самого, а ферму отдать мексиканцам, черномазым или еще кому там. Он вопил об этом на всех углах.

– И что было дальше? – спросил Уэбстер.

– Ну, разумеется, в конце концов банк действительно разорил Боркена. Боркен ведь не выплачивал кредит? Однако его землю не отдали мексиканцам. Ее выкупила та самая большая корпорация, которой здесь принадлежит все и которая, в свою очередь, принадлежит пенсионным фондам, то есть, нам с вами, а вовсе не коммунистам, мексиканцам и кому бы то ни было еще, так?

– Однако мальчишка винил в смерти отца какие-то заговоры? – спросил Броган.

– Совершенно верно, – подтвердил шериф. – Хотя на самом деле это сам Бо загнал в гроб своего отца. Я так думаю, старый Датч смог бы пережить почти все кроме того, что его единственный сын стал

настоящим психом. Жестоким, эгоистичным, злым. Если хотите знать мое мнение, именно поэтому старик пустил себе заряд дроби в рот.

– И куда отправился Бо? – спросил Уэбстер.

– В Монтану. По крайней мере, я так слышал. Связался с какой-то правой группировкой, знаете, из тех, что любят оружие. Выбился в вожаки. По его словам, белый человек должен выпрямиться во весь рост и пойти в бой.

– Кто-нибудь из этих ребят отправился вместе с ним?

– Вот эти трое точно. А большого парня, как я уже говорил, я вижу впервые в жизни. Но Малыш Стиви, Лодер и Питер Белл все смотрели Бо в рот, словно маленькие роботы. Они уехали все вместе. У них было немного наличными, они забрали дома у Боркена все ценное и направились на север. Намереваясь купить там дешевую землю и защищаться, от кого – не скажу, потому что, насколько мне известно, в тех краях никого нет, а если и есть кто, тот только белые.

– Что в досье на Боркена? – спросил Уэбстер.

Шериф покачал головой.

– Почти ничего. Бо слишком хитер, чтобы попасться на чем-то плохом.

– Но? – настаивал Макграт. – Он что-то делал, но только не попадался?

Шериф кивнул.

– Помните ограбление инкассаторской машины? Это случилось где-то на севере штата. Я слышал об этом деле. Тогда привязать Бо так и не удалось. Как я вам уже говорил, он слишком хитер.

– Еще есть что-нибудь такое, о чем нам следует знать?

Подумав немного, шериф снова кивнул.

– Есть еще пятый. По имени Оделл Фаулер. Он обязательно должен быть где-то рядом с Боркеном. Можете быть уверены. Если Лодер, Стиви и Белл были посланы совершить какую-то пакость, можно не сомневаться, что Боркен и Фаулер сидят в тени и дергают за нитки.

– Еще что-нибудь? – снова спросил Уэбстер.

– Первоначально был еще и шестой. Парень по фамилии Пэкер. Их было шестеро, водой не разольешь. Но Паркер начал увиваться за мексиканкой. Ничего не мог с собой поделать, по-моему, просто влюбился в нее. Бо приказал ему прекратить с ней встречаться. Они круто поссорились. Затем Пэкер вдруг пропал, а Бо ходит как ни в чем не бывало и улыбается. Мы обнаружили Пэкера в кустах, прибитым

гвоздями к большому деревянному кресту. Распятым. Он был уже мертв несколько дней.

– И вы считаете, это дело рук Боркена? – спросил Броган.

– Доказать не смог, но я в этом уверен. И я уверен, что Бо уговорил своих дружков помочь ему. Он прирожденный лидер. Может уговорить кого угодно сделать что угодно, это я вам точно говорю.

* * *

От Кендэлла обратно в Мохаве – пятьдесят миль на машине. Из Мохаве до военно-воздушной базы Петерсон в Колорадо еще восемьсот тридцать миль на борту «Лира». Итого три часа пути, от двери до двери, поэтому в Петерсон самолет попал как раз к величественному рассвету в горах. За то, чтобы повидать подобное зрелище, люди выкладывают большие деньги, однако четверо сотрудников ФБР не обратили на него никакого внимания. Четверг, третье июля, четвертый день кризиса, отсутствие нормального отдыха и отсутствие нормального питания полностью истощили их силы, и они могли думать только о работе.

Генерал Джонсон не смог встретить их лично. Он находился где-то на огромной базе, встречая возвращающиеся с ночного дежурства экипажи. Его адъютант козырнул Уэбстеру, пожал руки остальным трем агентам и проводил их в специально отведенное для них помещение. На столе был разложен огромный фотоснимок, черно-белый и отчетливый в мельчайших деталях. Какой-то ландшафт. Похожий на лунный.

– Это Анадырь, поселок в Сибири, – объяснил адъютант. – Снимок со спутника. Еще на прошлой неделе здесь находилась крупная авиабаза. Бомбардировочной авиации, способной доставлять ядерные заряды. Взлетно-посадочная полоса была нацелена прямо на наши ракетные шахты в Юте. Согласно договору о сокращениях вооружений, ее должны были взорвать. На прошлой неделе русские выполнили этот пункт договора.

Четверо сотрудников Бюро склонились над снимком, приглядываясь внимательнее. На фотографии не было никаких следов рукотворных объектов. Лишь неровные кратеры.

– Вот как? – сказал Макграт. – Похоже, русские взялись за работу с большим рвением.

– И? – спросил Уэбстер.

Адъютант достал из портфеля карту. Развернул ее и отошел так, чтобы видеть то же, что и сотрудники Бюро. На карте были изображены восточная часть Азии и западная часть Соединенных Штатов, с Аляской в центре и Северным полюсом вверху. Растопырив большой и

указательный пальцы, адъютант измерил расстояние от юго-восточной оконечности Сибири до Юты.

– Анадырь здесь. Юта здесь. Естественно, нам было известно о базе бомбардировочной авиации, и мы предприняли адекватные ответные меры, в числе которых были крупные ракетные базы на Аляске, вот здесь, и цепочка из четырех баз противовоздушной обороны, вытянувшаяся с севера на юг как раз по маршруту полета от Анадыря до Юты, – вот здесь, здесь, здесь и здесь, через Монтану и Северную оконечность Айдахо.

Сотрудники Бюро не обратили никакого внимания на красные точки в Айдахо. Но они пристально взглянули на места баз ПВО в Монтане.

– Что это за базы? – спросил Уэбстер.

Адъютант пожал плечами.

– Всю свою жизнь они были временными. Их создали в шестидесятые, и так они и прожили до наших дней. Если честно, мы не рассчитывали, что им придется вступить в дело. Ракет на Аляске было более чем достаточно. Мимо них не смогла бы пролететь даже муха. Но вам ведь известно, как обстояли дела в то время. Осторожность никогда не бывала лишней, так?

– Какое там было вооружение?

– На каждой базе по батарее зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот». Некоторое время назад мы их свернули. Продали Израилю. Остались только «Стингеры» – знаете, такие переносные комплексы, какие применяет пехота.

Уэбстер удивленно посмотрел на него.

– «Стингеры»? Вы собирались сбивать советские бомбардировщики переносными пехотными системами?

Адъютант кивнул. Нисколько не смутившись.

– А почему бы и нет? Не забывайте, эти базы были в основном для самоуспокоения. Дальше Аляски не должно было пролететь ничего. Ну а «Стингеры» – не такая уж плохая штуковина. Мы поставляли их тысячами в Афганистан. С их помощью были сбиты сотни советских самолетов. Точнее, в основном, вертолетов, но суть от этого не меняется. Главное – это головка теплового наведения, так? Нет никакой разницы, запущена ракета с грузовика или с плеча рядового.

– И что происходит сейчас? – спросил Уэбстер.

– Мы сворачиваем эти базы. Вот почему генерал прибыл сюда, господа. Мы выводим оборудование и личный состав сюда, в Петерсон, после чего состоится торжественная прощальная церемония.

– Где находятся эти базы? – спросил Макграт. – Те, что в Монтане. Мне нужно знать точное место.

Пододвинув карту, адъютант сверился с примечаниями.

– Южная среди полей неподалеку от Миссулы. Северная в горной долине, в пятидесяти милях от канадской границы, рядом с маленьким поселком Йорк. А что? В чем дело?

Макграт пожал плечами.

– Пока что не знаем.

* * *

Адъютант показал, где можно позавтракать, после чего предложил дождаться генерала. Джонсон появился в столовой после яичницы, но до тостов. Оставив тосты недоеденными, все вернулись в комнату для персонала. Джонсон сильно изменился по сравнению с тем лощеным человеком, которого Уэбстер видел вечером в понедельник. Ранний час и напряжение последних трех дней состарили его на двадцать лет и заставили сбросить двадцать фунтов. У генерала было бледное как полотно лицо и красные глаза. Он производил впечатление человека, находящегося на грани отчаяния.

– Итак, что нам известно?

– Мы считаем, нам известно почти все, – ответил Уэбстер. – В настоящий момент оперативная информация позволяет предположить, что ваша дочь была похищена членами незаконного военизированного формирования из Монтаны. Нам более или менее известно местонахождение их базы. Где-то в одной из горных долин на северо-западе штата.

Джонсон кивнул.

– Похитители вышли на связь?

– Пока что нет, – покачал головой Уэбстер.

– Так в чем же смысл их поступка? Что они хотят?

Уэбстер снова покачал головой.

– Пока что это нам неизвестно.

Джонсон рассеянно кивнул.

– Кто они?

Макграт раскрыл папку, которую держал в руках.

– У нас есть четыре фамилии. Троих из похитителей, и у нас есть достаточно веские основания предполагать, кто является предводителем этого формирования. Некий Бо Боркен. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Боркен? – повторил Джонсон. Подумав он покачал головой. – Абсолютно ничего.

– Хорошо. А про этого человека можете что-нибудь сказать? Его зовут Питер Белл.

Макграт протянул Джонсону полученный с помощью компьютера снимок Белла за рулем «Лексуса». Генерал долго всматривался в лицо, наконец покачал головой.

– Этот Белл мертв, – сказал Макграт. – Ему не удалось добраться до Монтаны.

– Очень хорошо.

Макграт протянул Джонсону следующий снимок.

– Стивен Стюарт?

Уделив снимку какое-то время, генерал в конце концов снова покачал головой.

– Никогда его не видел.

– Тони Лодер?

Всмотревшись в лицо Лодера, Джонсон покачал головой.

– Нет.

– Эти трое и Боркен – из Калифорнии, – объяснил Макграт. – С ними может быть еще один человек по имени Оделл Фаулер. Вам оно знакомо?

Джонсон покачал головой.

– И вот есть еще вот этот тип, – сказал Макграт. – Мы не знаем, кто он такой.

Он протянул генералу снимок большого парня. Джонсон посмотрел фотографию, отвернулся. Затем его взгляд снова вернулся к снимку.

– Вы знаете этого человека? – спросил Макграт.

Джонсон пожал плечами.

– Его лицо мне смутно знакомо. Возможно, мне как-то пришлось с ним встретиться.

– Недавно?

Джонсон покачал головой.

– Нет, не недавно. Некоторое время тому назад.

– Он имеет отношение к армии? – подключился Уэбстер.

– Возможно. Большинство тех, с кем я встречаюсь, имеет отношение к армии.

Адъютант заглянул через плечо своего шефа.

– Мне это лицо ничего не говорит. Но надо переправить снимок в Пентагон. Если этот человек как-то связан с армией, быть может, найдется кто-нибудь, кто служил вместе с ним.

Джонсон покачал головой.

– Переправьте снимок в военную полицию. Этот человек – преступник, так? Высока вероятность, что у него уже были неприятности с законом, еще когда он служил. В этом случае его должны вспомнить в военной полиции.

Глава 25

За Ричером пришли через час после восхода солнца. Он дремал, сидя на жестком стуле, положив скованные наручниками руки на колени. Джозеф Рэй сидел настороже напротив. Ричер почти всю ночь размышлял о динамите. Старом динамите, оставшемся на заброшенных шахтах. Он представлял себе шашку в руке. Чувствовал ее вес. Подсчитывал пространство за стенами комнаты, в которой находится Холли. Мысленно видел его заполненным динамитом. Старым динамитом, сгнившим, с вытекшим нитроглицерином. Такой может взорваться сам по себе. Итого около тонны нестабильного динамита вокруг Холли, еще не до конца разложившегося, чтобы взорваться от неосторожного движения, однако готового сдетонировать от взрыва шального снаряда. Или шальной пули. Или даже просто резкого удара молотком.

Зашуршали шаги по гравию. К домику подошел маленький отряд. Дверь распахнулась настежь, и Ричер, повернув голову, увидел шестерых охранников. Старший из них вошел внутрь и схватил Ричера за руку. Вытащил его на улицу, на яркий солнечный свет и поставил напротив пятерых мужчин, выстроившихся в ряд с автоматическими винтовками

наизготовку. Камуфляжная форма, бороды. Ричер стоял, щурясь на солнце. Шесть дул нацелились в него, шесть человек, окружив со всех сторон, провели его наискосок через поляну к узкой тропинке, уходившей прочь от солнца в густой лес.

Через пятьдесят ярдов тропинка вывела на другую поляну. Небольшой прямоугольник, заросший кустарником. Два сооружения из кедровых бревен, обшитых фанерой. Оба без окон. Охранники остановили Ричера, и старший указал стволом автомата на левую постройку.

– Дом командира.

Он указал на правую постройку.

– Гауптвахта. Старайся держаться от нее подальше.

Шестеро охранников рассмеялись смехом уверенных в себе людей, и старший постучал в дверь дома командира. Выждал мгновение и открыл ее. Ричера ткнули дулом винтовки в спину, заталкивая внутрь.

Там было очень светло. К свету электрических ламп добавлялся зеленоватый дневной свет, проникающий через замшелые окна в крыше. Внутри простой дубовый стол, такие же стулья, большие, с круглыми сиденьями, какие Ричер видел в старых фильмах про редакции газет или конторы банков. Никаких украшений кроме флажков и вымпелов, прибитых к стенам. Над столом висела большая коричневая свастика, и этот мотив в черно-белых тонах еще не раз повторялся на других стенах. К доске на противоположной от входа стене была приколота карта Монтаны. Крошечный участок в северо-западном углу штата был обведен черной линией. На полу лежали стопки брошюр и пособий. Одна из книг была озаглавлена: «Высуши, и тебе понравится». Она была посвящена тому, как заготавливать продовольствие к длительной осаде. Другая являлась наставлением для партизан, в котором расписывалось, как пускать под откос поезда. В углу стоял книжный шкаф из полированного красного дерева, резко контрастирующий с остальной обстановкой, заставленный книгами. Полоска дневного света из раскрытой двери упала на шкаф и озарила коленкоровые переплеты и тисненные золотом названия. Это были монографии, посвященные искусству войны, переводы с немецкого и японского. Целая полка была отведена работам о Перл-Харборе. Работам, которые Ричер изучал сам, давным-давно и в другом месте.

Ричер остановился в дверях. Боркен сидел за столом, сияя коротко остриженными белыми волосами. В ярком свете было видно, что черная форма местами стала серой. Некоторое время Боркен молча смотрел на Ричера. Затем махнул рукой, указывая на стул. Знаком приказал охранникам подождать за дверью.

Ричер тяжело опустился на стул. Его глодала усталость; адреналин жег желудок. Громко протопав по деревянным половицам, охранники вышли на улицу. Тихо прикрыли за собой дверь. Опустив руку, Боркен выдвинул ящик. Достал древний револьвер. С громким стуком положил его на стол.

– Я принял решение. Относительно того, жить тебе или умереть. – Он указал на старинное оружие. – Знаешь, что это такое?

Взглянув на револьвер против света, Ричер кивнул.

– Это «кольт», модель «Маршал».

Боркен кивнул.

– Совершенно верно. Это самый настоящий «Кольт-Маршал» выпуска 1873 года, каким вооружались кавалерийские части американской армии. Это мое личное оружие. – Он подержал его в правой руке. – Знаешь, какими пулями он стреляет?

Ричер снова кивнул.

– Сорок пятого калибра. Шесть патронов.

– С первого раза в самую точку, – подтвердил Боркен. – Шесть патронов сорок пятого калибра, пуля покидает ствол длиной семь с половиной дюймов со скоростью девятьсот футов в секунду. Знаешь, что может сделать с тобой такая пуля?

Ричер пожал плечами.

– Все зависит от того, попадет ли она в меня.

Боркен недоуменно нахмурился. Затем усмехнулся. Кончики его влажных губ выгнулись вверх, пухлые щеки почти полностью закрыли глаза.

– Попадет. Если стрелять буду я, обязательно попадет.

Ричер снова пожал плечами.

– С такого расстояния – может быть.

– С любого расстояния. С такого, с пятидесяти футов, с пятидесяти ярдов – если выстрелю я, пуля обязательно попадет в тебя.

– Подними правую руку, – вдруг сказал Ричер.

Боркен снова недоуменно нахмурился. Затем отложил револьвер и поднял свою огромную лапищу, словно приветствуя знакомого или давая клятву.

– Чушь собачья, – сказал Ричер.

– Чушь собачья? – повторил Боркен.

– Разумеется. Этот револьвер достаточно точен, но это далеко не самое лучшее оружие в мире. Для того, чтобы с расстояния пятьдесят ярдов попасть из него в человека, нужно практиковаться до одури. А ты этого не делаешь.

– Не делаю? – переспросил Боркен.

– Да, не делаешь. Взгляни на эту штуковину. Она была разработана в семидесятых годах прошлого века, так? Ты видел старинные фотографии? Люди тогда были гораздо мельче. Тощие, маленькие человечки, только что приехавшие в Новый свет из Европы, где их предки голодали в течение многих поколений. Маленькие люди – маленькие руки. Взгляни на рукоятку. Резкий изгиб, слишком мала для тебя. Твои пальцы будут выглядеть на ней гроздью бананов. И щечки из ореха. За сто двадцать с лишним лет ставшего твердым, как камень. Задняя часть рукоятки и низ рамы при отдаче ударят тебя молотком. Если бы ты регулярно стрелял из этого револьвера, у тебя между большим и указательным пальцами были бы мозоли, которые я разглядел бы даже с такого расстояния. Но их нет, значит, ты не стреляешь регулярно, и можешь не говорить, что ты метко стреляешь без постоянных занятий.

Боркен пристально посмотрел на него. Снова усмехнулся. Его влажный рот чуть приоткрылся, глаза превратились в щелки. Выдвинув другой ящик, он достал другое оружие. «ЗИГ-Зауэр», автоматический пистолет калибра 9 мм. Выпущенный лет пять назад. Из которого стреляли часто и за которым хорошо ухаживали. Большая квадратная рукоятка под большую руку.

– Я солгал. Вот мое любимое оружие. Но зато я кое-что выяснил. Теперь я знаю, что принял правильное решение.

Он остановился, давая Ричеру возможность спросить, какое именно. Ричер молчал. Стиснув зубы. Он не собирался спрашивать этого типа ни о чем, даже если это должна была быть последняя фраза, которую он произнесет в своей жизни.

– Знаешь, мы здесь настроены серьезно, – снова заговорил Боркен. – Совершенно серьезно. Мы тут не в игрушки играем. И нам точно известно, что происходит.

Он снова остановился, давая Ричеру возможность спросить, что же именно происходило. Ричер молчал. Просто сидел, уставившись в пустоту.

– Америкой руководит деспотическое правительство, – продолжал Боркен. – Диктатура, которую контролируют из-за границы наши враги. Наш нынешний президент является членом всемирного правительства, которое втайне распоряжается нашими жизнями. Федеральная система представляет собой дымовую завесу, скрывающую тотальный контроль. Всемирное правительство намеревается нас разоружить, а затем поработить. Этот процесс уже начался. Тут не может быть никаких сомнений.

Он остановился. Снова взял старый револьвер. Проверил, как помещается рукоятка в руке. Ричер ощутил исходящую от него харизму. Поймал себя на том, что внимательно слушает этот тихий, гипнотизирующий голос.

– Основных методов два, – снова заговорил Боркен. – Во-первых, попытка разоружить гражданское население. Вторая поправка к конституции гарантирует право на ношение оружия, однако ее собираются отменить. Законы об ограничении оружия, шумиха по поводу преступности, убийств, войн из-за наркотиков – все это направлено на то, чтобы разоружить таких простых людей как мы. А когда мы окажемся разоружены, с нами можно будет делать все что угодно, так? Вот почему это право было внесено в конституцию. Отцы-основатели были люди умные. Они знали, что народ сможет контролировать свое правительство только в том случае, если у него будет возможность его перестрелять.

Боркен снова умолк. Ричер поднял взгляд на свастику у него над головой.

– Второй метод состоит в удушении мелкого бизнеса, – продолжал Боркен. – Это моя личная теория. В нашем движении о ней почти не упоминают. Но я сразу это заметил. Что поставило меня впереди остальных.

Он снова остановился, но Ричер продолжал молчать. Отвернувшись в сторону.

– Это же очевидно, да? – обратился к нему Боркен. – Всемирное правительство в основе своей является правительством коммунистического толка. Ему не нужен сильный частный сектор. Однако именно в этом была основа Америки. Миллионы людей работают не покладая рук на себя самих, чтобы обеспечить достойную жизнь. Их слишком много, чтобы просто перестрелять всех до одного. Поэтому это количество нужно было заранее сократить. И федеральное правительство распорядилось зажать мелкий бизнес. Были приняты самые разные законы и постановления, введены налоги, зажаты рынки, и все это чтобы поставить мелкого предпринимателя на колени. Банкам было приказано пообещать заманчивые кредиты, но не успели на

договорах высохнуть чернила, как процентные ставки взлетели вверх, и рынок оказался еще больше урезан. И вот бедняк наконец полностью разорен, банк забирает себе его бизнес, и когда придет время, очередь в газовые камеры будет на одного человека меньше.

Ричер посмотрел на него. Ничего не сказал.

– Поверь мне, – продолжал Боркен. – Именно так всемирное правительство заранее решает проблему избавления от трупов. Если сейчас задушить средний класс, впоследствии не понадобится так много концентрационных лагерей.

Ричер молча смотрел ему в глаза. Словно на источник яркого света. Толстые красные губы скривились в снисходительной усмешке.

– Говорю я тебе, мы опередили всех остальных, – уверенно заявил Боркен. – Мы первые увидели приближение всего этого. Для чего еще нужна Федеральная резервная система? Вот ключ ко всему. Америка – это нация, в основе которой лежит бизнес. Контролируя бизнес, можно контролировать все. А как контролировать бизнес? Для этого надо контролировать банки. А как контролировать банки? Вот тут-то и была создана эта долбанная Федеральная резервная система. Которая приказывает банкам, как именно те должны поступать. Вот в чем ключ. Всемирное правительство через Федеральную резервную систему контролирует всё. И мне довелось увидеть это в действии.

Он широко раскрыл тусклые, бесцветные глаза.

– Я видел, как поступили с моим отцом! – взвизгнул он. – Да упокоится его бедная душа. Федеральная резервная система его обанкротила.

Сделав над собой усилие, Ричер оторвал от Боркена взгляд. Пожал плечами, ни к кому не обращаясь. Ничего не сказал. Начал вспоминать последовательность томов, расставленных в дорогом книжном шкафу из красного дерева. История войн начиная от Древнего Китая через Италию эпохи Возрождения до Перл-Харбора. Ричер сосредоточился на том, что стал перечислять названия, слева направо, пытаясь устоять перед манящей харизмой Боркена.

– Мы настроены решительно, – продолжал тот. – Глядя на меня, ты, возможно, назовешь меня каким-то деспотом, насаждающим культ собственной личности, – не знаю, какой еще ярлык повесит на меня окружающий мир. Но это не так. Я хороший вождь, не буду этого отрицать. И очень вдохновенный. Если ты назовешь меня интеллигентным и проницательным, я тоже не стану с тобой спорить. Но на самом деле я мог бы обойтись без всех этих качеств. Моим людям не нужен дополнительный стимул. По сути дела, им не нужен вождь. Их надо обучить дисциплине, направить в нужную сторону, но пусть это

тебя не обманывает. Я никого ни к чему не принуждаю. Не совершай ошибку, недооценивая их воли. Принимай в расчет их страстное желание перемен к лучшему.

Ричер молчал. Он по-прежнему был сосредоточен на исторических книгах, мысленно перебирая события декабря 1941 года, увиденные с точки зрения японцев.

– Мы здесь не преступники, – тем временем говорил Боркен. – Когда правительство сворачивает в сторону зла, именно лучшие из лучших выступают против него. Или ты полагаешь, что все мы должны вести себя как покорные бараны?

Ричер рискнул бросить на него один взгляд. Рискнул заговорить.

– А ты подошел слишком избирательно, – сказал он. – К тому, кого сюда приглашать, а кого – нет.

Боркен пожал плечами.

– Сходства притягиваются – таков закон природы, не так ли? Черным остается целая Африка. А здесь должны жить белые люди.

– А что насчет евреев-дантистов? – спросил Ричер. – Их место где?

Боркен снова пожал плечами.

– Это была ошибка. Лодер должен был дождаться, когда еврей уйдет. Но от ошибок никто не застрахован.

– Он должен был также дождаться, когда я уйду, – добавил Ричер.

Боркен кивнул.

– Полностью с тобой согласен. Для тебя так было бы значительно лучше. Однако Лодер поспешил, и вот ты среди нас.

– Только потому, что я белый?

– Поосторожнее! У белых осталось крайне мало драгоценных прав.

Ричер молча посмотрел на него. Обвел взглядом ярко освещенную комнату, наполненную ненавистью. Его передернуло.

– Я внимательно изучал тиранию, – снова заговорил Боркен. – И то, как с ней бороться. Первое правило заключается в том, что необходимо принять твердое решение – жить свободным или умереть, и держаться его до конца. Жить свободным или умереть. Второе правило – не вести себя как баран. Надо подняться во весь рост и оказать сопротивление. Для этого нужно изучать систему и учиться ненавидеть ее. И, наконец,

надо действовать. Но как действовать? Храбрый человек сражается. Он наносит ответный удар, так?

Ричер пожал плечами. Ничего не сказал.

– Храбрый человек наносит ответный удар, – повторил Боркен. – Но человек, являющийся одновременно храбрым и умным, поступает иначе. Он наносит удар первым. Опережая противника. Он наносит удар там, где его никто не ждет. И именно этим мы занимаемся здесь. Мы наносим первый удар. Войну развязали не мы, но первый удар будет за нами. Мы нанесем его там, где его никто не ждет. И расстроим все планы противника.

Ричер снова взглянул на книжный шкаф. Пять тысяч классических страниц, на которых повторяется одно и то же: не делай то, что от тебя ждут.

– Пойдем, взглянем на карту, – предложил Боркен.

Вытянув скованные руки вперед, Ричер неловко поднялся со стула. Подошел к карте Монтаны на стене. Отыскал в верхнем левом углу Йорк. Внутри территории, обведенной черной линией. Сверившись с масштабной шкалой, он изучил рельеф. Река, о которой говорил Джозеф Рэй, протекала в тридцати милях к западу, с противоположной стороны высокого горного хребта. На карте она была изображена жирной голубой линией, пересекающей карту сверху вниз. На севере до самой Канады простирались горные вершины, обозначенные коричневым цветом. Единственная дорога проходила через Йорк на север и обрывалась у каких-то заброшенных шахт. Несколько петляющих просек уходили через сплошной лес на восток. На юге горизонтали сливались вместе, обозначая глубокий овраг, проходящий с востока на запад.

– Взгляни на эту местность, – тихо произнес Боркен. – Что говорит тебе карта?

Ричер внимательно посмотрел на карту. Она сказала ему, что выбраться отсюда он не сможет. Только не пешком, только не с Холли. На восток и на запад – несколько недель пути по полному бездорожью. На западе и на юге – непреодолимые естественные преграды. Сама природа образовывала идеальную тюрьму, этого нельзя было бы добиться никакими ограждениями из колючей проволоки и минными полями. После начала перестройки и гласности Ричеру однажды довелось побывать в Сибири, где он проверял слухи о военнопленных, захваченных во время войны в Корее. Лагеря были совершенно открытыми. Ни заборов, ни ограждений. Ричер спросил у тех, кто его принимал: а где же заборы? Русские показали ему на бескрайнюю заснеженную пустыню вокруг и сказали: вот они. Бежать некуда. Ричер

снова посмотрел на карту. Местность является непреодолимой преградой. Для того, чтобы бежать отсюда, потребуется какое-либо транспортное средство. И много везения.

– Враг сюда не придет, – сказал Боркен. – Мы неприступны. Нас нельзя остановить. И нас не надо останавливать. Это явится катастрофой исторических масштабов. Предположим, если бы «красные мундиры» остановили в 1776 году американскую революцию?

Ричер снова обвел взглядом крохотное помещение и пожал плечами.

– Это не американская революция.

– Да? И в чем же отличие? Тогда люди хотели освободиться от тирании. То же самое происходит и сейчас.

– Вы убийцы.

– То же самое происходило в 1776 году, – возразил Боркен. – Тогда тоже убивали людей. И существующая система тоже считала это тягчайшим преступлением.

– Вы расисты.

– Все как в 1776 году. Вспомни Джефферсона и его рабов. Революционеры считали негров низшими существами. Тогда они были в точности такими же, как мы сейчас. Но затем они превратились в новые «красные мундиры». Медленно, на протяжении многих лет. И вот теперь нам выпала историческая честь вернуть первоначальный порядок вещей. Жить свободным или умереть, Ричер. Это благородная цель. Так было всегда, ты не находишь? – Боркен подался вперед, вжимаясь своей огромной тушей в стол. Поднимая руки вверх. Его бесцветные глаза зажглись безумным огнем. – Но в 1776 году было допущено много ошибок. Я изучал историю. Войны можно было бы избежать, если бы обе стороны вели себя разумно. А войн всегда следует избегать, ты не согласен?

Ричер пожал плечами.

– Необязательно.

– Одним словом, ты поможешь нам избежать войны, – сказал Боркен. – Вот мое решение. Ты станешь моим эмиссаром.

– Что?

– Ты человек независимый. Ты не один из нас. У тебя нет в нашем деле корыстных целей. Ты такой же американец как они, добропорядочный, законопослушный гражданин. Умный, проницательный. Ты обращаешь внимание на то, что вокруг. Тебя послушают.

– Что? – повторил Ричер.

– У нас здесь все подготовлено к тому, чтобы провозгласить независимость, – не обращая на него внимание, продолжал Боркен. – Ты должен это понять. У нас есть армия, у нас есть казначейство, у нас есть золотой запас, у нас есть юридическая система, у нас есть демократия. Все это я собираюсь продемонстрировать тебе сегодня. Я покажу тебе общество, созревшее для независимости, готовое жить свободным или умереть, которому осталось ждать всего один день этого светлого часа. Затем я отправлю тебя на юг, в Америку. И ты расскажешь всем, что наше дело непобедимо, а их дело безнадежно.

Ричер молча смотрел на него.

– И ты расскажешь о Холли, – тихо промолвил Боркен. – Которая находится в особой отдельной комнате. Ты расскажешь о моем секретном оружии. Моем страховом полисе.

– Ты сумасшедший, – сказал Ричер.

В домике наступила тишина. Полная, абсолютная тишина.

– Почему? – наконец прошептал Боркен. – Почему я сумасшедший? Почему именно?

– Потому что в твоих рассуждениях решающий изъян. Неужели ты не понимаешь, что Холли ничего не стоит? Президент сместит Джонсона с поста быстрее, чем ты успеешь моргнуть. Тебя раздавят как клопа, а Холли станет лишь еще одной жертвой. Ты должен отпустить ее вместе со мной.

Боркен затряс своей непомерно огромной головой, радостно, уверенно.

– Нет. Этого не произойдет. Холли важна не только тем, что у нее такой отец. Разве она тебе это не сказала?

Ричер недоуменно посмотрел на него. Боркен взглянул на часы.

– Пора идти. Пришло время показать тебе нашу юридическую систему в действии.

* * *

Услышав тихие шаги за дверью, Холли соскочила с кровати. Щелкнул замок, и в комнату вошел молодой солдат со шрамом на лбу. Приложил палец к губам, и Холли кивнула. Доковыляла до ванной и включила душ, направив шумную струю в пустую ванну. Проследовав за ней, молодой солдат закрыл дверь.

– Это можно делать лишь раз в день, – шепотом сообщила Холли. – Если душем будут пользоваться слишком часто, возникнут подозрения.

Парень кивнул.

– Уходим сегодня ночью. Сегодня утром не получилось. Нам всем необходимо нести дежурство на суде над Лодером. Я приду как только стемнеет. У меня будет джип. Мы помчимся в темноте на юг. Это рискованно, но у нас все получится.

– Без Ричера я никуда не пойду, – решительно произнесла Холли.

Парень со шрамом покачал головой.

– Этого обещать не могу. Сейчас он с Боркеном. Одному богу известно, что с ним станется.

– Я поеду только в том случае, если поедет он.

Парень испуганно посмотрел на нее.

– Хорошо, я постараюсь.

Открыв дверь ванной, он вышел на цыпочках. Проводив его взглядом, Холли выключила душ. Щелкнул замок на входной двери.

* * *

Он петлял по лесу, продвигаясь на северо-запад, как это бывало всегда. Часовой, которого Фаулер поставил в секрет среди глухих зарослей в пятнадцати футах от главной тропинки, его не увидел. Зато его заметил тот, который прятался в чаще. Часовой увидел мелькнувшую в кустах камуфляжную форму. Он мгновенно развернулся, но все же не успел разглядеть лицо. Пожав плечами, часовой задумался. В конце концов решил никому ничего не говорить. Лучше вообще не упомянуть о случившемся, чем признать, что он не смог опознать предателя.

Поэтому парень со шрамом успел добраться до барака за две минуты до того, как ему предстояло сопровождать командира на заседание трибунала.

* * *

При свете дня здание суда на юго-восточной окраине заброшенного поселка Йорк выглядело в точности так же, как сотни других таких же, на которые Ричеру пришлось насмотреться в сельской Америке. Построено на рубеже столетий. Просторное, белое, с резными колоннами у входа. Монументальная солидность, одним видом выражающая свое серьезное назначение, но при этом множество легкомысленных мелочей, придающих внешнюю красоту. Ричер отметил легкий купол, словно парящий над зданием, и старинные часы под ним, вероятно, установленные на средства, собранные по подписке давно ушедшим поколением. В целом, то же самое, что и в остальных местах, вот только крыша была остроконечной и более прочной. Ричер

рассудил, что такими на севере Монтаны должны быть все постройки. В течение долгой зимы крыша должна выдерживать вес нескольких тонн снега.

Однако сегодня было утро третьего июля, и снег на крыше отсутствовал. Пройдя пешком милю под бледным северным солнцем, Ричер согрелся. Боркен ушел первым один, и Ричера провели через лес те же шестеро охранников из элитной гвардии. Он по-прежнему был в наручниках. Его подвели прямо к входу и заставили подняться на крыльцо. Весь первый этаж занимал один просторный зал, утыканный колоннами, которые поддерживали пол второго этажа. Стены и потолок были обшиты широкими досками, напиленными из гигантских сосен. Со временем древесина потемнела; внутреннее убранство было простым и строгим.

Зал был заполнен до отказа. Ни одного свободного места на скамьях. Помещение казалось словно затопленным морем защитной зелени. Мужчины и женщины. Сидящие неестественно прямо, вертикально зажав между коленями автоматические винтовки. Застывшие в напряженном ожидании. Среди них изредка встречались дети, притихшие, запуганные. Ричера провели сквозь толпу к столу у барьера для членов суда. Там уже сидел Фаулер. Рядом с ним Стиви. Фаулер кивнул на стул. Ричер сел. Охранники встали у него за спиной. Минуту спустя двустворчатые двери распахнулись, и Бо Боркен занял место за столом судьи. Старые половицы скрипнули под его весом. Все присутствующие встали, за исключением Ричера. Вытянулись по стойке «смирно» и отдали честь, словно услышав немое приказание. Боркен по-прежнему был в черном мундире, с ремнем и в высоких ботинках. К этому наряду он добавил огромную кобуру с «ЗИГ-Зауэром». В руках Боркен держал тонкую книгу в кожаном переплете. Вместе с ним в зал вошли шестеро вооруженных мужчин. Встав перед скамьей, они застыли, уставившись прямо перед собой невидящими взглядами.

Собравшиеся в зале начали рассаживаться. Подняв взгляд на потолок, Ричер мысленно разбил его на четверти. Определил, какой угол будет юго-восточным. Двери снова распахнулись, и толпа затаила дыхание. В зал втолкнули Лодера. Он был в окружении шестерых охранников. Его подвели к столу напротив Фаулера. Место обвиняемого. Встав у Лодера за спиной, охранники положили руки ему на плечи, заставляя его опуститься на стул. Лицо Лодера было мертвенно-бледным от страха, на нем темнели засохшие кровоподтеки. Нос был сломан, губы распухли. Боркен молча посмотрел на него. Тяжело опустился в кресло судьи и положил руки на стол, ладонями вниз. Обвел взглядом притихший зал и сказал:

– Всем нам известно, для чего мы здесь собрались.

* * *

Холли чувствовала, что на первом этаже под ней собралось много народа. Она ощущала волнение толпы, притихшей и сосредоточенной. Но не переставала работать. Нет оснований сомневаться в том, что парень со шрамом из Бюро подведет, и тем не менее Холли не собиралась сидеть сложа руки. Она будет готовиться. На всякий случай.

Поиски инструмента привели ее к тому, что она принесла с собой. К металлическому костылю. Это была алюминиевая труба диаметром один дюйм с упором для локтя и рукояткой. Трубка была слишком толстой, а металл – слишком мягким, чтобы использовать ее в качестве фомки. Но Холли сообразила, что если снять резиновый наконечник, открытый конец трубы можно будет приспособить в качестве гаечного ключа. Возможно, ей удастся смять трубку так, чтобы захватить головки болтов, которыми была скреплена кровать. Затем можно будет согнуть трубку под прямым углом, превратив ее в неуклюжую монтировку.

Но первым делом необходимо было соскоблить с болтов толстый слой краски. Гладкая и клейкая, она накрепко приварила болты к раме. Верхний слой краски Холли отодрала с помощью конца рукоятки костыля. Затем она принялась оттирать швы до тех пор, пока не заблестел голый металл. Теперь Холли собиралась ковылять до ванной и обратно с полотенцем, намоченным в горячей воде. Можно будет прижимать полотенце к болтам, передавая им тепло, чтобы металл расширился. После этого, если повезет, даже мягкий алюминий костыля окажется достаточно прочным, чтобы сдвинуть болты с места.

* * *

– Своими необдуманными действиями он поставил операцию под угрозу срыва, – сказал Бо Боркен.

Его тихий голос обладал гипнотическим воздействием. В зале стояла полная тишина. Охранники, застывшие перед скамьей судьи, смотрели прямо перед собой. Тот, что стоял с краю, смотрел на Ричера. Это был молодой парень с аккуратно подстриженной бородкой и шрамом на лбу, которого Ричер уже видел вчера вечером. Тогда парень был в числе тех, кто охранял Лодера. Сейчас он с любопытством смотрел на Ричера.

Подняв тонкую книжку в кожаном переплете, Боркен медленно поводил ей вправо и влево, словно это был фонарь, и он хотел осветить его ярким лучом весь зал.

– Это конституция Соединенных Штатов, – сказал Боркен. – Увы, над ней надругались, ее попирали, но тем не менее она остается величайшим политическим документом из всех тех, что когда-либо были составлены человеком. И она станет моделью нашей собственной конституции.

Он перевернул страницы. Притихшее помещение наполнилось шелестом твердой бумаги. Боркен начал читать:

– Билль о правах. Пятая поправка указывает, что ни одно лицо не должно привлекаться к ответственности за преступления, караемые смертью, иначе как по представлению большого жюри, за исключением дел, возбуждаемых в вооруженных формированиях во время опасности, угрожающей обществу. Здесь говорится, что ни одно лицо не должно лишаться жизни и свободы без надлежащей правовой процедуры. Шестая поправка указывает, что обвиняемый имеет право на безотлагательное и публичное разбирательство дела судом присяжных по месту совершения преступления. Здесь также говорится о его праве на помощь адвоката для своей защиты.

Боркен снова умолк. Обвел взглядом зал. Поднял книгу.

– В этой книге говорится, что мы должны сделать. Итак, нам нужны присяжные. Здесь не уточняется, сколько. Полагаю, троих будет достаточно. Желающие есть?

Тотчас же поднялся лес рук. Боркен наугад ткнул в зал, и к столу судьи вышли трое. Составив винтовки, они заняли место на скамье присяжных. Боркен повернулся к ним.

– Джентльмены! Это дело возбуждено в вооруженном формировании, и сейчас обществу угрожает опасность. Вы с этим согласны?

Присяжные дружно закивали, и Боркен повернулся к Лодеру, одиноко сидящему на скамье обвиняемых.

– У тебя есть защитник?

– Вы хотите предложить мне адвоката? – спросил Лодер.

Он говорил глухо, в нос. Боркен покачал головой.

– Никаких адвокатов здесь нет. Адвокаты испортились вместе с остальной Америкой. У нас не будет адвокатов. Они нам не нужны. В билле о правах об адвокатах ничего не говорится. Как указано в моем словаре, защитник должен помогать советом. Тебе нужны советы?

– А вы можете дать их мне? – спросил Лодер.

Кивнув, Боркен холодно усмехнулся.

– Признай свою вину.

Покачав головой, Лодер молча потупился.

– Хорошо, – сказал Боркен. – Ты выслушал совет, но не захотел признать свою вину?

Лодер кивнул.

Боркен снова посмотрел на книгу. Раскрыл ее на начале.

– Декларация независимости. «Право народа – изменить или упразднить старую форму правления и создать новую в такой форме, которая кажется ему наиболее подходящей для обеспечения безопасности и счастья.»

Встав, он обвел взглядом толпу.

– Всем понятно, что это означает? Старых законов больше нет. Теперь у нас новые законы. Новая жизнь. Мы решительно расстаемся с годами ошибок. Возвращаемся туда, с чего все началось. Это будет первый суд, осуществленный согласно совершенно новой системе. Лучшей системе. Системе, имеющей значительно больше прав считаться легитимной. Мы имеем право так поступить, и мы так поступаем.

Собравшиеся в зале глухо зашумели. Ричер не обнаружил в гуле голосов ни тени неодобрения. Все были словно загипнотизированы. Купались в ярком свечении, которое исходило от Боркена, словно пресмыкающиеся, выползшие погреться на жаркое полуденное солнце. Боркен кивнул Фаулеру, сидевшему рядом с Ричером. Встав, тот обратился к присяжным.

– Факты таковы. Командир отправил Лодера с заданием, имеющим огромную важность для нашего будущего. Лодер действовал плохо. Он отсутствовал всего пять дней, но за это время совершил пять грубых ошибок. Ошибок, которые могли сорвать всю операцию. Конкретно: Лодер сжег две машины и оставил след. Затем он неправильно выбрал время и втянул в операцию двух посторонних лиц. И, наконец, он позволил Питеру Беллу бежать. Итого пять серьезных ошибок.

Фаулер остался стоять. Ричер не отрывал от него взгляда.

– Я приглашаю свидетеля, – продолжал Фаулер. – Стиви Стюарт.

Малыш Стиви быстро встал, и Фаулер кивнул, приглашая его пройти к скамье свидетелей, рядом со столом судьи. Наклонившись, Боркен протянул ему книгу. Ричер не смог разглядеть, какую, но это определенно была не библия. Если только, конечно, библию не стали украшать свастикой на обложке.

– Ты клянешься говорить правду?

Стиви кивнул.

– Клянусь, сэр.

Отпустив книгу, он повернулся к Фаулеру, готовый отвечать на первый вопрос.

– Те пять ошибок, о которых я говорил, – сказал тот. – Ты видел, как Лодер их совершил?

Стиви снова кивнул.

– Да, он их совершил.

– Он отвечает за них? – продолжал Фаулер.

– Конечно, отвечает. Все время, пока мы были в отъезде, Лодер строил из себя большого босса.

Фаулер кивком отпустил Стиви на место. В зале воцарилась тишина. Понимающе усмехнувшись присяжным, Боркен повернулся к Лодеру.

– Ты хочешь что-нибудь сказать в свою защиту? – тихо спросил он.

Боркен произнес это тоном, подразумевавшим полную абсурдность любых попыток оправдаться. В зале стояла тишина. Полная. Боркен обвел взглядом присутствующих. Все глаза были прикованы к затылку Лодера.

– Ты хочешь что-либо сказать? – снова спросил Боркен.

Лодер смотрел перед собой. Не говоря ни слова. Боркен повернулся к присяжным, застывшим на старой, потертой скамье. Вопросительно посмотрел на них. Все трое, как-то съежившись, зашептались. Затем тот, что сидел слева, встал.

– Виновен, сэр. Бесспорно, виновен.

Боркен удовлетворенно кивнул.

– Благодарю вас, джентльмены.

Толпа загудела. Обернувшись к залу, Боркен усмирил его одним взглядом.

– Я должен вынести приговор, – сказал он. – Как известно многим из вас, Лодер мой старый знакомый. Нас связывает многое. Мы друзья с детства. А дружба значит для меня многое.

Остановившись, Боркен посмотрел на Лодера.

– Однако есть вещи, которые для меня важнее дружбы. Выполнение приказа. Я в ответе за наше рождающееся государство. И иногда соображения государственного масштаба необходимо ставить превыше всего остального.

Собравшиеся в зале молчали. Затаив дыхание. Боркен выждал. Затем бросил взгляд поверх головы Лодера и едва заметно кивнул охранникам. Те, подхватив Лодера под локти, рывком подняли его на ноги. Вывели

из зала. Встав, Боркен обвел взглядом толпу. Затем развернулся и вышел через двустворчатую дверь. Собравшиеся стали шумно подниматься со скамей и спешить к выходу.

Ричер увидел, как охранники подвели Лодера к столбу на лужайке за домом суда. Боркен проследовал за ними. Дойдя до столба, охранники с размаху толкнули Лодера на него, лицом. Потянули за руки, прижимая его грудью к облупившейся белой краске. Боркен приблизился к Лодеру сзади. Достал из кобуры «ЗИГ-Зауэр». Щелкнул предохранителем. Дослал патрон в патронник. Приставил дуло Лодеру к затылку и нажал на спусковой крючок. Брызнуло алое кровавое облако, и над горами раскатилось гулкое эхо выстрела.

Глава 26

– Его зовут Джек Ричер, – сказал Уэбстер.

– Отлично, генерал, – заметил Макграт. – Полагаю, его помнят.

Джонсон кивнул.

– Военная полиция тщательно хранит свои архивы.

Все четверо по-прежнему находились в командном центре авиабазы Петерсон. Десять часов утра, четверг, третье июля. Из факса выползал длинный рулон с ответом на запрос. Лицо на фотографии было тотчас же опознано. Послужной список был запрошен из архива Пентагона.

– Теперь вы его вспомнили? – спросил Броган.

– Ричера? – задумчиво переспросил Джонсон. – Не могу сказать точно. Чем он отличился?

Уэбстер и адъютант генерала стояли у факса и читали выползающий ответ. Перевернув свиток, они медленно отходили к двери, не давая ему опуститься на пол.

– Так что же он натворил? – нетерпеливо спросил Макграт.

– Ничего, – ответил Уэбстер.

– Ничего? – повторил Макграт. – Почему он значится в архиве, если за ним ничего не числится?

– Потому что он был одним из них. Майор Джек Ричер, военная полиция.

Адъютант пробежал взглядом по длинному свитку.

– Серебряная звезда, две Бронзовых звезды, «Пурпурное сердце». Чертовски отличный послужной список, сэр. Видит бог, этот парень – настоящий герой.

Раскрыв конверт, Макграт достал снимки, полученные с кассеты видеонаблюдения, черно-белые, неувеличенные, зернистые. Выбрал первый, на котором присутствовал Ричер. Тот, где он выхватывал из рук Холли костыль и плечики с одеждой. Макграт бросил снимок на стол.

– Да уж, герой!

Склонившись над столом, Джонсон вгляделся в снимок. Макграт положил вторую фотографию. Ту, где Ричер держал Холли за руку в окружении еще двоих похитителей. Взяв снимок в руки, генерал внимательно изучил его. Макграт не смог определить, смотрит он на Ричера или на свою дочь.

– Ему тридцать семь лет, – зачитал вслух адъютант. – Уволился четырнадцать месяцев назад. Академия Вест-Пойнт, тринадцать лет безупречной службы, в самом начале героический подвиг в Бейруте. Сэр, десять лет назад вы сами прикололи ему на грудь Бронзовую звезду. У этого Ричера выдающийся послужной список. Он был единственным победителем Уимблдона, кто служил не в морской пехоте.

Уэбстер удивленно посмотрел на него.

– Он что, играет в теннис?

Адъютант усмехнулся.

– Не того Уимблдона. Школа снайперов морской пехоты ежегодно устраивает турнир по стрельбе, кубок Уимблдона. Для снайперов. Открытый для всех желающих, однако победу в нем всегда одерживают представители морской пехоты кроме того единственного года, когда кубок достался Ричеру.

– Так почему же он не служил в снайперах? – спросил Макграт.

Адъютант пожал плечами.

– Не могу понять. Вообще в его послужном списке много странного. Например, почему он вообще уволился со службы? Таким людям был обеспечен карьерный рост до самого верха.

Взяв в обе руки по фотографии, Джонсон внимательно разглядывал их.

– Итак, почему же он уволился? – спросил Броган. – У него были какие-то неприятности?

Адъютант покачал головой. Снова углубился в чтение.

– В послужном списке ничего нет. Не указано никаких причин. Да, в то время проходило сокращение армии, однако в первую очередь стремились избавиться от людей лишних, случайных. Такого человека как Ричер трогать не должны были.

Джонсон переложил фотографии из руки в руку, словно стараясь найти свежую перспективу.

– Есть кто-нибудь, кто хорошо знает этого Ричера? – спросил Милошевич. – Кто-нибудь, с кем можно было бы поговорить?

– Полагаю, можно разыскать его бывшего командира, – предложил адъютант. – Думаю, на это уйдет день.

– Займитесь этим, – сказал Уэбстер. – Нам нужна информация. Любая, какая только сможет оказаться полезной.

Положив фотографии на стол, генерал Джонсон отодвинул их Макграту.

– Судя по всему, этот Ричер свернул на кривую дорожку. Такое время от времени случается. Хорошие люди становятся плохими. Мне самому приходилось становиться свидетелем этого. Порой это создает очень серьезные проблемы.

Развернув фотографии к себе, Макграт снова всмотрелся в них.

– Да, очень серьезные.

– Можно мне оставить себе этот снимок? Первый?

Макграт покачал головой.

– Нет. Если вы хотите снимок на память, я сделаю его сам. Вы и ваша дочь стоите перед могильной плитой, на которой фамилия этого козла.

Глава 27

Четыре солдата оттащили труп Лодера, и толпа быстро рассеялась. Ричер остался стоять на ступенях здания суда с шестерыми охранниками и Фаулером. Фаулер наконец снял с него наручники. Ричер покрутил плечами, потянулся. Он провел в наручниках всю ночь и все утро, и у него ныли затекшие суставы. На запястьях остались красные полосы от твердого металла.

– Сигарету? – предложил Фаулер.

Он протягивал пачку сигарет. Дружеский жест, но Ричер покачал головой.

– Я хочу повидаться с Холли.

Фаулер собирался было отказать, но затем, передумав, кивнул.

– Хорошо. Отличная мысль. Прогуляйся с ней, пусть она разомнется. Поговори, спроси, как мы с ней обращаемся. Впоследствии тебя обязательно спросят об этом. Это будет очень интересовать тех, к кому ты придешь. Нам бы не хотелось, чтобы ты сказал им неправду.

Ричер остался ждать внизу лестницы. Солнце стало бледным и водянистым. На севере сгущались облака. Но на юге небо оставалось голубым и чистым. Через пять минут Фаулер привел к зданию суда Холли. Молодая женщина шла медленно, выбивая своеобразное стаккато шагом здоровой ноги, чередующимся с глухим ударом костыля. Холли остановилась в дверях.

– Ричер, ответь на один вопрос, – окликнул с верхней ступени Фаулер. – Как далеко ты сможешь убежать за полчаса с поклажей весом сто двадцать фунтами на спине?

Ричер пожал плечами.

– Полагаю, не слишком далеко.

Фаулер кивнул.

– Верно. Не слишком далеко. Если через тридцать минут Холли не будет стоять здесь, мы начнем вас искать. Очертив круг радиусом две мили.

Подумав, Ричер кивнул. За полчаса со ста двадцатью фунтами за спиной он, вероятно, сможет преодолеть больше двух миль. Две мили – это самая пессимистичная оценка. Но Ричер представил себе карту на стене кабинета Боркена. Подумал о глухой, непроходимой местности. Куда бежать, черт побери? Он с показной тщательностью проверил свои часы. Фаулер пошел прочь, скрывшись за разрушенным административным зданием. Охранники закинули винтовки на плечо. Холли пригладила волосы. Подставила лицо лучам бледного солнца.

– Ты способна немного пройтись? – спросил Ричер.

– Только медленно.

Она двинулась на север по пустынной улице. Ричер направился следом.

Они дождались, когда останутся одни. Затем остановились и бросились в объятия друг друга. Костыль упал на землю. Ричер поднял Холли на целый фут в воздух. Она обвила ему шею и уткнулась лицом ему в грудь.

– Я схожу здесь с ума.

– У меня плохие новости.

– Какие?

– У этих ублюдков есть помощник в Чикаго.

Потрясенная Холли уставилась на него.

– Эта троица отсутствовала всего пять дней. Так сказал на суде Фаулер. Он сказал, что Лодера не было всего пять дней.

– И что? – спросила Холли.

– А то, что у них не было времени следить за тобой. То есть, им сказали, где ты будешь, и когда. У них был помощник, Холли.

С лица молодой женщины схлынула краска. Сменившаяся выражением шока.

– Пять дней? Ты уверен?

Ричер кивнул. Холли молчала. Напряженно думая.

– Итак, кто знал? – спросил Ричер. – Кто знал, где ты будешь находиться в понедельник, в двенадцать часов дня? Сосед по квартире? Друг?

Ее взгляд метался из стороны в сторону. Она лихорадочно перебирала все возможности.

– Этого не знал никто, – наконец сказала Холли.

– Ты не замечала за собой «хвоста»?

Она беспомощно пожала плечами. Ричер понял, что ей отчаянно хочется сказать: «Да, замечала». Потому что об отрицательном ответе страшно было думать.

– Не замечала? – повторил Ричер.

– Нет, – едва слышно промолвила Холли. – Такого дилетанта, как один из них? Даже не думай. Я заметила бы его за целую милю. К тому же, ему пришлось бы целый день околачиваться перед зданием ФБР, поджидая меня. Мы засекли бы его за долю секунды.

– То есть?

– Обедала я в разное время, – продолжала Холли. – Обеденный перерыв смещался на пару часов в обе стороны. Ничего постоянного.

– То есть? – снова спросил Ричер.

Она посмотрела ему в глаза.

– То есть, помощник был внутри. В Бюро. Другого объяснения быть не может. Сам подумай. Кто-то из наших увидел, как я выхожу, и подал сигнал.

Ричер молчал. Глядя на то, как по лицу Холли разливается отчаяние.

– Предатель в чикагском отделении, – снова заговорила она. Это был не вопрос, а утверждение. – Иначе быть не может. Проклятие, я не могу в это поверить.

Холли улыбнулась. Мимолетной, горькой усмешкой.

– Зато и у нас есть здесь свой человек. Какую шутку сыграла судьба, правда? Он мне уже открылся. Молодой парень, на лбу большой шрам. Он внедренный агент Бюро. По его словам, такие есть во многих подобных формированиях. Это сделано на всякий случай. Он вышел на связь, когда в стены моей комнаты заложили динамит.

Ричер удивленно уставился на нее.

– Тебе известно про динамит?

Скорчив гримасу, она кивнула.

– Неудивительно, что ты сходишь с ума. – Он посмотрел на нее, и вдруг его осенила новая жуткая мысль. – С кем связался этот внедренный агент?

– С нашим отделением в Бютте. Это лишь центр спутниковой связи. Наш парень связался с ним по рации. У него в лесу спрятан передатчик. Но он им больше не пользуется. Боркен прослушивает все радиочастоты.

Ричер поморщился.

– Как скоро предатель из Чикаго выдаст этого агента?

Холли побледнела еще больше.

– Думаю, очень скоро. Как только кто-нибудь догадается, что нас отвезли в эту сторону. Чикагское отделение запросит все данные, исходящие из Монтаны. То, что передал этот парень, будет числиться на первом месте. Господи, Ричер, ты должен его предупредить. Его фамилия Джексон.

Они повернули назад. Поспешили на юг через призрачный город.

– Этот Джексон утверждает, что может вытащить меня отсюда, – снова заговорила Холли. – Сегодня ночью, на джипе.

Ричер угрюмо кивнул.

– Поезжай с ним.

– Только вместе с тобой.

– Меня все равно отсылают отсюда. Я должен буду взять на себя роль эмиссара. Мне предстоит передать вашим людям, что их дело безнадежно.

– И ты пойдешь?

Ричер покачал головой.

– Нет, если мне удастся этого избежать. Только вместе с тобой.

– Ты должен идти. А обо мне не беспокойся.

Он снова покачал головой.

– А я о тебе беспокоюсь.

– Уходи. Забудь обо мне и уходи отсюда.

Ричер пожал плечами. Ничего не сказал.

– Ричер, беги отсюда, если у тебя будет возможность, – с мольбой в голосе произнесла Холли. – Я тебя очень прошу.

Похоже, она говорила серьезно. Ее глаза зажглись огнем.

– Только если ты уйдешь первой, – наконец сказал Ричер. – Я останусь здесь до тех пор, пока ты сама не бежишь отсюда. Я определенно не собираюсь оставлять тебя наедине с этими маньяками.

– Но ты не можешь здесь оставаться, – возразила Холли. – После моего побега они здесь все дерьмом изойдут. Это все изменит.

Ричер пристально посмотрел на нее. У него в голове прозвучали слова Боркена: «Она больше, чем дочь генерала Джонсона.»

– Почему, Холли? – спросил он. – Почему это все изменит? Кто ты такая, черт бы тебя побрал?

Она ничего не ответила. Отвела взгляд. Вдалеке показался Фаулер, идущий навстречу с сигаретой в зубах. Он приблизился. Остановился перед Ричером и Холли. Достал пачку сигарет.

– Угощайтесь.

Холли опустила взгляд. Ричер покачал головой.

– Она тебе рассказала? – спросил Фаулер. – Про все удобства своего дома?

Охранники ждали. Они выстроились наподобие почетного эскорта у крыльца здания суда. Фаулер подвел к ним Холли. Один из охранников увел ее внутрь. В дверях молодая женщина остановилась и оглянулась. Ричер кивнул. Пытаясь передать: «Увидимся позже, хорошо?» Холли скрылась в здании.

* * *

– А теперь тебе предстоит большое турне, – сказал Фаулер. – Ты будешь идти рядом со мной. Приказ Бо. Но можешь задавать мне любые вопросы, хорошо?

Рассеянно посмотрев на него, Ричер кивнул. Оглянулся на шестерых охранников за спиной. Спустился по лестнице и остановился. Посмотрел на флагшток. Стоявший прямо посреди заросшей квадратной лужайки перед зданием. Подойдя к флагштоку, Ричер остановился в крови Лодера и огляделся по сторонам.

Поселок Йорк был вымерший. Похоже, жизнь в нем остановилась уже какое-то время назад. И, нужно уточнить, ее здесь никогда, похоже, особенно и не было. Дорога пересекала поселок с севера на юг, и вдоль нее стояли четыре квартала – два с восточной стороны и два с западной. Здание суда, занимавшее весь юго-восточный квартал, стояло напротив другого, где раньше размещалась администрация округа. Это здание занимало юго-западный квартал. Западная сторона улицы была выше восточной. Поселок стоял на склоне холма. Основание здания администрации находилось приблизительно на одном уровне со вторым этажом здания суда. Когда-то оба здания были одного типа, но здание администрации уже давно превратилось в развалины, лет тридцать назад. Сквозь облупившуюся краску проступали серо-стальные доски. Ни в одном окне не осталось стекол. Окружающие здание кусты уже давно стали частью лесных зарослей. На лужайке перед ним стояло красивое дерево, давным-давно засохшее. От него теперь остался лишь пенек высотой футов семь, словно столб для казни.

Северные кварталы представляли ряды выцветших магазинов с заколоченными витринами. Когда-то простые прямоугольные строения скрывались за высокими красивыми фасадами, однако время и гниль выкрасили фасады в тот же самый грязно-бурый цвет, что и угловатые деревянные строения за ними. Вывески над дверями полностью стерлись. На тротуарах не было ни души. Ни машин, ничего. От поселка остался один призрак. Он внешне напоминал заброшенное ковбойское поселение на Диком Западе.

– Это был шахтерский городок, – объяснил Фаулер. – В основном здесь добывали свинец, но также и медь, а одно время неподалеку были две хорошие серебряные жилы. Тут делались неплохие деньги, это точно, черт побери.

– А что произошло дальше? – спросил Ричер.

Фаулер пожал плечами.

– Что происходит с шахтерскими городками? Запасы ископаемых иссякают, вот что. Пятьдесят лет назад люди регистрировали заявки вот в этом здании администрации округа так, словно никакого завтрашнего

дня не было, и оспаривали их вот в этом здании суда, а вдоль улицы стояли бары, банки и магазины. Затем вместо руды из забоев стали доставать одну пустую породу, и жители перебрались на новое место, оставив после себя вот это.

Фаулер обвел печальным взором вымерший городок, и Ричер последовал его примеру. Затем он перевел взгляд на пару градусов выше и посмотрел на высокие горы, темнеющие на горизонте. Величественные и безучастные, они до сих пор сохранили на своих вершинах снег, несмотря на то, что на дворе стояло третье июля. Перевалы были затянуты туманом, цеплявшимся за густые хвойные леса на склонах. Фаулер двинулся вперед, и Ричер последовал за ним по тропинке, уходящей за развалившееся здание администрации и дальше круто в гору. Охранники потянулись следом, вытянувшись в цепочку. Ричер догадался, что это была та самая тропинка, по которой он дважды спотыкался вчера в ночной темноте. Извиваясь между деревьев, тропинка взбиралась вверх. В рассеянном зеленоватом свете дня идти по ней было легче. Пройдя милю, маленький отряд преодолел по прямой где-то с полмили и вышел на поляну, куда вчера вечером приехал белый грузовик. Посреди поляны стоял небольшой караул, вооруженный и подтянутый. Однако белый грузовик исчез. Его куда-то отогнали.

– Мы называем эту поляну Бастионом, – объяснил Фаулер. – Это были самые первые акры, которые мы купили.

При свете дня место выглядело по-другому. Бастион представлял собой большую, аккуратную поляну, окруженную зарослями, которая уютно пристроилась в горной долине футах в трехстах над уровнем поселка. Края, ограничивающие поляну, не были творением рук человека. Их создал миллион лет назад огромный ледник, сползающий с полюса. С севера и запада поляну стискивали горы, вздымающиеся высокими пиками. Ричер снова увидел снег, нанесенный ветром в высокогорные ущелья на северных склонах. Если снег есть там в июле, он, наверное, лежит все двенадцать месяцев в году.

На юго-западе сквозь бреши среди деревьев в тех местах, где была проложена тропа, виднелся поселок. Ричер отыскал взглядом развалившееся здание окружной администрации и белое здание суда. Прямо на юге горный склон опускался вниз густым лесом. Там, где не было деревьев, землю рассекали непроходимые ущелья. Ричер молча смотрел на них. Фаулер указал рукой:

– Некоторые из них имеют в глубину до ста футов. Там полно лосей и большерогих баранов. И еще у нас тут бродят черные медведи. Кое-кто из наших видел кугуаров. Их крики можно слышать ночью, когда становится совсем тихо.

Кивнув, Ричер вслушался в оглушающую тишину. Пытаясь представить себе, как это ночью может быть еще тише. Обернувшись, Фаулер ткнул рукой туда и сюда.

– Это то, что построили мы. Пока что.

Ричер кивнул. На поляне стояли десять зданий. Просторные утилитарные деревянные строения, построенные из кедровых брусьев и толстой фанеры, на массивных бетонных блоках. К каждому строению подходил толстый кабель электропитания.

– Электроэнергия поступает из города, – объяснил Фаулер. – Кабель имеет в длину больше мили. А вода подается из чистого горного озера по пластмассовому трубопроводу, проложенному силами наших людей.

Ричер увидел домик, в котором провел взаперти почти всю ночь. Размерами он был меньше остальных.

– Здание администрации, – сказал Фаулер.

На крыше одного из строений возвышалась штыревая антенна длиной футов шестьдесят. Коротковолновая радиостанция. И от Ричера не укрылся тонкий провод, примотанный к силовому кабелю. Извиваясь, провод скрывался в здании с антенной и больше не появлялся.

– Вы подключены к телефонной сети? – спросил Ричер. – Разумеется, ваш номер не зарегистрирован?

Фаулер проследил взглядом, куда он указывает.

– Ты имеешь в виду эту телефонную линию? Она идет из Йорка вместе с силовым кабелем. Но телефонной сети у нас нет, так как в этом случае всемирное правительство прослушивало бы наши переговоры.

Он жестом предложил Ричеру проследовать за ним в здание с антенной, где заканчивался телефонный провод. Они протиснулись в узкую дверь. Фаулер гордо развел руки.

– Связной центр.

Полутемное помещение имело размеры футов двадцать на двенадцать.

Внутри находились двое: один, склонившись перед магнитофоном, прослушивал что-то через наушники, другой медленно вращал ручку настройки сканера радиочастот. Вдоль обеих длинных стен тянулись грубые деревянные столы. Подняв взгляд, Ричер увидел телефонный кабель, уходящий в просверленное в стене отверстие. К кабелю был подключен модем. От модема шли провода к двум настольным компьютерам.

– Независимый народный интернет, – объяснил Фаулер.

Второй провод, обходивший компьютеры, был подключен к факсу. Тихо жужжа, аппарат медленно выдавал свиток бумаги.

– Патриотическая факсимильная связь, – с гордостью произнес Фаулер.

Кивнув, Ричер подошел ближе. Факс стоял на столике рядом еще с одним компьютером и большим коротковолновым передатчиком.

– Это независимые средства массовой информации. Через эту аппаратуру мы получаем правду обо всем, что происходит в Америке. Никаким другим путем эту правду получить нельзя.

Еще раз оглядевшись вокруг, Ричер пожал плечами.

– Я хочу есть. Это правда обо мне. Я не ужинал и не завтракал. У вас здесь где-нибудь можно достать кофе?

Фаулер усмехнулся.

– Конечно. Столовая работает весь день. За кого ты нас принимаешь? За скопище дикарей?

Отпустив шестерых охранников, он жестом пригласил Ричера следовать за собой. Столовая размещалась по соседству с центром связи. Здание имело вчетверо большие размеры: вдвое длиннее и вдвое шире. Над крышей возвышалась труба, сделанная из сверкающего металла. Внутри ровными рядами были расставлены грубые столы на козлах, под которые были аккуратно задвинуты скамейки. В воздухе стоял запах старой пищи и пыли, каким отличаются все большие общественные помещения.

В столовой работали три женщины. Они мыли столы. Все были в оливковой форме, у всех были длинные, чистые волосы, лица, не тронутые косметикой, и красные руки. И никаких украшений. При появлении Фаулера и Ричера женщины оторвались от работы. Сбившись в кучку, они уставились на вошедших. Ричер узнал одну из них, которую видел в зале суда. Женщина осторожно кивнула, показывая, что тоже узнала его. Фаулер шагнул вперед.

– Наш гость пропустил завтрак.

Осторожная женщина снова кивнула.

– Конечно. Чем вас угостить?

– Чем угодно, если только это можно будет запить кофе.

– Подождите пять минут, – попросила женщина.

Она увела своих подруг через дверь в пристройку, в которой располагалась кухня. Фаулер сел за стол, Ричер устроился напротив.

– Три раза в день это помещение используется для трапез, – сказал Фаулер. – Остальное время, днем и, в основном, вечером оно используется как место общих встреч. Бо взбирается на стол и объясняет всем, что нужно делать.

– А где сейчас Бо? – спросил Ричер.

– Ты обязательно увидишься с ним перед своим отъездом, – заверил его Фаулер. – Можешь в этом не сомневаться.

Кивнув, Ричер устремил взгляд в окно на горы. С новой точки он смог заглянуть гораздо дальше, миль на пятьдесят. Казалось, темная неровная полоса повисла в чистом, прозрачном воздухе между небом и землей. Тишина по-прежнему стояла величественная.

– А где весь народ? – наконец спросил Ричер.

– Работают. Работают и учатся.

– Работают? Над чем?

– Укрепляют южный рубеж, – объяснил Фаулер. – В нескольких местах ущелья недостаточно глубоки. Через них могут пройти танки. Ты знаешь, что такое засека?

Ричер всем своим видом изобразил недоумение. Разумеется, он знал, что такое засека. Это знал любой выпускник академии Вест-Пойнт. Однако Ричер не собирался показывать Фаулеру, что именно ему известно. Поэтому он просто изобразил недоумение.

– Для этого надо повалить часть деревьев, – подождав, начал объяснять Фаулер. – Срубить каждое пятое или шестое дерево. И повалить их кроной от врага. В здешних местах в основном растут дикие сосны, у них ветви направлены вверх, так? Поэтому когда они упадут, ветви будут направлены от врага. Танк наезжает на подрубленный конец ствола, пытается сдвинуть его, но ветви цепляются за стволы тех деревьев, что остались стоять. Танку приходится двигать уже не одно, а два или три дерева. Затем четыре или пять. А это уже невозможно. Такое не сможет сделать даже тяжелый танк вроде «Абрамса». Газотурбинный двигатель мощностью тысяча пятьсот лошадиных сил, масса шестьдесят три тонны – и такая махина застрянет, пытаясь сдвинуть столько деревьев. Даже если сюда перебросят тяжелые русские танки и применят их против нас, все равно ничего не получится. Это и есть засеки, Ричер. На нашей стороне будет сила самой природы. Никто не сможет пробраться через поваленные деревья, это точно. Русские использовали этот прием

против Гитлера под Курском во время Второй мировой войны. Старая хитрость коммунистов. Но теперь мы обратим ее против них самих.

– А что насчет пехоты? – спросил Ричер. – Танки ведь придут не одни. С ними будет пехота. Саперы пойдут впереди танков и взорвут деревья.

Фаулер ухмыльнулся.

– Попытаются. Но быстро успокоятся. Потому что в пятидесяти ярдах к северу от засек мы поставим пулеметы. Пулеметы зальют пехоту свинцом.

В зал вернулась осторожная женщина с подносом в руках. Она поставила поднос перед Ричером. Яичница, бекон жареная картошка, бобы – все это в эмалированной миске. Железная кружка с дымящимся кофе. Дешевые столовые приборы.

– Угощайтесь.

– Спасибо, – поблагодарил ее Ричер.

– А мне кофе не положено? – спросил Фаулер.

Осторожная женщина указала на кухню.

– Наливайте сами.

Бросив на Ричера взгляд, полный мужской солидарности, Фаулер прошел в противоположную часть зала и нырнул в дверь. Проводив его взглядом, женщина положила руку Ричеру на плечо.

– Мне нужно с вами поговорить, – прошептала она. – Встретимся сегодня вечером после сигнала гашения огней. Я буду ждать вас за дверью кухни, хорошо?

– Говорите сейчас, – прошептал в ответ Ричер. – К тому времени меня, возможно, здесь уже не будет.

– Вы должны нам помочь…

В зал вернулся Фаулер, и глаза женщины затянул туман страха. Выпрямившись, она заторопилась на кухню.

* * *

Каждая из длинных труб каркаса кровати крепилась шестью болтами. Два держали раму с сеткой, на которой лежал матрас. Еще два с каждого конца крепили длинную трубу к прямоугольным фланцам на ножках. Холли долго изучала всю конструкцию и наконец придумала, как ей облегчить себе работу. Можно будет оставить один из фланцев привинченным к одному концу. Так на длинной трубе получится

прочный уголок. Это будет лучше, чем полностью отделять фланец, а затем забивать его в открытый конец трубы. Прочнее.

Однако, все равно оставалось отвинтить шесть болтов. Фланец придется отвинчивать от ножки. Так будет лучше, но не быстрее. Холли работала быстро. Нет оснований сомневаться в том, что Джексон подведет, однако его шансы на успех уменьшились. Уменьшились значительно.

* * *

Следом за столовой шли жилые бараки. Четыре просторных здания, безупречно чистые и пустые. Два предназначались для холостых мужчин и незамужних женщин. Два других были разделены внутри фанерными перегородками. Там жили семьи: взрослые по двое в небольших клетушках за перегородками, дети вместе в общих спальных комнатах. Узкие железные койки были расставлены аккуратными рядами. Ни рисунков на стенах, ни игрушек. Единственным украшением был рекламный туристический плакат, изображающий Вашингтон. Столица была сфотографирована с воздуха, с северной стороны, в солнечный весенний день. На переднем плане справа был виден Белый дом, в середине Центральный бульвар, а слева вдалеке Капитолий. Плакат был заключен в пластик, а рекламный лозунг закрыт листом бумаги, на котором была выведена от руки новая надпись: «Это ваш враг».

– А где сейчас дети? – поинтересовался Ричер.

– В школе, – объяснил Фаулер. – Зимой они учатся в зале столовой. Летом уходят в лес.

– Чему они учатся?

Фаулер пожал плечами.

– Всему тому, что может им пригодиться.

– А кто решает, что им может пригодиться? – спросил Ричер.

– Бо. Все решения принимает он.

– И что, по мнению Бо, должны знать дети?

– Он исследовал этот вопрос очень тщательно. Все свелось к изучению библии, конституции, истории, а также к физической подготовке, навыкам охоты и выживания в лесу и знакомству с различными видами оружия.

– И кто учит всему этому?

– Женщины.

– Детям здесь нравится?

Фаулер снова пожал плечами.

– Они здесь не для того, чтобы им нравилось. Они здесь для того, чтобы выжить.

Следующая постройка была пустой, если не считать одинокого компьютера на столе в углу. Ричер обратил внимание на большой замок, блокирующий клавиатуру.

– Наверное, это можно назвать нашим казначейством, – объяснил Фаулер.

– Все наши средства хранятся в банке на Каймановых островах. Когда у нас возникает необходимость, мы с помощью компьютера переправляем деньги туда, куда нужно.

– И сколько их у вас?

Фаулер заговорщически улыбнулся.

– До хрена. Двадцать миллионов в акциях на предъявителя. Минус то, что мы уже успели потратить. Но все равно осталось очень много. Так что можешь не беспокоиться, денег нам хватит.

– Они краденые? – спросил Ричер.

Покачав головой, Фаулер усмехнулся.

– Трофейные. Захвачены у врага. Двадцать миллионов.

В двух последних строениях размещались склады. Одно стояло рядом с крайним жилым бараком. Другое находилось чуть поодаль. Фаулер провел Ричера в ближайшее. Оно было заполнено всевозможными припасами. Вдоль одной стены стояли огромные пластмассовые бочки с водой.

– Бобы, боеприпасы и бинты, – сказал Фаулер. – Это девиз Бо. Рано или поздно мы окажемся в кольце осады. В этом можно не сомневаться. И нет никаких сомнений по поводу того, что сделает правительство в первую очередь, так? В озеро, питающее нас водой, будут выпущены артиллерийские снаряды с бациллами чумы. Поэтому мы запасли питьевую воду. Двадцать четыре тысячи галлонов. Об этом мы позаботились в первую очередь. Еще у нас есть консервы, их хватит на пару лет. Конечно, этого недостаточно, если наше население значительно увеличится за счет тех, кто к нам придет, и все же для начала неплохо.

Склад был забит до отказа. Вдоль одной стены от пола до потолка лежала одежда. Знакомая камуфляжная форма, высокие ботинки армейского образца. Вся одежда выстирана и выглажена в какой-нибудь военной прачечной, упакована в тюки и продана на вес.

– Не хочешь переодеться? – предложил Фаулер.

Ричер собрался было пойти дальше, но затем взглянул на то, что было на нем надето. Эти вещи он не снимая носил с понедельника. Трое суток с лишним. Одежда и прежде была далеко не лучшей, и длительная носка не пошла ей на пользу.

– Хочу.

Самые большие размеры лежали внизу стопки. Фаулер, кряхтя, вытащил штаны, рубашку и куртку. Начищенные ботинки Ричер сразу же отставил. Своя обувь нравилась ему больше. Скинув с себя одежду, он натянул новые штаны, прыгая на одной ноге на крашеном деревянном полу. Застегнув рубашку на все пуговицы, надел куртку. Вещи оказались ему впору. Ричер не стал искать зеркало. Он и так слишком хорошо знал, как на нем сидит военная форма. Ему пришлось проходить в ней достаточно долго.

У самой двери на полках были разложены медикаменты. Аптечки первой помощи, антибиотики, перевязочные средства. Все организовано так, чтобы любую вещь можно достать быстро. Аккуратные стопки, разделенные пустым пространством. Судя по всему, Боркен учил своих людей быстро забегать на склад, хватать нужные препараты и оказывать первую помощь.

– Бобы и бинты, – заметил Ричер. – А где же боеприпасы?

Фаулер кивнул на постройку, стоявшую поодаль.

– Арсенал там. Сейчас я тебе его покажу.

Сарай, в котором размещался арсенал, оказался более просторным, чем склад одежды и продовольствия. На двери огромный замок. Внутри было столько всевозможного оружия, сколько Ричер не видел уже очень давно. Сотни винтовок и пулеметов, расставленных ровными рядами. Повсюду запах свежей смазки. Ящики с патронами, стоящие от пола до потолка. Знакомые деревянные коробки с гранатами. Полки, наполненные пистолетами и револьверами. Ничего кроме стрелкового оружия, но все равно зрелище было впечатляющим.

* * *

Два болта, крепившие основание сетки, представляли собой наименьшую проблему. Они были самыми маленькими. Вся нагрузка приходилась на большие болты, которыми была соединена рама.

Основание сетки просто лежало сверху. Болты, крепившие его, не были несущими. Кровать держалась бы и без них.

Холли отскоблила краску до голого металла. Нагрела болты полотенцем, смоченным горячей водой. Затем сняла с костыля резиновый наконечник и расплющила трубку в овал. Усилием пальцев плотно прижала овал к головке болта. Взялась за рукоятку и повернула весь костыль словно огромный торцевой ключ. Трубка соскользнула с болта. Тихо выругавшись, Холли одной рукой крепче стиснула сплющенную трубку. Снова налегла на рукоятку костыля, поворачивая его. Болт сдвинулся с места.

* * *

От группы деревянных строений на север вела утоптанная тропинка. Фаулер повел Ричера по ней. Тропинка привела к стрельбищу. Стрельбище представляло собой вытянутую ровную полосу, тщательно очищенную от деревьев и кустарника. Сейчас здесь не было ни души. Та же самая бесконечная тишина. Стрельбище было шириной всего двадцать ярдов, однако в длину оно имело больше полумили. В одном конце лежали маты, на которые ложились стрелки; вдалеке Ричер разглядел мишени. Он не спеша направился к ним. Мишени оказались обычными, армейского образца: силуэты бегущих и стоящих солдат, вырезанные из фанеры. Такие использовались еще во время Второй мировой войны. На мишенях грубые изображения солдат в форме вермахта, с надвинутыми на лоб касками и дикими оскалами. Но, подойдя ближе, Ричер разглядел, что эти мишени обладают еще одной доработкой. На груди красовались желтые полоски с надписями. В каждой надписи по три буквы. Четыре мишени были помечены: «ФБР». Еще четыре: «АТФ»[1]. Мишени были расставлены начиная с трехсот ярдов и до восьмисот. Ближайшие к огневому рубежу зияли многочисленными пулевыми отверстиями.

– Каждый должен попадать в мишень на расстоянии трехсот ярдов, – объяснил Фаулер. – Таково одно из обязательных требований к нашим гражданам.

Ричер пожал плечами. Услышанное не произвело на него никакого впечатления. Поразить такую мишень с трехсот ярдов – в этом нет ничего сложного. Он направился дальше. Мишени, стоявшие на расстоянии четырехсот ярдов, также были повреждены в значительной степени. На дистанции пятьсот ярдов – уже существенно меньше. На дистанции шестисот ярдов Ричер насчитал в мишенях восемнадцать пробоин, на семистах ярдах – только семь, на восьмистах – всего две.

– Давно поставлены эти мишени? – спросил он.

Фаулер пожал плечами.

– Где-то с месяц назад. Быть может, два. Мы постоянно совершенствуемся.

– Это вы правильно делаете.

– Но мы не рассчитываем вести огонь на таком большом расстоянии, – продолжал Фаулер. – Бо уверен, что войска ООН придут ночью. Когда, по их прикидкам, мы будем спать. Бо считает, им удастся вклиниться в наши позиции. Где-нибудь на полмили. Я так не думаю, но Бо человек очень осторожный. И именно на нем лежит вся ответственность. Поэтому наша тактика будет состоять в том, чтобы осуществлять ночные обходные маневры. Окружать вклинившиеся группировки войск ООН в лесу и уничтожать их перекрестным огнем. В упор, без промаха, так? И наши люди готовы к этому. Они могут быстро и бесшумно перемещаться в лесу в полной темноте. Без света, без звука – с этим у нас нет никаких проблем.

Ричер задумчиво посмотрел на лес, вспоминая внушительный арсенал, который ему только что довелось посмотреть. Вспоминая хвастливые заверения Боркена: непреодолимая преграда. Размышляя о том, с какими проблемами сталкивается армия, которой приходится сражаться с повстанцами в труднодоступной местности. Разумеется, действительно непреодолимых преград на свете не бывает, однако овладение этой долиной может сопровождаться весьма значительными потерями.

– Полагаю, сегодня утром ты пережил несколько неприятных минут, – сказал Фаулер.

Ричер недоуменно посмотрел на него.

– Я имею в виду то, что произошло с Лодером.

Ричер пожал плечами. Подумав: «Это избавило меня от лишних хлопот.»

– Нам необходимо поддерживать железную дисциплину, – продолжал Фаулер. – Всем молодым государствам приходится пройти через это. Жесткие законы, строгая дисциплина. Бо внимательно изучил этот вопрос. В настоящий момент это имеет очень большое значение. Но, наверное, тебе пришлось пережить несколько неприятных минут.

– Это ты должен был пережить несколько неприятных минут. Ты когда-нибудь слышал об Иосифе Сталине?

– Советский диктатор, – кивнул Фаулер.

– Совершенно верно. Он тоже занимался тем же самым.

– Чем?

– Устранял потенциальных соперников, – объяснил Ричер. – На основе сфабрикованных обвинений.

Фаулер покачал головой.

– Все обвинения были обоснованными. Лодер совершил много ошибок.

Ричер пожал плечами.

– Он неплохо справился с порученным заданием.

Фаулер отвел взгляд.

– Следующим будешь ты, – продолжал Ричер. – Берегись! Рано или поздно окажется, что ты тоже совершил какую-то ошибку.

– Мы с Бо знаем друг друга очень давно, – буркнул Фаулер.

– То же самое мог сказать и Лодер, верно? Стиви можно ничего не опасаться. Он не представляет никакой угрозы. Слишком глуп. А тебе следовало бы задуматься. Ты будешь следующим.

Фаулер ничего не ответил. Снова молча отвернулся. Они прошли назад по заросшей травой полоске. Свернули на другую тропу, ведущую на север. Сошли с нее, пропуская длинную цепочку детей, шедших навстречу. Они шли парами, мальчики и девочки; одна женщина в камуфляже шла впереди, другая замыкала шествие. Все дети были одеты в перешитую военную форму. Каждый держал в правой руке длинную палку. Лица были равнодушными и покорными. У девочек были неухоженные длинные волосы; все мальчики были стрижены «под горшок». Ричер проводил детей взглядом. Те прошли мимо, смотря прямо перед собой. Никто не осмелился даже мельком взглянуть на Ричера.

Новая тропинка уходила вверх в гору через узкий пояс деревьев и вела к ровной площадке ярдов пятьдесят в длину и пятьдесят в ширину. Выровненной вручную. По периметру были уложены через равные промежутки выкорчеванные валуны, выкрашенные белой краской. Площадка была пустынна.

– Это наш плац, – угрюмо произнес Фаулер.

Кивнув, Ричер огляделся по сторонам. С севера и запада высокие горы. С востока густой девственный лес. На юге, за поселком, за полосками деревьев вдалеке виднелись ущелья. Холодный ветер, распахнув Ричеру новую куртку, забрался под новую рубашку, и он поежился.

* * *

Справиться с большими болтами оказалось гораздо сложнее. Площадь соприкосновения металла с металлом значительно больше. Значительно

больше количество краски, которую требовалось отскоблить. Для того, чтобы стронуть болты с места, нужно было приложить значительно большую силу. Однако чем больше силы прикладывала Холли, тем больше смятый конец трубки соскальзывал с болта. Сняв туфлю, Холли использовала ее в качестве молотка, придавая мягкому алюминию форму головки болта. Затем стиснула трубку пальцами. Стиснула с такой силой, что тонкие сухожилия запястья вздулись канатами, а лицо взмокло от пота. Потом Холли, затаив дыхание, повернула костыль, гадая, что не выдержит первым – ее пальцы или болт.

* * *

Ветер, забравшийся Ричеру под рубашку, также донес слабые звуки. Оглянувшись на Фаулера, Ричер повернулся лицом к западному краю плаца. Увидел людей, пробирающихся между деревьев. Цепочка бойцов, выскочивших из леса.

Они выбежали на открытое место, шестеро мужчин, с автоматическими винтовками через плечо. Камуфляжная форма, бороды. Те самые шестеро человек, что сегодня утром стояли рядом со скамьей судьи. Личная охрана Боркена. Ричер скользнул взглядом по лицам. Молодой парень со шрамом был крайним слева. Джексон, внедренный агент ФБР. Постояв на месте, бойцы побежали дальше. Через плац к Ричеру. При их приближении Фаулер отступил назад, оставив Ричера одного. Пятеро бойцов рассыпались веером. Пять винтовок нацелились Ричеру в грудь. Шестой подошел к Фаулеру. Честь не отдал, однако в его движениях сквозила почтительность, что было более или менее тем же самым.

– Бо хочет, чтобы этого типа вернули назад, – сказал боец. – Срочно.

– Забирайте его, – кивнул Фаулер. – Он уже начал мне надоедать.

Дула винтовок заставили Ричера занять место посередине маленького конвоя, и шестеро бойцов быстро повели его на юг сквозь узкую полосу деревьев. Миновав стрельбище, они прошли по тропинке к Бастиону. Затем повернули на запад и, обогнув арсенал, углубились в лес, ведущий к дому командира. Ричер ускорил шаг. Оторвался вперед. Зацепился ногой за корень и грузно свалился на камни. Первым к нему подскочил Джексон. Ричер разглядел шрам на лбу. Джексон схватил его за руку.

– В чикагском отделении предатель, – выдохнул Ричер.

– Живо поднимайся, козел! – крикнул на него Джексон.

– Бегите сегодня же ночью, – продолжал шепотом Ричер. – И максимум осторожности, хорошо?

Посмотрев ему в глаза, Джексон ответил едва заметным пожатием руки. Затем рывком поднял Ричера на ноги и толкнул его вперед на небольшую поляну. В дверях дома командира стоял Бо Боркен. Он был в

мешковатом мундире камуфляжной расцветки, грязном и мятом. Как будто ему только что пришлось заниматься физическим трудом. Боркен уставился на приближающегося Ричера.

– Вижу, тебе выдали новую одежду, – заметил он.

Ричер молча кивнул.

– Так что позволь извиниться за свой внешний вид, – продолжал Боркен.

– День выдался запряженный.

– Фаулер меня предупредил. Ты готовил засеки.

– Засеки? – переспросил Боркен. – Точно.

Он умолк. Его большие белые руки сжимались и разжимались.

– Твоя миссия отменяется, – тихо произнес Боркен.

– Вот как? – спросил Ричер. – Почему?

Оторвав свою тушу от двери, Боркен шагнул вперед. Взгляд Ричера был прикован к его горящим глазам, и он не увидел надвигающегося удара. Боркен ударил его в живот – большой, сильный кулак, за которым стояли четыреста фунтов веса. Ричер рухнул словно поваленное дерево, и Боркен обрушил ногу ему на спину.

Глава 28

– Его фамилия Джексон, – сказал Уэбстер.

– Давно он там? – спросил Милошевич.

– Почти год.

Одиннадцать часов утра, четверг, третье июля, авиабаза Петерсон. Начальник отделения в Квантико пересылал материалы по защищенной линии связи ВВС так быстро, как только это позволяли факсы. Милошевич и Броган выхватывали еще теплые листы и передавали их Уэбстеру и Макграту. За столом напротив генерал Джонсон и его адъютант изучали подробную карту северо-западной части Монтаны.

– У вас есть внедренные агенты во всех таких группах? – спросил Джонсон.

Покачав головой, Уэбстер усмехнулся.

– Далеко не во всех. Групп слишком много, людей недостаточно. Полагаю, нам просто повезло.

– А я и не подозревал, что там есть наш человек, – заметил Броган.

Уэбстер продолжал улыбаться.

– Есть много таких вещей, о которых ничего не известно многим, – сказал он. – Так гораздо спокойнее, правда?

– И что говорит этот Джексон? – спросил Броган.

– Он упоминал про Холли? – подхватил Джонсон.

– Он объяснил, что это за чертовщина? – добавил Милошевич.

Шумно выдохнув, Уэбстер махнул рукой на пачку скрученных свитков, вышедших из факса. Макграт торопливо их разбирал. Раскладывая листы в две стопки. В одной были обычные донесения, в другой – особо важные сведения. Первая стопка получалась большой. Во второй пока что было всего несколько листков.

– Мак, какие выводы? – спросил Уэбстер.

Макграт пожал плечами.

– Пока что ничего особенного.

Генерал Джонсон изумленно вытаращился на него.

– Ничего особенного?

Уэбстер кивнул.

– Да, все это совершенно нормально. Подобные незаконные вооруженные формирования есть по всей стране. Вот почему мы не можем присматривать за всеми. Их слишком много, черт побери. По последним подсчетам, свыше четырехсот, и они есть во всех пятидесяти штатах. В основном, безобидные дилетанты, но некоторые группировки, на наш взгляд, занимаются откровенно подрывной антигосударственной деятельностью.

– Ну а эта шайка? – спросил Джонсон.

Макграт повернулся к нему.

– К этой шайке следует относиться серьезно. Сто с лишним человек, спрятавшихся в лесу. Прекрасно вооруженных, прекрасно организованных, полностью самодостаточных. И к тому же прекрасно финансируемых. Джексон докладывал о мошенничествах с почтовыми переводами, фиктивных банковских займах, фальшивых деньгах, в небольших количествах и невысокого качества. Вероятно, за этими ребятами также числится вооруженное ограбление. Есть подозрения, что именно они похитили акций на предъявителя на двадцать

миллионов во время нападения на инкассаторский автомобиль на севере Калифорнии. И, разумеется, они продают книги и видеофильмы с пособиями своим собратьям-дилетантам, наложным платежом. Сейчас подобного рода деятельность переживает настоящий бум. И, естественно, молодчики упрямо не желают платить налоги, регистрировать свои машины и вообще делиться своими деньгами с государством.

– По сути дела, им принадлежит власть в округе Йорк, – подытожил Уэбстер.

– Как такое стало возможным? – удивился Джонсон.

– Потому что другой власти в округе нет. Вы там бывали? Я – нет. Джексон докладывает, что городок опустел. Местные жители покинули его, давным-давно. По словам Джексона, во всем округе их осталось не больше пары десятков, разбросанных на сотни миль безлюдной территории: разорившиеся фермеры, оставшиеся без работы шахтеры, в основном, старики. Никакой эффективной власти нет. Боркен просто заявился туда и прибрал все к своим рукам.

– Он называет это экспериментом, – продолжал Макграт. – Прототипом государства нового типа.

Джонсон кивнул.

– Но при чем тут Холли?

Сложив бумаги в стопку, Уэбстер прижал их рукой.

– Джексон не упоминал про нее. Последний раз он выходил на связь в понедельник, в тот день, когда Холли похитили. Он сообщил, что Боркен строит тюрьму. Можно предположить, именно для Холли.

– Как этот Джексон держит связь? – спросил Броган. – По радио?

Уэбстер кивнул.

– У него в лесу спрятан передатчик. Когда у Джексона появляется возможность, он уходит якобы побродить в лес и выходит на связь. Вот почему сеансы получаются эпизодическими. В среднем Джексон докладывает раз в неделю. У него еще мало опыта, и ему приходится быть очень осторожным. Мы предполагаем, он находится под наблюдением. Да, этот Боркен строит «славный новый мир», черт побери.

– А мы сами можем связаться с Джексоном? – спросил Милошевич.

– Ты шутишь, – сказал Уэбстер. – Мы можем только сидеть и ждать.

– С кем он поддерживает связь? – спросил Броган.

– С агентом в Бютте, штат Монтана.

– Так что же нам делать? – спросил генерал Джонсон.

Уэбстер пожал плечами. Наступила тишина.

– Пока что ничего, – наконец сказал Уэбстер. – Мы должны определить свою позицию.

В комнате снова наступила тишина. Уэбстер не отрывал взгляда от Джонсона. Оба они были государственными чиновниками, и этот взгляд красноречиво говорил: «вы же знаете, каковы правила». Джонсон молча выдержал взгляд директора ФБР. Его лицо оставалось непроницаемым. Наконец он едва заметно кивнул головой. Достаточно, чтобы ответить: «знаю».

Адъютант Джонсона кивнул, привлекая к себе внимание.

– К северу от Йорка у нас были дислоцированы ракеты, – сказал он. – Как раз сейчас их перебрасывают на юг, как раз через те места. Быть может, задействовать их?

Броган поспешно покачал головой.

– Это противозаконно. Армию запрещается привлекать к операциям правоохранительных органов.

Не обращая на него внимания, Уэбстер выжидательно посмотрел на генерала. Это были его подчиненные, а Холли была его дочь. Ответ должен был исходить от него самого.

В затянувшейся тишине Джонсон покачал головой.

– Нет. Нам нужно время на то, чтобы составить план действий.

Адъютант развел руками.

– План мы составим. У нас есть двусторонняя радиосвязь. Генерал, нельзя упускать такую возможность!

– Это противозаконно, – повторил Броган.

Джонсон ничего не ответил. Он напряженно думал. Макграт, порывшись в стопке бумаг, достал сообщение о динамите в стенах камеры Холли. Положил его на стол текстом вниз. Но генерал снова покачал головой.

– Нет. Двадцать человек против сотни? Эти ребята не из строевой части. Они вообще не из пехоты. И от их «Стингеров» нам не будет никакого толка. Полагаю, у террористов нет авиации, так? Нет, нам остается

только ждать. Пусть эти ракетчики как можно скорее выходят сюда. В столкновения не ввязываться.

Адъютант пожал плечами; Макграт убрал листок в стопку. Обведя взглядом присутствующих, Уэбстер легонько хлопнул ладонями по столу.

– Я отправляюсь в Вашингтон, – сказал он. – Чтобы определиться с нашей позицией.

Джонсон пожал плечами. Он прекрасно понимал, что без визита в Вашингтон и определения позиций ничего начинать нельзя. Уэбстер повернулся к Макграту.

– Вы трое отправляйтесь в Бютт. Устраивайтесь там. Если этот Джексон выйдет на связь, предупредите его, чтобы был максимально осторожным.

– Мы можем перебросить вас в Бютт вертолетом, – предложил адъютант.

– И нам нужно установить наблюдение, – продолжал Уэбстер. – Можно попросить военную авиацию организовать полеты разведывательных самолетов над Йорком?

Джонсон кивнул.

– Самолеты с телекамерами будут находиться в воздухе круглосуточно. Видеоизображение в реальном времени будет передаваться в Бютт. Вы сможете видеть, как пукает крыса.

– И больше никаких действий, – добавил Уэбстер. – Никаких.

Глава 29

Холли услышала шаги в коридоре в тот самый момент, когда наконец поддался последний, шестой болт. Шаги легкие. Это не Джексон. Не мужчина, крадущийся осторожно. Женщина, идущая нормально. Шаги остановились за дверью. Последовала небольшая пауза. Холли положила длинную трубку на раму. В замке зашерудил ключ. Холли уложила матрас на место. Поспешно прикрыла его простыней. Еще одна пауза. Наконец дверь открылась.

В комнату вошла женщина. Внешне такая же, как все: белая, худая, длинные прямые волосы, грубое, обветренное лицо, никакой косметики, никаких украшений, красные руки. Женщина держала в руках поднос, прикрытый белой салфеткой. Оружия у нее не было.

– Обед, – объявила она.

Холли кивнула. У нее учащенно забилось сердце. Женщина постояла в дверях, держа поднос в руке, и осмотрелась кругом, удивленно разглядывая новые стены из сосновых досок.

– Куда поставить? – спросила она. – На кровать?

Холли покачала головой.

– На пол.

Нагнувшись, женщина поставила поднос на пол.

– Думаю, вам не помешал бы стол. И стул.

Взглянув на столовые приборы, Холли подумала: «Инструмент.»

– Хотите, я принесу сюда стул? – предложила женщина.

– Нет.

– Знаете, а мне бы не помешал, – сказала женщина. – Мне нужно находиться здесь и ждать, пока вы будете есть. Следить за тем, чтобы вы не украли столовое серебро.

Рассеянно кивнув, Холли обошла вокруг женщины. Взглянула на открытую дверь. Поймав ее взгляд, женщина усмехнулась.

– Отсюда бежать некуда. Здесь вокруг на много миль ничего нет, и по пути непроходимая местность. Пойдете на север, недели через две доберетесь до Канады – если только по дороге найдете достаточно кореньев, ягод и жучков, чтобы не умереть с голоду. Пойдете на запад, придется переплывать через реку. На востоке заблудитесь в лесу или попадете в лапы медведю, но даже если этого не произойдет, до цивилизации добираться целый месяц. Пойдете на юг, мы вас подстрелим. Граница охраняется часовыми. У вас не будет ни шанса.

– Дорога блокирована? – спросила Холли.

Женщина усмехнулась.

– Мы взорвали мост. Никакой дороги больше нет.

– Когда? Мы же проезжали по мосту.

– Только что. Вы ничего не слышали? Хотя да, через такие стены ничего не услышишь.

– А как же Ричер выберется отсюда? – спросила Холли. – Он ведь должен был доставить какое-то послание.

Женщина снова усмехнулась.

– План изменился. Миссия отменяется. Ричер никуда не едет.

– Почему?

Женщина пристально посмотрела ей в глаза.

– Мы выяснили, что произошло с Питером Беллом.

Холли умолкла.

– Его убил ваш Ричер, – продолжала женщина. – Задушил. В Северной Дакоте. Нас только что известили об этом. Но, полагаю, вам все это и так хорошо известно, правда?

Холли молча смотрела на нее. Думая: «Ричер попал в беду.» Она мысленно увидела его, в наручниках, одного.

– Как вы это узнали? – тихо спросила она.

Женщина пожала плечами.

– У нас много друзей.

Холли не отрывала от нее взгляда. Думая: «Это предатель. Всем уже известно, что мы были в Северной Дакоте. Достаточно взять карту и линейку, чтобы сообразить, где мы сейчас.» Она представила себе пальцы, бегающие по клавиатуре компьютера, фамилию Джексон, появляющуюся на экране.

– И что теперь будет с Ричером? – спросила Холли.

– Жизнь за жизнь. Таков наш закон. Это относится ко всем, в том числе и к вашему дружку Ричеру.

– Но что с ним будет? – повторила Холли.

Женщина рассмеялась.

– Особого воображения не требуется. Впрочем, возможно, и требуется. Не думаю, что на этот раз все ограничится чем-то простым.

Холли покачала головой.

– Это была самооборона. Тот тип пытался меня изнасиловать.

Женщина смерила ее презрительным взглядом.

– Какая же это самооборона? Питер ведь не его собирался насиловать, так? К тому же, ты, наверное, сама напросилась.

– Что? – с негодованием произнесла Холи.

– Небось, виляла перед ним хвостом! Знаем мы, как ведете себя вы, городские шлюхи! Бедный Питер, нарвался на такую стерву!

Холли долго смотрела на нее. Затем бросила взгляд на дверь.

– Где сейчас Ричер?

– Понятия не имею. Полагаю, прикован к какому-нибудь дереву. – Помолчав, она ухмыльнулась. – Но я знаю, куда он попадет. На плац. Подобные вещи обычно происходят именно там. Нам приказывают присутствовать при этой потехе.

Холли посмотрела на нее. Сглотнула комок в горле. Кивнула.

– Вы не поможете мне с кроватью? – спросила она. – С ней что-то случилось.

Женщина постояла в нерешительности. Затем прошла следом за Холли к кровати.

– И что с ней случилось?

Откинув одеяло, Холли сбросила матрас на пол.

– Кажется, болты ослабли.

– Где? – спросила женщина.

– Вот здесь.

Она схватила длинную трубку обеими руками. Выдернула ее вверх, замахнулась и опустила словно тупой меч женщине на голову. Фланец обрушился металлическим кулаком. Лопнула кожа, и аккуратный кусок черепа вошел внутрь и глубоко погрузился в головной мозг. Отшатнувшись назад, женщина повалилась вниз. Она умерла еще до того, как упала на пол.

Осторожно переступив через поднос с обедом, Холли спокойно заковыляла к открытой двери.

Глава 30

Гарланд Уэбстер добрался из Колорадо до центра имени Гувера к трем часам дня по восточному поясному времени. Поднявшись прямо к себе в кабинет, он проверил, какие его ждут сообщения. Затем позвонил, вызывая секретаршу.

– Машину.

Спустившись на личном лифте в гараж, Уэбстер встретил шофера. Вдвоем они прошли к лимузину.

– В Белый дом, – распорядился директор ФБР.

– Вам предстоит встреча с президентом, сэр? – удивленно спросил водитель.

Уэбстер скорчил гримасу. Нет, ему не предстояла встреча с президентом. Вообще с президентом он видится крайне редко. И незачем напоминать ему об этом – а проклятый водитель, похоже, был несказанно изумлен самой возможностью подобной встречи.

– С генеральным прокурором, – раздраженно бросил Уэбстер. – В настоящий момент она находится именно там.

Водитель молча кивнул. Мысленно выругал себя за то, что раскрыл рот. Постарался вести машину как можно более плавно. Расстояние между центром имени Гувера и Белым домом составляет ровно тысячу шестьсот ярдов. Меньше мили. Недостаточно даже для того, чтобы провернуть самое правое колесико на спидометре. Быстрее было бы пройти пешком. И дешевле. Для того, чтобы прогреть холодный восьмицилиндровый двигатель и протащить тысячу шестьсот ярдов бронированную махину, пришлось сжечь уйму бензина. Но директор ФБР не может никуда ходить пешком. Теоретически потому, что на него могут совершить покушение. Однако на самом деле во всем городе Уэбстера знали в лицо человек восемь. Он был еще одним обитателем столицы в сером костюме и неброском галстуке. Безликим. Неузнаваемым. Возможно, еще одна причина, по которой старина Уэбстер никогда не бывает в хорошем настроении, подумал водитель.

* * *

Уэбстер был достаточно хорошо знаком с Рут Розен, генеральным прокурором. Как-никак, она была его непосредственным начальником; однако директор ФБР узнал ее не во время личных встреч. Произошло это во время тщательной проверки прошлого, которую Бюро провело перед утверждением Розен на высокий государственный пост. Вполне возможно, Уэбстеру было известно о ней больше, чем кому бы то ни было из живущих на земле. Родные, друзья, сослуживцы Розен каждый знал ее с какой-то отдельной стороны. Уэбстер сложил все эти знания вместе и получил полную картинку. Досье на Розен, составленное ФБР, получилось размером с хороший роман. И в нем не было ничего такого, что вызывало бы у Уэбстера отрицательные чувства. Рут Розен провела в юриспруденции всю жизнь. Вначале ее взгляды были радикальными; она была адвокатом, имела хорошую практику, затем избиралась судьей. У правоохранительных органов не было причин жаловаться на нее, и в то же время Розен не доставала их мелочными придирками. Идеальная кандидатура на должность генерального прокурора, она прошла утверждение без каких-либо проблем. Затем, уже после назначения на новую должность, Розен показала себя хорошим начальником и

влиятельным союзником. Единственная неприятность заключалась в том, что она была на двенадцать лет моложе Уэбстера, очень красивая и несказанно более известная.

Встреча была назначена на четыре часа. Уэбстер застал Розен одну в небольшом кабинете, отделенную двумя этажами и восемью агентами спецслужб от Овального кабинета. Генеральный прокурор встретила его натянутой улыбкой и быстрым кивком.

– Что с Холли?

Уэбстер изложил ей все от начала до конца. Стиснув зубы, Розен внимательно выслушала его. К концу рассказа она была бледной как полотно.

– Вы абсолютно уверены, что она находится именно там?

Директор ФБР молча кивнул.

– Хорошо. Будьте добры, подождите здесь.

Она вышла. Уэбстер остался ждать. Десять минут, двадцать, полчаса. Он походил из угла в угол. Посмотрел в окно. Открыл дверь и выглянул в коридор. За дверью дежурил сотрудник спецслужб. Он шагнул вперед. Уэбстер покачал головой, отвечая на немой вопрос, и закрыл дверь. Сел и больше не вставал.

Рут Розен отсутствовала час. Вернувшись, она закрыла за собой дверь. Остановилась у порога, в ярде от двери, бледная, учащенно дыша, с выражением шока на лице. Она ничего не сказала. Дала Уэбстеру возможность понять, что возникли какие-то серьезные проблемы.

– В чем дело? – не выдержал он.

– Меня вывели из игры.

– Что?

– Меня вывели из игры, – повторила генеральный прокурор. – Я повела себя не так. Отныне здесь за все отвечает Декстер.

– Декстер? – переспросил директор ФБР.

Декстер возглавлял администрацию Белого дома. Политик старой школы. Твердый как камень и вдвое менее сентиментальный. Однако именно благодаря ему нынешний президент оказался в Белом доме, получив подавляющий перевес на выборах.

– Я очень сожалею, Гарланд, – сказала Рут Розен. – Декстер будет здесь через минуту.

Уэбстер угрюмо кивнул. Она вышла, снова оставив его в одиночестве.

* * *

Отношения между центральным аппаратом ФБР и отделением в Бютте, штат Монтана, образно говоря, можно сравнить с отношениями Москвы и Сибири. На этот счет в Бюро даже есть расхожая шутка. Гласящая, что в случае серьезной ошибки в работе сотрудник отправляется в Бютт. Что-то вроде ссылки. Вроде того, что КГБ якобы отправлял своих неудачников махать полосатым жезлом на перекрестках в Сибири.

Однако в четверг, третьего июля отделение в Бютте показалось Макграту, Милошевичу и Брогану центром вселенной. Самым желанным местом на планете. Никому из всех троих никогда не приходилось бывать здесь. Ни по делу, ни на отдыхе. Никто из них даже не думал о том, чтобы побывать здесь. Однако сейчас они глазели из иллюминаторов вертолета словно детишки, которых везли в «Диснейленд». Они смотрели на проплывающий внизу пейзаж, то и дело пытаясь проникнуть взглядом на северо-запад, где, как им было известно, вдали в туманной дымке скрывался округ Йорк.

Единственный сотрудник отделения в Бютте, опытный ветеран Бюро, еще не пришел в себя от личного звонка Гарланда Уэбстера напрямую из центра имени Гувера. Он получил приказ доставить троих сотрудников чикагского отделения к себе, устроить их, взять для них напрокат два джипа, после чего убраться ко всем чертям и оставаться там до получения дальнейших распоряжений. Местный сотрудник встретил грязный армейский вертолет в окружном аэропорту Силвер-Боу. Усадив прибывших агентов в служебный «Бьюик», он помчался на север в город.

– Расстояния у нас большие, – объяснил он Макграту. – Помните об этом. Отсюда до Йорка еще целых двести сорок миль. По нашим дорогам это минимум четыре часа езды. Лично я бы на вашем месте раздобыл жилой прицеп и перебрался куда-нибудь поближе. Если вы останетесь здесь, толку будет мало, особенно если дело примет дурной оборот.

Макграт кивнул.

– Джексон выходил на связь?

– С понедельника ни разу. После того, как он доложил о динамите.

– Когда он выйдет на связь в следующий раз, переключите его на меня, хорошо? – распорядился Макграт.

Сотрудник отделения в Бютте кивнул. Одной рукой держа рулевое колесо, второй достал из кармана маленькую рацию. Макграт убрал ее в свой карман.

– Как вам угодно, – продолжал местный сотрудник. – У меня незапланированный отпуск. Приказ Уэбстера. Но только не тешьте себя напрасными надеждами. Джексон выходит на связь редко. Он очень осторожен.

Местное отделение Бюро занимало единственную комнату на втором этаже двухэтажного административного здания. Письменный стол, два стула, компьютер, большая карта Монтаны на стене и трезвонящий телефон. Трубку снял Макграт. Выслушав то, что ему сказали, он проворчал в ответ одно слово. Положил трубку и подождал, когда местный сотрудник поймет намек.

– Хорошо, хорошо, я уже ухожу, – сказал тот. – Фирма проката из Сильвер-Боу подгонит сюда два джипа. Вам еще что-нибудь нужно?

– Да, чтобы нас оставили одних, – проворчал Броган.

Кивнув, местный сотрудник бросил прощальный взгляд на свой кабинет и вышел.

– Авиация выслала туда два разведывательных самолета, – начал Макграт. – Станция спутниковой связи уже в пути. Генерал едет сюда вместе со своим адъютантом. Похоже, они какое-то время побудут нашими гостями. Я ведь не мог ничего возразить, правда?

Милошевич внимательно изучал карту на стене.

– Да, возражать было бы бесполезно. Нам надо быть с армией в хороших отношениях. Братва, вам когда-нибудь приходилось видеть худшее местечко?

Макграт и Броган присоединились к нему.Указательный палец Милошевича застыл на точке, обозначавшей город Йорк. Со всех сторон вокруг яростно бурлили зеленый и коричневый цвета.

– Четыре тысячи квадратных миль, – сказал Милошевич. – Одна дорога и одна просека.

– Ублюдки выбрали хороший уголок, – согласился Броган.

* * *

– Я говорил с президентом, – сказал Декстер.

Откинувшись назад, он сделал паузу. Уэбстер молча смотрел на него. Черт побери, а чем еще он занимался? Ухаживал за розами в саду? Декстер спокойно выдержал его взгляд. Это был маленький смуглый человечек, весь какой-то высушенный и перекошенный, как будто ему ежедневно и ежечасно приходится обдумывать все возможные последствия каждого своего шага.

– И? – наконец спросил Уэбстер.

– В Соединенных Штатах шестьдесят шесть миллионов зарегистрированных владельцев огнестрельного оружия, – сказал Декстер.

– И что с того?

– Наши исследования показывают, что все эти люди придерживаются схожих убеждений.

– Какие исследования? Каких убеждений?

– Мы провели опрос общественного мнения. Разве вы не получили копию? Каждый пятый взрослый гражданин нашей страны готов в случае крайней необходимости выступить с оружием в руках против правительства.

– И что с того? – снова спросил Уэбстер.

– Был и другой опрос, – продолжал Декстер. – Надо было ответить всего на один простой вопрос, не задумываясь, подчиняясь интуиции. Кто прав, правительственные органы или незаконные вооруженные формирования?

– И?

– Двенадцать миллионов американцев приняли сторону незаконных вооруженных формирований.

Директор ФБР молча смотрел на своего собеседника. Выжидая, когда тот выскажет до конца свою мысль.

– То есть, – сказал Декстер, – от двенадцати до шестидесяти шести миллионов избирателей.

– Причем тут избиратели?

– А где они живут? – ответил вопросом на вопрос Декстер. – В Вашингтоне, Нью-Йорке, Бостоне или Лос-Анджелесе таких почти не встретишь. Распределение очень неравномерное. В одних местах люди, которые придерживаются подобных взглядов, составляют крохотное меньшинство. На них смотрят как на чудаков. Но в других местах их большинство. В других местах такие взгляды являются совершенно нормальными, Гарланд.

– И что с того? – спросил Уэбстер.

– Есть места, где им принадлежат округа. Даже целые штаты.

Уэбстер удивленно поднял бровь.

– Господи, Декстер, это же не политика. Речь идет о Холли!

Помолчав, Декстер обвел взглядом небольшой кабинет Белого дома. Выкрашенный белой краской с каким-то неясным едва различимым оттенком. Президенты приходили и уходили, а кабинет раз в несколько лет перекрашивался в один и тот же цвет. Декстер понимающе усмехнулся.

– К несчастью, в нашем деле все является политикой.

– Но речь же идет о Холли!

Декстер покачал головой. Едва заметное движение.

– Это эмоции. Задумайтесь о таких простых, безобидных словах как «патриотизм», «сопротивление», «подполье», «борьба», «угнетение», «личность», «недоверие», «восстание», «бунт», «революция», «права». Во всех них есть какое-то величие, вы не находите? Если рассматривать их применительно к американской действительности?

Уэбстер упрямо тряхнул головой.

– Нет никакого величия в том, чтобы похищать женщин. Нет никакого величия в незаконном оружии, в незаконных вооруженных формированиях, в краденом динамите. Никакая это не политика.

Декстер снова покачал головой. То же самое едва уловимое движение.

– Все рано или поздно становится политикой. Вспомните Руби-Ридж[2], Гарланд. Вспомните Уэйко[3]. Начиналось ведь все не как политика, так? Но очень скоро превратилось в политику. Мы тогда настроили против себя до шестидесяти шести миллионов избирателей. Своими крайне глупыми действиями. Этим людям как раз и нужно, чтобы наша реакция была неоправданно жесткой. Они считают, что суровые карательные меры ожесточат народ, приведут под их знамена новых борцов. И мы пошли у них на поводу. Сами подбросили хворосту в костер. Мы представили все таким образом, будто правительство только и думает о том, как бы сокрушить маленького человека.

Наступила тишина.

– Опросы общественного мнения показывают, что нам нужно сменить подход, – снова заговорил Декстер. – И мы стараемся его найти. Стараемся изо всех сил. Но как будет выглядеть со стороны, если Белый дом откажется от этих попыток только потому, что в деле оказалась замешана Холли? Да к тому же, если это произойдет сейчас? Четвертого июля? Неужели вы ничего не понимаете? Задумайтесь хорошенько, Гарланд. Задумайтесь о том, какова будет реакция. Представьте себе такие слова как «месть», «корыстные интересы», «расправа», «эгоизм».

Представьте себе, как они скажутся на результатах опроса общественного мнения.

Уэбстер молча смотрел на него. Чувствуя, как на него давят белые стены.

– Но ведь речь идет о Холли, черт побери! – воскликнул он. – При чем тут опросы общественного мнения? И не надо забывать о генерале. Президент уже говорил с ним?

Декстер покачал головой.

– Нет, я лично объяснил все генералу Джонсону. Он звонил сюда каждый час.

Уэбстер подумал: «А сейчас президент, наверное, уже больше не отвечает на его звонки.» Да, Декстер здорово поработал над своим шефом.

– И? – спросил директор ФБР.

Декстер пожал плечами.

– По-моему, генерал в принципе все понял. Но, естественно, в настоящий момент его суждения являются несколько предвзятыми. Он очень несчастный человек.

Уэбстер погрузился в молчание. Напряженно задумался. Достаточно искушенный в политических игрищах, он понимал, что если противника нельзя одолеть, надо переходить на его сторону. Заставить себя думать так, как думают он.

– С другой стороны, если вы вытащите Холли, для вас это будет плюс, – сказал Уэбстер. – Большой плюс. Вы покажете себя уверенными, решительными, умеющими ценить своих людей. В этом тоже будут свои преимущества. И это благоприятно скажется на общественном мнении.

Декстер кивнул.

– Полностью с вами согласен. Но это ведь будет азартная игра, правильно? С очень крупными ставками. Быстрая, легкая победа – это хорошо, но провал станет самой настоящей катастрофой. Игра крупная, и ставки в ней – опросы общественного мнения. А в настоящий момент я сомневаюсь в том, что вы сможете обеспечить быструю, легкую победу. Сейчас вы еще не готовы к решительным действиям. Так что я бы поставил все деньги на провал.

Уэбстер изумленно уставился на него.

– Послушайте, Гарланд, только без обиды. Мне платят за то, чтобы я мыслил именно так, хорошо?

– Черт побери, так что же вы хотите сказать? Я должен немедленно перебросить на место отряд по освобождению заложников.

– Нет.

– Нет? – переспросил пораженный Уэбстер.

Декстер покачал головой.

– Пока что разрешение на операцию по освобождению заложников вам не дается.

Директор ФБР молча смотрел на него, не в силах поверить своим ушам.

– Пожалуйста, определите мою позицию, – наконец обрел дар речи он.

Некоторое время стояло молчание. Затем Декстер заговорил, обращаясь к точке на белой стене в ярде слева от кресла Уэбстера:

– Вы остаетесь главным ответственным за ситуацию. Завтра начинается праздник, а затем выходные. Обратитесь ко мне в понедельник. Если проблема к тому времени останется.

– Проблема существует сейчас, – сказал Уэбстер. – И я с вами разговариваю сейчас.

Декстер снова покачал головой.

– Нет, не разговариваете. Мы с вами сегодня не встречались, и я не беседовал с президентом. Сегодня нам ничего неизвестно. Расскажете нам обо всем в понедельник, Гарланд, если проблема к тому времени останется.

Уэбстер словно оглушенный сидел на месте. Искушенный в политике, сейчас он никак не мог понять, то ли он сорвал джекпот, то ли ему вручили таблетку со смертельным ядом.

* * *

Генерал Джонсон и его адъютант прибыли в Бютт через час. Они попали сюда тем же путем: армейским вертолетом с авиабазы Петерсон в аэропорт округа Сильвер-Боу. Когда вертолет был уже на подлете, с его борта связались с отделением ФБР, и Милошевич приехал встречать гостей на двухлетнем джипе «Гранд чероки», взятом напрокат в местном агентстве. По дороге до Бютта никто не говорил. Милошевич молча вел машину, а двое военных, достав из большого кожаного чемодана карты и диаграммы, внимательно изучали их. Они передавали бумаги друг другу, ограничиваясь кивками, как будто слова были лишними.

Комната на втором этаже административного здания внезапно оказалась набита народом. Пять человек на два стула. Единственное окно, выходящее на юго-восток, на улицу. Не в ту сторону. Все пятеро непроизвольно взглянули на глухую сторону напротив. За этой стеной в двухстах сорока милях находилась Холли.

– Нам надо будет перебраться туда, – сказал генерал Джонсон.

Его адъютант кивнул.

– Оставаться здесь нет смысла.

Макграт уже давно принял решение. Дал себе слово, что не будет воевать с военными за сферы влияния. В конце концов, его агент – родная дочь генерала. Макграт прекрасно понимал чувства отца. Он не собирался тратить время и силы, выясняя, кто тут главный. И ему нужна была помощь генерала.

– Нам надо будет объединить наши возможности, – сказал Макграт. – Хотя бы на время.

Последовала пауза. Затем генерал кивнул. Ему были достаточно хорошо известны порядки Вашингтона, чтобы правильно расшифровать смысл этих слов.

– В моем распоряжении мало что есть, – ответил Джонсон. – Приближается День независимости. Три дня, в течение которых ровно семьдесят пять процентов американской армии отправятся в увольнение.

Молчание. Настал черед Макграта расшифровывать слова генерала. Наконец он кивнул.

– У вас нет полномочий отменить увольнения?

Генерал покачал головой.

– Я только что говорил с Декстером. А тот говорил с президентом. Получается, все остается в подвешенном состоянии до понедельника.

В маленьком помещении, заполненном людьми, наступила тишина. Дочь высокопоставленного государственного чиновника попала в беду, а главный крючкотвор Белого дома играет в политику.

– Уэбстер сказал то же самое, – подтвердил Макграт. – Он даже пока что не может перебросить сюда спецподразделение по освобождению заложников. В настоящий момент мы предоставлены сами себе – мы втроем.

Генерал кивнул Макграту. Это был чисто человеческий жест, говоривший: «мы с тобой высказались друг другу начистоту; мы понимаем, каким унижением это для нас было, и ценим взаимную откровенность.»

– Однако нет ничего плохого в том, чтобы подготовиться заранее, – сказал генерал. – Как правильно подозревает этот маленький человечек, военные любят проводить скрытные маневры. Я собираюсь попросить кое-кого о личном одолжении, и мистеру Декстеру незачем знать об этом.

Обстановка стала чуть более разряженной. Макграт вопросительно посмотрел на Джонсона.

– Передвижной командно-связной пункт уже в пути, – ответил генерал. Взяв у адъютанта подробную карту, он развернул ее на столе. – Место встречи назначено вот здесь.

Джонсон ткнул пальцев в точку к северо-западу от последнего населенного пункта перед Йорком. В этом месте шоссе делало плавный изгиб перед тем, как повернуть на север, где через шесть миль был мост, перекинутый через овраг.

– Грузовики, которые вывозят станцию спутникового слежения, направляются именно сюда, – объяснил генерал. – Я собираюсь перебраться туда, оборудовать командный пункт и перекрыть за собой дорогу.

Макграт неподвижно застыл на месте, разглядывая карту. Он понимал, что согласиться – это значит полностью передать руководство операцией военным. Понимал, что возразить – значит поставить под угрозу жизнь своего агента и дочери генерала. Тут он заметил, что палец Джонсона остановился на точке в полудюйме к югу от значительно более удобной позиции. Чуть дальше на север шоссе сильно сужалось. Становилось прямым, открывая видимость в обоих направлениях. А окружающая местность становилась более суровой. Устраивать блокпост лучше в этом месте. Макграт изумился тому, что генерал сам этого не заметил. И вдруг его захлестнуло чувство признательности. Генерал все заметил. Но он оставил Макграту возможность самому предложить лучшее место. Джонсон оставлял простор для маневра. Он не стремился к полному подчинению.

– А я бы предпочел вот это место, – сказал Макграт.

Он ткнул карандашом в точку к северу от пальца генерала. Джонсон сделал вид, будто изучает его предложение. Его адъютант сделал вид, будто восхищен проницательностью Макграта.

– Отличная мысль, – сказал генерал. – Перенесем место встречи сюда.

Макграт улыбнулся. Он прекрасно понимал, что грузовики с самого начала двигались именно в эту точку. Возможно, они уже были там. Генерал улыбнулся ему в ответ. Ритуальный танец был завершен.

– Что могут нам показать самолеты-разведчики? – спросил Броган.

– Всё, – ответил адъютант. – Подождите, пока сам не увидите картинки. Вы не поверите, что могут телекамеры, установленные на этих малышах.

– Мне это не нравится, – заметил Макграт. – Увидев кружащие над головой самолеты, эти ублюдки начнут нервничать.

Адъютант покачал головой.

– Они ничего не узнают. Мы используем два самолета, летающих по прямой с запада на восток и с востока на запад. На высоте тридцать семь тысяч футов. С земли их никто не увидит.

– Это же высота больше семи миль, – заметил Броган. – Разве с такого расстояния можно что-либо разглядеть?

– Для хороших объективов семь миль – это пустяк, – ответил адъютант. – Они покажут пачку сигарет, лежащую на тротуаре. Все полностью управляется автоматикой. Оператор на командном пункте нажимает кнопку, и телекамера снимает то, что ей скажут. Она может, например, зафиксироваться на выбранной точке на земле, передать через спутник высококачественное видеоизображение, а затем самолет вернется, камера развернется и повторит все заново.

– И заметить эти самолеты невозможно? – спросил Макграт.

– С земли они кажутся обычными авиалайнерами. Если посмотреть в небо, где-то в вышине будет виден инверсионный след. Непосвященный человек решит, что это куда-то направляется рейс «Пан-американ»; ему и в голову не придет, что это военная авиация проверяет, надраил ли он утром сапоги.

– С высоты семи миль можно будет пересчитать волосы на макушке мерзавцев, – добавил Джонсон. – Как вы думаете, на что мы тратим доллары, которые выделяются на нужды обороны? Строим самолеты, которые распыляют над полями ядохимикаты?

Макграт кивнул. Чувствуя себя обнаженным. В настоящий момент он не мог предложить ничего кроме двух взятых напрокат двухлетних джипов, стоявших перед административным зданием.

– Мы составляем психологический портрет этого Боркена, – сказал Макграт. – Сейчас над этим работают мозговеды из Квантико.

– А мы отыскали бывшего командира этого Джека Ричера, – сказал Джонсон. – Сейчас он занимает административную должность в Пентагоне. Он присоединится к нам и прояснит, что к чему.

Макграт кивнул.

– Предупрежден – вооружен.

Зазвонил телефон. Трубку снял адъютант Джонсона. Он оказался ближе всех.

– Когда мы трогаемся в путь? – спросил Броган.

Макграт обратил внимание, что агент ФБР обратился напрямую к генералу.

– Думаю, прямо сейчас, – ответил Джонсон. – Нас доставит на место армейский вертолет. В этом случае нам не придется шест часов тащиться по дороге, верно?

Адъютант положил трубку. Казалось, он получил удар ногой в солнечное сплетение.

– Та ракетная часть… Мы потеряли с ней радиоконтакт, когда она находилась к северу от Йорка.

Глава 31

Выйдя в коридор, Холли усмехнулась. Женщина оставила свое оружие у стены за дверью. Вот чем была вызвана заминка. Женщина отперла замок, поставила поднос на пол, сняла оружие с плеча, прислонила его к стене и снова взяла поднос, и лишь после этого толкнула дверь.

Холли сменила железную трубку на огнестрельное оружие. Таким ей еще не приходилось пользоваться. И у нее не было желания пользоваться им сейчас. Это был крошечный пистолет-пулемет. «Ингрэм МАК-10». Давно снятый с вооружения. И неслучайно. Над этим пистолетом-пулеметом смеялся весь класс академии Квантико, в котором училась Холли. Его называли оружием для телефонной будки. «Ингрэм» стрелял настолько неточно, что поразить из него противника можно было только в том случае, если тот находился в одной телефонной будке со стрелком. Мрачная шутка. И темп стрельбы слишком высокий. Тысяча выстрелов в минуту. Одно прикосновение к спусковому крючку – и магазин пуст.

И все же «Ингрэм» был более грозным оружием, чем кусок рамы старой железной кровати. Холли проверила магазин. Он оказался полностью снаряженным, тридцать патронов. Патронник был пуст. Нажав на спусковой крючок, Холли проследила за работой механизма. Все работало так хорошо, как только могло. Холли вставила магазин в

приемник. Распрямила ремень и перекинула «Ингрэм» через плечо. Перевела предохранитель в положение автоматического огня и стиснула рукой пистолетную рукоятку. Крепко схватила костыль и заковыляла к лестнице.

Остановившись, она подождала. Пристально вслушиваясь. Ни звука. Холли медленно спустилась по лестнице, ступенька за ступенькой, держа пистолет-пулемет наготове. Внизу она остановилась и снова прислушалась. Ни звука. Холли пресекла вестибюль и подошла к дверям. Приоткрыла створку и выглянула.

Улица была пустынной. Однако она была широкая. Она показалась молодой женщине просторным бульваром. Для того, чтобы пересечь ее и оказаться в безопасности на противоположной стороне, потребуется несколько минут. Несколько минут она будет у всех на виду, открытая окружающим горным склонам. Холли оценила расстояние. Набрала полную грудь воздуха и крепче схватила костыль. Выставила «Ингрэм» перед собой. Снова сделала глубокий вдох и пустилась вперед рваной трусцой, с силой втыкая костыль в землю, делая широкие прыжки здоровой ногой, водя пистолетом-пулеметом из стороны в сторону, прикрывая все подступы.

Наконец Холли добралась до развалившегося здания администрации округа. Пошла вокруг него на север, пробираясь сквозь густые заросли. Вошла в лес в тридцати ярдах от главной тропинки. Прислонилась к дереву и согнулась пополам, задыхаясь от напряжения, страха и радости.

Сейчас начиналось настоящее дело. То самое, к чему она готовилась всю свою жизнь. Холли вспомнила рассказы отца. Джунгли Вьетнама. Не дающий дышать страх дичи, за которой охотятся в сплошных зеленых зарослях. Пьянящая радость каждого удачного шага, каждого преодоленного ярда. Холли мысленно увидела сосредоточенные, серьезные лица тех, кого видела в детстве на военных базах. Вспомнила инструкторов в Квантико. Пережила заново разочарование по поводу назначения на кабинетную работу в чикагском отделении. Вся подготовка пошла впустую – и только из-за того, кто она такая. Сейчас все было по-другому. Холли выпрямилась. Сделала глубокий вдох. Затем еще один. Ощутила вскипающие внутри гены. Раньше они казались нежеланными чужаками. Теперь ей стало тепло, хорошо. Значит, она дочь своего отца? Что ж, сейчас всем представится возможность убедиться в этом.

* * *

Ричер стоял, прикованный к стволу стофутовой сосны. Его притащили вниз по узкой тропе, ведущей к Бастиону. Он сгорал от ярости. Сразу двух безответных ударов он не получал с раннего детства. Ярость заглушала боль. И затуманивала рассудок. Жирный ублюдок сказал,

жизнь за жизнь. Тогда Ричер корчился на земле, и в этих словах для него не было никакого смысла.

Смысл появился сейчас. Слова всплыли в памяти Ричера, когда он стоял здесь, у сосны. Вокруг него стояли улыбающиеся мужчины и женщины. Такие улыбки Ричеру уже приходилось видеть, давным-давно. Так улыбались умирающие от скуки дети, живущие на какой-нибудь затерянной в глуши военной базе, узнав, что в город приезжает цирк.

* * *

Холли задумалась. Ей предстояло определить, где находится Ричер. Определить, где находится плац. Затем занять место на полдороге между двумя этими неизвестными местами и устроить засаду. Холли было известно, что местность круто поднималась вверх к поляне с бараками. Она помнила, что к зданию суда ее тащили вниз. Холли предположила, что плац должен быть просторной ровной площадкой. Следовательно, он находится где-то выше по склону, к северо-западу, где рельеф выравнивается. То есть, где-то за бараками. Холли стала подниматься вверх по склону прямо через лес.

Она попробовала прикинуть, где проходит главная просека. Через каждые несколько ярдов Холли останавливалась и всматривалась в направлении юга, переводя взгляд из стороны в сторону, чтобы обнаружить просветы в густых зарослях. В этом случае ей удалось бы определить направление тропы. Холли старалась держаться параллельно просеке, оставаясь в тридцати – сорока ярдах к северу от нее. Она была вынуждена продираться сквозь частые боковые ветви, отходящие от стволов. Дорога шла круто в гору, и молодой женщине приходилось очень нелегко. Она отталкивалась костылем словно лодочник шестом, втыкая конец в податливую почву, а затем опираясь на рукоятку всем своим весом.

В каком-то смысле ей помогало больное колено. Оно вынуждало Холли подниматься медленно и осторожно. И тихо. А Холли знала, как это делать. По рассказам о Вьетнаме, а не по учебе в Квантико. Академия ФБР делала основной упор на действия в городских условиях. Она научила Холли красться по пустынной улице или темному, заброшенному зданию. А умением незаметно продвигаться по лесу она была обязана более ранним слоям памяти.

* * *

Кто-то приходил и уходил; другие оставались. За четверть часа собралась небольшая кучка человек в пятнадцать, в основном мужчин, равнодушно стоявших широким полукругом перед Ричером. Они держались от него на почтительном расстоянии, словно зеваки, собравшиеся поглазеть на аварию, столпившиеся за невидимой лентой

полицейского ограждения. Они молча таращились на Ричера, и их лица оставались безучастными.

Он смотрел на них. Поочередно задерживая взгляд на каждом лице, на несколько секунд. Стараясь как можно выше поднять скованные за спиной руки. Чтобы ноги оставались готовыми к действию на тот случай, если кому-нибудь вздумалось бы начать представление чуть раньше.

* * *

Первого часового Холли учуяла по запаху раньше, чем увидела. Он расхаживал впереди, по ветру, и курил. Запах табачного дыма и пропотевшей одежды долетел до Холли, и она бесшумно сместилась вправо. Описала широкий круг и стала ждать. Часовой прошел мимо, не заметив ее.

Второй часовой услышал ее шаги. Холли почувствовала это. Почувствовала, как он остановился и прислушался. Она застыла на месте. Лихорадочно соображая. Ей не хотелось пользоваться «Ингрэмом». Оружие слишком неточное. Она наверняка промахнется. А грохот выстрелов ее погубит. Поэтому Холли, нагнувшись, поскребла друг о друга два маленьких камушка. Старая уловка войны в джунглях, о которой она слышала в детстве. Затем Холли отшвырнула один камушек на двадцать футов влево от себя. Выждала немного. Отшвырнула второй камушек на тридцать футов. Почувствовала, как часовой, что-то заподозрив, осторожно двинулся влево. Удаляясь от нее. Холли бесшумно двинулась вправо. Широкая дуга, и снова вверх по бесконечному склону.

* * *

Фаулер протиснулся сквозь полукруг, расталкивая собравшихся. Подошел вплотную к Ричеру. Пристально посмотрел на него. Затем через толпу пробрались шестеро охранников. Пятеро держали винтовки наготове, шестой сжимал в руке отрезок цепи. Фаулер отступил в сторону, и Ричеру в грудь уперлись пять дул. Тот взглянул на оружие. Все винтовки были сняты с предохранителя; переводчики огня поставлены на автоматический огонь.

– Пора в путь, – сказал Фаулер.

Он скрылся за толстым стволом дерева, и Ричер почувствовал, как с него снимают наручники. Он привалился спиной к сосне, и дула винтовок последовали за ним. Наручники соскользнули с запястий, и вместе с ними продетая в них цепь. Фаулер схватил цепь, и Ричера потащили к Бастиону. Пятеро охранников пятились перед ним, держа дула автоматов в футе от его головы. Зеваки выстроились в узкий коридор. Ричера протащили между ними. Его провожали недовольным ропотом. Наконец кто-то не выдержал, и все бросились бежать в сторону плаца.

* * *

Третий часовой ее поймал. Холли подвело больное колено. Ей пришлось взбираться на крутой каменистый склон, и из-за колена она вынуждена была лезть задом. Холли садилась на каменный выступ, а затем с помощью здоровой ноги и костыля подтягивалась верх, на фут за один прием. Добравшись до самого верха, она перекатилась на землю, пытаясь отдышаться, и вдруг, резко выпрямившись, обнаружила, что стоит лицом к лицу с часовым.

На какое-то мгновение Холли оцепенела от неожиданности. Но часовой был готов к этой встрече. Он стоял на вершине и наблюдал за каждым дюймом мучительного подъема. Поэтому он не был застигнут врасплох. Но он оказался слишком нерасторопным. Имея дело с таким противником как Холли, надо было быть очень проворным. Он должен был быть готов ко всему. Холли опомнилась прежде, чем часовой успел что-либо предпринять. Сыграла свою роль подготовка. Холли действовала не раздумывая. Сжав пальцы в кулак, она выбросила стремительный апперкот. Попала часовому в солнечное сплетение. Тот сложился вперед и вниз, и Холли, обхватив левой рукой его за шею, ребром правой ладони нанесла удар по затылку. Она почувствовала, как хрустнул позвоночник, и тело часового тотчас же обмякло. Затем Холли зажала руками ему уши и резко крутанула голову сначала в одну, затем в другую сторону, разрывая спинной мозг. Мертвое тело полетело вниз по каменистому склону, размахивая безжизненными конечностями. Тут Холли, спохватившись, мысленно выругалась. Ей следовало бы забрать у часового автомат. Он стоил десяти «Ингрэмов». Но теперь нечего было и думать о том, чтобы спускаться за ним вниз. У нее не было времени на то, чтобы снова карабкаться вверх по камням.

* * *

Плац был заполнен людьми. Выстроившимися ровными рядами. Ричер прикинул, всего здесь собралось человек сто. Мужчин и женщин. Все в форме военного образца. Все вооружены. На плацу собралась солидная огневая мощь. У каждого человека на левом плече висела или автоматическая винтовка, или ручной пулемет. У каждого в кобуре на ремне пистолет. У каждого патронташи с запасными магазинами. Многие вымазали лица камуфляжной краской.

Форма была перешита из запасов американской армии. Куртки камуфляжной расцветки, такие же штаны, высокие ботинки на шнуровке, кепки с козырьком. То же самое, что Ричер видел на складе. Однако на каждом мундире имелось существенное дополнение. На плече куртки аккуратная нашивка, вышитая коричневым шелком, с изящно выведенной надписью «Вооруженная милиция Монтаны». На груди нашивка с фамилией. Кое у кого из мужчин на клапане

нагрудного кармана красовалось по одной хромированной звезде. Что-то вроде знаков различия.

Бо Боркен стоял на перевернутом деревянном ящике на западной оконечности площадки, спиной к лесу. Его массивная туша возвышалась над этим доморощенным войском. Он увидел приближающихся Фаулера, Ричера и охранников.

– Смирно!

Сто человек вытянулись в струнку. Ветерок донес до Ричера запах хлопчатобумажной ткани. Запах сотни мундиров с армейского склада. Боркен махнул жирной рукой, и Фаулер, дернув за цепь, протащил Ричера вдоль строя к импровизированной трибуне. Охранники схватили его за руки и за плечи и развернули лицом к притихшей толпе.

– Всем нам известно, зачем мы здесь собрались! – выкрикнул Боркен.

* * *

Холли понятия не имела, сколько она прошла. Судя по ее ощущениям, несколько миль. И при этом поднялась на несколько сотен футов вверх. Однако она все еще оставалась в густом лесу. Главная просека по-прежнему бежала слева от нее, в сорока ярдах к югу. Холли чувствовала, как уходят минуты, и у нее в груди нарастала паника. Стиснув крепче костыль, она упрямо двигалась на северо-запад, так быстро, как только могла.

Затем она увидела впереди строение. Деревянный дом, проглядывающий между деревьями. Растительность иссякла, сменившись голой каменистой глиной. Осторожно подобравшись к опушке, Холли остановилась. Вслушалась в тишину, заглушаемую гулом в ушах. Ничего не услышала. Стиснув костыль, она подняла «Ингрэм», натянув ремень. Доковыляла по глине до угла строения. Выглянула из-за него.

Это была та самая поляна, на которую вчера вечером приехал белый грузовик. Просторное круглое свободное место. Каменистая почва. Вокруг дома. Ни души. Тишина. Полная тишина места, которое только что оставили люди. Холли вышла из-за строения и заковыляла к центру поляны, время от времени описывая пируэт вокруг костыля, обводя «Ингрэмом» окружающие деревья. Ничего. Никого.

Холли увидела две тропы, одна из которых уходила на запад, а другая, шире, – на север. Повернув на север, Холли снова нырнула под полог деревьев. Начисто забыв осторожность, пошла вперед так быстро, как только могла.

* * *

– Всем нам известно, зачем мы здесь собрались! – снова выкрикнул Боркен.

По застывшему строю пробежала волна ропота, словно зашелестели под дуновением ветра деревья. Ричер всмотрелся в лица. Увидел в первом ряду Стиви. На груди хромированная звезда. Значит, малыш Стиви выслужился в офицеры. Рядом со Стиви стоял Джозеф Рэй. Вдруг до Ричера дошло, что Джексона здесь нет. Нет лица со шрамом. Он проверил еще раз. Всматриваясь в каждое лицо. Да, Джексона на плацу не было. Ричер стиснул зубы, чтобы сдержать усмешку. Значит, Джексон где-то притаился. И у Холли еще есть надежда.

* * *

Она его увидела. Выглянув из леса, Холли увидела поверх сотни голов Ричера, стоявшего рядом с Боркеном. Со скованными за спиной руками. Он обвел взглядом толпу. Его лицо оставалось бесстрастным. Холли услышала слова Боркена: «Всем нам известно, зачем мы здесь собрались.» Она подумала: «Да, я знаю, зачем я здесь. Знаю, зачем я сюда пришла.» Холли огляделась по сторонам. Сто человек, автоматические винтовки, пулеметы, гранаты. Боркен, стоящий на ящике с поднятыми руками. Рядом с ним Ричер, беспомощный. Холли стояла, скрытая деревьями, с бешено колотящимся сердцем. Она шумно вздохнула, собираясь с силами. Перевела «Ингрэм» на одиночный огонь и выстрелила в воздух. Вышла из леса. Выстрелила еще раз. И еще. Три выстрела в воздух. Три патрона израсходованы, двадцать семь остались в магазине. Холли снова перевела пистолет-пулемет на автоматический огонь и решительно двинулась прямо на строй, водя дулом из стороны в сторону. Люди боязливо расступились.

Одинокая женщина медленно шла через толпу из ста человек. Люди с опаской пятились в стороны, а когда она проходила мимо, снимали с плеча оружие, передергивали затворы и целились ей в спину. Следом за Холли неспешной волной катился громкий металлический лязг. Когда она дошла до первого ряда, ей в спину были наведены сто винтовок.

– Не стрелять! – пронзительно взвизгнул Боркен. – Это приказ! Никому не стрелять!

Он спрыгнул с ящика. Его лицо было искажено в панике. Широко раскинув руки, Боркен нелепо заплясал вокруг Холли, загораживая ее своей огромной тушей. Никто не стрелял. Хромая, Холли отошла от Боркена и повернулась лицом к толпе.

– Какого черта ты задумала? – испуганно вскрикнул Боркен. – Неужели ты собираешься перестрелять сотню человек из этого пугача?

– Нет, – покачав головой, тихо промолвила Холли. Перевернув «Ингрэм», она приставила дуло себе к груди. – Но я могу застрелить себя.

Глава 32

Толпа молчала. Дыхание сотни человек тонуло в величественной тишине окружающих гор. Все взгляды были прикованы к Холли. Молодая женщина держала пистолет-пулемет перевернутым, воткнув дуло в точку чуть выше сердца. Положив напряженный большой палец на спусковой крючок. Одутловатое лицо Боркена покрылось мелкими бисеринками пота. Вся его огромная туша тряслась и дрожала. Он застыл рядом с опрокинутым ящиком, широко раскрыв глаза от ужаса, уставившись на Холли. Она спокойно посмотрела на него.

– Я ведь заложница, так? Я важна для вас, важна для противной стороны, и все это объясняется тем, кто я такая. Я очень важна для всех. Вы ждете, что противная сторона пойдет на определенные шаги ради того, чтобы спасти мне жизнь. Что ж, теперь настал ваш черед. Давайте обсудим то, на что готовы пойти вы. Ради того, чтобы спасти мне жизнь.

Боркен перехватил ее взгляд, брошенный на Ричера.

– Ты ничего не поняла, – взвизгнул он. В его голосе прозвучало отчаяние. – Я вовсе не собираюсь убивать этого человека. Он остается жить. Ситуация изменилась!

– Как изменилась? – спокойным тоном спросила Холли.

– Я пересмотрел его приговор, – продолжал Боркен. Его голос по-прежнему был пронизан паникой. – Вот для чего мы собрались здесь. Я как раз собирался объявить об этом. Теперь нам известно, кто это такой. Мы только что это узнали. Нам только что сообщили. Он служил в армии. Майор Джек Ричер. Он герой. Удостоен Серебряной звезды.

– И что с того? – спросила Холли.

– Он спас целый отряд морских пехотинцев, – лихорадочно продолжал Боркен. – В Бейруте. Простых солдат. Он вытащил их из горящего бункера. Пока Ричер находится с нами, морские пехотинцы не нападут на нас. Ни за что. Поэтому я собираюсь сделать его еще одним заложником. Ричер станет нашей страховкой от этих проклятых морских пехотинцев. Он мне нужен.

Холли молча смотрела на него. Ричер тоже смотрел на него.

– Приговор Ричеру пересмотрен, – повторил Боркен. – Пять лет исправительных работ, и только. Вот и все. И больше ничего. Тут не может быть никаких вопросов. Ричер нужен мне живым.

Он посмотрел на Холли, улыбаясь словно продавец, уверенный в том, что клиент не откажется от его выгодного предложения. Молодая женщина перевела взгляд с него на Ричера и обратно. Ричер следил за толпой. Толпа была в ярости. Цирк уехал, так и не дав представления. Ричеру показалось, все дружно шагнули к нему. Проверяя, насколько сильна власть Боркена над ними. Холли взглянула на Ричера, и в ее глазах мелькнул страх. Кивнула. Едва уловимое движение головой. Говорящее, что за нее можно не беспокоиться, что бы ни случилось. Ее словно невидимыми доспехами оберегает то, кто она такая. Ричер кивнул в ответ. Не оборачиваясь, прикинул расстояние до деревьев у него за спиной. Футов двадцать. Если оттолкнуть Фаулера на первый ряд, вырвать цепь и броситься бежать со всех ног, возможно, он сможет добежать до леса до того, как кто-либо успеет прицелиться. Двадцать футов, старт из положения стоя, использовать поступательный момент от толчка Фаулера – четыре или пять широких шагов, три секунды, максимум – четыре. В лесу шансы увернуться от пуль станут значительно выше. Ричер представил себе, как он бежит, петляя между деревьями, а пули с глухим стуком впиваются в толстые стволы. Лес – лучший друг беглеца. Требуется большое везение, чтобы поразить человека, бегущего среди деревьев. Ричер перенес вес тела на одну ногу, чувствуя, как напрягаются подколенные сухожилия. Чувствуя прилив адреналина. Сражаться или бежать. Но тут Боркен снова широко раскинул рук. Распростер их словно крылья, и воспользовался поразительной силой своего взгляда.

– Я принял решение. Вы поняли?

Последовала долгая пауза. Продолжавшаяся несколько секунд. Затем сто голов взлетели вверх.

– Так точно, сэр! – рявкнули сто голосов.

– Вы всё поняли? – повторил Боркен.

Сто голов снова взлетели вверх.

– Так точно, сэр!

– Пять лет исправительных работ, – крикнул Боркен. – Но только если Ричер сможет доказать, кто он такой. Нам сообщили, что он стал единственным победителем соревнования снайперов, который служил не в морской пехоте. Нам сообщили, что этот человек способен всадить шесть пуль в серебряный доллар с расстояния тысяча ярдов. Поэтому я вызываю его на поединок. Дистанция восемьсот ярдов. Если Ричер победит, он останется жить. Если он проиграет, он умрет. Вам понятно?

Сто голов взметнулись вверх.

– Так точно, сэр!

Толпа снова зашумела. В людях опять проснулось любопытство. Ричер мысленно усмехнулся. Ловкий ход. Толпа жаждет зрелища. И Боркен ублажит ее желание. Выпустив задержанный вдох, Фаулер достал из кармана ключ. Нагнулся и расстегнул наручники. Цепь упала на землю. Шумно вздохнув, Ричер потер запястья.

Раздвигая толпу, Фаулер подошел к Холли. Остановился перед ней. Та вопросительно посмотрела на Боркена. Командир кивнул.

– Даю слово, – произнес он со всем тем высокомерным величием, какое только смог собрать.

Холли взглянула на Ричера. Тот, пожав плечами, кивнул. Кивнув в ответ, молодая женщина перевела взгляд на «Ингрэм». Поставила пистолет-пулемет на предохранитель и сняла ремень с плеча. Усмехнулась и бросила оружие на землю. Нагнувшись, Фаулер подобрал «Ингрэм». Боркен поднял руки, призывая к тишине.

– Всем на стрельбище! – крикнул он. – Организованно. Разойтись!

Холли подковыляла к Ричеру.

– Ты правда выиграл Уимблдон? – тихо спросила она.

Он молча кивнул.

– Значит, ты сможешь победить здесь?

Ричер снова кивнул.

– С завязанными глазами.

– Разумно ли будет? – тихо продолжала Холли. – Такой человек как Боркен не обрадуется поражению.

Ричер пожал плечами.

– Он хочет устроить зрелищный спектакль, и он его получит. Боркен потрясен до самых корней. Начала ты, а я хочу продолжить. В конечном счете это пойдет на пользу нам обоим.

– И все же, будь осторожен.

– Можешь не беспокоиться, – заверил ее Ричер.

* * *

На последнем огневом рубеже были установлены рядом две совершенно новые мишени. Боркену досталась та, что слева, с буквами «АТФ» на груди. Ричеру – та, что справа, с буквами «ФБР» на сердце. Грубые маты были отодвинуты назад, чтобы максимально увеличить расстояние. По

прикидке Ричера, всего получилось около восьмисот тридцати ярдов. Без пятидесяти ярдов полмили. Чертовски большое расстояние.

Людская толпа рассредоточилась широким полукругом за матами. Ближние мишени были уложены в траву, чтобы открыть последний огневой рубеж. Кое у кого были бинокли. Эти люди, не отрываясь, смотрели на мишени. Возбужденный гул затих, сменившись тишиной ожидания.

Фаулер сходил в арсенал, расположенный на поляне внизу. Вернулся он, держа в каждой руке по снайперской винтовке. Одна для Боркена, другая для Ричера. Абсолютно одинаковые. В каждой руке оружие стоимостью с неплохой автомобиль. «Баррет» модель 90 50-го калибра. Почти четыре фута длиной, весом свыше двадцати двух фунтов. Неавтоматический скользящий затвор, стреляют пулями диаметром полдюйма. Скорее уже не пулями, а маленькими артиллерийскими снарядами.

– Каждому по магазину, – распорядился Боркен. – По шесть патронов.

Взяв винтовку, Ричер положил ее на землю у ног. Малыш Стиви отогнал толпу назад, освобождая маты. Взяв свою винтовку, Боркен раздвинул двуногую сошку. С резким щелчком вставил магазин. Аккуратно опустил оружие на мат.

– Я буду стрелять первым, – объявил он.

Опустившись на колено, он уложил свою тушу рядом с винтовкой. Пододвинул ложе к себе. Переставил сошку на дюйм влево и переместил приклад чуть вправо. Передернув затвор, распластался на мате. Прижался щекой к прикладу и поднес глаз к окуляру оптического прицела. Отделившись от толпы, Джозеф Рэй протянул Ричеру свой бинокль. Молча кивнув, Ричер принял оптический прибор. Приготовился смотреть. Палец Боркена напрягся на спусковом крючке. Прозвучал первый выстрел.

Из массивного дульного тормоза вниз и в стороны вырвались пороховые газы. Над землей взметнулось облачко пыли. Крупнокалиберная винтовка дернулась; прогремел оглушительный выстрел. Звук раскатился над деревьями и через несколько секунд вернулся назад, отразившись от гор. Сто пар глаз переметнулись от Боркена к мишени. Ричер поднял бинокль и навел его на точку, находящуюся на удалении восьмисот тридцати футов.

Боркен допустил промах. Мишень осталась нетронутой. Всмотревшись в оптический прицел, Боркен поморщился. Снова передернул затвор и стал ждать, когда рассеется пыль. Ричер следил за ним. Боркен застыл неподвижно. Ровно дыша. Расслабившись. Затем его палец снова

напрягся. Раздался второй выстрел. Винтовка дернулась, выплевывая пороховые газы. Поднялась пыль. Ричер снова поднял бинокль. Попадание. На правом плече мишени появилось отверстие с неровными краями.

Толпа одобрительно зашумела. По рукам пошли бинокли. Люди начали перешептываться, затем снова затихли. Пыль опустилась. Боркен выстрелил еще раз. Слишком поспешно. Он еще не успел успокоиться. От Ричера не укрылась эта ошибка. Он даже не стал поднимать бинокль. Уверенный в том, что пуля полдюймового калибра улетела куда-то в Айдахо.

В толпе зашептались. Разъяренный Боркен всмотрелся в оптический прицел. Ричер отметил, что он все делает не так. Спокойствие таяло на глазах. Плечи напряглись. Боркен сделал четвертый выстрел. Ричер вернул бинокль Джозефу Рэю. Он больше в нем не нуждался. Он знал, что Боркен будет промахиваться и дальше. В таком состоянии он не попал бы в цель, расположенную в четырехстах ярдах. В двухстах ярдах. Промазал бы, стреляя в заполненном людьми помещении.

Сделав пятый и шестой выстрелы, Боркен медленно встал с мата. Поднял большую винтовку и в оптический прицел проверил то, что уже было известно всем.

– Одно попадание, – объявил он. Опустив винтовку, Боркен посмотрел на Ричера. – Твой черед. Жизнь или смерть.

Ричер кивнул. Фаулер протянул ему магазин. Ричер большим пальцем проверил пружину. Надавил на верхний патрон и почувствовал мягкое ответное усилие. Патроны блестели. Отполированные вручную. Пули для снайперов. Нагнувшись, Ричер поднял тяжелую винтовку. Держа ее вертикально, вставил магазин. Не с резким щелчком, как Боркен. А плавно вдавил его на место ладонью.

Раздвинул сошку, сначала одну ножку, затем другую. Вставил их в пазы. Взглянул на мишень и положил винтовку на мат. Опустился на корточки рядом с ней и улегся, в едином плавном движении. Застыл словно труп, положив руки на винтовку. Ему хотелось лежать и лежать вот так. Он очень устал. Смертельно устал. Но вот он пошевелился и мягко прижался щекой к прикладу. Положил левую руку на ствол, просунув пальцы под оптический прицел. Протянул правую руку к спусковому крючку. Прижался правым глазом к окуляру. Сделал выдох.

Стрельба из снайперской винтовки на большие дистанции является сложным искусством, которое определяется сочетанием многих факторов. Все начинается с химии. Большую роль играет металлообработка. Свой вклад вносят оптика, геофизика и метеорология. И всем заправляет биология человека.

Химия объясняет процесс сгорания метательного заряда. Порох, которым заполняется гильза, должен сгореть полностью, равномерно, мгновенно, с выделением большого количества энергии. Пороховые газы должны разогнать пулю по стволу с максимальной скоростью. Пуля полдюймового калибра, которой стреляет «Баррет», весит самую малую толику меньше двух унций. Вот она совершенно неподвижна. И одну тысячную долю секунды спустя пуля уже со скоростью почти тысяча девятьсот миль в час покидает ствол винтовки, направляясь к цели. Порох должен сгореть быстро, полностью, образовав большое количество стремительно расширяющихся газов. Очень сложная химия. Горение пороха в патроннике снайперской винтовки – самое эффективное горение в мире.

Затем на какой-то миг в действие вступает металлообработка. Сама пуля должна представлять собой идеальное творение. Самый совершенный продукт металлообработки, какой только может быть. Она отливается точнее, чем ювелирные украшения, чтобы обладать строго определенными размером и весом. Абсолютно круглая в сечении, абсолютно правильные обводы. Пуля должна перенять стремительное вращающее движение от нарезки в стволе. Вращаясь вокруг своей оси, она будет со свистом рассекать воздух, не рыская из стороны в сторону, не качаясь.

Ствол должен быть прочным и прямым. Не будет ничего хорошего, если от предыдущего выстрела он нагрелся и изменил форму. Ствол должен быть сделан из массы однородного металла и быть достаточно тяжелым для того, чтобы не реагировать на воздействия температуры и влажности. Вот почему винтовка «Баррет», которую сейчас держал в руках Ричер, стоит больше приличного седана. Вот почему левая рука Ричера свободно легла сверху на ложе – чтобы погасить остаточные колебания.

Важную роль играет оптика. Правый глаз Ричера застыл в дюйме от окуляра оптического прицела «Льюполд и Стивенс». Замечательный инструмент. Мишень четко виднелась на фоне тонких рисок, выгравированных на стекле. Ричер пристально всмотрелся в нее. Затем опустил приклад. Мишень в поле зрения прицела исчезла, сменившись голубым небом. Выдохнув, Ричер всмотрелся в небо.

Потому что жизненно важное значение имеет геофизика. Свет распространяется по прямой линии. Однако это единственное, что ведет себя так. Пуля летит не по прямой. Пуля является физическим телом, которое, подобно всем остальным физическим телам, подчиняется законам природы. Пуля следует за изгибом земной поверхности. На дистанции восемьсот тридцать ярдов этот изгиб уже становится ощутимым. Покидая ствол, пуля поднимается над линией

прицеливания, затем пересекает ее и опускается ниже. Описывая идеальную кривую, подобную изгибу земной поверхности.

Вот только на самом деле эта кривая не является идеальной, потому что в первую же миллисекунду после того, как пуля покидает ствол, ее начинает тянуть вниз маленькой настойчивой рукой сила земного притяжения. Пуля не может ее игнорировать. Кусочек свинца массой две унции в латунной оболочке летит со скоростью почти тысяча девятьсот миль в час, но сила притяжения неумолима. Сначала у нее получается не очень хорошо, но вскоре ей на помощь приходит лучший союзник. Сила сопротивления воздуха. С первой же миллисекунды полета сопротивление воздух замедляет скорость движения пули, все увеличивая и увеличивая вклад силы притяжения. Объединившись, сила сопротивления воздуха и сила земного притяжения тянут пулю вниз.

Поэтому надо целиться выше мишени. Наводить винтовку в точку, находящуюся футах в десяти прямо над мишенью, и через восемьсот тридцать ярдов изгиб земной поверхности, притяжение и сопротивление воздуха приведут пулю именно туда, куда нужно.

Вот только целиться надо в точку, находящуюся не прямо над мишенью. Потому что в этом случае не будет учитываться метеорология. Пуля летит в воздухе, а воздух движется. Редкий день воздух остается неподвижным. Обычно он куда-нибудь перемещается. Влево или вправо, вверх или вниз. Наблюдая за листьями на деревьях, Ричер пришел к выводу, что дует ровный северный ветер. Воздух сухой, движется справа налево, пересекая линию прицеливания. Поэтому Ричер навел винтовку на точку в восьми футах правее и десяти футах выше того места, куда собирался послать пулю. Он собрался выпустить пулю и доверить природе отклонить ее влево и вниз.

И над всем этим стояла биология человека. Снайперы – люди. А люди – это трясущиеся, дрожащие куски мяса и мышц. Сердце колотится огромным насосом, легкие перекачивают внутрь и наружу большие объемы воздуха. Каждое нервное окончание и каждая мышца дрожат, выделяя микроскопическую энергию. Ни один человек ни на мгновение не остается совершенно неподвижным. Даже самые спокойные люди в действительности вибрируют как сумасшедшие. От бойка до дула, скажем, ярд. Если дуло сместится на крохотную долю дюйма, пуля, пролетев восемьсот тридцать ярдов, сместится уже на восемьсот тридцать таких крохотных долей. Обычное умножение. То есть, если дрожь стрелка смещает дуло всего на одну сотую дюйма, пуля отклонится от мишени на восемь целых три десятых дюйма. На ширину головы человека.

Поэтому метод Ричера состоял в том, чтобы ждать. И просто смотреть в оптический прицел, дожидаясь, когда дыхание станет ровным, а сердце успокоится. Затем надавить на спусковой крючок, медленно, чуть-чуть, и ждать дальше. Потом отсчитать удары сердца. Один и два и три и четыре. Ждать до тех пор, пока ритм не замедлится. После чего выстрелить в промежутке между сердцебиениями. В тот самый момент, когда вибрации человеческого организма самые минимальные.

Ричер подождал. Медленно выпустил долгий выдох. Его сердце сделало один удар. Второй. Ричер выстрелил. Приклад ударил его в плечо, поле зрения закрылось облаком пыли, поднятой вырвавшимися из дульного тормоза пороховыми газами. Оглушительный грохот выстрела отразился от склонов гор и вернулся вместе с шепотом толпы. Ричер допустил промах. Бегущий фанерный силуэт с буквами «ФБР» на груди остался невредимым.

Подождав, когда пыль рассеется, Ричер снова посмотрел на деревья. Ветер дул ровный. Выдохнув, Ричер дождался окончания очередного удара сердца и выстрелил снова. Винтовка дернулась, выплевывая пулю. Поднялась пыль. Толпа загудела громче. Еще один промах.

Два промаха. Размеренно дыша, Ричер выстрелил еще раз. Промах. И еще. Опять промах. Ричер сделал большой перерыв. Снова вошел в ритм и выстрелил в пятый раз. Промахнулся. Толпа шумела все громче. Боркен шагнул вперед.

– Все поставлено на последний выстрел, – ухмыльнулся он.

Ричер промолчал. Не смог позволить себе тратить силы на разговор.

Сбой дыхания, напряжение мышц легких и гортани приведут к роковым последствиям. Ричер подождал очередного удара сердца. Затем еще одного. И выстрелил в шестой раз. Промахнулся. Опустив оптический прицел, Ричер посмотрел на мишень. Ни одного попадания.

Боркен молча таращился на него. В его глазах светился немой вопрос. Встав на колени, Ричер поднял винтовку. Достал пустой магазин. Двинул затвор вперед. Провел пальцем по аккуратной гравировке на ствольной коробке. Сложил сошку. Аккуратно опустил теплую винтовку на мат. Поднялся на ноги и пожал плечами. Боркен долго молча смотрел на него. Затем бросил взгляд на Фаулера. Тот озадаченно пожал плечами. У них на глазах человек стрелял, зная, что от этого зависит его жизнь, и промахнулся.

– Ты знал правила, – тихо промолвил Боркен.

Ричер стоял неподвижно. Не обращая на него внимания. Уставившись ввысь. По голубому небу ползли две полоски инверсионного следа, как будто кто-то чертил мелом в стратосфере.

– Подождите, сэр! – вдруг громко произнес Джозеф Рэй.

Он вышел из толпы. Горящий нетерпением. Переполненный сознанием собственной значимости. Ему было что сказать. Из всех присутствующих Рэй был одним из немногих, кто имел за плечами службу в армии, и он гордился тем, что видит вещи, скрытые от других. Считая, что это делает его особенным. Более ценным для общего дела.

Внимательно посмотрев на мат, Рэй лег на него в точности так же, как лежал Ричер. Перевел взгляд в сторону мишеней. Закрыл один глаз и посмотрел другим в бинокль словно в подзорную трубу. Наведя его на бегущую фигуру. Затем чуть сместил поле зрения и всмотрелся в какую-то точку чуть выше плеча мишени. Долго сосредоточенно разглядывал что-то, затем кивнул, соглашаясь с самим собой.

– Пойдемте!

Вскочив на ноги, Рэй трусцой побежал через все стрельбище. Фаулер поспешил следом за ним. Преодолев восемьсот тридцать ярдов, Рэй пробежал мимо мишени, даже не взглянув на нее. Не сбавляя скорости. Фаулер бежал следом. Пятьдесят ярдов. Сто. Наконец Рэй опустился на колено и оглянулся назад. Сопоставил свое положение с местонахождением мишени и мата. Развернулся и указал вперед, вытянув руку и палец словно винтовочный ствол. Поднялся с земли и прошел еще пятьдесят ярдов по направлению к определенному дереву.

Это была сиротливая серебристая березка. Чахлая, окруженная со всех сторон высокими соснами. Ее ствол искривился в борьбе за свет и воздух, сначала в одну сторону, затем в другую. Он был тонкий, не больше семи – восьми дюймов в диаметре. В шести футах от земли в стволе чернели шесть пулевых отверстий. Больших, свежих, оставленных пулями 50-го калибра. Три из них были расположены строго на вертикальной линии, на расстоянии дюймов семь. Остальные три изгибались кривой справа, начинающейся на некотором расстоянии от верхнего отверстия, в середине прижимающейся к центральному отверстию и снова отходящем от нижнего. Джозеф Рэй долго недоуменно разглядывал их. Наконец до него дошло, что они означают. Он улыбнулся. Шесть отверстий образовывали на белой коре березы ровную прописную букву "B". Вся буква занимала пространство дюймов семь в высоту на пять в ширину. Приблизительно размером с жирное лицо Боркена.

Отстранив Рэя, Фаулер развернулся и прислонился спиной к березе. Прижался затылком к пулевым отверстиям. Поднял бинокль и всмотрелся в маты, лежавшие на противоположном конце стрельбища. Прикинул, что березка находится более чем в ста пятидесяти ярдах за мишенью. А от мишени до ярдов больше восьмисот ярдов. Фаулер произвел в уме нехитрые арифметические вычисления.

– Тысяча ярдов!..

Они с Джозефом Рэем направились обратно к Боркену. Рэй делал широкие шаги, каждый примерно по ярду. Фаулер считал. Девятьсот девяносто шагов, девятьсот девяносто ярдов. Опустившись на колено на мат, Боркен взял у Рэя бинокль. Закрыл глаз и всмотрелся вдаль. С большим трудом разглядел белое деревце. Приложил все силы, чтобы не показать свое удивление, однако от Ричера это не укрылось. Он мысленно отметил: «Ты хотел получить большое представление, и ты его получил. Ну как, мой жирный дружок, тебе понравилось?»

– Хорошо, – наконец промолвил Боркен. – Что ж, давай посмотрим, как ты поведешь себя теперь.

* * *

Пятерка охранников, которая была шестеркой, когда в нее входил Джексон, выстроилась в линию. Окружая Ричера и Холли. Толпа начала тихо расходиться. Зазвучал шорох шагов по каменистой почве. Наконец шум замер вдали, и на стрельбище опустилась тишина.

Нагнувшись, Фаулер поднял винтовки. Взял по одной в каждую руку и пошел прочь напрямую через лес. Пятеро охранников взяли оружие наизготовку, громко хлопнув ладонями по дереву и металлу.

– Хорошо, – повторил Боркен. – А сейчас исправительные работы. – Он повернулся к Холли. – И ты тоже пойдешь с ним. Ты не настолько ценна, чтобы бездельничать. Поможешь Ричеру. У меня есть для него одна работенка.

Шагнув вперед, охранники повели Ричера и Холли следом за Боркеном. Маленькая процессия медленно прошла сквозь заросли к Бастиону и направилась по вытоптанной тропе к дому командира. Там Боркен остановился. Двое охранников, отделившись от остальных, сходили на склад. Вернулись через пять минут, с оружием за плечами. Первый нес в левой руке лопату с длинным черенком, а в правой фомку. У второго в руках были две рубашки защитного цвета. Взяв у него рубашки, Боркен повернулся к Ричеру и Холли.

– Раздевайтесь. Наденете вот это.

Холли удивленно уставилась на него.

– Зачем?

Боркен усмехнулся.

– Это часть игры, – объяснил он. – Если к наступлению темноты вы не вернетесь, мы спустим собак. Им понадобятся ваши рубашки, чтобы взять след.

Холли покачала головой.

– Я не буду раздеваться.

Смерив ее взглядом, Боркен кивнул.

– Мы отвернемся. Но тебе предоставляется только одна попытка. Если ты не переоденешься сама, тебе помогут вот эти ребята, хорошо?

Он отдал команду, и пятеро охранников, рассредоточившись широкой дугой, отвернулись к деревьям. Дождавшись, когда Ричер тоже отвернется, Боркен крутанулся на каблуках и уставился в небо.

– Ну а теперь живее.

Послышались звуки расстегиваемых пуговиц и шелест хлопчатобумажной ткани. Старая рубашка упала на землю, новая наделась на тело. Ногти снова завозились с пуговицами.

– Готово, – пробормотала Холли.

Сняв куртку и рубашку, Ричер поежился на прохладном ветерке, дующем с гор. Взяв у Боркена новую рубашку, он быстро натянул ее на себя. Набросил куртку на плечи. Боркен молча кивнул, и охранник передал Ричеру лопату и фомку. Боркен указал вглубь леса.

– Пройдете сто ярдов строго на запад. Затем еще сто на север. Когда придете на место, сами поймете, что нужно делать.

Холли вопросительно посмотрела на Ричера. Тот кивнул. Они медленно вошли в лес, направляясь на запад.

* * *

Отойдя ярдов на тридцать, как только Боркен и охранники скрылись из виду, Холли остановилась. Оперлась на костыль и подождала, когда Ричер остановится и вернется к ней.

– Я знаю, кто такой этот Боркен, – сказала Холли. – Я видела его фамилию в нашей базе данных. Его пытались привязать к вооруженному ограблению где-то в северной Калифорнии. Двадцать миллионов долларов в акциях на предъявителя. Был убит водитель инкассаторской машины. Дело разбирало наше отделение в Сакраменто, но так ничего и не смогло доказать.

Ричер кивнул.

– Это сделал Боркен. Тут не может быть никаких сомнений. Фаулер сам подтвердил это. Сказал, что в банке на Каймановых островах лежат двадцать миллионов. Захваченных у врага.

Холли поморщилась.

– Это объясняет предателя в Чикаго. Имея в банке двадцать миллионов, Боркен может позволить себе щедрые взятки, так?

Ричер задумчиво кивнул.

– Ты знаешь кого-нибудь из ваших, кто польстится на такое?

Она пожала плечами.

– Все вечно ноют по поводу маленького жалования.

– Нет, – покачал головой Ричер. – Вспомни того, кто не ноет. Тот, кому достались акции на предъявителя Боркена, о деньгах может больше не беспокоиться.

Холли снова пожала плечами.

– Конечно, есть и те, кто не жалуется. Кто-то свыкся с таким положением вещей, как я, например. Впрочем, наверное, я – это дело другое.

Ричер посмотрел на нее. Снова тронулся вперед.

– Да, ты – это дело другое. Это уж точно, черт побери.

Он произнес это рассеянно, думая о другом. Они прошли еще ярдов десять. Ричеру приходилось идти медленнее, чем он привык; Холли ковыляла рядом. Ричер был погружен в раздумья. У него в голове звучал визглявый голос Боркена: «Она больше, чем дочь генерала Джонсона.» Голос самой Холли, полный отчаяния: «Ну почему, черт возьми, все считают, что все происходящее со мной как-то связано с тем, кто мой отец?»

Остановившись, он пристально посмотрел на нее.

– Кто ты такая, Холли?

– Ты сам прекрасно знаешь.

Ричер покачал головой.

– Нет, не знаю. Сначала я думал, что ты просто какая-то женщина. Затем ты стала какой-то женщиной по имени Холли Джонсон. Потом превратилась в агента ФБР. После этого стала дочерью генерала Джонсона. А затем Боркен сказал мне, что ты больше, чем дочь генерала Джонсона. Когда ты разыграла на плацу этот маленький спектакль, Боркен чуть в штаны не наложил от страха. Холли, как заложница ты ценишься больше чем на вес золота. Так кто же ты еще?

Она посмотрела на него. Вздохнула.

– Это долгая история. Она началась двадцать восемь лет назад. Мой отец получил назначение в Вашингтон. Такое часто бывает с теми военными, кто быстро сделал карьеру. Там отец подружился с одним человеком. Тот занимался политическим анализом, собирался стать конгрессменом. В то время моя мать ждала меня, жена того политика также была беременна. Отец и этот человек договорились стать крестными родителями детей. Так что именно тот человек присутствовал при моем крещении.

– И?

– Его политическая карьера сложилась удачно, – продолжала Холли. – Он по-прежнему работает в Вашингтоне. Полагаю, ты голосовал за него. Сейчас он наш президент.

* * *

Ричер шел в оцепенении. Время от времени поглядывая на Холли, неуклюже ковылявшую рядом. В ста ярдах к западу от дома командира была еще одна каменистая проплешина, свободная от деревьев. Дойдя до нее, Ричер и Холли повернули на север, навстречу ветру.

– Куда мы идем? – спросила Холи. В ее голосе сквозила неприкрытая тревога.

Внезапно Ричер застыл на месте. Поняв, куда они идут. Ответ принес ветер. Ричера прошиб холодный пот. У него на спине высыпали мурашки. Он посмотрел на инструменты, которые нес в руках, так, словно видел их впервые в жизни.

– Оставайся здесь, – приказал он.

Холли покачала головой.

– Нет. Я пойду с тобой, чего бы это ни стоило.

– Пожалуйста, Холли, оставайся здесь, хорошо?

Удивленная его тоном, она тем не менее снова решительно покачала головой.

– Я иду с тобой.

Ричер беспомощно пожал плечами, и они пошли дальше. Ричер заставлял себя идти вперед, навстречу тому, что их ждало. Пятьдесят ярдов. Каждый шаг давался с огромным трудом. Шестьдесят ярдов. Ричеру неудержимо захотелось развернуться и убежать. Убежать прочь, не останавливаясь. Броситься с бурную горную реку, только чтобы убраться отсюда ко всем чертям. Семьдесят ярдов. Ричер остановился.

– Оставайся здесь, Холли. Пожалуйста.

– Почему?

– Не надо, чтобы ты это видела, – жалким тоном произнес он.

Покачав головой, Холли двинулась дальше. Ричер догнал ее. Сначала они почувствовали запах. Слабый, приторный, который ни с чем невозможно спутать. Один из самых распространенных и самый ужасный запах за всю долгую, страшную историю человечества. Запах свежей человеческой крови. Через двадцать шагов после того, как они почувствовали запах, их глазам открылось жуткое зрелище. Безумная круговерть миллиона мух.

Джексон был распят между двумя молодыми соснами. Его распростертые руки были прибиты к стволам гвоздями через ладони и запястья. Его заставили приподняться на цыпочки, и его ступни прибили к основаниям деревьев. Его полностью обнаженное тело было изуродовано. Он умирал в течение нескольких минут, у Ричера это не вызывало сомнений.

Он стоял неподвижно, уставившись на копошащуюся массу синих блестящих мух. Холли выронила костыль; ее лицо побледнело. Приобрело призрачный белый цвет. Она упала на колени, и ее вырвало. Отвернувшись от жуткой картины, Холли ничком распласталась на земле. Вцепившись руками в усыпанную хвоей землю. Затем, подняв голову, она разорвала лесную тишину нечеловеческим воплем. И расплакалась.

Ричер не мог оторвать взгляда от мух. У него на лице застыла непроницаемая маска. Глаза остекленели. Лишь крохотная жилка, дергающаяся в уголке губ, выдавала его переживания. Ричер простоял так несколько минут. Наконец Холли, распростертая за земле, затихла. Ричер бросил фомку. Повесил куртку на ветку дерева. Остановился прямо перед трупом и начал копать.

Он копал, переполненный молчаливой яростью. С силой вонзая лопату в землю. Перерубая корни одним свирепым ударом. Натыкаясь на камни, Ричер выворачивал их из земли и складывал в кучу. Усевшись на земле, Холли смотрела на него. Смотрела на его сверкающие глаза на бесстрастном лице и на вздувающиеся бицепсы. Следила взглядом за равномерным ритмом лопаты. Не произнося ни звука.

От физических усилий Ричеру стало жарко. Вокруг него закружили мухи. Оставившие труп Джексона и нашедшие себе новое развлечение. Ричер не обращал на них внимания. Напрягая все силы, углубляясь на шесть футов в землю. Наконец он прислонил лопату к дереву. Отер лицо рукавом. Не сказав ни слова. Взял фомку и подошел к трупу. Отогнал мух. Выдернул гвозди из левой руки. Тело Джексона повисло наискосок. Окоченевшая рука потянулась к яме. Мухи сердитым облаком

поднялись в воздух. Ричер подошел к правой руке. Вытащил гвозди. Труп повалился на землю. Ричер выдернул гвозди из ступней. Освобожденный труп сполз в могилу. Воздух, почерневший от полчища мух, наполнился их недовольным жужжанием. Спустившись в яму, Ричер распрямил труп. Сложил ему руки на груди.

Выбравшись из могилы, он, не позволив себе передышки, начал засыпать яму. Работал без остановки. Мухи исчезли. Ричер копал. Земли было слишком много. Когда он закончил, она возвышалась холмиком, как это всегда бывает с могилами. Придав холмику правильную форму, Ричер бросил лопату. Нагнулся и принялся за камни, которые сам только что вырыл. Обложил могильный холмик по периметру. Положил самый большой камень сверху, словно надгробие.

Ричер остался стоять, учащенно дыша, будто дикарь, перепачканный грязью и потом. Холли молча смотрела на него. Наконец заговорила, впервые за целый час:

– Наверное, нам надо прочитать молитву?

– Уже слишком поздно, – покачав головой, тихо промолвил Ричер.

– Как ты?

– Кто предатель? – ответил вопросом на вопрос он.

– Не знаю.

– Ну а ты подумай, хорошо? – в сердцах произнес он.

Холли сверкнула глазами.

– По-твоему, я не думаю? А чем еще я занималась весь последний час, черт побери?

– Кто он, твою мать? – спросил Ричер, все еще не в силах успокоиться.

– Это может быть кто угодно. В чикагском отделении добрая сотня агентов.

Холли сидела на усыпанной хвоей земле, сжавшаяся в комок, жалкая, побежденная. Она верила своим коллегам. Она сама говорила Ричеру об этом. Она была полна наивной верой. «Я верю в своих.» Ричер ощутил прилив нежности. Захлестнувшей его с головой. Не жалости, не сочувствия, а просто агонизирующей нежности к человеку, чей чистый, светлый мир только что рухнул в грязь. Ричер не отрывал взгляда от Холли, надеясь, что она поймет его чувства без слов. Холли посмотрела на него, и у нее в глазах блеснули слезы. Ричер протянул руки. Холли схватилась за них. Он поднял ее на ноги и привлек к себе. Оторвал от

земли и заключил в объятия. Прижимая к своей груди, в которой неистово колотилось сердце. Холли уткнулась мокрым лицом ему в шею.

Ее руки поднялись к затылку Ричера. Она привлекла его к себе и подняла лицо, жадно целуя его в губы. Ее руки сплелись у него на шее. Ричер ощутил ее порывистое дыхание. Опустился на колени и нежно уложил Холли на мягкую землю. Ее руки вцепились в пуговицы его рубашки. Его руки стали срывать одежду с нее.

Обнаженные, они слились в объятиях любви прямо на земле, горячо, жадно, страстно, словно бросая вызов самой смерти. Затем, изнеможенные, задыхающиеся, они лежали, не разжимая рук, уставившись на солнечные лучи, тонкими спицами пробивающиеся сквозь полог леса.

* * *

Ричер поглаживал волосы Холли, чувствуя, как успокаивается ее дыхание. Он долго молча обнимал ее, глядя на пылинки, кружащие в полоске солнечного света.

– Кто знал о твоих планах на понедельник? – наконец тихо промолвил Ричер.

Холли задумалась. Ничего не ответила.

– Кто из этих людей в то время еще не знал насчет Джексона?

Снова молчание в ответ.

– И кто из них не испытывает недостатка в деньгах?

Молчание.

– И кто появился недавно? Кто мог где-нибудь пересечься с Бо Боркеном и купиться на его щедрые подношения? В прошлом? Например, расследуя то ограбление в Калифорнии?

Холли вздрогнула в его объятиях.

– Четыре вопроса, Холли, – настаивал Ричер. – Кто подходит под все четыре?

Она мысленно перебрала все возможности. Действуя методом исключения. Алгоритм, через который было пропущено сто фамилий. Большинство оказалось отброшено уже после первого же вопроса. Второй позволил отмести еще несколько человек. Третий – еще горстку. Четвертый вопрос оказался решающим. Холли снова вздрогнула.

– Таких всего двое.

Глава 33

Милошевич и Броган сидели плечом к плечу на заднем кресле военного вертолета, пристегнутые ремнями. Макграт, Джонсон и его адъютант втиснулись втроем на средний ряд. Экипаж сидел впереди. Вертолет поднялся в воздух с аэродрома Сильвер-Боу и, громыхая, наклонил нос вперед и полетел на северо-запад над Бюттом, на маленькой высоте, развивая максимальную скорость. Это был старый «Белл», оснащенный новым двигателем, и он выжимал сто двадцать миль в час, правда, за счет оглушительного рева. Поэтому Макграту и Джонсону приходилось кричать в ларингофоны, чтобы их слышали.

Макграт вышел на связь с центром имени Гувера. Он пытался переговорить с Гарланддом Уэбстером. Одной рукой Макграт прижимал ларингофон к шее, другой – наушник к уху. Он говорил о ракетной части. Не зная, слышит ли его Уэбстер. Он просто повторял снова и снова одни и те же слова, так громко, как только мог. В конце концов Макграт щелкнул тумблером и сорвал с головы наушники. Швырнул их второму пилоту.

Генерал Джонсон разговаривал с авиабазой Петерсон. Радиоконтакт так и не был восстановлен. Генерал ограничился просьбой через два часа переслать самую свежую информацию по наземной закрытой линии связи напрямую в передвижной командный пункт. Разобрать ответ ему не удалось. Сняв наушники, Джонсон вопросительно посмотрел на Макграта. Тот молча пожал плечами. Вертолет с грохотом летел вперед.

* * *

Оглушительный вой резко оборвался. В наступившей внезапно тишине Гарланд Уэбстер положил трубку. Протянул руку и связался по внутреннему переговорному устройству с секретаршей.

– Мою машину.

Пройдя к отдельному лифту, он спустился в гараж. Подошел к лимузину. Водитель предупредительно раскрыл перед ним дверь.

– В Белый дом, – бросил Уэбстер.

На этот раз водитель промолчал. Завел двигатель и выехал из гаража. Влился в оживленный поток вечернего часа пик. Лимузин медленно протащился тысячу шестьсот ярдов на запад. Уэбстера провели в ту же самую комнату с белыми стенами. Ему пришлось подождать четверть часа. В комнату вошел Декстер. Судя по всему, недовольный нем, что директор ФБР вернулся так рано.

– Они похитили ракеты, – сказал Уэбстер.

– Какие еще ракеты?

Уэбстер объяснил все как смог. Декстер выслушал его. Не кивая. Не задавая никаких вопросов. У него на лице ничего не отразилось. Когда директор ФБР закончил, Декстер лишь попросил его подождать в комнате.

* * *

Военный «Белл» приземлился на мощенную гравием обочину в двухстах ярдах к югу от того места, где шоссе, ведущее в Йорк, сужалось перед тем, как устремиться прямо в горы. Пилот не стал глушить двигатель и пятерым пассажирам , выпрыгнувшим из кабины, пришлось быстро бежать, пригнувшись, спасаясь от мощного воздушного вихря. Дорога впереди была перегорожена машинами. Армейская техника, в беспорядке расставленная на асфальте. Одна машина медленно разворачивалась на узкой полосе, стиснутой с двух сторон скалами. Направившись к приземлившемуся вертолету, машина остановилась в пятидесяти ярдах от него. Генерал Джонсон шагнул вперед. Машина подъехала прямо к нему. Это был новый «Шевроле» защитно-зеленого цвета. На капоте и дверях нарисованные по шаблону буквы и символы. Из машины вышел офицер. Козырнув генералу, он обежал вокруг «Шевроле», открывая все двери. Пятеро человек втиснулись в салон, и машина, развернувшись, проехала двести ярдов на север к основной массе техники.

– Командный пункт находится в пути, сэр, – доложил офицер. – Он должен прибыть на место через сорок минут. Машины станции спутниковой связи подоспеют еще через час. Предлагаю подождать в машине. На улице весьма прохладно, сэр.

– От ракетной части никаких известий? – спросил Джонсон.

Офицер мрачно покачал головой.

– Никаких, сэр.

* * *

Уэбстеру пришлось прождать почти целый час. Наконец дверь небольшой белой комнаты со скрипом открылась. На пороге стоял сотрудник службы охраны.

– Пожалуйста, следуйте за мной.

Уэбстер поднялся с места. Охранник поднес к губам руку и что-то произнес в манжету. Уэбстер прошел следом за ним по пустынному коридору до лифта. Крохотная кабина двигалась очень медленно. Она опустилась на первый этаж. Уэбстер с охранником прошли по другому пустынному коридору и остановились перед белой дверью. Охранник постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь.

Президент сидел за письменным столом. Кресло было развернуто, и он сидел затылком к кабинету. Глядя через пуленепробиваемое стекло на вечерние сумерки, наползающие на сад. Декстер сидел в кресле. Уэбстеру никто не предложил сесть. Президент даже не обернулся. Услышав, как за охранником закрылась дверь, он начал говорить:

– Предположим, я судья. А вы – полицейский, пришедший ко мне за ордером на арест.

Уэбстер видел в толстом стекле отражение его лица, казавшееся бесформенным розовым пятном.

– Хорошо, сэр, предположим.

– Что у вас есть? – продолжал президент. – И чего нет? Вам даже не известно со всей определенностью, что Холли находится именно там. У вас есть на месте внедренный агент, однако он до сих пор не подтвердил это. Вы можете только строить догадки. Ну а ракеты? Военные потеряли радиосвязь. Может быть, это временное. Существуют десятки возможных объяснений этому. Ваш агент не упоминал ни о каких ракетах.

– Сэр, вероятно, у него возникли какие-то проблемы, – сказал Уэбстер. – И он получил приказ действовать крайне осторожно. Наш агент выходит на связь, когда у него появляется возможность. Он не может просто взять и скрыться в лесу, чтобы развернуть свой передатчик.

Президент кивнул. Розовое пятно на стекле сместилось сначала вверх, затем вниз. В этом движении было сочувствие.

– Мы все это понимаем, Гарланд. Поверьте. Но, учитывая масштабы происходящего, нам приходится предположить, что ваш человек не очень-то и старается что-либо сделать. В любом случае, никаких конкретных сведений у вас нет. Так что вы можете предложить нам только свои предположения.

Уэбстер развел руками. Заговорил, обращаясь к затылку президента:

– Сэр, все это очень серьезно. Боркен и его люди вооружаются, она захватили заложника, а теперь еще идут разговоры об отделении от Союза.

Президент кивнул.

– Неужели вы не понимаете, что главная проблема именно в этом? Если бы речь шла о трех безумцах, засевших в лесу с бомбой, мы бы уже давно приказали вам действовать. Однако это не так. События в Монтане могут привести к самому серьезному конституционному кризису с 1860 года.

– Значит, вы все-таки согласны со мной, – сказал Уэбстер. – К происходящему следует относиться серьезно.

Президент покачал головой. Печально, словно он был расстроен, но не удивлен тем, что директор ФБР его не понимает.

– Нет. Мы не воспринимаем этих людей всерьез. Вот почему все это так чертовски сложно. Мы имеем дело с шайкой спятивших идиотов, которым повсюду мерещатся заговоры. И им вздумалось говорить о предоставлении независимости их крошечному клочку никчемной земли. Однако вопрос заключается вот в чем: как должна отнестись к этому зрелая демократия? Беспощадно расправиться с этими несчастными недоумками, да, Гарланд? Обрушить смертоносный кулак на горсть заблуждающихся глупых граждан? Целое поколение наших политиков обвиняло за то же самое Советский Союз. Так неужели сейчас мы сами поступим так же?

– Сэр, речь идет о преступниках, – напомнил Уэбстер.

– Да, это действительно так, – терпеливо согласился президент. – Эти люди изготавливают фальшивые деньги, незаконно владеют оружием, не платят федеральные налоги, разжигаю расовую вражду, возможно, за ними даже числится ограбление инкассаторской машины. Но это лишь детали, Гарланд. А главное то, что все они – американские граждане, недовольные существующими порядками. И как нам отнестись к этому? Мы поддерживали недовольных граждан восточноевропейских стран в борьбе за независимость, правда? Так как же нам сейчас относиться к своим собственным недовольным гражданам? Объявлять им войну, да, Гарланд?

Уэбстер стиснул зубы. Он чувствовал себя окончательно сбитым с толку. Ему казалось, что густые ковры, мягкие краски и непривычный аромат воздуха Овального кабинета душат его.

– Это преступники, – только и смог сказать он.

Президент кивнул. Снова сочувственно.

– Да, преступники. Но взгляните на все шире, Гарланд. В чем их главное преступление? В том, что они ненавидят свое правительство. Если мы накажем их за это чересчур строго, это может привести к кризису. Как вам уже говорил Декстер, около шестидесяти миллионов американцев находятся на грани. И нынешняя администрация прекрасно сознает это, Гарланд. Поэтому нынешняя администрация собирается действовать очень осторожно.

– Ну а как же Холли? Не можете же вы просто принести ее в жертву.

Наступила тишина. Президент по-прежнему упорно не поворачивался к Уэбстеру лицом.

– Из-за Холли я также не могу действовать, – наконец тихо промолвил он. – Я не имею права действовать, повинуясь личным мотивам. Неужели вы не можете это понять? Эмоциональный, гневный ответ явится ошибкой. Большой ошибкой. Я должен подождать и все обдумать. Я уже говорил с генералом Джонсоном. Мы беседовали с ним несколько часов. Скажу честно, Гарланд: генерал на меня зол, и, опять таки честно, я его за это не виню. Вероятно, это мой самый старый друг, и он на меня зол. Так что не говорите со мной о жертвах, Гарланд. Потому что моя должность сопряжена с неизбежными жертвами. Мне приходится ставить общее благо превыше дружбы, превыше личных интересов. Постоянно приходится. В этом и заключается работа президента.

Снова наступило молчание.

– Итак, господин президент, что же вы все-таки хотите мне сказать? – наконец спросил Уэбстер.

Опять долгое молчание.

– Ничего не хочу, – ответил президент. – Я хочу вам сказать только то, что ситуация полностью находится в ваших руках. То, что если в понедельник утром проблема еще останется, обращайтесь к мистеру Декстеру.

* * *

Никто не остался ждать в машине. Всех переполняло беспокойство. Выйдя на прохладный горный воздух, агенты ФБР бесцельно бродили вдоль дороги. Джонсон, его адъютант и встретивший их офицер пошли на север осматривать предполагаемое место для передвижного штаба. Макграт, Броган и Милошевич держались от них особняком. Макграт задумчиво курил одну сигарету за другой. Время от времени ныряя в салон «Шевроле», чтобы воспользоваться автомобильной рацией. Он связался с полицией штата Монтана, с электроэнергетической компанией, с телефонной станцией, с лесниками.

Броган и Милошевич направились на север. Подошли к боевой машине пехоты. Бронированной машине, внешне напоминающей танк. Неподалеку офицер и восемь солдат, рослых, молчаливых, разбивали на обочине дороги палатки. Поздоровавшись с ними, Милошевич и Броган повернули обратно. Подошли к Макграту и стали ждать. Через сорок минут далеко на юге послышался слабый рев мощных двигателей. Шум нарастал, и наконец из-за поворота показалась маленькая колонна грузовиков. Больших, неуклюжих, на высокой подвеске. Большие колеса, широкие покрышки с мощным протектором. Машины

неторопливо тащились вперед на пониженной передаче. Им навстречу выбежал офицер. Объяснил, где надо будет расположиться. Грузовики медленно проползли мимо и остановились по два в ряд в том месте, где шоссе ныряло в щель в скалах.

Их было четыре. Зеленая с черными пятнами камуфляжная раскраска, вдоль бортов скатанная маскировочная сеть, белые номера и большие белые звезды. Два первых грузовика ощетинились антеннами и маленькими тарелками спутниковой связи. Два других представляли собственно штабные помещения. Каждый грузовик имел на всех четырех углах по мощному гидравлическому домкрату. Водители выдвинули домкраты. Широкие стальные подушки уперлись в асфальт, и грузовики приподнялись над землей. Затем водители заглушили двигатели, и громкий рев дизелей сменился тишиной гор.

Водители спустились из кабин. Подбежали к кузовам своих машин и открыли двери. Достали короткие алюминиевые лестницы. Поднялись внутрь и щелкнули тумблерами. Четыре кузова озарились зеленоватым светом. Водители спустились вниз. Подошли к офицеру и вытянулись по стойке «смирно».

– Сэр, все готово, – доложил старший.

Офицер кивнул. Указал на «Шевроле».

– Садитесь в эту машину и возвращайтесь назад. Да, и забудьте о том, что когда-либо были здесь.

Старший снова козырнул.

– Вас понял, сэр.

Четверо водителей подошли к «Шевроле». В тишине гулко разнесся стук их высоких ботинок. Водители сели в машину и завели двигатель. «Шевроле» развернулся и скрылся в сторону юга.

* * *

Когда Уэбстер вернулся к себе в кабинет, там его ждали досье на Бо Боркена и посетитель. Военная форма под плащом защитного цвета, лет шестьдесят – шестьдесят пять, серо-стальной ежик на голове, в руке потертый кожаный портфель, у ног потертая дорожная сумка.

– Насколько я понял, вы хотели со мной поговорить, – сказал посетитель. Я генерал Гарбер. В течение нескольких лет я был командиром Джека Ричера.

Уэбстер кивнул.

– Я сейчас отправляюсь в Монтану. Поговорим там.

– Мы это предусмотрели. Если Бюро доставит нас по воздуху в Калиспелл, оттуда мы сможем добраться до места военным вертолетом.

Уэбстер снова кивнул. Нажал кнопку связи с секретаршей. Той не оказалось на месте.

– Проклятие!

– Внизу ждет моя машина с водителем, – предложил Гарбер. – Он отвезет нас на авиабазу Эндрюс.

Уэбстер позвонил из машины, и на авиабазе их уже ждал готовый к вылету «Лир». Через двадцать минут после того, как Гарланд Уэбстер покинул Белый дом, он уже находился в воздухе, пролетая над центром Вашингтона на запад. У него мелькнула мысль, услышит ли президент рев двигателей через пуленепробиваемое стекло.

* * *

Специалисты ВВС с передвижной станцией спутниковой связи прибыли на место через час после того, как был развернут командный пункт. В колонне было всего два грузовика. Первый очень напоминал командный пункт: большой, высокий грузовик, по бокам гидравлические домкраты, сзади короткий алюминиевый трап. Второй представлял собой грузовую платформу, на которой была установлена громадная тарелка спутниковой связи и механизм наведения. Как только грузовик встал на место и поднялся на домкратах, механизм развернул тарелку вверх, в сторону разведывательных самолетов, кружащих в темнеющем небе на высоте семи миль. Антенна захватила цели, и умная электроника стала следить за их перемещениями. Тихо зажужжал двигатель, и огромная тарелка начала невидимое для глаза движение по широкой дуге. Техники протянули от платформы до крытого грузовика кабель толщиной с толстую ветку. Забрались в кузов и включили мониторы и записывающую аппаратуру.

Макграт прокатился вместе с солдатами. Бонетранспортер проехал милю на юг и встретил патрульную машину полиции штата Монтана. Переговорив с Макгратом, полицейский открыл багажник своей машины. Достал красные сигнальные фонари и временные дорожные знаки. С помощью солдат установил на шоссе знак «Опасно! Проезд закрыт» и два сигнальных фонаря по бокам. Затем они установили еще три красных фонаря и щит с надписью: «Впереди разобран мост». Еще через пятьдесят ярдов к северу перегородили фонарями все дорожное полотно. Повесили знаки «Проезд закрыт». Когда полицейский сел в свою машину и уехал на юг, солдаты достали из бронетранспортера топоры и начали валить деревья. Ревя двигателем, тяжелая машина вытаскивала поваленные стволы на дорогу. Укладывая их зигзагом. Так, чтобы проехать мимо было можно, но только на минимальной скорости,

петляя из стороны в сторону. Двое солдат были оставлены часовыми на обочине. Остальные шестеро вместе с Макгратом вернулись на север.

Джонсон находился в командной машине. Разговаривал по радио с базой Петерсон. Известия были плохие. Связь с ракетной частью отсутствовала уже больше восьми часов. У генерала было правило, усвоенное на горьком опыте в джунглях Вьетнама: если связь с каким-то подразделением отсутствует больше восьми часов, все подразделение можно вносить в списки потерь.

В самолете Уэбстер и Гарбер не разговаривали друг с другом. Так решил Уэбстер. Опытный чиновник, он понимал, что все то, что он услышит от Гарбера, ему придется выслушивать еще раз, когда соберется вся команда. Поэтому директор ФБР молча сидел в кресле и под рев реактивных двигателей читал личное дело Боркена, полученное из Квантико. Гарбер бросал на него вопросительные взгляды, но Уэбстер не обращал на него внимание. Если сейчас объяснить все Гарберу, потом все равно придется повторять все Макграту и Джонсону.

На Калиспелл уже опустилась ночная прохлада. Уэбстер и Гарбер быстро прошли под шум двигателей к военному «Беллу». Гарбер назвал себя пилоту, и тот опустил на бетон короткий трап. Гарбер и Уэбстер поднялись в кабину и устроились там, где им сказали. Второй пилот показал знаками, что они должны пристегнуться и что полет будет продолжаться около двадцати пяти минут. Кивнув, Уэбстер вслушался в свист несущего винта, отрывающего вертолет в воздух.

Генерал Джонсон только что завершил еще один долгий разговор с Белым домом, когда послышался шум приближающегося вертолета. Встав в дверях передвижного командного пункта, он проследил взглядом, как винтокрылая машина приземлилась на той же самой обочине в двухстах ярдах к югу. Из кабины вылезли две фигуры, которые, пригибаясь, побежали прочь от вертолета. «Белл» поднялся в воздух и, накренившись, улетел на юг.

Джонсон пошел навстречу прилетевшим. Кивнув Гарберу, он отвел Уэбстера в сторону.

– Ну что там?

Уэбстер покачал головой.

– Никаких перемен. Белый дом хочет остаться в стороне. А у вас?

– Ничего.

Уэбстер кивнул. Говорить больше было нечего.

– Что у нас здесь?

– С точки зрения Белого дома – ничего, – ответил генерал. – Два разведывательных самолета находятся в воздухе. Формально совершают испытательный полет. У нас здесь восемь морских пехотинцев и бронетранспортер. Формально они на учениях. Их командир знает, где они находятся, но не знает, зачем, и ни о чем не спрашивает.

– Дорога перекрыта?

Джонсон кивнул.

– Теперь мы здесь полностью предоставлены сами себе.

Глава 34

Ричер и Холли сидели в лесу, прижавшись спиной к двум растущим по соседству соснам, и смотрели на холмик над могилой Джексона. Они просидели так до тех пор, пока дневной свет не погас, сменившись сумерками. За все время они не сказали друг другу ни слова. В лесу стало холодно. Подошло время принимать решение.

– Мы возвращаемся, – наконец сказала Холли.

Это был не вопрос, а утверждение. В голосе молодой женщины прозвучала отрешенность. Ричер ничего не ответил. Он размеренно дышал, уставившись в пустоту, погруженный в раздумья. Возрождая в памяти вкус и запах Холли. Ее волосы и глаза. Ее губы. Ее тело, сильное, гибкое и настойчивое.

– Стемнело, – сказала Холли.

– Еще не совсем.

– Мы должны идти. На нас спустят собак.

Ричер снова ничего не ответил. Продолжая молча сидеть, уставившись вдаль.

– Больше нам идти некуда, – настаивала Холли.

Кивнув, Ричер медленно встал. Потянулся, глубоко дыша, разминая затекшие члены. Помог встать Холли, снял с дерева куртку и накинул ее на плечи. Подобрал фомку, валявшуюся на земле рядом с лопатой.

– Мы уходим отсюда сегодня ночью, – сказал он. – Завтра здесь начнется настоящее дерьмо. День независимости.

– Хорошо бы, но как?

– Пока что я сам еще не знаю.

– Не рискуй напрасно из-за меня.

– Ты стоишь того.

– Из-за того, кто я такая?

Ричер кивнул.

– Да, из-за того, кто ты такая. Не из-за твоего отца. И не и из-за крестного отца, черт бы его побрал. Да, кстати, я за него не голосовал.

Приподнявшись на цыпочки, Холли поцеловала его в губы.

– Береги себя, Ричер.

– А ты будь готова. Где-нибудь в районе полуночи.

Холли кивнула. Они прошли сто ярдов на юг к каменистой проплешине. Повернули и прошли сто ярдов на восток до поляны. Вышли из леса прямо на пятерых охранников, ждавших их, выстроившись полукругом. Четыре автоматических винтовки. В центре стоял Джозеф Рэй. Судя по всему, он командовал маленьким отрядом, и у него в руке был «глок-17».

– Она возвращается в свою комнату, – сказал Рэй. – Ты идешь на гауптвахту.

Охранники рассредоточились. Двое стали по бокам Холли. Та взглянула на них, сверкнув глазами, и они даже не попытались взять ее под руки. Просто медленно пошли следом за ней. Обернувшись, Холли посмотрела на Ричера.

– Увидимся позже, Холли, – окликнул ее он.

– Не слишком рассчитывайте на это, мисс Джонсон, – усмехнулся Джозеф Рэй.

Он проводил Ричера до дверей гауптвахты. Достал ключ и отпер замок. Распахнул входную дверь. Втолкнул Ричера внутрь, держа пистолет наготове. Затем закрыл за собой дверь и снова запер ее на ключ.

Гауптвахта размерами напоминала дом командира. Но она была совершенно пустая внутри. Голые стены, ни одного окна, лампы, забранные толстой решеткой. На полу у дальней стены правильный квадрат, нанесенный желтой краской, со стороной около двенадцати дюймов. В остальном глазу было не на чем остановиться.

– Встань в этот квадрат, – приказал Рэй.

Ричер кивнул. Эта система была ему знакома. Заставить человека стоять час за часом по стойке «смирно», без движения, – очень действенное наказание. Ему время от времени приходилось слышать об этом. Однажды он даже видел результаты. После первых нескольких часов начинается боль. Сначала не выдерживает спина, затем боль

разливается вверх по ногам, начиная от голени. На второй или третий день распухают и лопаются щиколотки, кости бедра выпирают вверх, шея ломается.

– Вставай же, – повторил Рэй.

Ричер ушел в дальний угол и нагнулся. С показной старательностью смахнул рукой пыль с пола. Развернулся и медленно опустился, уютно устроившись спиной к стене. Вытянул ноги и сложил руки на затылке. Закинул ногу на ногу и улыбнулся.

– Ты должен встать в квадрат! – теряя терпение, произнес Рэй.

Ричер внимательно посмотрел на него. Джозеф Рэй хвалился, что разбирается в танках. Значит, он служил в армии. Рядовым, в механизированной части. Скорее всего, заряжающим, возможно, механиком-водителем.

– Встать! – воскликнул Рэй.

Если рядовой получил приказ, чего он боится больше всего на свете? Нагоняя от офицера за то, что не смог выполнить этот приказ, вот чего.

– Встать, черт побери!

Так что рядовой или выполняет приказ, или скрывает то, что не смог его выполнить. Ни один рядовой за всю историю еще не приходил к своему командиру со словами: «Сэр, я не смог это сделать.»

– Ричер, я приказал тебе встать, – тихо произнес Рэй.

Если он не выполнит приказ, то будет молчать. Так гораздо лучше.

– Ты хочешь, чтобы я встал? – вежливо поинтересовался Ричер.

– Да, встань.

Ричер покачал головой.

– Тебе придется заставить меня подчиниться, Джо.

Рэй задумался. Мыслительный процесс у него в голове происходил крайне медленно. Стадии этого процесса отображались в движениях. Сначала «глок» поднялся. Затем опустился. Застрелить безоружного пленника – само по себе признание неудачи. Это то же самое, что сказать: «Сэр, я не смог это сделать.» Затем Рэй посмотрел на свои руки. Украдкой бросил взгляд на Ричера. Поспешно отвернулся. Поединок без оружия исключается. Джозеф Рэй стоял, окутанный густым туманом растерянности.

– Где ты служил? – спросил Ричер.

Рэй пожал плечами.

– Там и сям.

– Где там и сям?

– Дважды я был в Германии. И я участвовал в операции «Буря в пустыне».

– Механик-водитель?

– Заряжающий, – поправил Рэй.

Ричер кивнул.

– Вы, танкисты, тогда неплохо поработали. Я сам участвовал в «Буре в пустыне». Я видел вас в деле.

Рэй кивнул. Втягиваясь в разговор, на что и рассчитывал Ричер. Если не можешь победить противника, переходи на его сторону. Осторожно сместившись влево, Рэй сел на корточки спиной к двери. Положив «глок» на бедро. Кивнул.

– Мы их замочили.

– Это точно, – подтвердил Ричер. – Вы их замочили. Итак, Германия и Кувейт. И тебе понравилось там?

– Не очень.

– Понравились их системы?

– Какие еще системы?

– Государственные. Их законы, свободы и все прочее?

Похоже, Рэй был озадачен.

– Да я ничего и не заметил. Не обращал на это внимание.

– Так с чего ты взял, что их системы лучше нашей?

– А кто говорит, что они лучше?

– Ты сам. Вчера вечером ты рассказывал мне, как плохо у нас в Америке. Значит, где-то в других местах должно быть лучше.

Рэй покачал головой.

– Ничего такого я тебе не говорил.

– Так у нас в Америке плохо или нет? – настаивал Ричер.

– Не знаю, – растерянно пробормотал Рэй. – Наверное, плохо. В Америке много плохого.

Ричер кивнул.

– Очень много. Полностью согласен с тобой. Но я скажу тебе еще кое-что. В Америке лучше, чем где бы то ни было еще. Я это точно знаю, потому что побывал везде. И везде хуже. Гораздо хуже. В Америке много плохого, но во всех остальных местах плохого гораздо больше. Вам следует задуматься об этом.

Рэй внимательно посмотрел на него.

– Ты считаешь, мы ошибаемся?

Ричер кивнул.

– Я уверен в этом. Абсолютно. Все то, что вы мне говорили, чушь собачья. Все до последней капли. Ничего этого нет.

– Нет, есть, – запальчиво произнес Рэй. – Так сказал Бо.

– А ты сам хорошенько подумай, Джо, – продолжал Ричер. – Ты служил в армии. Видел, как она действует. И ты действительно считаешь, что какое-то там всемирное правительство могло организовать такой заговор и сохранить все это в тайне? Тебе в армии когда-нибудь выдавали ботинки твоего размера?

Рэй рассмеялся.

– Такого ни разу не было.

– Вот именно, – подхватил Ричер. – А раз эти люди не смогли обеспечить тебя ботинками нужного размера, как им удалось устроить все то, о чем говорит Бо? Передатчики, спрятанные во всех новых машинах! Ты полагаешь, в Детройте смогут провернуть подобную сложную операцию? Да им придется отзывать назад каждую вторую машину, так как что-нибудь будет работать неправильно. Джо, ты играешь в азартные игры?

– Почему ты это спрашиваешь?

– Каковы шансы того, что всемирное правительство смогло организовать такой огромный заговор и сохранить это в полнейшей тайне на протяжении стольких лет?

По лицу Рэя растянулась улыбка, и Ричер понял, что начинает проигрывать. Он словно говорил, обращаясь к глухой стене. Учил шимпанзе читать.

– Но всемирному правительству не удалось сохранить тайну, – торжествующим тоном произнес Рэй. – Мы узнали о том, что намечается. Как я уже говорил, у Бо есть доказательства. Документы. Так что никакая это не тайна. Вот почему мы здесь. Бо прав, в этом не может быть никаких сомнений. Он очень умный.

Закрыв глаза, Ричер вздохнул.

– Вам остается только надеяться на это.

– Бо очень умный, – повторил Рэй. – И он готов идти до конца. Он собрал всех нас вместе. Здесь был с десяток различных групп. Но затем все остальные предводители ушли. А их люди примкнули к Бо, поверив ему. Он очень умный, Ричер, и в нем наша последняя надежда. Даже не думай о том, чтобы отговорить кого-либо из нас идти за ним. Мы любим Бо и верим ему.

– А что насчет Джексона? – спросил Ричер. – Ты считаешь, Бо поступил правильно?

Рэй пожал плечами.

– Джексон был шпионом. Такое уже случалось в прошлом. Бо изучал историю. Такое уже происходило в 1776 году, правильно? «Красные мундиры» повсюду рассылали своих шпионов. А мы их ловили и вешали. У многих старых дам на Восточном побережье в саду растут вековые дубы, знаменитые тем, что когда-то на них были вздернуты шпионы «красных мундиров». Кое-кто из этих дам берет по полтора доллара только за то, чтобы посмотреть на эти деревья. Я знаю, я сам там был.

– Когда у вас здесь гасят огни? – вдруг спросил Ричер.

– В десять часов. А что?

Ричер ответил не сразу. Пристально посмотрел на Рэя. Прокрутил в памяти разговор с ним. Вгляделся в худое, подвижное лицо. Заглянул в безумные глаза, горящие в глубине под нависшими бровями.

– После сигнала гашения огней я должен быть в другом месте, – сказал Ричер.

Рэй снова рассмеялся.

– И ты полагаешь, я тебя выпущу?

Ричер кивнул.

– Если тебе дорога жизнь.

Подняв пистолет, Рэй навел его Ричеру в голову.

– Из нас двоих вооружен я.

– Ты умрешь раньше, чем успеешь нажать на спусковой крючок, – заверил его Ричер.

– Спусковой крючок здесь. А ты вон там.

Ричер махнул рукой, призывая его слушать. Подался вперед и быстро заговорил тихим голосом:

– На самом деле я не должен говорить тебе это. Но нас предупредили, что мы можем встретить тех, кто по уровню интеллекта выше остальных, и нам дано право в случае оперативной необходимости объяснить этим людям кое-какие моменты.

– Какая еще оперативная необходимость? Какие еще моменты?

– Ты был совершенно прав. Большинство из того, что ты сказал, соответствует истине. Есть пара неточностей, но мы сознательно время от времени распространяем ложную информацию.

– О чем это ты?

Ричер понизил голос до зловещего шепота.

– Я офицер всемирной армии. Командир передового отряда. В окрестных лесах скрывается пять тысяч моих солдат. В основном, русские, но есть и китайцы. Мы уже давно наблюдаем за вами с разведывательных спутников. В настоящий момент на этот дом наведена рентгеновская камера. Тебе в голову нацелен лазерный луч. Технологии СОИ[4] в действии.

– Ты шутишь, – недоверчиво произнес Рэй.

Ричер покачал головой. Сохраняя абсолютно серьезное выражение лица.

– И вы были правы насчет вживленных микросхем. Смотри.

Медленно поднявшись с пола, он задрал рубашку, открывая грудь. Повернулся к Рэю, показывая большой шрам на животе.

– Это одна из первых моделей. Сейчас микросхемы стали гораздо меньше. Последние модели вживляются без хирургического вмешательства. Такими мы метим новорожденных. Но старые тоже работают надежно. Как ты правильно сказал, спутникам в любую минуту известно мое точное местонахождение. Как только ты начнешь нажимать на спусковой крючок, лазерный луч снесет тебе полголовы.

В глазах Рэя вспыхнула тревога. Оторвав взгляд от шрама на груди Ричера, он с опаской посмотрел на потолок.

– Suis pas americain, – продолжал Ричер. – Suis un soldat francais, agent du gouvernement mondial depuis plusieurs annees, parti en mission clandestine il y a deux mois. Il faut evaluer de risque que votre band represent par ici.[5]

Он говорил так быстро, как только мог, стараясь подражать речи образованной парижанки. Вспоминая, как говорила его покойная мать. Потрясенный Рэй кивнул.

– Ты иностранец?

– Француз. У нас интернациональные бригады. Я сказал, что нахожусь здесь для того, чтобы оценить степень опасности, которую представляете для нас вы.

– Я видел, как ты стрелял. Это я заметил ту березку. Тысяча ярдов.

– Мои пули наводились со спутника. Как я уже говорил, технологии СОИ, через микросхему. Каждый из нас может стрелять на дистанции две мили и поражать все мишени.

– Господи... – пробормотал Рэй.

– В десять часов я должен буду выйти отсюда. Это мера предосторожности. У тебя жена здесь?

Рэй молча кивнул.

– А дети? Я видел здесь много детей. Среди них есть твои?

Рэй снова кивнул.

– Да. Два мальчика.

– Если в десять часов я не выйду отсюда, все они умрут. Поскольку меня захватят в плен, весь ваш лагерь должен быть сожжен дотла. Нельзя допустить, чтобы моя микросхема попала в чужие руки. Я предупреждал свое командование, что вы все равно не разберетесь, как она работает, но командир сказал, что среди вас могут найтись более умные люди, чем я думаю. Похоже, он оказался прав.

Ричер гордо кивнул, а Ричер взглянул на часы.

– Сейчас половина восьмого, так? Я просплю два с половиной часа. Спутник разбудит меня ровно в десять. Можешь подождать и посмотреть.

Он растянулся на полу, подложив под голову согнутую руку. Поставил будильник в голове на без двух минут десять. Мысленно моля: «Только не подведи меня сегодня.»

Глава 35

– Я отказываюсь поверить в это, – решительно произнес генерал Гарбер.

– Ваш Ричер замешан, – ответил Уэбстер. – В этом нет никаких сомнений, черт побери. У нас есть снимки, ясные как божий день.

Гарбер упрямо покачал головой.

– Сорок лет назад меня произвели в лейтенанты. Сейчас я генерал-лейтенант. Под моим началом служили многие тысячи человек. Десятки тысяч. И большинство из них я знал достаточно хорошо. Так вот, среди всех них Джек Ричер единственный, кто никогда не впутается ни во что подобное.

Гарбер сидел за столом в передвижном командном пункте, распрямив плечи. Сняв плащ защитного цвета, он открыл взору старый, мятый форменный китель. Несущий на себе свидетельства целой жизни, проведенной на военной службе. Весь китель был увешан значками и орденскими планками. Это был китель человека, прослужившего в армии сорок лет и не совершившего за все это время ни одной ошибки.

Генерал Джонсон внимательно следил за своим подчиненным. Голова Гарбера, покрытая седым ежиком, оставалась неподвижной. Его глаза светились спокойствием. Руки удобно улеглись на стол. Голос звучал твердо, но тихо. Уверенно, словно Гарбера попросили защитить предположение, что небо голубое, а трава зеленая.

– Мак, покажи генералу снимки, – сказал Уэбстер.

Кивнув, Макграт открыл конверт. Вытряхнул четыре фотографии и пододвинул их Гарберу. Гарбер поочередно рассмотрел снимки, поворачивая их к тусклому зеленоватому свету над головой. Джонсон следил за его глазами. Ожидая увидеть в них сомнение, затем покорность. Но он не увидел ни то, ни другое.

– Эти снимки можно истолковать по-разному, – наконец сказал Гарбер.

Его голос оставался спокойным. Джонсон услышал в нем военного, защищающего своего любимого подчиненного. Уэбстер и Макграт услышали посредственного полицейского, выражающего сомнение. Однако они решили, что сорок лет безупречной службы дают генералу право быть услышанным.

– Как именно? – спросил Уэбстер.

– Четыре отдельных мгновения, вырванных из непрерывной последовательности. Они могут сказать нам неправду.

Перегнувшись через стол, Уэбстер ткнул в первый снимок.

– Ричер отнимает у девушки ее вещи. Это ясно как белый день, генерал.

Гарбер покачал головой. Наступила тишина. Наполненная лишь гудением электроники. Наконец Джонсон увидел мелькнувшее сомнение. Но в глазах Макграта, а не Гарбера. Тут, громыхая ногами по трапу, в пункт поднялся Броган. Пригнулся, входя в дверь.

– Видеозапись наблюдения, – сказал он. – Мы только что просмотрели то, что записали наши самолеты. Вам тоже следует на это взглянуть.

Пригнувшись, он вышел. Четверо мужчин, переглянувшись, встали. Прошли по холодному вечернему воздуху до машины спутниковой связи и поднялись в кабину. Милошевич сидел в рубашке с коротким рукавом, купаясь в голубоватом свечении ряда видеомониторов. Перемотав кассету назад, он включил воспроизведение. Четыре экрана озарились четкой картинкой небольшого поселка, снятого сверху. Качество изображения было превосходным. Как у хорошего кинофильма, но только снятого камерой, поставленной строго вертикально.

– Это Йорк, – объяснил Милошевич. – Внизу справа бывшее здание суда. А теперь смотрите.

Ткнув кнопку ускоренной перемотки, он стал следить за показаниями счетчика. Остановил кассету и снова включил воспроизведение.

– А это в миле с четвертью от поселка. Камера сместилась на северо-запад. Это плац и стрельбище.

Камера словно отъехала, давая общую панораму. На юге остались две поляны с бревенчатыми домиками, к северу от них выровненный плац. А между ними густую растительность пересекал длинный узкий шрам длиной в полмили и шириной ярдов двадцать. Камера сместилась вправо, затем изображение снова приблизилось, сфокусировавшись на толпе, собравшейся на восточном краю стрельбища. Затем надвинулась еще больше, наводясь на маленькую группу людей у коричневых матов. На экране можно было четко различить четверых мужчин. И одну женщину. Сглотнув комок в горле, генерал Джонсон уставился на свою дочь.

– Когда это было снято?

– Несколько часов назад, – сказал Милошевич. – Холли жива и здорова. – Остановив изображение, он четырежды ткнул пальцем в экран. – Это Ричер. Это Стиви Стюарт. Вот это, судя по всему, Одел Фаулер. А жирный тип – это Бо Боркен. Совпадает со снимком из личного дела, заведенного на него в Калифорнии.

Милошевич снова включил воспроизведение. Камера, зависшая на высоте семи миль в воздухе, остановилась на матах. Боркен опустил

свою тушу на землю и застыл неподвижно. Над дулом его винтовки появилось облачко дыма.

– Они стреляют на дистанции чуть больше восьмисот ярдов, – сказал Милошевич. – Я так понимаю, что-то вроде состязания.

Боркен произвел еще пять выстрелов, после чего свою винтовку взял Ричер.

– Это «Баррет», – заметил вслух Гарбер.

Лежа совершенно неподвижно, Ричер сделал шесть выстрелов, разделенных большими паузами. Толпа разошлась, а затем и сам Ричер скрылся в зарослях.

– Итак, генерал Гарбер, – сказал Уэбстер, – а как вы собираетесь истолковать вот это?

Гарбер пожал плечами. Его лицо оставалось упрямым.

– Ваш Ричер – один из них, – заявил Уэбстер. – В этом нет никаких сомнений. Вы обратили внимание на его одежду? Он был в форме армейского образца, как и все остальные. И он находился на стрельбище. Неужели ему дали бы форму и позволили играть с винтовкой, если бы он не был своим?

Отмотав кассету назад, Джонсон остановил изображение. Долго смотрел на Холли. Затем вышел из фургона. В дверях бросив через плечо Уэбстеру:

– Нам пора за работу. Я хочу заранее составить план. Почему бы нам не быть готовыми к действию?

Уэбстер вышел следом за ним. Броган и Милошевич остались перед видеомониторами. Макграт внимательно следил за Гарбером. Гарбер сидел, уставившись на погасший экран.

– Я по-прежнему не могу в это поверить, – наконец произнес он.

Обернувшись, генерал увидел, что Макграт смотрит на него. Встав, он направился к выходу, кивком предложив специальному агенту следовать за ним. Они вышли в ночную тишину.

– У меня нет никаких доказательств, – начал Гарбер, – но Ричер на нашей стороне. Я отвечаю за свои слова.

– Все говорит об обратном, – возразил Макграт. – Ричер принадлежит к классическому типу. Идеально подходит под наш психологический портрет. Бывший военный, оставшийся не у дел, недовольный жизнью, трудное детство, вероятно, полно затаенных обид.

Гарбер покачал головой.

– Все, что вы только что сказали, к Ричеру не относится. За исключением того, что он бывший военный. Поверьте, он был блестящим офицером. Лучшим из всех, кто когда-либо служил под моим началом. Вы совершаете ошибку.

Макграт всмотрелся в лицо Гарбера.

– Значит, лично вы ему верите?

Генерал мрачно кивнул.

– Я ручаюсь за Ричера своей жизнью. Не знаю, как он оказался там, но я заявляю, что он чист, и он сделает все что нужно – если понадобится, ценой собственной жизни.

* * *

В это время ровно в шести милях к северу Холли доверилась тому же самому чувству. Разобранную кровать из ее комнаты унесли, и она лежала на тонком матрасе, брошенном прямо на пол. В качестве наказания у нее также отобрали мыло, шампунь и полотенце. Маленькая лужица крови, вытекшей из головы убитой женщины, осталась нетронутой. Она была на полу в ярде от импровизированной кровати Холли. Молодая женщина предположила, сделано это было для того, чтобы ее мучили угрызения совести. Однако Боркен ошибся. Наоборот, она была счастлива. Она с наслаждением следила за тем, как кровь темнеет, высыхая. Вспоминая несчастного Джексона, Холли смотрела на пятно так, словно это было пятно Роршаха[6], говорившее ей: «Теперь ты выходишь из тени своего отца, Холли.»

* * *

Уэбстер и Джонсон сообща выработали достаточно простой план. Основанный на географических особенностях. Тех самых географических особенностях, которые, по их заключению, подтолкнули Боркена выбрать для своего оплота именно окрестности Йорка. Подобно всем планам, основанным на географических особенностях, этот был выработан с помощью карты. Подобно всем планам, выработанным с помощью карты, этот был хорош ровно настолько, насколько точна была карта. И, подобно всем картам, та, что имелась в распоряжении Уэбстера и Джонсона, была устаревшей.

Они воспользовались крупномасштабной картой штата Монтана. Большая часть имеющихся на ней сведений была достоверна. Все основные географические объекты были переданы правильно. Не вызывало сомнений, что на западе находится серьезная преграда.

– Будем исходить из предположения, что река непреодолима, так? – спросил Уэбстер.

– Так, – согласился Джонсон. – Сейчас как раз тают ледники высоко в горах. Уровень воды максимальный. До понедельника, пока сюда не подвезут необходимое снаряжение, мы ничего не сможем предпринять.

Изображенные красными линиями дороги напоминали правую руку, положенную ладонью вниз на лист бумаги. У основания ладони находились маленькие поселки Калиспелл и Уайтфиш. От них пятью пальцами расходились пять дорог. Указательный через городок с названием Юрика вел к канадской границе. Большой палец уходил на северо-запад к Йорку и упирался в заброшенные шахты. В настоящий момент большой палец был ампутирован в месте первого сустава.

– Боркен полагает, мы пойдем по этой дороге, – сказал Джонсон. – Значит, мы этого делать не будем. Вы отклонитесь на восток к Юрике, а затем пройдете через лес.

Он провел карандашом вниз по большому пальцу до ладони, затем поднялся по указательному и остановился в Юрике. Между Юрикой и Йорком простирались пятьдесят миль леса. Лес был изображен на карте большим зеленым пятном. Оба руководителя понимали, что означает это зеленое пятно. Для этого достаточно было просто посмотреть по сторонам. Вся местность вокруг была покрыта девственным лесом. Вознесшимся на склоны гор. В большинстве мест растительность была настолько густой, что человек с трудом мог протиснуться между стволами соседних деревьев. Однако к востоку от Йорка зеленое пятно изображало национальный природный парк. Находящийся в ведении государственного лесничества. Зеленое пятно пересекала паутина пунктирных линий. Это были просеки, проложенные лесниками.

– Я могу доставить сюда своих людей в течение четырех часов, – сказал Уэбстер. – Отряд спецназа, специализирующийся на освобождении заложников. Под свою личную ответственность, если дело дойдет до этого.

Джонсон кивнул.

– Они смогут пройти прямо через лес. Быть может, даже проехать.

– Мы уже связались с лесниками, – подтвердил Уэбстер. – Они привезут нам более подробный план.

– Замечательно. Если дела пойдут плохо, вы вызовете свой отряд, отправите его прямо в Юрику, мы тем временем поднимем отвлекающий шум на юге, а спецназ проложит себе дорогу с востока.

Уэбстер кивнул. План был готов. Эта уверенность продержалась до прибытия лесничего. Он поднялся по алюминиевому трапу вместе с Макгратом. Уэбстер представил присутствующих, и Джонсон задал вопрос. Лесничий покачал головой.

– Этих просек на самом деле не существует. По крайней мере, большинства.

– Но вот же они, – возразил Джонсон, ткнув пальцем в карту.

Лесничий пожал плечами. У него с собой была пухлая папка топографических планов. Раскрыв папку, он достал нужный план. Расстелил его поверх карты. Масштаб плана был гораздо крупнее, и тем не менее не вызывало сомнений, что сеть пунктирных линий проходила по-другому.

– Картографам известно про просеки, – объяснил лесничий. – Вот они и рисуют их, где вздумается.

– Ну хорошо, – сказал Джонсон. – Мы воспользуемся вашими картами.

Лесничий покачал головой.

– Они тоже неверные. Когда-то, возможно, они и соответствовали действительности, однако в настоящее время они неверны. Мы потратили много лет на то, чтобы перекрыть просеки. Надо было остановить охотников на медведей. Нас заставили экологи. Входы в одни просеки завалили горами земли. Другие перерыли канавами. Сейчас все они заросли непроходимым кустарником.

– Ну хорошо, какие из просек сейчас непроходимы? – спросил Уэбстер, внимательно разглядывая план.

– Мы сами не знаем, – ответил лесничий. – Точные записи не ведутся. Мы просто посылаем бульдозеры, и все. Несколько раз уже выяснялось, что рабочие перекрывали не те просеки, и все просто потому, что они оказывались ближе, или вовсе ничего не перекрывали, чтобы не возиться. Одним словом, там царит полная неразбериха.

– Ладно, через лес есть дорога? – спросил Джонсон.

Лесничий пожал плечами.

– Может быть, и есть. А может быть, и нет. Узнать это можно, только сунувшись в лес самому. На это может уйти не меньше двух месяцев. Кстати, если вам удастся пройти через лес, записывайте свой маршрут, чтобы потом дать нам знать, хорошо?

Джонсон недоуменно посмотрел на него.

– Так, давайте все уточним. Вы – государственное лесничество. И вы хотите, чтобы мы вам сказали, где проходят ваши просеки?

Лесничий кивнул.

– Что-то в таком духе. Как я уже сказал, наши архивы в ужасном состоянии. Мы свято верили, что никому до этого не будет никакого дела.

Адъютант генерала отправился провожать его до блокпоста. В командной машине наступила тишина. Макграт, Броган и Милошевич молча изучали карту.

– Мы не можем пройти, они тоже не могут пройти, – наконец сказал Макграт. – Мы их закупорили. Пора извлечь из этого преимущества.

– Как? – спросил Уэбстер.

– Установить над ними наш контроль. Мы уже держим в своих руках единственную дорогу. Теперь надо взять под свой контроль электричество и телефонную линию. Провода протянуты вдоль дороги. Отдельное ответвление от Калиспелла. Нам надо перерезать телефонную линию так, чтобы она заканчивалась здесь, вот в этой машине. Тогда Боркен не сможет связаться ни с кем кроме нас. Затем мы предупредим его, что держим в своих руках энергоснабжение. Пригрозим, что отключим его от электричества, если он не пойдет на переговоры.

– Вы хотите начинать переговоры? – спросил Джонсон.

– Я хочу потянуть время до тех пор, пока Белый дом не созреет.

Уэбстер кивнул.

– Хорошо, Мак, вперед. Связывайся с телефонной компанией, пусть приезжают сюда разрывать линию.

– Уже связался, – ответил Макграт. – Телефонисты приедут завтра с утра.

Уэбстер зевнул. Взглянул на часы. Махнул Милошевичу и Брогану.

– Поделим время сна. Вы двое спите первыми. Спать будем в две смены, скажем, по четыре часа.

Милошевич и Броган удовлетворенно кивнули.

– Еще увидимся, – бросил им на прощание Макграт. – Спокойной ночи.

Милошевич и Броган вышли из машины и тихо закрыли за собой дверь. Джонсон по-прежнему возился с картой. Крутил ее на столе так и сяк.

– А с телефоном никак нельзя разобраться быстрее? – спросил он. – Сегодня же?

Подумав, Уэбстер кивнул. Он знал, что пятьдесят процентов успеха в любом бою определяются согласием среди командования.

– Мак, позвони связистам еще раз. Скажи, нам нужно, чтобы они перерезали линию как можно быстрее.

Макграт снова связался с телефонной компанией. Воспользовавшись аппаратом под рукой. Его короткий разговор завершился сдавленным смешком.

– Сейчас к нам вышлют аварийную бригаду. Она прибудет на место через пару часов. Но нам будет выставлен счет. Я предложил компании отослать его в центр имени Гувера. Меня спросили, где это находится.

Встав, Макграт задержался в дверях. Джонсон и Уэбстер остались сидеть за столом. Склонившись над картой. Изучая овраг на юге. Этот овраг образовался многие миллионы лет назад, когда земля раскололась под тяжестью миллиардов тонн льда. Джонсон и Уэбстер пришли к выводу, что он изображен на карте достаточно точно.

Глава 36

Ричер проснулся ровно без двух минут десять. Проснулся как обычно, то есть, быстро пришел в сознание, но остался совершенно неподвижным, даже не меняя характер дыхания. Не убирая согнутую руку из-под головы, Ричер чуть-чуть приоткрыл глаза. В противоположном углу гауптвахты перед входной дверью сидел Джозеф Рэй. «Глок» лежал рядом на полу. Рэй следил за часами.

Ричер мысленно отсчитал девяносто секунд. Рэй нервно перевел взгляд с часов на потолок и обратно. Затем посмотрел на Ричера. Тот в одном непрерывном движении уселся на полу. Приложил ладонь к уху, словно вслушиваясь в какое-то тайное сообщение. Рэй широко раскрыл глаза. Кивнув, Ричер поднялся на ноги.

– Хорошо. Открывай дверь, Джо.

Рэй достал из кармана ключ. Отпер замок. Распахнул настежь дверь.

– Не хочешь взять мой «глок»? – предложил он.

Протягивая пистолет рукояткой вперед. В глазах тревога. Ричер усмехнулся. Ничего другого он и не ожидал. Рэй туп, но не настолько. У него было два с половиной часа, чтобы все обдумать. Это последняя проверка. Если Ричер возьмет пистолет, значит, он наврал с три короба. Можно не сомневаться, что пистолет разряжен, а обойма лежит у Рэя в кармане.

– Он мне не нужен, – сказал Ричер. – Мы держим под прицелом весь ваш лагерь. Поверь мне, Джо, в моем распоряжении есть гораздо более мощное оружие, чем этот девятимиллиметровый пугач.

Кивнув, Рэй убрал пистолет в карман.

– И не забывай про лазерные лучи, – бросил ему на прощание Ричер. – Если ты только шаг ступишь за дверь, считай себя трупом. Я уже ничем не смогу тебе помочь. Vous comprenez, mon ami?[7]

Рэй молча кивнул. Ричер выскользнул в ночь. Рэй закрыл за ним дверь. Ричер бесшумно вернулся назад и притаился за углом дома. Опустившись на колено, подобрал увесистый булыжник. Зажал его в руке и стал ждать Рэя.

Рэй так и не появился. Ричер прождал восемь минут. Долгий опыт научил его: если человек не вышел через шесть минут, он не выйдет вообще. Людям свойственно мыслить пятиминутными интервалами. Это связано с тем, как размечен циферблат часов. Они говорят себе: я подожду пять минут. Затем, проявляя осторожность, добавляют еще одну минуту. Считая, что это очень умно. Ричер прождал пять минут, затем одну дополнительную, потом еще две для большей надежности. Но Рэй так и не появился. Значит, он вообще не выйдет из дома.

Ричер не стал выходить на поляну. Он остался с тени деревьев. Обогнул открытое место по краю леса. Избегая протоптанных тропинок. Собаки его не беспокоили. Они оставались на привязи. Фаулер говорил о том, что в лесах разгуливают кугуары. Никто не оставит на ночь собак на улице, если в округе бродят кугуары. Это верный способ лишиться к утру всех собак.

Прячась в зарослях, Ричер обошел вокруг Бастиона. Свет нигде не горел, кругом царила полная тишина. Ричер затаился в лесу за столовой. В квадратной пристройке, неуклюже прилепленной к основному зданию. Света внутри не было, но дверь была открыта, и на пороге стояла женщина, кормившая Ричера завтраком. Ричер понаблюдал за ней, оставаясь в тени. Пять минут. Шесть. Нигде никакого движения. Ричер бросил камешек на тропинку перед женщиной. Та вздрогнула. Он тихо окликнул ее. Она вышла за дверь. Одна. Направилась в лес. Поймав за локоть, Ричер увлек ее в темноту.

– Как вам удалось освободиться? – прошептала она.

Определить ее возраст было невозможно. Ей могло быть и двадцать пять, и сорок пять. Довольно привлекательная, стройная, с длинными прямыми волосами, но измученная трудом и постоянной тревогой. Под внешним налетом смирения непокорная искорка. Такая женщина

чувствовала бы себя в своей стихии сто лет назад, направляясь на Дикий Запад по Орегонской тропе.

– Как вам удалось освободиться? – снова спросила шепотом женщина.

– Я просто вышел в дверь, – прошептал в ответ Ричер.

Женщина недоуменно посмотрела на него.

– Вы должны нам помочь…

Она осеклась, затем, заломив руки, покрутила головой, со страхом вглядываясь в темноту.

– Как? – спросил Ричер. – Почему вам нужна помощь?

– Они все спятили. Вы должны нам помочь!

– Как?

Скорчив гримасу, женщина развела руками, словно ответ был очевиден или она не знала, с чего и как начать.

– Начните с самого начала, – предложил Ричер.

Лихорадочно закивав, женщина сглотнула комок в горле, собираясь с духом.

– Люди исчезли, – наконец сказала она.

– Что за люди? Как они исчезли?

– Просто исчезли. Это все дело рук Боркена. Он прибрал всё. Мы были в других группах, жили сами по себе, никого не трогали, понимаете? Лично я была в «Братстве свободных людей Северо-Запада». Потом появился Боркен, начал вести разговоры об объединении. Он кричал и спорил. Остальные предводители были с ним не согласны. Но затем они начали исчезать. Боркен сказал, что они не смогли выдержать ритм. И они исчезли. Тогда Боркен сказал, что мы должны присоединиться к его группе. Сказал, что у нас нет выбора. Некоторые из нас находятся здесь по сути дела в качестве пленников.

Ричер кивнул.

– А теперь на шахте что-то происходит.

– Что именно?

– Не знаю. Думаю, что-то плохое. Нам не разрешается туда ходить. До нее всего миля по дороге, но это закрытая зона. Вот и сегодня там что-то происходило. Боркен сказал, что они должны были работать на юге, на

границе, но на обед они возвращались с севера. Я видела их из окна кухни. Они шли, смеясь и улыбаясь.

– Кто? – спросил Ричер.

– Сам Боркен и те, кому он доверяет. Он сумасшедший. Говорит, что когда мы провозгласим независимость, на нас нападут, и нам придется защищаться. Это начнется завтра. Мы напуганы до смерти. Понимаете, у нас ведь здесь дети. Но мы ничего не можем поделать. Тех, кто выступает против, Боркен или изгоняет, или доводит своими придирками до того, что с ним в конце концов соглашаются. Никто не смеет ему перечить. Мы находимся всецело в его руках.

Ричер снова кивнул. Женщина обмякла, прижимаясь к нему. У нее в глазах блеснули слезы.

– И мы ведь не сможем победить, да? – снова заговорила она. – Нас ведь всего около сотни, я имею в виду подготовленных взрослых людей. А сто человек не смогут выстоять против целой армии, правда? Мы все погибнем.

В темноте сверкнули белки ее глаз, широко раскрытых, наполненных отчаянием. Ричер пожал плечами. Покачав головой, постарался сделать так, чтобы его голос прозвучал спокойным и обнадеживающим.

– Будет осада, – уверенным тоном произнес он. – Только и всего. Противостояние. Начнутся переговоры. Такое уже случалось в прошлом. И против вас будет не армия, а ФБР. А Бюро знает, как вести себя в подобных ситуациях. Все будет в порядке. Никто не станет вас убивать. Никому это даже в голову не придет. Это просто Боркен вас запугивает.

– Жить свободными или умереть. Вот о чем он все время говорит.

– Этим делом займется ФБР, – повторил Ричер. – Никто не собирается вас убивать.

Зажмурив мокрые от слез глаза, женщина судорожно закачала головой.

– Да нет же, нас убьет Боркен. Он, а не ФБР. Разве вы не понимаете, жить свободными или умереть? Если сюда придут, он перебьет нас всех до одного. Или заставит нас покончить с собой. Совершить массовое самоубийство. Он заставит нас сделать это, я точно знаю.

Ричер удивленно посмотрел на нее.

– Я подслушала их разговор. Они постоянно перешептываются, строят секретные планы. По их словам, женщины и дети должны умереть. Это якобы будет оправдано. С исторической точки зрения очень важно. Этого требуют обстоятельства.

– Вы это слышали? Когда?

– Постоянно. Они постоянно строят планы. Боркен и те, кому он доверяет. Они говорят, что женщины и дети должны умереть. Они собираются заставить нас покончить с собой. Совершить массовое самоубийство. Все женщины и дети. На шахте. Я считаю, нас заставят спуститься в шахту и покончить с собой.

* * *

Ричер оставался в лесу до тех пор, пока не оказался с севера от плаца. Затем он пошел на восток до дороги, выходящей из Йорка. Разбитая, вся в ухабах, она в лунном свете сияла серебром. Оставаясь в тени деревьев, Ричер пошел вдоль дороги на север.

Дорога серпантином петляла по склону горы, выписывая крутые повороты. Верный признак того, что она вела к чему-то стоящему, в противном случае не имело бы смысла тратить столько труда на то, чтобы ее проложить. Пройдя около мили и поднявшись на высоту около тысячи футов, дорога описала последний поворот и привела к чаше размером с небольшой стадион. Отчасти созданной природой, отчасти углубленной взрывотехниками, затаившейся в окружении высоких гор. Стены чаши образовывали отвесные скалы. В них через равные промежутки были проделаны взрывами полукруглые отверстия. Похожие на огромные норы. К некоторым из отвалов пустой породы были пристроены входы. У двух входов возвышались стены, перекрытые брусом.

Дно чаши устилал битый сланец. Тут и там кучи земли и пустой породы. Буйные сорняки и молодые деревца, пробивающиеся вверх. Ричер разглядел ржавые рельсы узкоколейки, начинающейся из ниоткуда и протянувшейся на пару десятков ярдов. Не приближаясь к опушке, он присел на корточки рядом с деревом и стал ждать.

Никакого движения. Полная тишина. Даже еще тише. Абсолютное отсутствие звука, которое остается, когда пустеет оживленное место. Естественные звуки давно исчезли. Шелестящие деревья спилены, журчащие ручьи отведены в другое русло. На смену им пришли грохот машин и гомон людей. А затем, когда люди и машины ушли, уже ничто не заполнило место тех звуков, которые они унесли с собой. Ричер напрягал слух, но не мог ничего услышать. Наверное, подобное безмолвие царит на Луне.

Он оставался в лесу. Приближаться к чаше с юга означало идти вверх по склону. Ричер сделал крюк на запад и поднялся на несколько сот футов выше. Остановился, разглядывая чашу с новой точки.

По-прежнему ничего. Однако совсем недавно здесь происходила какая-то деятельность. В лунном свете на сланце отчетливо виднелись

следы, оставленные колесами автомобилей. Перед одним из сараев глубокие колеи. Оставленные года два назад. Автомастерская. Перед другим сараем опять колеи, но уже более свежие. Сарай больше. Колеи более глубокие. Кто-то загонял в этот сарай большой грузовик. Совсем недавно.

Выйдя из леса, Ричер спустился в чашу. Мелкие пластинки сланца под ногами в ночной тишине трещали винтовочными выстрелами. Хруст шагов отражался от отвесных скал раскатами грома. Ричер ощущал себя крошечным и беззащитным, словно в кошмарном сне, когда снится, что идешь голый по футбольному полю. Окружающие горы казались Ричеру толпой зрителей, рассевшихся на скамейках и молча наблюдающих за ним. Подойдя к куче камней, Ричер присел на корточки и прислушался. Отголоски его шагов замерли в тишине. Он ничего не услышал. Лишь полное отсутствие звука.

Производя достаточно много шума, Ричер подкрался к воротам того из сараев, что был меньше. Когда он подошел ближе, оказалось, что это достаточно внушительное сооружение. Вероятно, оно предназначалось для того, чтобы в нем размещались мощные машины и насосы. Ворота имели в высоту двенадцать футов. Они были сделаны из обтесанных бревен, скрепленных железными полосами. Ворота напоминали стену бревенчатого дома, подвешенную на петлях к скале.

Замка не было. И невозможно было представить себе, что он когда-либо был. Ни один замок из тех, что доводилось видеть Ричеру, не соответствовал масштабам этих внушительных ворот. Прижавшись спиной к правой створке, Ричер сдвинул левую на фут. Хорошо смазанные петли повернулись без труда. Ричер проскользнул в образовавшуюся щель.

Внутри царил полный мрак. Ричер ничего не увидел. Он постоял, дожидаясь, когда его глаза привыкнут к темноте. Однако этого так и не произошло. Можно открывать глаза шире и шире, так широко, как только получится, но если свет отсутствует совсем, они так ничего и не увидят. Ричер ощущал сильный запах сырости и гниения. Слышал темноту, уходящую вглубь горы, словно перед ним начинался длинный коридор или тоннель. Он осторожно двинулся вперед, выставив перед собой руки, будто слепой.

Ричер наткнулся на какую-то машину. Ударился подбородком о передний бампер до того, как его руки нащупали капот. Машина была высокая. Грузовая. Гражданская. Гладкая полированная краска. Не матовый армейский камуфляж. Ричер провел пальцами вдоль по капоту. Опустил вниз. Пикап. Ричер на ощупь обошел машину сзади. Пошарил рукой, отыскивая дверь кабины. Отперта. Он ее открыл. Вспыхнувшая под потолком кабины тусклая лампочка показалась ослепительным

прожектором мощностью миллион ватт. Во все стороны бросились врассыпную тени. Каменный свод, выгнувшись вниз, закончился швом, встретившись с землей.

Сунув руку в кабину, Ричер включил фары. Яркие лучи отразились от скал. Высветив с десяток машин, стоящих ровными рядами. Старые седаны и пикапы. Списанные армейские джипы грубой камуфляжной расцветки. И белый «Форд эконолайн» с дырявой крышей фургона. После эпического путешествия из Чикаго грузовик казался печальным и покинутым. Усталым, осевшим на рессорах. Вдоль стен верстаки с развешанными над ними инструментами. Банки из-под краски и канистры из-под масла. Штабеля лысых покрышек и ржавые баллоны с кислородом и ацетиленом.

Ричер осмотрел ближайшие машины. Во всех замках зажигания ключи. В бардачке третьего седана оказался фонарик. Ричер прихватил его. Вернулся к пикапу и погасил фары. Прошел к массивным бревенчатым воротам и шагнул в ночь.

Остановился и прислушался. Ничего. Прикрыв створку ворот гаража, Ричер направился к второй постройке. Сто ярдов по скрипучему сланцу.

Второй сарай закрывали такие же бревенчатые ворота. Даже еще более массивные. Но эти были заперты. Такого грубого замка Ричеру еще не приходилось видеть. Это было старое кривое бревно, вставленное в две чугунные скобы и прикованное к ним цепью. Свободные концы цепи были соединены двумя огромными навесными замками. Ричер даже не стал с ними возиться. В этом не было смысла. Он определил, что изгиб бревна позволит чуть приоткрыть створки и проникнуть в щель.

Ричер надавил на створки у самой земли. Изгиб бревна, вставленного в скобы, дал створкам возможность раздвинуться на фут. Ричер просунул в щель руки, затем голову, потом плечи. Оттолкнувшись ногами, он оказался внутри весь. Включил фонарик.

Это была еще одна огромная пещера. Та же самая темнота. Тот же самый сильный запах сырости и гнили. Те же самые покатые своды, уходящие к отвесной скале. Та же самая полная тишина, словно все звуки были отсосаны вглубь горы. И то же самое предназначение. Гараж. Однако в данном случае все машины были одинаковые. Всего пять штук. Пять современных грузовиков американской армии. С нанесенными белой краской обозначениями зенитной артиллерии. Неновые, но в хорошем состоянии. Крытые брезентовым тентом кузова.

Стальной пол был покрыт пятнами. Что резко контрастировало с общим порядком. Черные пятна на полу. Густая жидкость, высохшая лужицами. Ричер внимательно посмотрел на пятна. Он не мог подсчитать, сколько раз ему приходилось видеть такие. Вздрогнув, он

подбежал ко второму от ворот грузовику. Поднял брезент и посветил в кузов фонариками.

В кузове грузовика не было скамей. Вместо них ящики, закрепленные вдоль бортов. Аккуратные, сваренные из металлических угольников и оснащенные стальными гнездами и толстыми резиновыми прокладками, чтобы вместить свой нежный груз. В левом лежали пять переносных пусковых ракетных установок. Тонкие трубы длиной шесть футов, тусклый вороненый металл, с большими коробками, напичканными электроникой, открытый рамочный прицел, на одном конце пистолетная рукоятка. Всего пять штук, аккуратно уложенные параллельно друг другу.

В правом ящике лежали двадцать пять ракет «Стингер». В нескольких дюймах друг от друга, ровными рядами, разделенные резиновыми прокладками, со сложенным стабилизирующим оперением, готовые к пуску. Тусклый сплав, нанесенные по трафарету серийные номера, топливный бак обозначен широкой ярко-оранжевой полосой.

Ричер заглянул в три остальных грузовика. В них то же самое. Пять пусковых устройств, двадцать пять ракет. Всего двадцать пусковых устройств и сто ракет. Вооружение целой мобильной зенитной батареи. Со штатным личным составом в двадцать человек. Вернувшись к первому грузовику, Ричер уставился на кровь на полу. Затем он услышал крыс. Сначала ему показалось, что это шаги по сланцам. Ричер поспешно выключил фонарик. Затем он понял, что шаги звучат совсем рядом, и сзади. Это в дальнем углу пещеры возились крысы. Снова включив фонарик, Ричер пробежал туда и обнаружил двадцать трупов.

Они были свалены в груду там, где свод понижался так, что взрослый человек уже не мог выпрямиться во весь рост. Двадцать убитых солдат. Жуткое зрелище. Все убиты выстрелом в спину. Ричер сразу понял это. Солдаты стояли, выстроившись в шеренгу, и их скосил огонь из крупнокалиберного пулемета. Нагнувшись, Ричер перевернул два трупа. Не самые крепкие здоровяки из тех, каких ему доводилось видеть. Щуплые резервисты, направленные на уединенную базу, расположенную в глубине своей территории. Попавшие в засаду и зверски перебитые ради того оружия, которое у них было.

Но как это произошло? Ричер догадался быстро. Зенитная часть, вооруженная допотопными ракетами класса «земля-воздух», размещенная в северной части Монтаны. Пережиток паранойи времен холодной войны. Определенно, подлежащая расформированию. Вероятно, уже расформированная. Вероятно, двигавшаяся на юг, на базу Петерсон в Колорадо. Скорее всего, последние приказы были переданы по радио открытой связью. Ричер вспомнил сканер радиочастот, который он видел в дальней части центра связи. Оператора, терпеливо

вращающего шкалу настройки. Ричер представил себе, как сканер случайно натыкается на приказ о передислокации, как оператор бежит к Боркену, как одутловатое лицо Боркена озаряется хищной усмешкой. Поспешно составленный план, беспощадная засада где-то в горах. Двадцать человек расстреляны из крупнокалиберного пулемета, трупы заброшены в кузов их собственного грузовика и вывалены здесь, в пещере. Ричер стоял и смотрел на жуткую картину. Вдруг он снова выключил фонарик.

Потому что он не ошибся насчет шума. Это действительно были звуки шагов, доносившихся со сланцев снаружи. Ричер снова их услышал. Шаги приближались. Их скрип нарастал в ночной тишине до оглушительного треска. Шаги направлялись к сараю. Сланец не давал возможности определить, сколько это было человек.

Шаги замерли за массивными воротами. Послышалось позвякивание ключей. Загремели навесные замки. Бревно-засов сдвинулось в сторону. Ворота распахнулись. Ричер распластался на земле. Уткнувшись лицом в кучу окровавленных, окоченевших трупов.

Две пары ног, два голоса. Голоса, которые Ричер успел узнать слишком хорошо. Фаулер и Боркен. Уверенная походка, тихий шепот. Ричер вжался в груду трупов. По его руке пробежала крыса.

– Он сказал, когда? – спросил Фаулер.

Под каменными сводами его голос прозвучал неожиданно громко.

– Завтра рано утром, – ответил Боркен. – Когда телефонная компания пришлет на место своих монтеров? В восемь утра? А может быть, в половине восьмого?

– Излишняя осторожность не помешает. Будем считать, в половине восьмого. И первым делом монтеры перережут линию.

Боркен и Фаулер держали в руках фонарики. Лучи света дергались и плясали в такт их шагам.

– Ничего страшного, – сказал Боркен. – Семь часов здесь – это девять часов на Восточном побережье. Лучшее время трудно придумать. Мы начнем ровно в семь. Сначала Вашингтон, затем Нью-Йорк, потом Атланта. К десяти минутам восьмого все должно будет закончиться. Десять минут, которые потрясли мир, так? У нас в запасе останется еще двадцать минут.

Они остановились у второго грузовика. Открыли задний борт, упавший с громким металлическим лязгом.

– А что потом? – спросил Фаулер.

– Потом будем ждать и смотреть. Пока что у них здесь есть всего восемь морских пехотинцев. Они не знают, что делать. Лес им не знаком. В Белом доме наложили в штаны, как мы и предполагали. Положим двенадцать часов на то, чтобы они смогли принять какое-то решение, – то есть, завтра до наступления темноты ничего не начнется. Ну а к тому времени эта забытая богом дыра будет уже занимать в списке приоритетов далеко не самую верхнюю строчку.

Боркен и Фаулер заглянули в кузов. Толстый брезент заглушил их голоса.

– Ему нужны и ракеты? – спросил Фаулер.

– Только пусковая труба. Это связано с электроникой.

Лежа среди снующих крыс, Ричер слышал, как открываются металлические защелки. Затем заскрипела резина. Пусковая труба была вынута из прокладок. Снова загромыхали засовы откидного борта. Шаги стали удаляться. Лучи фонариков заплясали в направлении ворот.

Заскрипели петли; массивные бревенчатые створки с грохотом закрылись. Пусковую трубу уложили на сланец, и двое мужчин, пыхтя, подняли бревно и вставили его в скобы. Зазвенела цепь, щелкнули замки. Послышался хруст шагов по сланцу.

Перекатившись от наваленных трупов, Ричер наткнулся на крысу. Отшвырнул ее сильным ударом, и крыса, жалобно взвизгнув, скрылась в темноте. Ричер посидел. Затем встал. Медленно приблизился к воротам. Внимательно прислушался. Выждал шесть минут. Вставил руки в щель внизу ворот и надавил на створки.

Они разошлись всего на дюйм. Положив ладони на гладкие бревна, Ричер надавил что есть силы. Ворота не шелохнулись. С таким же успехом можно было пытаться повалить руками вековой дуб. Ричер давил около минуты. Напрягаясь, словно тяжеловес. Створки держали словно скала. И вдруг до Ричера дошло, почему. Кривое бревно оказалось уложено в скобы наоборот. Теперь изгиб был обращен внутрь, а не наружу. Вместо того, чтобы оставлять створкам некоторую свободу, как это было раньше, оно наоборот зажимало их более эффективно.

Ричер мысленно представил себе это бревно. Толщиной больше фута, искривленное, высохшее до каменной твердости. Обращенное изгибом наружу, оно не представляло никаких проблем. Обращенное изгибом внутрь, оно было непоколебимым. Ричер бросил взгляд на грузовики. Отказался от этой мысли. Пространства для того, чтобы разогнаться и налететь на ворота с большой скоростью, нет. Грузовик навалится на створки всем крутящим моментом мощного дизельного двигателя,

однако этого будет недостаточно. Ричер не мог себе представить, какое усилие потребуется для того, чтобы переломить это бревно.

Он подумал было о том, чтобы использовать ракету. Отказался и от этой мысли. Во-первых, слишком шумно, и, кроме того, из этого все равно ничего не получится. Взрыватель взводится только после того, как ракета поднимается на высоту тридцать футов. К тому же, в боеголовке всего шесть с половиной фунтов взрывчатки. Достаточно для того, чтобы сбить летящий реактивный самолет; однако на эти высохшие бревна шесть с половиной фунтов взрывчатки произведут такое же действие, как если бы их поцарапать пилкой для ногтей. Итак, он попал в западню, а Холли ждет.

Однако не в его натуре было поддаваться панике. По природе своей Ричер был человек спокойный, и долгие тренировки сделали его еще спокойнее. Он был обучен изучать и оценивать, и добиваться своего, полагаясь исключительно на силу воли. Ему говорили: «Ты Джек Ричер. Ты можешь всё.» Сначала это говорила ему мать. Затем молчаливые, зловещие наставники в центрах подготовки. И он им верил.

Но и не верил. Где-то в глубине сознания у него всегда звучал голос, предостерегавший, что это лишь везение. Одно только везение. В минуты затишья ему приходила мысль, долго ли так будет продолжаться. И вот сейчас Ричер уселся на каменистую землю, прислонился спиной к бревенчатым воротам и спросил себя, неужели его везение иссякло?

Он поводил лучом фонарика вокруг. Крысы держались от него на почтительном расстоянии. Их привлекала темнота в глубине пещеры. У Ричера мелькнула мысль, что крысы его бросили. Бежали с тонущего корабля. И тотчас же его рассудок снова ожил. Нет, крыс привлекают штреки. Потому что штреки куда-то ведут. Ему вспомнились огромные норы, пробитые взрывами в скалах, образующих северную стену гигантской чаши. Быть может, эти входы как-то связаны с пещерой?

Ричер пробежал вглубь пещеры, мимо грузовиков, мимо груды трупов. Туда, где уже нельзя было выпрямиться в полный рост. Крыса мелькнула куда-то влево. Упав на землю, Ричер посветил фонариком. Пополз следом за крысой.

Он наткнулся на скелет. Столкнулся лицом к лицу с оскаленным черепом. Рядом лежал еще один скелет. И еще один. Всего четыре или пять скелетов, втиснутых в щель под сводом. Кучки развалившихся костей. Сглотнув комок в горле, Ричер попятился назад. Осторожно огляделся вокруг. Посветив фонариком.

Все трупы мужские. Это было видно по костям таза. В черепах пулевые ранения. В висок. Аккуратные входные отверстия, аккуратные выходные

отверстия. Оставленные пулей в оболочке, выпущенной с близкого расстояния из пистолета. Все скелеты достаточно свежие, определенно, им меньше года. Мягкие ткани не сгнили. Их обглодали. На костях виднелись царапины, оставленные зубами грызунов.

Все скелеты рассыпались. Крысы растащили кости, чтобы было удобнее их обгладывать. Кое-где сохранились обрывки ткани. Грудные клетки оставались покрыты материей. Крысы не трогают одежду. Зачем? Они прогрызают дорогу изнутри. Расправляясь в первую очередь с мягкими тканями. И добираются до ребер со стороны позвоночника.

Все обрывки материи были защитного цвета. С черными и коричневыми камуфляжными пятнами. Ричер увидел цветную нитку. Проследил ее до нашивки, скрытой обглоданной плечевой костью. Щит, вышитый шелком. На нем надпись: «Братство свободных людей Северо-Запада». Ричер потянул за остатки куртки. Ребра рухнули. На клапане нагрудного кармана были приколоты три хромированных звезды.

Лежа на животе, со всех сторон засыпанный костями, Ричер тщательно обыскал останки. Собрал клочки пяти различных комплектов формы. Нашел еще две нашивки. «Белое христианское братство» и «Конституционное ополчение штата Монтана». Ричер разложил в ряд пять черепов. Проверил зубы. Перед ним были останки пятерых мужчин в возрасте от сорока до пятидесяти лет. Пяти предводителей. Которые исчезли. Которые не смогли держать шаг. Которые оставили своих последователей Бо Боркену.

Свод был настолько низкий, что Ричер не мог проползти по скелетам. Ему пришлось раздвигать кости и ползти сквозь них. Крысы не проявляли к нему никакого интереса. Кости были обглоданы начисто. Новое пиршество находилось у входа в пещеру. Крысы устремились в том направлении. Держа фонарик перед собой, Ричер протискивался вглубь горы навстречу визжащему серому потоку.

Он потерял ориентацию. Ему хотелось надеяться, что он движется приблизительно на запад, однако определить это не было никакой возможности. Свод надвинулся, оставив щель фута в два. Ричер полз по древнему геологическому разлому, из которого давным-давно был извлечен слой породы, содержавший руду. Свод опустился еще ниже. До полутора футов. Стало холодно. Щель сузилась. Ричер держал руки перед собой. Щель стала настолько узкой, что уже не было возможности вытянуть их вдоль туловища. Ричер полз по каменной трубе, придавленной сверху миллиардом тонн скал, не имея понятия, в какую сторону. И свет фонарика становился все более тусклым. Батарейки сели. Яркий луч превратился в маленькое оранжевое пятнышко.

Ричер учащенно дышал. Его бил озноб. Не от усталости. От страха. От ужаса. Это было не то, что он ожидал. Ричер представлял себе прогулку

по просторному заброшенному штреку. А не ползание по этой щели в толще скал. Он сам протискивался навстречу своему самому страшному детскому кошмару. На своем веку Ричеру пришлось повидать многое, и ему редко бывало страшно. Однако с детства он боялся застрять в темноте в тесном пространстве, слишком узком, чтобы развернуть свое внушительное тело. Все детские кошмары Ричера были связаны с тем, что он оказывался зажат в тесноте. Лежа на животе, он зажмурился. Учащенно дыша, проталкивая воздух сквозь стиснутое горло. Наконец он снова дюйм за дюймом пополз вперед навстречу кошмару.

Ярдов через сто фонарик окончательно умер. Темнота вокруг была полной. Щель сужалась все больше. Ричеру пришлось поджать плечи. Он втискивался в пространство, слишком маленькое для него. Его лицо было повернуто вбок. Ричер прилагал все силы, чтобы сохранить самообладание. Он помнил то, что сам говорил Боркену: тогда люди были мельче. Тощие коротышки, перебравшиеся на запад, искавшие счастье в недрах горы. Размерами вдвое меньше Ричера, они ползали по узким щелям на спине, отбивая киркой яркие жилки породы.

Ричер использовал погасший фонарик так, как использует белую трость слепой. Вдруг фонарик в двух футах перед его лицом наткнулся на камень. Сквозь хрип собственного дыхания Ричер услышал звон стекла. С трудом протиснувшись еще чуть-чуть вперед, он пощупал рукой. Сплошная стена. Штрек закончился. Ричер попробовал отползти назад. Не смог даже пошевелиться. Для того, чтобы отталкиваться руками, ему надо было приподнять грудь и получить упор. Однако свод был слишком низкий. Плечи Ричера были вжаты в стены. Он не мог получить упор. Отталкиваясь ногами, можно было бы ползти вперед, но не назад. Ричер оцепенел, охваченный паникой. Ему к горлу подкатил комок. Висок упирался в свод, щека лежала на неровном камне. Он задышал часто, борясь с непреодолимым желанием закричать.

Необходимо возвращаться назад. Ричер уперся носками в неровности земли. Развернул руки большими пальцами вниз. Попытался сдвинуться с места, подтягиваясь за счет усилий пальцев ног и отталкиваясь большими пальцами рук. Сместился назад на долю дюйма, и тотчас же его стиснули каменные стены. Ему надо было перенести вес тела назад, однако мышцы плеч, раздуваясь от напряжения, вжимались в скалу. Сделав глубокий выдох, Ричер расслабил руки. Попытался подтянулся на пальцах ног. Они беспомощно скользнули по камню. Ричер добавил им в помощь большие пальцы рук. Мышцы плеч тотчас же вздулись и снова наткнулись на скалу. Ричер повилял бедрами. У него была в запасе пара дюймов. Вонзив руки в сланец, он снова подался назад. Однако его тело застряло прочно, словно клин. Повернувшись на бок, Ричер ободрал щеку о свод. Дернув головой в обратную сторону, он ободрал другую щеку о пол. Скала сдавила ему грудную клетку. На этот

раз он не смог сдержать крик. Раскрыв рот, Ричер завопил от ужаса. Воздух в легких вдавил его грудь в пол, а спину в свод.

Ричер не мог сказать, открыты или закрыты его глаза. Оттолкнувшись ногами, он снова прополз вперед тот дюйм, который только что выиграл назад. Вытянул перед собой руки. Плечи его были стиснуты так плотно, что он практически не мог сместить руки в сторону. Растопырив пальцы, Ричер покрутил ими вправо и влево, вверх и вниз. Перед ним сплошная каменная стена. Дороги вперед нет. Дороги назад тоже нет.

Он умрет, зажатый в скале. Ричер понял это. И крысы тоже это поняли. Они возились позади него. Приближаясь. Ричер ощутил их у своих ступней. Он дернул ногами, и крысы с визгом убежали прочь. Но тут же вернулись. Ричер почувствовал, как они бегут по его ногам. Затем по спине. Карабкаются на плечи, ныряют под мышки. Он ощутил лицом прикосновение их маслянистой щетины, длинных жестких хвостов, когда они пробегали мимо него.

Но куда? Ричер дал крысам пробежать по своим рукам, чтобы определить направление. Они бежали вперед, в кромешную тьму. Ричер чувствовал это руками. Затем поток крыс отклонился влево. Вызывая возмущение воздуха. Воздух был прохладный. Ричер ощутил его движение – слабый ветерок, лизнувший ему левую щеку. Вжавшись в стену справа от себя, он провел рукой влево. Пытаясь нащупать левую стену. Ее не было. Он застрял в пересечении штреков. Новая щель отходила под прямым углом от той, в которой он находился. Крутой поворот, угол девяносто градусов. Отталкиваясь большими пальцами рук, Ричер отполз назад так далеко, как только смог. Обдирая лицо о свод, упираясь боком в каменную стену. Просунул за угол сначала руки, потом подтащил за ними ноги.

Новый штрек оказался ничуть не лучше. Он был таким же узким. Свод нависал так же низко. Ричер медленно полз вперед, судорожно дыша, обливаясь потом, не в силах побороть дрожь. Он продвигался дюйм за дюймом, отталкиваясь пальцами ног. Крысы протискивались мимо. Острые выступы скал обдирали ему бока и спину. Однако Ричер по-прежнему ощущал лицом легкое дуновение свежего воздуха. Штрек куда-то вел. Ричер судорожно глотал воздухом рот, не в силах отдышаться. И полз вперед. Наконец новый штрек начал расширяться. Оставаясь очень низким. Узкая щель в скале. Ричер полз вперед, на грани истощения. Пятьдесят ярдов. Сто. Затем он почувствовал, что свод резко уходит вверх. Оттолкнувшись еще раз ногами, Ричер внезапно ощутил, что воздух стал другим. Он лежал в пещере, превращенной в гараж. Только сейчас до него дошло, что его глаза были широко раскрыты, а перед ним в темноте бледнел белый «Эконолайн».

Перекатившись на спину, Ричер долго лежал, пытаясь отдышаться. Его била дрожь. Шатаясь, он поднялся на ноги и оглянулся назад. Щель не было видно. Она терялась в темноте. Добравшись до белого грузовика, Ричер обессилено рухнул на землю, привалившись к колесу. Светящиеся цифры часов показывали, что он провел в штреках почти три часа. В основном, застряв на месте, обливаясь потом, объятый ужасом. Три часа кошмарного сна, воплотившегося в жизни. Штаны и куртка были изодраны в клочья. Все мышцы горели огнем. Лицо, руки и локти были ободраны до крови. Однако главным был страх. Страх, что он не сможет выбраться. Ричер до сих пор чувствовал давление скалы на спину и грудь. Чувствовал, как оно вжимает внутрь грудную клетку. Встав, он доковылял до ворот. Открыл их и остался стоять на пороге, освещенный лунным светом, раскинув руки, с безумными глазами, жадно глотая широко раскрытым ртом сладкий ночной воздух.

* * *

Только когда Ричер уже преодолел половину чаши, к нему вернулась способность рассуждать нормально. Поэтому ему пришлось вернуться бегом назад и снова заглянуть в гараж. Отыскать то, что нужно. Ричер нашел это в ящике с инструментом одного из джипов. Моток толстого жесткого провода, предназначенного для питания электрических цепей жилого прицепа. Схватив провод, Ричер зубами содрал с него изоляцию. Выбежал из сарая.

Всю дорогу обратно до Йорка он старался держаться дороги. Две мили, двадцать минут медленного мучительного бега через лес. Обогнув стороной полуразрушенное строение на северо-восточной окраине, Ричер приблизился к зданию суда сзади. Бесшумно обошел его, оставаясь в тени. Подождал и прислушался.

Пытаясь рассуждать как Бо Боркен. Благодушная уверенность в непреодолимости внешних рубежей. Источник информации в ФБР. Ричер заперт на гауптвахте. Холли заперта в своей тюрьме. Поставит ли Боркен часовых? Только не сегодня ночью. Только не в преддверии великих событий, которые начнутся завтра и продлятся неизвестно как долго. Все люди должны быть свежими, полными сил. Ричер кивнул, соглашаясь сам с собой. Надо рискнуть, поставить все на то, что его предположение правильное.

Он подошел к крыльцу здания суда. Никого. Потрогал дверь. Заперта. Ричер улыбнулся. Никто не ставит часового за запертой дверью. Согнув из провода крючок, Ричер нащупал механизм. Старый, с двумя сувальдами. Восемь секунд. Ричер шагнул внутрь. Подождал, прислушиваясь. Ничего. Он поднялся по лестнице.

Замок в двери в комнату Холли был новый. Но дешевый. Ричер работал бесшумно, поэтому не слишком быстро. Прошло больше тридцати

секунд, пока наконец не щелкнула последняя сувальда. Медленно открыв дверь, Ричер шагнул на новый приподнятый пол. С опаской посмотрел на стены. Холли лежала на матрасе на полу. Полностью одетая и готовая. Дожидающаяся его. В полумраке блеснули ее широко раскрытые глаза. Ричер жестом предложил молодой женщине выходить из комнаты. Развернулся и стал ждать ее в коридоре. Подобрав костыль, Холли захромала к двери. Осторожно спустилась вниз и подошла к Ричеру.

– Привет, Ричер, – прошептала она. – Как дела?

– Бывало и получше. Время от времени.

Обернувшись, Холли посмотрела на свою комнату. Проследив за ее взглядом, Ричер увидел на полу темное пятно.

– Женщина, которая принесла мне обед, – шепотом объяснила Холли.

Ричер кивнул.

– Чем?

– Трубой от кровати.

Увидев у нее на лице удовлетворение, Ричер улыбнулся.

– Трубы от кровати прекрасно подходят для этого дела.

Бросив прощальный взгляд на свою комнату, Холли осторожно прикрыла дверь. Медленно спустилась следом за Ричером по темной лестнице. Пройдя по коридору, они шагнули через двустворчатую дверь в тишину яркого лунного света.

– Господи! – ахнула Холли. – Что с тобой случилось?

Ричер оглядел себя в свете луны. Он был покрыт с головы до ног толстым слоем серой пыли. Одежда была в клочьях. Повсюду свежая кровь и пот. И еще его до сих пор била дрожь.

– Долгая история, – неопределенно ответил Ричер. – В Чикаго есть человек, которому ты по-прежнему доверяешь?

– Макграт, – тотчас же сказала Холли. – Старший агент, начальник отделения. А что?

Держась за руки, они пересекли широкую улицу, глядя по сторонам. Обошли лужайку перед разрушенным зданием администрации. Нашли тропу, ведущую на северо-запад.

– Надо послать ему факс. У Боркена есть ракеты. Надо предупредить Макграта. Прямо сейчас, потому что завтра рано утром телефонную линию перережут.

– Об этом Боркена предупредил предатель? – спросила Холли.

Ричер кивнул.

– Но как он держит связь?

– С помощью коротковолновой рации, – объяснил Ричер. – Только так. Все остальное можно проследить.

Покачнувшись, он вынужден был прислониться к дереву. Постоял, приходя в себя. Вкратце рассказал Холли все, от начала до конца.

– Проклятие! – выругалась та. – Ракеты класса «земля-воздух»? Массовое самоубийство? Кошмар какой-то!

– Нас это не касается, – возразил Ричер. – Мы уходим отсюда.

– Надо остаться и помочь этим людям, – решительно заявила Холли. – Здесь же женщины, дети.

Ричер покачал головой.

– Лучшая помощь с нашей стороны – это если нас здесь не будет. Возможно, лишившись нас, Боркен пересмотрит свой план. А мы сможем рассказать кому нужно о том, как тут обстоят дела.

– Не знаю… – растерянно произнесла Холли.

– А я знаю. Правило номер один требует решать задачи в порядке приоритета. А приоритет в данном случае – это ты. Мы уходим отсюда.

Пожав плечами, Холи кивнула.

– Сейчас?

– Не медля ни минуты.

– Как?

– На джипе через лес. Я нашел, где находится гараж. Мы идем туда, угоняем джип, и к этому моменту уже рассветет достаточно для того, чтобы найти дорогу. Я видел карту в комнате Боркена. На восток через лес ведут несколько просек.

Холли кивнула, и Ричер оторвался от дерева. Они стали подниматься по петляющей тропе к Бастиону. Миля в темноте. Спотыкаясь о камни и корни, они молчали, сохраняя силы. На поляне было темно и тихо. Обогнув столовую, Ричер и Холли приблизились сзади к связному

центру. Выйдя из леса, Ричер подошел к зданию и прижался ухом к фанерной стене. Изнутри не доносилось ни звука.

Ричер снова воспользовался куском провода, и меньше чем через десять секунд они оказались внутри. Холли отыскала бумагу и ручку. Написала свое сообщение. Набрала номер факса Чикагского отделения и вставила лист в машину. Та послушно зажужжала, втягивая бумагу. Через полминуты вернула назад. Приняв лист бумаги, Холли нажала клавишу подтверждения, не желая оставлять никаких следов. Из факса выполз другой лист бумаги. На нем был напечатан номер адресата. Холли убедилась, что номер правильный. На листе стояли время и дата: без десяти минут пять утра, четвертое июля, пятница. Разорвав оба листа в мелкие клочья, Холли спрятала их на дне мусорной корзины.

Порывшись в ящике, Ричер нашел скрепку. Вышел следом за Холли в залитую лунным светом ночь и запер дверь. Обошел вокруг здания и отыскал кабель, отходящий от здания к коротковолновой антенне. Покрутил скрепку, ломая ее. Воткнул отломанный конец в кабель наподобие булавки. Протолкнул его так, чтобы с обеих сторон торчало по маленькому кончику. Металл замкнет антенну, закоротив сигнальную жилу с оплеткой. Принятый из эфира сигнал будет проходить по сигнальной жиле до обломка скрепки и стекать по нему на землю, не доходя до коротковолнового приемника. Самый надежный способ вывести из строя рацию. Если просто разбить аппарат, его сразу же начнут чинить. А в этом случае неисправность не обнаружится до тех пор, пока отчаявшийся связист наконец не решит проверить кабель.

– Нам нужно оружие, – прошептала Холли.

Ричер кивнул.

Они прокрались к двери арсенала. Ричер взглянул на замок. Сразу понял, что это безнадежно. Такую сложную систему простой отмычкой не возьмешь.

– Я заберу «глок» у того типа, который меня сторожил, – шепнул он.

Холли кивнула. Нырнув в деревья, они дошли до следующей поляны. Ричер попытался спешно придумать какую-нибудь убедительную историю, которая оправдывала бы его возвращение перед Джозефом Рэем. Решил наплести что-нибудь про высокоскоростной луч со спутника, сбивший его с пути. Они с Холли осторожно обошли здание гауптвахты и прислушались. Все тихо. Ричер завернул за угол и открыл дверь. И шагнул прямо на девятимиллиметровый пистолет. Но на этот раз это был не «глок». А «ЗИГ-Зауэр». И держал его не Джозеф Рэй. А Бо Боркен. Он стоял рядом за дверью с Малышом Стиви и ухмылялся.

Глава 37

К половине пятого утра Уэбстер уже созрел для того, чтобы его сменили. Джонсон, Гарбер и адъютант генерала дремали в креслах. Макграт был на улице вместе с телефонистами. Те как раз заканчивали. Работа потребовала гораздо больше времени, чем они предполагали. Возникли какие-то проблемы со стыковкой. Связистам пришлось физически перерезать телефонный кабель, ведущий в Йорк, и толстый медный провод был подключен к временному терминалу, установленному рядом с командно-штабной машиной.

Однако с первого раза ничего не получилось. Связисты возились с мультиметрами, что-то бормоча про паразитные сопротивления и емкости. Им пришлось работать около трех часов. Они уже были готовы обвинить оборудование командно-штабной машины в несовместимости с гражданскими стандартами, когда одному из них пришла мысль проверить собственную аппаратуру. Неисправность крылась во временном терминале. Пришлось подключить резервный, и наконец все заработало. В четыре часа тридцать пять минут утра Макграт пожал связистам руки и потребовал от них хранить молчание. В этот момент из машины вышел Уэбстер. Сотрудники ФБР проводили взглядом отъехавшую машину телефонной компании. Шум двигателя замер за поворотом. Уэбстер и Макграт остались стоять в ярком лунном свете. Они простояли так минут пять, пока Макграт не выкурил сигарету. Не сказав ни слова. Они просто смотрели в сторону севера и думали каждый о своем.

– Буди своих ребят, – наконец сказал Уэбстер. – А мы с тобой хоть немного поспим.

Кивнув, Макграт заглянул в жилой трейлер. Разбудил Милошевича и Брогана. Спавших полностью одетыми на койках. Агенты встали, потягиваясь. Спустились из трейлера. Уэбстер, Джонсон и его адъютант уже ждали на улице. Гарбер стоял чуть поодаль.

– С телефонной линией уже разобрались, – сказал Уэбстер.

– Вот как? – спросил Броган. – А я полагал, ей займутся только утром.

– Мы решили, чем раньше, тем лучше, – объяснил Уэбстер.

Он указал кивком на генерала Джонсона. Этот жест говорил: «Вы же понимаете, он беспокоится.»

– Отлично, – сказал Милошевич. – Мы за всем присмотрим.

– Разбудите нас в восемь, – сказал Уэбстер. – Или раньше, если возникнет необходимость.

Кивнув, Броган направился к командной машине. Милошевич последовал за ним. Остановившись, они посмотрели на горы,

купающиеся в лунном свете. В этот момент в пустой командной машине зажужжал факс. Выдал первый лист текстом вверх в приемный лоток. Было без десяти минут пять утра, четвертое июля, пятница.

* * *

Броган разбудил генерала Джонсона через один час десять минут, ровно в шесть утра. Громко постучав в дверь жилого трейлера, он не дождался ответа и, поднявшись внутрь, потряс генерала за плечо.

– Вас вызывает авиабаза Петерсон, сэр, – сказал Броган. – У них что-то срочное.

Джонсон как был, в рубашке и кальсонах, побежал к командной машине. Милошевич вышел в предрассветные сумерки к Брогану, чтобы не мешать генералу. Джонсон присоединился к ним пять минут спустя.

– Надо созывать общее совещание.

Он нырнул в жилой трейлер. Милошевич отправился будить остальных. Вскоре появились Уэбстер и адъютант генерала, зевающие и потягивающиеся, и Гарбер, полностью проснувшийся и подтянутый. Макграт курил. Вероятно, он даже не попытался заснуть. По очереди поднявшись в машину, все расселись вокруг стола, с красными слезящимися глазами и взъерошенными волосами.

– Звонили с базы Петерсон, – начал генерал. – Как только рассветет, сюда вышлют поисково-спасательный вертолет. Будем искать пропавшую зенитно-ракетную батарею.

Адъютант кивнул.

– В таких случаях это стандартная практика.

– Основанная на предположении, что произошли какие-то неполадки с техникой и связью, – добавил Джонсон.

– Что происходит достаточно часто, – продолжал адъютант. – Если вышла из строя рация, эти ребята должны были заняться ее починкой. Если при этом сломался один из грузовиков, они должны были остановиться и ждать помощи.

– Расставить повозки в круг? – спросил Макграт.

– Совершенно верно, – снова кивнул адъютант. – Они должны были съехать с дороги и ждать вертолет.

– Что нам говорить летчикам? – спросил Макграт.

Адъютант подался вперед.

– Хороший вопрос. Что именно им сказать? Нам даже неизвестно наверняка, что наши ребята попали в руки маньякам. Не исключается, что все дело в поломке грузовика и выходе из строя радио.

– Помечтай, помечтай, – буркнул Джонсон.

Уэбстер пожал плечами. Он знал, как поступать в таких ситуациях.

– Какие плюсы?

– Никаких, – сказал Джонсон. – Если мы сообщим в Петерсон о том, что ракеты захвачены, кошка окажется выпущена из мешка, мы потеряем контроль над ситуацией. А в Вашингтоне решат, что мы их ослушались, не став дожидаться понедельника.

– Хорошо, – согласился Уэбстер. – Какие минусы?

– Надо исходить из предположения, что ракеты захвачены, – сказал Джонсон. – Следовательно, скорее всего, они хорошо спрятаны. В этом случае вертолет их не найдет. Полетав какое-то время над районом, он вернется на базу.

Уэбстер кивнул.

– Отлично. Ни плюсов, ни минусов, значит, никакой проблемы нет.

Последовала небольшая заминка.

– Значит, будем молчать, – сказал Джонсон. – Пусть вертолет полетает над лесом.

Макграт с сомнением покачал головой.

– А что если этим ублюдкам вздумается сбить вертолет одной из ракет?

Адъютант генерала снисходительно усмехнулся.

– У них ничего не получится. Этого не допустит система распознавания «свой – чужой». Вертолет постоянно посылает радиосигнал. Ракета принимает его, распознает вертолет как «свой» и не запускается.

– На это можно положиться? – недоверчиво спросил Макграт.

Адъютант кивнул.

– Абсолютная гарантия.

Гарбер бросил на него гневный взгляд, но промолчал. Не его епархия.

– Ну хорошо, – сказал Уэбстер. – Назад в кровать. Броган, разбудишь нас в восемь.

* * *

На бетонной взлетно-посадочной полосе авиабазы Петерсон вертолет Си-эйч-47Д «Чинук» прогревал двигатели, пожирая первые из восьмисот пятидесяти восьми галлонов топлива, налитого в баки. «Чинук» – огромная машина; два несущих винта кромсают воздух в овале длиной сто футов и шириной шестьдесят. Собственный вес вертолета составляет десять тонн, и он может поднимать в воздух еще одиннадцать. Он представляет собой огромный вагон с прикрепленными по бокам и сверху двигателями и топливными баками; экипаж находится в высоко поднятой кабине спереди. Поиск может вести любой вертолет, но только «Чинук», способный взять на борт тяжелое снаряжение, может выполнять спасательные работы.

Из-за праздничных увольнений диспетчер выпустил вертолет с минимальным экипажем из двух человек. Без отдельного наблюдателя. Диспетчер решил, что в нем не будет необходимости. Разве можно не заметить пять армейских грузовиков, застрявших на склоне горы?

* * *

– Ты должен был стоять вот здесь, – сказал Боркен. – Правильно, Джо?

Ричер бросил взгляд в полумрак внутреннего помещения гауптвахты.

Джозеф Рэй стоял в желтом квадрате, вытянувшись в струнку. Уставившись прямо перед собой. Совершенно голый. Из носа и рта капала кровь.

– Правильно, Джо? – повторил Боркен.

Рэй ничего не ответил. Шагнув к нему, Боркен с размаху ударил его кулаком в лицо. Пошатнувшись, Рэй отлетел назад. Ударился спиной о дальнюю стену и тотчас же поднялся на ноги, спеша снова встать в желтый квадрат.

– Я задал тебе вопрос, – зловещим тоном произнес Боркен.

Рэй кивнул. Из разбитой губы на подбородок стекала кровь.

– Ричер должен был стоять вот здесь.

Боркен снова ударил его. Жестокий прямой удар в лицо. Голова Рэя дернулась в сторону. Хлынула кровь. Боркен усмехнулся.

– Джо, когда стоишь в этом квадрате, разговаривать запрещается. Тебе же это прекрасно известно.

Отступив от Рэя, Боркен приставил дуло «ЗИГ-Зауэра» Ричеру к уху. Вытолкнул его на поляну. Сделал знак Стиви, чтобы тот вышел следом.

– А ты, Джо, оставайся стоять в квадрате, – бросил в дверях он.

Стиви захлопнул дверь. Боркен стволом пистолета толкнул Ричера к нему.

– Скажи Фаулеру, чтобы он избавился от этого типа. Никакой пользы от него больше уже не будет. Отведи сучку в ее комнату. Расставь вокруг здания кольцо часовых. Нас ведь ждут важные дела, так? Нет времени на это дерьмо. Всем собраться на плацу в половине седьмого. Я прочту наше обращение перед тем, как разослать его по факсу.

* * *

Макграт не мог заснуть. Вернувшись вместе с остальными в жилой трейлер, он лег на койку, но через десять минут встал. Без четверти семь утра Макграт уже снова был в командно-штабной машине вместе с Броганом и Милошевичем.

– Ребята, если хотите, можете немного отдохнуть. Я подежурю здесь.

– Мы могли бы заняться завтраком, – предложил Броган. – В Калиспелле уже должны открыться столовые.

Макграт рассеянно кивнул. Полез за бумажником.

– Не беспокойтесь, – остановил его Броган. – Я угощаю.

– Спасибо. Только не забудь кофе. Побольше кофе.

Броган и Милошевич вышли из машины. Постояв в дверях, Макграт проводил взглядом, как они уехали на армейском седане. Когда шум двигателя затих вдали, осталось только тихое гудение аппаратуры связи. Макграт направился за стол. Часы показывали семь утра ровно. И в этот момент зажужжал факс.

* * *

Холли провела руками по старому матрасу так, словно на нем лежал Ричер. Словно сейчас под ней было его тело, покрытое шрамами, жаркое и упругое, а не протертая хлопчатобумажная ткань, набитая древним конским волосом. Молодая женщина заморгала, прогоняя непрошеную слезу. Глубоко вздохнув, задумалась. Джексона нет, Ричера нет, оружия нет, инструмента нет, на улице шесть часовых. В тысячный раз обведя комнату взглядом, Холли начала все сначала.

* * *

Макграт разбудил остальных, заколотив кулаками по стене трейлера. Затем он вернулся бегом в командную машину и вытащил третий лист, выползающий из факса. Два уже были у него в руках. Теперь к ним добавился третий.

Уэбстер вышел из трейлера первым. Через минуту после него – Джонсон. Потом Гарбер, и последним адъютант. Грохоча ботинками по

металлическому трапу, все один за другим поднялись в штабную машину и уселись за стол. Макграт был поглощен чтением.

– В чем дело, Мак? – спросил Уэбстер.

– Эти ублюдки провозгласили независимость, – сказал Макграт. – Только послушайте.

Он обвел взглядом четыре лица. Начал читать вслух:

– «Люди создают правительства, черпающие свои законные полномочия в согласии управляемых. Право народа – изменить или упразднить ту или иную форму правления после длительных притеснений и лишений прав.»

– Это цитата из оригинала, – заметил Уэбстер.

– Слегка измененная, – поправил Гарбер.

Макграт кивнул.

– Слушайте дальше. «История нынешнего правительства Соединенных Штатов представляет собой сплошную череду притеснений, направленных на установление абсолютной тирании над народом.»

– Что это такое, черт побери? – воскликнул Уэбстер. – Повторение 1776-го года?

– Дальше еще хуже, – продолжал Макграт. – «Таким образом, мы являемся представителями Свободных Штатов Америки, расположенных на территории бывшего округа Йорк бывшего штата Монтана. Сей декларацией мы торжественно провозглашаем, что это территория является отныне свободным и независимым государством, не имеющим никаких обязательств перед Соединенными Штатами и разорвавшим с ними все политические связи. Наше независимое государство имеет право объявлять войну, заключать мир, защищать свои сухопутные границы и воздушное пространство, образовывать союзы, вести торговую деятельность и заниматься всем остальным, чем может заниматься свободное государство.»

Он поднял взгляд. Собрал все три листа и аккуратно положил их на стол.

– Почему три экземпляра? – спросил Гарбер.

– Три адресата, – объяснил Макграт. – Если бы мы не перехватили этот бред, к настоящему моменту о нем уже знала бы вся страна.

– Куда это направлялось? – спросил Уэбстер.

– Первый экземпляр в Вашингтон. Смею предположить, это номер Белого дома.

Адъютант Джонсона пододвинул стул к компьютерному терминалу.

Макграт зачитал вслух номер. Адъютант ввел цифры в компьютер. Взглянул на экран и кивнул.

– Это действительно Белый дом. Читайте дальше.

– Второй номер где-то в Нью-Йорке, – сказал Макграт, зачитывая номер со второго листа.

– Это штаб-квартира ООН, – тотчас же определил адъютант. – Сумасшедшие призывают свидетелей.

– Третий номер я не знаю, – продолжал Макграт. – Федеральный код 404.

– Атланта, штат Джорджия, – тотчас же сказал Гарбер.

– А что находится в Атланте, штат Джорджия? – поинтересовался Уэбстер.

Адъютант быстро застучал по клавиатуре.

– Телекомпания Си-эн-эн. Ублюдки хотят привлечь к себе внимание.

Джонсон кивнул.

– Умный шаг. Этот Боркен хочет, чтобы все происходящее транслировалось в прямом эфире. Господи, вы понимаете, что это означает? ООН в качестве третейского судьи и круглосуточное освещение по сети кабельного телевидения. Чтобы за этим наблюдал весь мир!

– Что же нам делать? – спросил Уэбстер.

Наступила тишина.

– Зачем эта фраза про воздушное пространство? – вдруг спросил Гарбер.

– Оригинальный текст несколько изменен, – согласился Уэбстер. – В 1776 году про воздушное пространство ничего не говорилось.

– Надо помнить про зенитные ракеты. Существует ли возможность отключить систему распознавания «свой – чужой»?

Снова наступила тишина. Послышался шум подъезжающей машины.

Хлопнули двери. Загремев ботинками по трапу, в кабину вошли Броган и Милошевич. С большими бумажными пакетами и пластиковыми стаканчиками в руках.

* * *

Огромный поисково-спасательный «Чинук» без происшествий перелетел на север с авиабазы Петерсон в Колорадо до авиабазы Мальмстрим неподалеку от Грейт-Фолз, штат Монтана. Как только вертолет коснулся бетонки, к нему устремились заправщики. Экипаж отправился в столовую перекусить и выпить кофе. Вернулся через двадцать минут. Снова поднявшись в воздух, вертолет задумчиво покачался на месте, а затем неуклюже полетел на северо-запад.

Глава 38

– Мы до сих пор не получили никакого ответа, – сказал Фаулер. – И у нас возникают вопросы, почему.

Ричер молча пожал плечами. Они находились в доме командира. Стиви притащил Ричера напрямую через лес до Бастиона, затем Фаулер в сопровождении двух вооруженных бойцов притащил его назад. Воспользоваться гауптвахтой было нельзя. Там до сих пор находился Джозеф Рэй. Поэтому пришлось пройти в дом командира. Ричера усадили в кресло, и Фаулер наручником пристегнул ему запястье левой руки к подлокотнику. Охранники встали по обе стороны, настороженные, держа оружие наготове. Фаулер на время отлучился, чтобы вместе со Стиви и Боркеном принять участие в торжественной церемонии на плацу. Издалека донеслись восторженные крики, которыми была встречена декларация независимости. После этого наступила тишина. Через полтора часа Фаулер вернулся, один. Сев за стол Боркена, он закурил, а вооруженные охранники остались стоять.

– Мы час назад разослали нашу декларацию по факсу, – сказал Фаулер. – И до сих пор никакой реакции.

Поморщившись от запаха табачного дыма, Ричер посмотрел на развешанные на стене флажки. Коричнево-красные с белым, со зловещими черными символами.

– Ты можешь сказать, почему до сих пор мы не получили никакого ответа? – спросил Фаулер.

Ричер молча покачал головой.

– Знаешь, что я думаю? – продолжал Фаулер. – Линия связи перерезана. Телефонная компания пошла на сотрудничество с федеральным правительством. Нас предупредили, что это произойдет в половине восьмого утра. Судя по всему, это произошло раньше.

Ричер снова пожал плечами. Ничего не говоря.

– О таких вещах нас должны были бы предупредить. – Достав «глок», Фаулер поставил его рукояткой на стол и поводил дулом из стороны в сторону, словно военно-морское орудие. – Но не предупредили.

– Быть может, ваш дружок из Чикаго решил вас бросить, – предположил Ричер.

Фаулер покачал головой. «Глок» застыл, нацеленный Ричеру в грудь.

– Мы получали всю необходимую информацию. Нам известно, где находятся наши враги, сколько их, каковы их намерения. Но теперь, когда информация по-прежнему нам нужна, мы ее больше не получаем. Связь прервана.

Ричер молчал.

– Мы выясняем причины. Сейчас проверяют рацию.

Ричер продолжал молчать.

– Ты ничего не хочешь рассказать нам про рацию? – спросил Фаулер.

– Про какую рацию?

– Вчера она работала нормально. Сейчас она не работает, а ты где-то бродил всю ночь.

Нагнувшись, Фаулер выдвинул ящик стола, в котором Боркен хранил старый «кольт». Однако достал он оттуда не револьвер. А маленький черный передатчик.

– Это рация Джексона, – объяснил Фаулер. – Бедняге не терпелось показать нам, где она спрятана. Больше того, он умолял о том, чтобы мы разрешили ему показать тайник. Он кричал, плакал и молил. А потом сорвал ногти, выкапывая рацию из земли, – так ему не терпелось отдать ее нам. – Усмехнувшись, он осторожно убрал черную коробочку в карман. – Мы полагаем, достаточно будет включить ее, и мы попадем прямиком на федеральный сброд, лично на самых высоких шишек. На данной стадии надо общаться напрямую. Посмотреть, удастся ли убедить их восстановить телефонную линию.

– План просто жутко хороший, – заметил Ричер.

– Понимаешь, телефонная линия для нас очень важна. Жизненно важна. Весь мир должен узнать, что мы здесь делаем. Весь мир должен стать свидетелями. Здесь творится история. Ты ведь это понимаешь, так?

Ричер молча смотрел на стену.

– Тебе известно, что за нами следят видеокамеры? – продолжал Фаулер. – В небе постоянно находятся самолеты наблюдения. Сейчас, когда снова рассвело, федеральные псы могут видеть, чем мы занимаемся. Можем ли мы как-нибудь обратить это себе на пользу?

Ричер покачал головой.

– Только оставьте меня в покое.

– Разумеется, мы оставим тебя в покое, – усмехнулся Фаулер. – Кого будет волновать, что тебя прибьют гвоздями к дереву? Ты никчемный кусок дерьма, до тебя нет дела ни им, ни нам. Но вот Холли Джонсон – это дело другое. Я думаю, мы свяжемся с федеральными псами с помощью их же собственного передатчика и предложим посмотреть на то, что видят их самолеты-шпионы. Думаю, после того, как Холли отрежут правую грудь, телефонную линию восстановят.

Он загасил сигарету. Подался вперед. Заговорил зловещим тихим голосом:

– Мы настроены очень серьезно, Ричер. Ты сам видел, что мы сделали с Джексоном. То же самое мы можем сделать и с Холли. И с тобой. Нам необходимо иметь связь с внешним миром. Нам нужна эта телефонная линия. Поэтому нам нужен наш коротковолновый передатчик, чтобы выяснить, какого же черта с ней произошло. Все это нам очень нужно. Ты ведь это понимаешь, правда? Так что если тебе хочется избежать ненужных мучений, своих и Холли, лучше скажи, что ты сделал с рацией.

Развернувшись, Ричер перевел взгляд на книжный шкаф. Пытаясь вспомнить подробности японских трудов о Перл-Харборе в отвратительном переводе, которые читал.

– Говори, не тяни, – вкрадчиво промолвил Фаулер. – Я смогу защитить и тебя, и Холли. Вам не сделают ничего плохого. Но если ты будешь молчать, я ничем не смогу вам помочь. – Он положил «глок» на стол. – Хочешь сигарету?

Он протянул пачку. Улыбнулся. Добрый полицейский. Друг. Союзник. Защитник. Старый прием, описанный во всех учебниках. Ричер оглянулся по сторонам. Двое охранников, по одному с каждой стороны от него; тот что справа – ближе, слева прислонился к стене. Винтовки небрежно положены на согнутую в локте руку. Фаулер сидит за столом, протягивает пачку. Пожав плечами, Ричер кивнул. Взял свободной правой рукой сигарету. Он не курил уже больше десяти лет, но когда предлагают смертельное оружие, отказываться нельзя.

– Итак, говори, – сказал Фаулер. – И поторопись.

Щелкнув зажигалкой, он протянул огонек. Нагнувшись, Ричер прикурил. Сделал глубокую затяжку и откинулся назад. Табачный дым оказался приятным. Прошло уже десять лет, а он все еще доставлял удовольствие. Выпустив дым, Ричер снова затянулся.

– Итак, как ты вывел из строя рацию? – спросил Фаулер.

Ричер сделал третью затяжку. Выпустив дым носом, взял сигарету так, как ее держит часовой: между большим и указательным пальцами, закрывая огонек ладонью. Если быстро делать глубокие затяжки, пепел на конце сигареты нагревается до пары тысяч градусов по Фаренгейту. И превращается в тонкое острие. Ричер повернул руку, словно изучая светящийся кончик, и сделал вид, будто о чем-то думает. Выставив сигарету острой стрелой вперед.

– Как ты вывел из строя нашу рацию? – снова спросил Фаулер.

– Если я вам не отвечу, вы сделаете Холли больно? – ответил вопросом на вопрос Ричер.

Фаулер кивнул. Криво усмехнулся.

– Обещаю. Я сделаю ей так больно, что она будет молить о смерти.

Ричер обречено пожал плечами. Изобразил жест, призывающий слушать. Кивнув, Фаулер пододвинул кресло и подался ближе. Резко наклонившись вперед, Ричер воткнул сигарету ему в глаз. Фаулер взвыл от боли, а Ричер вскочил на ноги, громыхая прикованным к руке креслом. Он развернулся вправо, и кресло, описав широкую дугу, обрушилось ближнему охраннику в голову. Развалилось на части и упало, а Ричер тем временем отскочил влево. Ударил второго охранника ребром ладони в горло, пока тот еще не успел поднять винтовку. Отскочил назад и ударил Фаулера обломками кресла. Использовал момент инерции, чтобы снова навалиться на первого охранника. Прикончил его ударом локтя в висок. Охранник повалился на пол. Схватив его винтовку за ствол, Ричер опустил приклад на голову второму охраннику. Почувствовал, как трещат кости черепа. Отбросив винтовку, стремительно развернулся и разбил кресло в щепки о плечи Фаулера. Схватил его за уши и ударил лицом о крышку стола – раз, два, три раза. Поднял с пола ножку сломанного кресла и просунул ее Фаулеру под подбородок. Просунул концы ножки под локти и сплел руки вместе. Убедился, что держит ножку крепко, и расправил плечи. Резко дернул, и одним рывком сломал Фаулеру шею.

Ричер забрал обе винтовки, «глок» и ключ от наручников. Вышел на улицу и обогнул дом. Направляясь прямо в лес. Он убрал «глок» в карман. Снял с запястья наручники. Взял по винтовке в каждую руку. Ричер учащенно дышал. Ему было очень больно. Вращая тяжелое деревянное кресло, прикованное к руке, он разодрал на запястье кровавую рану. Ричер поднес руку ко рту, облизал рану и затянул ее рукавом рубашки.

Вдруг он услышал гул вертолета. Низкий раскатистый рев тяжелой машины с двумя несущими винтами, «Си найт» или «Чинук», где-то далеко на юго-востоке. Ричер вспомнил, что вчера вечером Боркен

говорил про восемь морских пехотинцев. Он так и сказал: «Только восемь морских пехотинцев.» Морская пехота использует «Си найты». Ричер пришел к выводу, что федераньные силы решили предпринять атаку в лоб. У него перед глазами мелькнули стены комнаты Холли с полостями, заполненными динамитом, и он побежал напрямик через лес.

Ричер успел добежать до Бастиона. Рев несущих винтов стал громче. Ричер рискнул покинуть заросли и выбежал на каменистую тропу. Подняв взгляд, он увидел, что это был «Чинук». Не «Си найт». Опознавательные знаки поисково-спасательной службы, а не морской пехоты. Вертолет летел вдоль дороги, где-то на удалении мили, на высоте сто футов, используя мощные потоки воздуха, поднимаемые винтами, чтобы раздвигать растительность и облегчать поиски. Он двигался медленно, словно задумчиво, чуть опустив нос, разворачиваясь из стороны в сторону. Ричер предположил, что вертолет находится неподалеку от Йорка.

Затем он перевел взгляд на поляну и увидел ярдах в пятидесяти человека. Камуфляжная форма, нашивка на рукаве. На плече «Стингер». Мужчина водил пусковой трубой, следя за вертолетом в грубый открытый прицел. Наконец он захватил цель. Выпрямился и широко расставил ноги. Нащупал рукой пусковой механизм. Включилась инфракрасная головка наведения ракеты. Ричер ждал, что ее отключит система распознавания «свой – чужой». Этого не произошло. Ракета издала пронзительный писк. Ее головка навелась на тепло двигателей «Чинука». Указательный палец мужчины напрягся на спусковом крючке.

Ричер отбросил ту винтовку, что была у него в левой руке. Вскинул вторую, одним движением снимая оружие с предохранителя. Шагнул влево и прижался плечом к дереву. Прицелился мужчине в камуфляже в голову и выстрелил.

Однако тот выстрелил первым. На какую-то долю секунды до того, как пуля Ричера его убила, он нажал спусковой крючок «Стингера». Две вещи произошли одновременно. Ожил реактивный двигатель. Ракета вырвалась из пусковой трубы. И в этот самый момент пуля попала мужчине в голову. Удар отбросил его в сторону. Ракета еще не успела полностью покинуть пусковую трубу. Вылетев, она вертикально зависла в воздухе, словно дротик, удерживаемая энергией реактивной тяги, практически неподвижная.

Но через мгновение ракета сориентировалась в пространстве. Ричер с ужасом увидел, что она делает именно то, для чего предназначена. В хвостовой части раскрылись восемь маленьких стабилизаторов. Повисев вертикально в воздухе, ракета снова захватила головкой наведения

вертолет. Заработал двигатель второй ступени, и ракета устремилась вперед. Прежде чем труп того, кто ее выпустил, упал на землю, ракета уже понеслась к «Чинуку» со скоростью тысяча миль в час.

Вертолет неторопливо продвигался в направлении северо-запада. На удалении мили. Следуя вдоль дороги. Дорога проходила прямо через город. Между заброшенными домами. Крайним на юго-восточной окраине было здание суда. «Чинук» приближался к нему со скоростью восемьдесят миль в час. «Стингер» летел навстречу со скоростью тысяча миль в час.

Расстояние – одна миля; скорость – тысяча миль в час. Время – одна тысячная часа. Чуть больше трех с половиной секунд. Ричеру это показалось целой вечностью. Он следил взглядом за полетом ракеты. Замечательное, страшное оружие. Неумолимо нацеленное на выполнение простой задачи. Специально созданное для того, чтобы распознавать тепловую сигнатуру выхлопов авиационных двигателей и лететь на нее до тех пор, пока не закончится горючее. Простая задача, которая занимает всего три с половиной секунды.

Пилот «Чинука» увидел ракету сразу же. Первую секунду он бездействовал в оцепенении. Вызванном не ужасом, не страхом, а простым нежеланием верить в то, что только что с поляны в лесах штата Монтана по вертолету была выпущена ракета с головкой теплового наведения. Затем сработала подготовка. Уклониться и избежать. Уклониться от ракеты, избежать падения на населенный пункт. Опустив нос и задрав хвост, огромный «Чинук» описал широкую дугу, выпуская в воздух горячие выхлопные газы. И тотчас же двигатели взвыли, хвост отклонился в другую сторону, и перегретый выхлоп прочертил в небе еще одну случайную кривую. Ракета терпеливо повторила первую дугу. Сжимая радиус. «Чинук» медленно провалился вниз и вдруг резко взмыл вверх. Поднимаясь по спирали и уходя прочь от поселка. Ракета, развернувшись, повторила вторую дугу. Прилетела в ту точку, где вертолет находился всего какую-то долю секунды назад. Не нашла его. Лениво описала полный круг прямо под брюхом вертолета. Уловила отголоски нового маневра и начала подниматься по новой беспощадной спирали.

Пилот выиграл еще одну секунду, но и только. «Стингер» настиг вертолет в верхней точке отчаянного подъема. Проследив за потоком выхлопных газов, ракета залетела в правый двигатель. Взорвалась в сопле.

Шесть с половиной фунтов фугасного заряда против десяти тонн вертолета, однако взрывчатка всегда одерживает верх. Правый двигатель развалился, и тотчас же оторвался подшипник заднего несущего винта. Стальные шарики разлетелись шрапнелью во все

стороны; освободившийся несущий винт, лениво вращаясь, устремился прочь. «Чинук» застыл на мгновение в воздухе, а затем повалился вниз, хвостом вперед, удерживаемый надрывно ревущим передним несущим винтом, словно получивший пробоину корабль.

* * *

Холли услышала гул вертолета. Услышала низкий рев, с трудом проникающий сквозь стены. Гул становился громче. Затем послышался взрыв и предсмертный визг уцелевшего несущего винта, цепляющегося за воздух. После чего наступила тишина.

Вставив локоть в костыль, Холли захромала к перегородке. Комната осталась абсолютно голой, если не считать матраса на полу. Значит, поиски снова должны начаться в ванной.

* * *

– Только один вопрос, – сказал Уэбстер. – Как долго мы сможем продержать это в закупоренной бутылке?

Генерал Джонсон ничего не ответил. Молчал и его адъютант. Уэбстер перевел взгляд на Гарбера. Тот сидел мрачнее тучи.

– Очень немного, черт побери.

– Но сколько? – настаивал Уэбстер. – День? Час?

– Шесть часов, – ответил Гарбер.

– Почему? – спросил Макграт.

– Так положено по правилам. Крушение «Чинука» обязательно предстоит расследовать. В обычной ситуации прислали бы второй вертолет. Однако в данном случае существует вероятность того, что «Чинук», упав на землю, загорелся. Так что помощь прибудет по земле с базы Мальмстрим. Через шесть часов.

Уэбстер кивнул. Повернулся к Джонсону.

– Генерал, вы могли бы как-нибудь их задержать?

– Нет. – Обреченно вздохнув, Джонсон покачал головой. – Только что пропал «Чинук». С экипажем из двух человек. Я не могу просто позвонить на базу и сказать: «Ребята, сделайте одолжение, не расследуйте аварию.» Конечно, я могу попытаться, и, возможно, на базе сначала согласятся, но вскоре эта новость обязательно просочится, и мы опять окажемся там, с чего начали. Так что максимум я смогу выгадать час.

Уэбстер кивнул.

– Какая разница – семь часов, шесть?

Ему никто не ответил.

– Мы должны действовать, – решительно заявил Макграт. – Не оглядываясь на Белый дом. Ждать дальше нельзя. Необходимо предпринять что-то прямо сейчас. Через шесть часов ситуация выйдет из-под контроля. И мы потеряем Холли.

Шесть часов – это триста шестьдесят минут. Первые две из них были потрачены впустую в молчаливом бездействии. Джонсон сидел, уставившись в пустоту. Уэбстер барабанил пальцами по столу. Гарбер смотрел на Макграта. Макграт не отрывал взгляда от карты. Милошевич и Броган молча стояли в дверях, с пакетами с завтраком в руках.

– Мы принесли кофе, если кто-нибудь хочет, – предложил Броган.

Гарбер махнул рукой, подзывая его к себе.

– Операции надо планировать на сытый желудок.

– Дайте карту! – сказал Джонсон.

Макграт пододвинул ему карту. Все склонились над столом. Словно ожили. Впереди триста пятьдесят восемь минут.

– Ущелье приблизительно в четырех милях к северу от нас, – сказал адъютант. – А в нашем распоряжении всего восемь морских пехотинцев на БМП.

– На танке? – спросил Макграт.

– Нет, на боевой машине пехоты. Без гусениц, восемь колес, все ведущие.

– Бронированная? – спросил Уэбстер.

– Разумеется. На ней можно будет доехать до самого Йорка.

– Только сначала надо будет преодолеть овраг, – возразил Гарбер.

Джонсон кивнул.

– В этом главная проблема. Надо отправиться на место и посмотреть самим.

* * *

На непосвященный взгляд Макграта боевая машина пехоты выглядела совсем как танк, только вместо гусениц были восемь больших колес. Корпус был сварен из скошенных броневых листов, а над ним возвышалась башня с пушкой. Механик-водитель занял место впереди, командир разместился в башне. В заднем отсеке уселись в два ряда

шестеро морских пехотинцев, спина к спине, лицом к амбразурам. Каждая амбразура была оборудована своим прибором наблюдения. Макграт мысленно представил себе, как БМП несется в бой, неуязвимая, ощетинившаяся огнем из амбразур. Вниз в овраг, вверх на противоположный склон, по дороге до Йорка, до здания суда. Отведя Уэбстера в сторону, Макграт тихо произнес:

– Мы ведь никому не говорили про динамит в стенах.

– И не надо, – ответил тот. – Со стариком случится нервный приступ. Он и так уже на грани. Я переговорю непосредственно с морскими пехотинцами. Это ведь им придется идти в дело. И неважно, знал ли об этом наперед Джонсон.

Макграт перехватил генерала, а Уэбстер побежал к бронемашине. Макграт увидел, как командир высунулся из башни. Поморщился, услышав то, что сказал ему Уэбстер. В этот момент адъютант генерала завел армейский «Шевроле». Джонсон и Гарбер втиснулись вдвоем на переднее сиденье. Макграт прыгнул назад. Броган и Милошевич присоединились к нему.

Закончив говорить с командиром морских пехотинцев, Уэбстер подбежал к «Шевроле». Уселся назад рядом с Милошевичем. Мощный дизель БМП выпустил облако черного выхлопа. Бронированная машина медленно поползла на север. «Шевроле», набирая скорость, последовал за ней.

* * *

Через четыре мили дорога поднялась в гору и сделала крутой поворот. Не доезжая до поворота, БМП и «Шевроле» свернули на обочину, укрываясь в густых зарослях. Командир морских пехотинцев вылез из башни и побежал на север. Уэбстер, Джонсон и Макграт поспешили за ним. Постояв за скалой, они осторожно шагнули вперед. Остановились, глядя на овраг. Зрелище было впечатляющее.

Овраг прямой линией пересекал горы с запада на восток. И это была не простая канава. Это была глубокая щель со ступенькой. Целый пласт земли разломился, и южная часть провалилась значительно ниже северной. Все равно что бетонные плиты на старых автострадах, где машина подпрыгивает на дюйм на каждом шве. Увеличенный до геологических масштабов, этот дюйм превратился в пятидесятифутовую ступеньку.

Там, где земля разломилась и обрушилась, на поверхность вышли гигантские валуны. Ледник протащил эти валуны на юг. За десятки тысяч лет дожди и ветер размыли щель в трещину. Мягкие породы унесло, и остались только непоколебимые скалы. В одних местах овраг

достигал в ширину ста ярдов. В других твердые скальные породы не позволили трещине разрастись больше чем на двадцать ярдов.

Затем корни тысячи поколений деревьев и вода, замерзающая зимой, разрушили края щели так, что образовались крутой ступенчатый спуск вниз и крутой ступенчатый подъем наверх, на северную сторону, возвышающуюся на пятьдесят футов над исходной точкой. Повсюду искривленные деревья, густые кустарники и оползни. Дорожное полотно плавно поднималось на эстакаду и переходило в мост. Затем снова эстакада и спуск на северную сторону, где извивающаяся лента терялась на лесистых склонах гор.

Но сейчас мост был взорван. Заряды были заложены под две центральные опоры. Двадцатифутовый пролет обвалился вниз на глубину сто футов. Четыре человека, скрывавшихся в зарослях, видели бетонные обломки на дне оврага.

– Ну, что скажете? – нетерпеливо спросил Джонсон.

Командир морских пехотинцев быстро осмотрел противоположный край оврага в бинокль.

– По-моему, дело дрянь, сэр.

– Вы сможете перебраться на другую сторону?

Опустив бинокль, командир покачал головой.

– Об этом не может быть и речи, сэр.

Шагнув вперед, он встал рядом с генералом, чтобы видеть овраг в одной и той же перспективе. Быстро заговорил, указывая рукой:

– Конечно, можно было бы попробовать спуститься вниз. Прямо вот здесь, где оползень образует довольно пологий склон. Но главная проблема будет в том, чтобы подняться на противоположную сторону. БМП может преодолевать максимальный подъем лишь в сорок пять градусов. Но северная сторона значительно круче. В некоторых местах она кажется почти отвесной. А все более пологие места покрыты густыми зарослями. К тому же ублюдки повалили деревья. Видите, сэр?

Он указал на лесистый участок противоположного склона. Поваленные деревья были обращены спиленными стволами на юг.

– Засеки, – объяснил командир морских пехотинцев. – БМП застрянет. Обязательно. На крутом склоне такие засеки остановят и танк. Если спуститься вниз, мы непременно застрянем в этой канаве.

– Так что же нам делать, черт побери? – спросил Джонсон.

Командир пожал плечами.

– Надо вызвать саперов. Ширина взорванного пролета всего около двадцати футов. Надо навести новый мост.

– И сколько на это потребуется времени? – спросил Уэбстер.

Командир снова пожал плечами.

– Если учесть, что саперам еще надо будет добраться сюда? Часов шесть – восемь.

– Слишком долго, – сказал Уэбстер.

И тут у Макграта в кармане затрещала рация.

Глава 39

Ричера, скрывавшегося в лесу, беспокоили собаки. Они оставались единственной неизвестной величиной. Ричер не сомневался, что справится с людьми. Но у него было очень мало опыта общения с собаками.

Он находился в зарослях к северу от Бастиона, к югу от полигона. Он слышал, как в миле от него упал на землю сбитый «Чинук». Вертолет рухнул на лесистый склон хвостовой частью вниз. Сместившись в воздухе в сторону, он упал ярдах в двухстах в стороне от здания суда. Взрывов не было. Не взорвался динамит в стенах комнаты Холли, не взорвалось горючее в баках вертолета. У экипажа оставалась надежда. Ричер предположил, что высокие сосны смягчили падение огромной винтокрылой машины. Ему приходилось быть свидетелем того, как экипажи вертолетов выживали и в худших передрягах.

Он держал в руке М-16, а в кармане лежал «глок». С полностью снаряженной обоймой. Семнадцать патронов. В автоматическую винтовку был вставлен короткий магазин. Двадцать патронов, минус один, которым был убит стрелявший «Стингером». Вторая М-16 была с длинным магазином. Полностью снаряженным, емкостью тридцать патронов. Однако она осталася спрятанной в лесу. Потому что у Ричера было твердое правило останавливать свой выбор на том оружии, про которое известно, что оно в рабочем состоянии.

Ричер интуитивно почувствовал, что в центре внимания окажется юго-восточное направление. Именно там содержалась Холли, именно там упал на землю «Чинук». Именно там сосредоточил свои главные силы противник. Ричер буквально чувствовал, как все с тревогой обращают свои взоры на юго-восток, в сторону остальной части Соединенных Штатов. Поэтому он развернулся и направился на северо-запад.

Ричер двигался осторожно. Главные силы противника находились в другом месте, однако он не сомневался, что отдельные отряды ищут его. Ричер знал, что труп Фаулера уже обнаружен. Он встретил в лесу два поисковых отряда. По шесть человек в каждом, вооруженные до зубов, с шумом продирающиеся сквозь заросли. Ускользнуть от них не составило никакого труда. Но уйти от собак будет гораздо сложнее. Вот почему Ричера не покидала тревога. Вот почему он двигался осторожно.

Оставаясь в зарослях, Ричер обогнул с запада стрельбище. Вернулся на восток к плацу. В пятидесяти ярдах к северу снова развернулся и побежал вдоль дороги к шахте. Не выходя из леса, быстрыми, упругими шагами. На ходу расставил приоритеты. И наметил сроки. По его прикидкам, у него было около трех часов. Сбитый вертолет неминуемо приведет к каким-то решительным действиям. В этом можно не сомневаться. Однако за все долгие годы службы в армии Ричеру ни разу не пришлось столкнуться с тем, чтобы какое-либо ответное действие начиналось раньше чем через три часа. Следовательно, у него в запасе есть три часа, за которые ему предстоит сделать много дел.

Когда местность начала подниматься, Ричер перешел на быстрый шаг. Описал широкую дугу на запад, а затем прошел напрямую к краю чаши, где находились входы в штреки. Впереди послышался шум дизельного двигателя, работающего на холостых оборотах. Согнувшись пополам, Ричер прокрался вперед, укрываясь за скалой. Осторожно заглянул вниз.

Он находился на середине склона, возвышающегося над чашей. Лицом приблизительно на восток. Бревенчатые ворота дальнего сарая были распахнуты. Четыре грузовика зенитной батареи стояли на сланце. Те, в кузовах которых находились ракеты. Пятый, предназначенный для перевозки людей, оставался внутри.

В чаше находились несколько вооруженных людей. Рассредоточенных вокруг грузовиков. Ричер насчитал восьмерых. Камуфляж, автоматы, напряженные позы. Что сказала та женщина с кухни? Шахта является закрытой зоной. Сюда допускаются только те, кому доверяет Боркен. Ричер внимательно посмотрел на них. Восемь преданных помощников, достаточно правдоподобно изображающие часовых.

Он следил за ними пару минут. Затем поднес винтовку к плечу. До часовых в камуфляже было меньше ста ярдов. Ричер слышал хруст сланца под ногами. Он перевел переводчик огня на одиночные выстрелы. В магазине девятнадцать патронов, и сейчас ему предстояло расстрелять минимум восемь. Надо беречь боеприпасы.

М-16 – отличная винтовка. Простая в обращении, простая в обслуживании. И целиться из нее просто. На рукоятке для переноски сверху нанесена риска, и такая же риска есть на мушке. При стрельбе на

дистанции сто ярдов надо прищуриться и совместить риску на рукоятке с риской на мушке, и тогда пуля попадет туда, куда направлен взгляд стрелка. Ричер перенес свой вес на скалу и навел винтовку на первую цель. Чуть повел дулом в сторону, наводя ее на вторую. Затем на третью. Он прорепетировал все восемь выстрелов. Ему не хотелось где-то на полдороге зацепиться локтем за выступ скалы.

Ричер снова навел винтовку на первую цель. Дождался очередного удара сердца и выстрелил. Грохот выстрела раскатился над горами. Правая передняя покрышка ближайшего грузовика лопнула. Ричер стремительно перевел мушку на переднее левое колесо. Снова выстрелил. Грузовик рухнул на диски, словно оглушенный бык, упавший на колени.

Ричер продолжал стрелять. Он успел выпустить пять пуль и продырявить пять покрышек, прежде чем кто-либо опомнился. Делая шестой выстрел, Ричер краем глаза увидел, что часовые ныряют за укрытия. Одни просто распластались на земле. Другие бежали к сараю. Ричер выстрелил седьмой раз. Сделал паузу перед восьмым выстрелом. Попасть в самое дальнее колесо было труднее всего. Угол слишком острый. Боковая поверхность шины недоступна. Придется стрелять в протектор. Возможно, пуля срикошетирует и отскочит. Ричер выстрелил. Попал. Покрышка лопнула. Последний грузовик завалился вперед.

Ближайший часовой оставался на ногах. Он не побежал к укрытию. Стоял на месте и смотрел в сторону скалы, за которой прятался Ричер. Поднимая автоматическую винтовку. М-16, такую же, как у Ричера. Длинный магазин, тридцать патронов. Часовой стоял, целясь в скалу. Храбрец – или идиот. Присев на корточки, Ричер ждал. Часовой выстрелил. Его оружие было поставлено на автоматический огонь. Он выпустил короткую очередь. Три выстрела за одну пятую секунды. Пули впились в деревья в пятнадцати футах над головой Ричера. Вниз посыпались перебитые ветви и листья. Часовой подбежал ярдов на десять ближе. Выстрелил снова. Еще три патрона. Пули прошли слева от Ричера. Они просвистели мимо и с глухим стуком впились в стволы деревьев, и только затем он услышал грохот выстрелов. Такое происходит всегда, если пуля летит со сверхзвуковой скоростью. Все слышится в обратном порядке. Пуля долетает раньше звука выстрела.

Ричеру надо было принимать решение. Как близко можно подпустить этого парня? И надо ли делать предупредительный выстрел? Следующая очередь из трех выстрелов прозвучала еще ближе. Пули прошли ниже, но все равно близко. Не больше чем в шести футах. Ричер решил: ближе не подпускать и предупредительный выстрел не делать. Этот тип на взводе. Нет смысла тратить патрон на предупредительный выстрел. Этот тип так просто не успокоится.

Ричер лег на бок. Вытянул ноги и приподнялся у основания скалы.

Сделал один выстрел и попал часовому в грудь. Тот рухнул словно куль с мукой. Винтовка отлетела вправо. Ричер остался на месте. Внимательно наблюдая. Часовой не умер сразу. Поэтому Ричер выстрелил еще раз. Попал ему в макушку. Жест милосердия: лучше не оставлять беднягу мучиться с дырой в груди последние десять минут жизни.

Отголоски короткой перестрелки замерли в безмолвии гор, и снова наступила полная тишина. Остальных семерых не было видно. Все четыре грузовика стояли на спущенных колесах, уткнувшись передом в землю. Выведенные из строя. Быть может, на них еще и можно будет доехать до края чаши, но первый же крутой поворот горного серпантина сдерет покрышки с дисков. Так что грузовики нейтрализованы. Тут никаких сомнений.

Ричер отполз назад десять ярдов и поднялся на ноги под прикрытием деревьев. Сбежал вниз по склону и направился назад к Бастиону. Семнадцать патронов в «глоке», девять в винтовке. Прогресс, за который пришлось заплатить.

* * *

Собаки настигли его, когда он был уже на полпути обратно. Два огромных поджарых животных. Немецкие овчарки. Ричер увидел их в тот самый момент, когда они увидели его. Овчарки бежали с той самой с виду бесконечной энергией, которую демонстрируют крупные собаки. Длинные пружинящие прыжки, настороженные морды, разинутые влажные пасти. На мгновение застыв на месте на напряженных передних лапах, собаки тотчас же изменили направление движения. Они были в тридцати ярдах. Потом в двадцати. В десяти. Ускоряясь. В их движениях чувствовалась новая энергия. В глотках злобное рычание.

Ричер знал, как вести себя с людьми. Собаки – это было совершенно иное дело. Люди обладают свободой выбора. Если бы на Ричера набросился рычащий человек, он поступил бы так потому, что сам захотел этого. И этот человек сам бы напросился на то, что получил. Он заранее должен был подумать о том, что Ричер может ответить. Собаки – дело иное. У них нет свободы выбора. Их легко обмануть. И это поднимало этические проблемы. У Ричера не было никакого желания убивать собаку только потому, что ее заставили совершить какой-то неразумный поступок.

Он оставил «глок» в кармане. Винтовка в данном случае лучше. Она на два с половиной фута длиннее пистолета. Дополнительные два с половиной фута, разделяющие противников. Собаки остановились, не добежав до Ричера. На затылке шерсть встала дыбом. Собаки пригнулись, подогнув передние лапы, опустив головы, громко рыча.

Зубы у них были желтые. И в большом количестве. Глаза карие. Ричер разглядел длинные черные ресницы, как у модницы.

Одна собака была чуть впереди другой. Вожак стаи. Ричер знал, что собаки живут по закону стаи. Из двух собак одна обязательно занимает главенствующее положение по отношению к другой. Совсем как у людей. Ричер понятия не имел, как собаки определяют свои взаимоотношения. Быть может, главное то, у кого страшнее поза. А может быть, все дело в запахе. Или им приходится драться между собой. Ричер пристально смотрел на вожака. Прямо в глаза. В прошлом ему приходилось слышать рассказы о собаках. И он уяснил одно: ни за что нельзя показывать свой страх. Ричер не боялся собак. У него в руках была автоматическая винтовка М-16. Его беспокоило только то, что ему, возможно, придется ей воспользоваться.

Ричер молча смотрел на собаку, как в свое время он смотрел на провинившегося солдата. Жестким, пристальным взглядом, словно обладающим физической силой, холодным, сокрушающим давлением. Не мигая. В отношении людей это срабатывало сотни раз. Теперь это сработало и в отношении вожака.

Собака прошла лишь основы дрессировки. Ричер понял это быстро. Она могла выполнять заученные действия. Но она была неспособна думать самостоятельно. Не обращать внимания на реакцию противника. Оказавшись глаза в глаза с Ричером, собака попятилась назад, словно его пристальный взгляд тяжелым весом надавил ей на морду. Ричер решил повысить температуру. Прищурившись, он в свою очередь тоже оскалился. Словно крутой парень из второсортного фильма. Собака уронила голову. Закатывая глаза, чтобы сохранить контакт взглядами. Уронила хвост между лапами.

– Сидеть! – приказал Ричер.

Он произнес это слово спокойно, но твердо. Основной упор на взрывном согласном в конце слова. Собака автоматически подчинилась. Перенесла вес тела на задние лапы и села. Вторая собака словно тень повторила движения вожака. Сев друг рядом с другом, собаки не отрывали взгляд от Ричера.

– Ложиться! – приказал тот.

Собаки не шелохнулись. Остались сидеть, озадаченно глядя на Ричера. Возможно, он произнес не то слово. Не ту команду, которой они были обучены.

– Лежать! – приказал Ричер.

Собаки вытянули передние лапы вперед и плюхнулись брюхом на землю. Продолжая смотреть на Ричера.

– Место! – приказал тот.

Бросив на собак суровый взгляд, он развернулся и пошел прочь. Заставляя себя идти медленно. Отойдя на пять ярдов, Ричер обернулся. Собаки лежали на земле. Выкрутив головы, провожая его взглядом.

– Место! – повторил Ричер.

Собаки остались на месте. Он ушел в лес.

* * *

Со стороны Бастиона доносился людской гомон. Шум толпы внушительных размеров, которая старается соблюдать тишину. Ричер услышал его еще тогда, когда находился к северу от плаца. Он обогнул плац, оставаясь в зарослях, и прошел к дальнему концу стрельбища. Обогнул столовую. Описал круг в глубине леса, занимая нужную позицию. Осторожно подкрался ближе, чтобы было лучше видно.

У Бастиона собралось человек тридцать. Они стояли плотной группой. Стремясь сбиться в кучу. Одни мужчины, все в форме защитного цвета, все вооруженные до зубов. Автоматические винтовки, пулеметы, гранатометы, подсумки, раздувающиеся от запасных магазинов. Толпа колебалась. Плечи соприкасались и расходились. Ричер разглядел в центре Бо Боркена. Тот держал в руке черную рацию. Ричер ее узнал. Это была рация Джексона. Боркен забрал ее из кармана Фаулера. Сейчас он держал рацию у уха. Уставившись в пустоту, словно он только что включил ее, а теперь ждет ответа.

Глава 40

Макграт выхватил рацию из кармана. Раскрыл ее и недоуменно уставился на экран. Рация громко пищала у него в руке. Шагнув, Уэбстер отобрал ее у него. Укрылся за скалой и нажал клавишу.

– Джексон? Говорит Гарланд Уэбстер.

Макграт и Джонсон поспешили к нему. Все трое стояли, пригибаясь за выступом скалы. Уэбстер отнял рацию на дюйм от уха, чтобы было слышно и остальным. В тишине гор под прикрытием скалы отчетливо слышались треск электрических разрядов, шипение и частое дыхание человека на противоположном конце. Наконец прозвучал голос:

– Гарланд Уэбстер? Вот как, самый главный!

– Джексон? – снова спросил директор ФБР.

– Нет, – ответил голос, – это не Джексон.

Уэбстер вопросительно посмотрел на Макграта.

– А кто это?

– Бо Боркен. Точнее, с сегодняшнего дня президент Боркен. Президент Свободных Штатов Америки. Но не стесняйтесь, говорите.

– Где Джексон? – спросил Уэбстер.

Последовала пауза. Наполненная лишь слабым электронным шумом телекоммуникационной аппаратуры ФБР. Спутники связи и короткие волны.

– Где Джексон? – повторил свой вопрос Уэбстер.

– Он умер.

Директор ФБР снова посмотрел на Макграта.

– Как?

– Умер, и все. Должен сказать, относительно быстро.

– Он заболел? – продолжал Уэбстер.

Последовала еще одна пауза. Затем послышался смех. Высокий, пронзительный звук. Громкий, визгливый смех, который перегрузил динамик рации, исказился и отразился от скалы.

– Нет, он не заболел, Уэбстер, – сказал Боркен. – Напротив, он был совершенно здоров, если не считать последних десяти минут жизни.

– Что вы с ним сделали?

– То же самое, что я собираюсь сделать с дочкой генерала, – сказал Боркен. – Слушайте, и я расскажу вам все в мельчайших подробностях. Вам следует обратить на это внимание, потому что вы должны знать, с чем столкнулись. Мы настроены серьезно. Мы не собираемся шутить, вы понимаете?

Джонсон придвинулся ближе. Бледный, взмокший от пота.

– Ах ты спятивший ублюдок!

– А это еще кто такой? – спросил Боркен. – Неужели наш генерал, собственной персоной?

– Это генерал Джонсон, – сказал Уэбстер.

Из рации донесся смешок. Короткий, удовлетворенный.

– Полный набор, – сказал Боркен. – Директор ФБР и председатель объединенного комитета начальников штабов. Поверьте, мы польщены.

Впрочем, надеюсь, рождение нового государства не заслуживает меньшего.

– Что вы хотите? – спросил Уэбстер.

– Мы его распяли, – не обращая на него внимание, продолжал Боркен. – Нашли пару деревьев в ярде друг от друга и прибили его гвоздями. И то же самое мы сделаем с вашей дочерью, генерал, если вы только переступите черту. Затем мы отрезали вашему Джексону яйца. Он кричал и вопил, умоляя пощадить его, но мы все равно сделали то, что хотели. С вашей малышкой мы так поступить не сможем, поскольку она женщина и все такое, но можете не сомневаться, мы обязательно придумаем какую-нибудь равноценную замену, вы понимаете, что я имею в виду? Как вы думаете, генерал, она будет молить о пощаде? Вы знаете ее лучше меня. Лично я ставлю на то, что будет. Ваша дочь мнит себя крепким орешком, но когда она увидит лезвие совсем рядом, она быстренько сменит свою песню, я в этом уверен.

Джонсон побледнел еще больше. Вся кровь просто схлынула с его лица. Отшатнувшись назад, он тяжело опустился на выступ скалы. Беззвучно шевеля губами.

– Эй, вы, ублюдки, какого черта вы хотите? – выкрикнул Уэбстер.

Снова наступила тишина. Затем голос вернулся, спокойный и решительный.

– Я хочу, чтобы вы прекратили кричать. И извинились передо мной за свой крик. Я хочу, чтобы вы извинились за то, что назвали меня бранным словом. Я президент Свободных Штатов, и со мной надо обращаться вежливо, с должным уважением, вам не кажется?

Боркен говорил тихим голосом, но Макграт отчетливо слышал каждое слово. Он в ужасе посмотрел на Уэбстера. Игра еще не успела начаться, а они уже были близки к поражению. Правило номер один требует вести переговоры. Говорить, говорить и говорить, постепенно захватывая лидирующую роль. Утверждая свое превосходство. Классическая теория ведения осады. Но если начать переговоры с извинений за крик, можно сразу распроститься со всеми надеждами на превосходство. Это все равно, что лечь кверху брюхом. С этого момента ты становишься тряпкой, о которую вытирают ноги. Макграт решительно закачал головой. Уэбстер кивнул. Молча. Он держал рацию, не говоря ни слова. Зная, как нужно себя вести. Ему уже приходилось бывать в подобном положении. И не раз. Он все понимал. Сейчас первым должен был заговорить слабейший. И Уэбстер был решительно настроен молчать до победного конца. Уставившись себе под ноги, он ждал.

– Вы меня слушаете? – наконец не выдержал Боркен.

Уэбстер продолжал смотреть себе под ноги. Не произнося ни слова.

– Вы меня слушаете? – повторил Боркен.

– Что ты замыслил, Бо? – спокойно спросил Уэбстер.

Воздух наполнился сердитым дыханием.

– Вы отрезали мой телефон. Я хочу, чтобы вы восстановили линию.

– Нет, мы с ней ничего не делали. Разве твой телефон не работает?

– Я не получил ответа на свои факсы.

– Какие факсы? – изобразил искреннее удивление Уэбстер.

– Не вешайте мне лапшу на уши. Мне известно, что вы перерезали телефонную линию. Я хочу, чтобы вы ее восстановили.

Уэбстер подмигнул Макграту.

– Хорошо. Мы сделаем это. Но сначала ты должен кое-что сделать.

– Что?

– Отдай нам Холли. Подведи ее к мосту и оставь там.

Снова наступила тишина. Затем опять прозвучал смех. Громкий и пронзительный.

– И не мечтайте. И вообще, никаких переговоров больше не будет.

Уэбстер кивнул. Понизил голос. Заговорил тоном самого рассудительного человека на свете.

– Послушайте, мистер Боркен, если никаких переговоров не будет, как мы сможем помочь друг другу?

Снова молчание. Макграт не отрыва взгляда от Уэбстера. Следующий ответ должен был стать решающим. Победа или поражение.

– Слушай меня, Уэбстер, – наконец произнес голос. – Никаких переговоров не будет. Если вы не будете делать все в точности так, как я говорю, Холли умрет. В страшных мучениях. Все козыри у меня на руках, и я не собираюсь торговаться. Это вам понятно?

Уэбстер уронил плечи. Макграт отвел взгляд.

– Немедленно восстановите телефонную линию, – продолжал голос. – Мне нужна связь. Весь мир должен узнать о том, что происходит здесь. Здесь творится история, Уэбстер. Я не допущу, чтобы нам мешали ваши глупые игрища. Весь мир должен стать свидетелем первого удара, нанесенного по вашей тирании.

Уэбстер уставился себе под ноги.

– Решение слишком важное, чтобы вы могли принять его сами, – продолжал Боркен. – Вам необходимо связаться с Белым домом. У Вашингтона ведь также есть свой интерес в происходящем, вы не согласны?

Даже крохотная примитивная рация передавала силу его голоса. Уэбстер вздрогнул, словно ему на ухо оказывалось физическое давление. Судорожно дыша, как будто сердце и легкие сражались у него в груди за жизненное пространство.

– Определяйтесь с решением, – сказал Боркен. – Я выйду на связь через две минуты.

Рация умолкла. Уэбстер посмотрел на нее так, словно никогда прежде не видел подобного оборудования. Протянув руку, Макграт щелкнул тумблером, отключая рацию.

– Хорошо. Будем тянуть время, так? Скажем Боркену, что восстанавливаем линию. Объясним, что на это потребуется час, а то и два. Пообещаем связаться с Белым домом, с ООН, с Си-эн-эн, с кем угодно. Скажем ему все то, что он хочет от нас услышать.

– Зачем он так себя ведет? – недоуменно спросил Уэбстер. – Зачем нагнетает напряженность? Он вынуждает нас нанести удар. Не оставляет нам выбора. Боркен как будто хочет этого. Умышленно провоцирует нас.

– Он ведет себя так потому, что у него не все дома, – решительно заявил Макграт.

– Вероятно, – согласился Уэбстер. – Боркен маньяк. Только так можно объяснить то, что он стремится привлечь максимум внимания. Потому что, как он верно подметил, у него и так на руках все козыри.

– Шеф, об этом мы будем беспокоиться позже. Пока что нам нужно потянуть время.

Уэбстер кивнул. Сделав над собой усилие, вернулся к насущной проблеме.

– Однако нам нужно больше, чем два часа. Отряду по освобождению заложников потребуется четыре часа только на то, чтобы добраться сюда. Так что нам нужно минимум часов пять – шесть.

– Хорошо, сегодня ведь четвертое июля. Скажите Боркену, что у связистов выходной. Объясните, что целый день может уйти только на то, чтобы их разыскать.

Уэбстер и Макграт посмотрели друг на друга. Не сговариваясь, оглянулись на Джонсона. Тот вышел из игры. Генерал безучастно сидел на скале, бледный и растерянный, учащенно дыша. Девяносто часов смертельного напряжения наконец сломали его. Тут в руке Уэбстера снова запищала рация.

– Ну? – спросил Боркен, как только затих треск статических разрядов.

– Хорошо, мы согласны, – сказал Уэбстер. – Мы восстановим телефонную линию. Однако на это потребуется какое-то время. У телефонной компании сегодня выходной в связи с праздниками.

Последовала пауза. Затем раздался смешок.

– Ах да, День независимости. Наверное, мне следовало бы выбрать другой день.

Уэбстер промолчал.

– Я хочу видеть всех ваших морских пехотинцев, – продолжал Боркен.

– Каких морских пехотинцев? – спросил Уэбстер.

Снова короткий смешок. Короткий и снисходительный.

– У вас восемь морских пехотинцев. И боевая машина пехоты. У нас повсюду наблюдательные посты. Мы следим за каждым вашим шагом. Точно так же, как вы следите за нами с помощью своих проклятых разведывательных самолетов. Ваше счастье, что «Стингеры» не летают так высоко, а то на земле к настоящему моменту валялся бы не только этот долбанный вертолет.

Уэбстер ничего не ответил. Лишь всмотрелся в линию горизонта. Макграт машинально сделал то же самое, выискивая солнечные блики на стеклах биноклей.

– Я так понимаю, вы сейчас находитесь рядом с мостом, – сказал Боркен. – Я прав?

Уэбстер пожал плечами. Макграт лихорадочно закивал, призывая его ответить правду.

– Да, мы находимся рядом с мостом.

– Я хочу, чтобы морские пехотинцы вышли на мост. Уселись на край ровным рядком. Поставив бронемашину за собой. Я хочу, чтобы они сделали это прямо сейчас, понятно? Или мы займемся Холли. Выбор за тобой, Уэбстер. Или, наверное, за генералом. Это ведь его дочь и его морские пехотинцы, так?

Джонсон поднялся со скалы. Через пять минут морские пехотинцы сидели на краю взорванного пролета моста, свесив ноги в пустоту. Боевая машина пехоты встала у них за спиной. Уэбстер, Макграт и Джонсон оставались под прикрытием скалы. Директор ФБР не отнимал рации от уха. Он слышал невнятные голоса. Как будто Боркен, зажав микрофон ладонью, разговаривал с кем-то по переговорному устройству. Его приглушенный голос чередовался с треском ответов. Наконец микрофон открылся, и в динамике снова зазвучал громкий и отчетливый голос Боркена.

– Хорошо, Уэбстер, отлично сработано. – Наши разведчики видят всех восьмерых. Как и наши стрелки. Если морские пехотинцы пошевелятся, они тотчас же умрут. Кто еще находится здесь?

Уэбстер ответил не сразу. Макграт лихорадочно покачал головой.

– А разве вы сами не видите? – спросил Уэбстер. – Я полагал, вы непрерывно наблюдаете за нами.

– Сейчас я временно отвел своих людей назад. На оборонительные рубежи.

– Здесь больше никого нет, – сказал Уэбстер. – Только мы с генералом.

Снова пауза.

– Хорошо, присоединяйтесь к морским пехотинцам, – приказал Боркен.

– Выходите на мост. Садитесь с краю.

Уэбстер откликнулся не сразу. Его лицо оставалось непроницаемым. Наконец он встал и кивнул генералу. Тот с трудом поднялся на ноги, и они вышли из-за скалы. Оставив Макграта одного, присевшего на корточки за выступом.

* * *

Выждав пару минут, Макграт осторожно прокрался назад к «Шевроле». Гарбер и адъютант генерала сидели спереди. Милошевич и Броган – сзади. Все вопросительно посмотрели на Макграта.

– Черт побери, что там произошло? – спросил Броган.

– Мы в дерьме по самые уши.

Через две минуты поспешных объяснений остальные вынуждены были согласиться с Макгратом.

– И что дальше? – спросил Гарбер.

– Мы отправляемся освобождать Холли, – сказал Макграт. – Пока этот ублюдок не понял, что мы водим его за нос.

– Но как? – спросил Броган.

Макграт посмотрел на него. Посмотрел на Милошевича.

– Мы втроем. В конечном счете, это дело Бюро. Называйте это как хотите – терроризм, похищение людей, неподчинение законной власти, – все равно это епархия ФБР.

– И мы будем освобождать Холли? – недоверчиво произнес Милошевич. – Втроем? Прямо сейчас?

– У тебя есть другие предложения? Если какое-то дело нужно сделать хорошо, им ведь занимаешься сам, так?

Развернувшись, Гарбер всмотрелся в лица троих агентов ФБР, сидящих на заднем сиденье.

– Идите же.

Кивнув, Макграт поднял правую руку. Оттопырив большой, указательный и средний пальцы.

– Я – это большой палец. Я пойду к востоку от дороги. Ты, Броган, будешь указательным пальцем. Ты отойдешь милю на запад от дороги и перейдешь через овраг там. Мило, ты – средний палец. Ты отойдешь на запад две мили и повернешь на север оттуда. Проникаем по одному, в миле друг от друга. Встречаемся на дороге в полумиле не доходя до поселка. Все ясно?

Броган поморщился. Затем кивнул. Милошевич пожал плечами. Гарбер бросил взгляд на Макграта. Адъютант завел «Шевроле» и медленно поехал на юг. Остановился через четыреста ярдов, там, где дорога вышла из скал, открывая путь направо и налево. Трое агентов ФБР проверили оружие. У всех были табельные револьверы 38-го калибра в сверкающих коричневых кожаных кобурах под мышкой. Полный барабан, шесть патронов, и еще шесть в обойме быстрого перезаряжания в кармане.

– Попытайтесь захватить автоматические винтовки, – сказал Макграт. – Насчет пленных не заморачивайтесь. Если кого-нибудь увидите, стреляйте на поражение, понятно?

Милошевичу было идти дальше всех, поэтому он пошел первым. Спустившись с обочины, он направился на запад через кусты. Дошел до леса и скрылся в деревьях. Макграт закурил сигарету. Следующим двинулся Броган. Дождавшись, когда он скроется в лесу, Гарбер повернулся к Макграту.

– Помните то, что я сказал вам насчет Ричера. Я в нем уверен. Поверьте, он на нашей стороне.

* * *

Макграту было уже под пятьдесят, он курил как паровоз, но держал себя в форме. Его организм беспородной дворняжки не поддавался годам и табаку. Невысокий, всего пяти футов семи дюймов, он был коренастым. Вес около ста шестидесяти фунтов, в основном жесткие, упругие мышцы, которые не нуждаются в тренировке и не растворяются в жир. Макграт чувствовал себя так же, как в детстве. Ни лучше, не хуже.

Специальную подготовку в школе Бюро он проходил давно, и по сравнению с современной программой она была зачаточной. Однако Макграт сдал все зачеты блестяще. В физическом плане он был несокрушимым. Не самым быстрым на курсе, но, без сомнения, самый выносливым. Кроссы в Квантико в прежние времена были весьма суровыми. Бесконечный бег по вирджинским лесам с преодолением естественных препятствий. Макграт неизменно приходил третьим – четвертым. Однако если курсантов заставляли бежать снова, он показывал то же самое время с точностью чуть ли не до секунды. Самые быстроногие едва поспевали за ним, а он неумолимо бежал и бежал вперед. Затем все начинали отставать. В повторном забеге Макграт всегда приходил первым. Если же кросс проводился три раза подряд, он вообще оказывался единственным, добежавшим до финиша.

Поэтому Макграт чувствовал себя уютно, приближаясь быстрой трусцой к южному краю оврага. Он отклонился ярдов на триста к востоку, туда, где склоны были относительно пологими, и в то же время закрытыми от наблюдения. Не задерживаясь наверху, Макграт побежал прямо вниз. Короткими, упругими шагами. Почва под ногами была сложной. Каменистые осыпи и чахлые деревья замедляли бег. Перепрыгнув через россыпь валунов на дне оврага, Макграт начал подниматься по северному склону.

Подъем вверх оказался сложнее. Макграт втыкал носки ботинок в землю, хватался руками за кустики травы. Петлял между кривыми деревцами и кустами, выискивая упор для ног. Дополнительные пятьдесят футов до северного края стали настоящим наказанием. Макграт сместился туда, где небольшой оползень обеспечивал более плавный подъем. Поднялся по каменной россыпи до самого верха.

Добравшись до края, Макграт затаился под своеобразным козырьком, там, где из-под сплошного переплетения корней обвалилась земля. Напряженно вслушиваясь. Он не услышал ничего кроме тишины. Приподнялся на край. Задержался, прижимаясь грудью к земле, открывая врагу голову и плечи, вглядываясь на север. Он ничего не увидел. Лишь плавные уклоны, затем предгорья, и, наконец, вдалеке сверкающие вершины высоких гор. Голубое небо, миллионы деревьев,

прозрачный воздух, абсолютная тишина. У него мелькнула мысль: «Да, Мак, далековато ты забрался от родного Чикаго.»

Впереди простирался пояс кустарника, там, где древние каменистые породы были слишком близко к поверхности, чтобы на них могло расти что-либо существенное. Затем шел пояс деревьев, сначала кое-где разрываемый каменистыми вкраплениями, затем более густой и непрерывный. Макграт разглядел в сплошной линии верхушек деревьев небольшую проплешину там, где проходила дорога. В трехстах ярдах влево. Перекатившись на траву, Макграт побежал к деревьям. Сместился левее к дороге и последовал вдоль нее на север, оставаясь в лесу.

Он бежал, обегая деревья, словно замедленная пародия на нападающего, который, уворачиваясь от защитников, стремился занести мяч в зону. У него перед глазами стояла мысленная карта. По его прикидкам, ему оставалось преодолеть мили три. Три мили медленной трусцой, мало отличающейся от быстрого шага, итого минут сорок пять – пятьдесят. Дорога плавно шла вверх. Макграт поднимался по склону, и каждый четвертый или пятый шаг его нога натыкалась на землю чуть раньше, чем должна была бы. Пару раз он спотыкался о корни. Один раз наткнулся с разбегу на ствол дерева. Однако он упорно продвигался вперед.

Через сорок минут Макграт остановился. Брогану и Милошевичу предстояло проделать похожий путь, однако из-за первоначального смещения на запад им нужно было преодолеть большее расстояние. Поэтому Макграт был готов ждать. При удачном стечении обстоятельств подчиненные отстанут от него минут на двадцать. Отойдя поглубже в лес, Макграт присел на ствол поваленного дерева. Закурил сигарету. По его подсчетам, он находился где-то в полумиле от места встречи. Мысленная карта у него в голове говорила, что дорога должна была вести дальше прямо в город.

Макграт прождал пятнадцать минут. Выкурил две сигареты. Затем он встал и пошел дальше. Двигаясь осторожно. Он приближался к цели. Отклонившись влево, Макграт нашел дорогу. Прокрался сквозь деревья и увидел блеск солнца на сером асфальте. Вернувшись в заросли, он снова пошел на север. Макграт шел до тех пор, пока лес не начал редеть. На опушке за последними деревьями сверкнул солнечный свет. Остановившись, Макграт походил из стороны в сторону, отыскивая лучшую точку для наблюдения. Впереди показалась дорога, ведущая в поселок. Здания. Слева серые развалины на небольшом пригорке. Справа здание суда. Сохранившееся лучше. Сияющее в лучах солнца. Макграт долго смотрел на него сквозь деревья. Затем он развернулся. Вернулся на пятьсот ярдов обратно в лес. Приблизился к дороге так, чтобы сквозь деревья показалась смутно сереющая лента асфальта. Прислонился к стволу дерева и стал ждать Брогана и Милошевича.

* * *

На этот раз Макграт устоял перед соблазном еще одной сигареты. Давным-давно он узнал, что курить в засаде весьма глупо. Табачный дым распространяется далеко, и острый нос может учуять запах. Поэтому Макграт просто стоял, прислонившись к дереву, и ждал. Уставившись на свои ботинки. Разбитые во время карабканья по северному склону оврага. Носки были оцарапаны и ободраны о камни. Глядя на свои погибшие ботинки, Макграт вдруг понял, что его предали. У него к горлу подкатил клубок паники. Грудь сдавило. Откровение ударило его мягко закрывшейся дверью тюремной камеры. Беззвучно повернувшейся на смазанных петлях и захлопнувшейся у него перед носом.

Что сказал по рации Боркен? Что-то про то, что за ним наблюдают разведывательные самолеты. А что говорил еще в Бютте адъютант генерала? «Непосвященный человек посмотрит в небо и решит, что это куда-то направляется рейс „Пан-американ"; ему и в голову не придет, что это военная авиация проверяет, надраил ли он утром сапоги.» Так откуда же Боркен понял, что в небе кружат разведывательные самолеты? Ему об этом сказали. Но кто? Кто, черт побери, это знал?

Макграт затравленно огляделся по сторонам, и первой, кого он увидел, была несшаяся к нему собака. Затем еще одна. Собаки бежали через лес прямо на него. Затем Макграт услышал за спиной звук. Хруст веток под ногами. Затем тот же звук донесся справа. Слева лязгнул затвор оружия. Собаки подбежали к нему. Объятый паникой, Макграт развернулся. Со всех сторон на него из леса выходили люди. Поджарые бородатые мужчины в одежде военного образца, с автоматическими винтовками и пулеметами. На ремнях подсумки с запасными магазинами и гранатами. Всего человек пятнадцать – двадцать. Они приближались спокойно и уверенно. Обступили Макграта кольцом. Тот лихорадочно обернулся в одну сторону, в другую. Его окружили со всех сторон. Мужчины в камуфляже подняли оружие. Пятнадцать или двадцать стволов уставились на Макграта словно спицы колеса.

Неизвестные молчали, держа оружие наготове. Макграт в отчаянии переводил взгляд с одного лица на другое. Наконец один из мужчин шагнул вперед. Судя по всему, командир. Протянул руку к пиджаку Макграта. Выдернул револьвер из кобуры под мышкой. Затем сунул руку в карман пиджака. Вытащил обойму быстрого перезаряжания. Убрав револьвер и обойму себе в карман, мужчина усмехнулся. Выбросил кулак и ударил Макграта в лицо. Тот отшатнулся назад, но тотчас же его подтолкнуло в спину дуло автоматической винтовки. Тут послышался шелест покрышек по асфальту. Ворчание мотора. Взглянув влево, Макграт увидел, как за деревьями в лучах солнца мелькнуло что-то зеленое. Джип. В нем двое. Бородатые бойцы начали выталкивать

Макграта к дороге. На обочину. Оказавшись на открытом месте, Макграт прищурился, спасая глаза от яркого солнца. Он чувствовал, что его нос разбит в кровь. Джип остановился рядом с ним. Водитель с любопытством уставился на Макграта. Еще один поджарый бородатый мужчина. Рядом с ним сидел здоровенный верзила во всем черном. Макграт узнал его по фотографии из архива Бюро.

Бо Боркен усмехнулся.

– Здравствуйте, мистер Макграт. Вы показали неплохое время.

Глава 41

Все это произошло на глазах у Ричера. Он находился в ста пятидесяти ярдах, укрытый за деревьями. К северо-западу от того места, где была устроена засада, выше по склону, на противоположной стороне от дороги. У его ног валялся мертвый часовой. Он лежал на земле с головой, вывернутой под прямым углом к шее. Ричер поднес к глазам бинокль, отобранный у часового. Наблюдая. За чем именно, он и сам не смог бы сказать.

Прячась в зарослях неподалеку от Бастиона, Ричер уловил обрывки разговора по радио. Он слышал голос Боркена. И догадывался о том, какие были ответы. Ричер слышал доклад часовых, выставленных вдоль южного рубежа. Он узнал про морских пехотинцев на мосту. Узнал про Уэбстера и Джонсона, подсевших к ним.

Ему захотелось узнать, кто еще находился там. Быть может, военные, быть может, ФБР. Военные сюда не придут. Джонсон наверняка приказал им сидеть смирно. Если кто-то и появится, это будут люди Бюро. Ричер предположил, в боевой готовности их здесь находится значительное количество. Рассудил, что рано или поздно они придут сюда. Ему нужно было воспользоваться этим. Использовать их в качестве отвлекающего маневра, а самому тем временем освободить Холли. Поэтому Ричер выдвинулся на юго-восток и стал ждать подхода людей ФБР. И вот сейчас, час спустя, он изумленно смотрел на то, как невысокого, коренастого мужчину усаживают в джип. Темный костюм, белая рубашка, полуботинки. Определенно, ФБР.

Но не из отдела по освобождению заложников. У этого человека не было необходимого снаряжения. Ребята из ООЗ прибывают на место, увешанные специальным снаряжением. Ричер был знаком с их методами. Читал их наставления. Слышал о том, какую подготовку они проходят. У него были знакомые, учившиеся в Квантико. Он знал, как работает ООЗ. Эти ребята используют самое современное оборудование. Они внешне похожи на бойцов воинского подразделения. У них есть специальные машины. А этот мужчина, которого сейчас видел перед

собой Ричер, пришел в лес пешком. Одетый так, словно только что вышел с заседания.

Это была необъяснимая загадка. Восемь морских пехотинцев. Непонятное отсутствие отдела по освобождению заложников. Невооруженный поисково-спасательный «Чинук». И вдруг Ричеру показалось, что он все понял. Возможно, эта операция проводится в строжайшей тайне. Без привлечения сил и средств. Бюро проследило путь Холли от самого Чикаго на запад, однако по какой-то причине большие силы собирать не стали. ФБР решило разобраться с проблемой самостоятельно. По какой-то тактической причине. А может быть, политической. Возможно, это имеет какое-то отношение к связи Холли с Белым домом. Быть может, соображения политики диктуют разбираться с проблемой тихо, тайком, с соблюдением всех мыслимых мер секретности. И секретность здесь такова, что правая рука не ведает о том, что делает левая. Отсюда невооруженный поисково-спасательный вертолет. Он прилетел сюда вслепую. Не имея понятия о том, что его здесь ждет.

И в этом случае человек, попавший сейчас в засаду, прибыл сюда прямиком из Чикаго. Он участник той поисковой операции, которая началась еще в понедельник. Судя по виду, какой-то начальник. Возраст – лет под пятьдесят. Возможно, это Броган, начальник отдела, в котором работает Холли. А может быть, это даже сам Макграт, старший агент. В любом случае получается, что предатель – это Милошевич. Весь вопрос вот в чем: где он сейчас, тоже здесь, или остался в Чикаго?

Джип медленно развернулся. Человек из Бюро в темном костюме сидел сзади, зажатый с двух сторон вооруженными бородачами. Нос его был разбит в кровь, а под глазом начинал наливаться синяк. Боркен, развернув свою массивную тушу, что-то ему говорил. Остальной отряд, принимавший участие в засаде, построился на дороге. Джип проехал мимо, направляясь в поселок. Промелькнул в тридцати ярдах от Ричера, прятавшегося в деревьях. Тот проводил его взглядом. Нагнулся, поднимая винтовку. Пошел через лес, погруженный в размышления.

Главная проблема заключалась в том, чтобы правильно расставить приоритеты. У Ричера было правило: заниматься текущей задачей до тех пор, пока она не будет решена. В настоящий момент текущая задача заключалась в том, чтобы освободить Холли. И только в этом. Однако этот парень из Бюро попал в беду. Ричер вспомнил Джексона. Другого сотрудника ФБР, попавшего в руки Боркену. Возможно, как раз сейчас нового пленника везут навстречу такой же судьбе. И в этом случае Ричеру необходимо вмешаться. Кроме того, ему внешне понравился этот агент. Крепкий. Невысокий, но сильный. Много внутренней энергии. Ричер подумал, что союзник ему придется как раз кстати. Две головы лучше одной. Две пары рук. Четыре указательных пальца, чтобы

нажимать на спусковой крючок. Очень полезно. Однако у него было правило: заниматься текущей задачей до тех пор, пока она не будет решена. За долгие годы оно неоднократно его выручало. Следует ли ему сейчас отступить от этого правила? Или нет? Ричер остановился в густых зарослях, пропуская идущий по дороге отряд, принимавший участие в засаде. Дождался, когда шум шагов затихнет вдали. Постоял, размышляя о человеке из ФБР, попавшем в плен, и, сделав над собой усилие, принял непростое решение.

* * *

Генерал Гарбер также видел все от начала до конца. Он находился в ста пятидесяти ярдах к югу от того места, где была устроена засада. К западу от дороги, за грудой камней, ровно в трехстах ярдах к югу от Ричера. Прождав три минуты, он преодолел следом за Макгратом овраг. Генерал Гарбер тоже был в относительно неплохой физической форме, однако он был гораздо старше, и ему приходилось прилагать все силы, чтобы не отставать от Макграта. Дойдя до груды камней, Гарбер обессилено рухнул на землю, пытаясь отдышаться. По его прикидкам, у него оставалось минут пятнадцать – двадцать до встречи. Он собирался незаметно проследить за тремя агентами ФБР, выясняя, что будет дальше. Ему не хотелось, чтобы Джек Ричер стал жертвой чьих-либо подозрений.

Однако встреча так и не состоялась. Наблюдая за тем, как Макграт попал в засаду, Гарбер пришел к выводу, что было совершено множество ошибок, и самых разных.

* * *

– Ты умрешь, – сказал Боркен.

Макграт сидел на заднем сиденье джипа, зажатый между двумя бойцами в камуфляже. То и дело подпрыгивая, поскольку дорога была очень неровной. Однако он не мог пошевелить руками, потому что для троих сиденье было слишком узкое. Поэтому ему пришлось изобразить пожатие плечами своим разбитым лицом.

– Все мы умрем. Рано или поздно.

– Совершенно верно, рано или поздно, – согласился Боркен. – Но только в твоем случае это будет рано, а не поздно.

Он сидел на переднем сиденье, развернувшись. Макграт поднял взгляд на бескрайнее голубое небо. Глядя на маленькие кудрявые облачка, он думал: кто? Кто знал? Конечно, можно было подозревать персонал авиабазы, однако Макграт понимал, что это предположение нелепо. Это должен был быть кто-то гораздо ближе. Кто-то, находящийся здесь, на месте. Оставались только Джонсон и его адъютант, сам Уэбстер, Броган или Милошевич. Да, не надо забывать про Гарбера. Тот уж слишком

горячо защищал своего Ричера. А что если военная полиция подготовила заговор, направленный на смещение председателя объединенного комитета начальников штабов?

– Кто это, Боркен? – спросил Макграт.

– О чем это ты, мертвец? – в свою очередь, поинтересовался Боркен.

– Кто выдал нас?

Усмехнувшись, Боркен постучал пальцем по виску.

– Здравый смысл. У нашего дела гораздо больше сторонников, чем вы думаете.

Снова уставившись на небо, Макграт подумал про Декстера, находящегося сейчас в спокойствии Белого дома. Что, если верить Уэбстеру, он сказал? Двадцать миллионов? Или шестьдесят шесть?

– Ты умрешь, – повторил Боркен.

Макграт перевел взгляд на него.

– Так скажи же мне, кто, раз я все равно умру.

Боркен ухмыльнулся.

– Ты все узнаешь. И это станет для тебя большим сюрпризом.

Джип остановился перед зданием суда. Макграт выкрутил шею, глядя на него. Перед зданием несли дежурство шестеро часовых. Расставленных дугой, изогнувшейся с юга на восток.

– Холли там?

Кивнув, Боркен усмехнулся.

– Да, пока что там. Возможно, позднее мне придется вывести ее на улицу.

У него на поясе ожила рация. Громкий треск атмосферного электричества и краткое сообщение, произнесенное искаженным голосом. Нажав кнопку, Боркен склонился к микрофону. Не отстегивая рацию, подтвердил, что сообщение получено. Затем достал из кармана радиопередатчик. Раскрыл его и выдвинул короткую антенну. Нажал кнопку передачи.

– Уэбстер? Ты мне солгал. Дважды. Во-первых, с тобой у моста были трое агентов. Мы только что взяли всех троих в плен.

Боркен выслушал ответ. Прижимая рацию к уху. Макграт не смог расслышать то, что сказал Уэбстер.

– Впрочем, это все равно неважно, – продолжал Боркен. – Не все они были на вашей стороне. В этом мире люди ради денег готовы на все что угодно.

Он помолчал, дожидаясь ответа. По-видимому, его не последовало.

– И ты навесил мне лапшу на уши, – снова заговорил Боркен. – Вы ведь не собирались восстанавливать линию связи, ведь так? Вы хотели лишь потянуть время.

Уэбстер начал было что-то отвечать, но Боркен резко его оборвал.

– Вы с Джонсоном можете уходить с моста. Морские пехотинцы пусть остаются. Мы следим за вами. А вы с Джонсоном возвращайтесь к командной машине. Устраивайтесь поудобнее перед телевизором. Скоро у нас здесь начнется одно очень интересное представление.

Выключив рацию, он убрал ее в карман. Его жирное лицо расплылось в широкой ухмылке.

– Ты умрешь, – в третий раз пообещал он Макграту.

– Который из них? – спросил тот. – Броган или Милошевич?

– А ты сам догадайся. Раскинь мозгами. Ты ведь мнишь себя умным агентом Федерального бюро расследований. Старшим агентом, так?

Спрыгнув, водитель достал из кобуры пистолет. Схватил его обеими руками, целясь Макграту в голову. Левый охранник, с трудом выбравшись из джипа, снял с плеча автоматическую винтовку. Взял ее наизготовку. Правый сделал то же самое. Наконец Боркен выпихнул из машины свою грузную тушу.

– Выходи, – приказал он. – Дальше пойдем пешком.

Пожав плечами, Макграт вылез из машины, окруженный кольцом оружия. Подойдя к нему сзади, Боркен схватил его за руки. Надел на запястья наручники. Толкнул Макграта вперед. Указывая на развалины здания администрации округа.

– Сюда, мертвец.

Джип остался стоять перед зданием суда. Охранники встали по бокам Макграта. Тот пересек улицу и стал подниматься на пригорок. Прошел мимо засохшего дерева. Его толкнули в спину, и он вышел на тропу. Направился по ней вокруг полуразрушенного здания. Каменистая почва кусала пятки сквозь тонкую подошву разбитых полуботинок. С таким же успехом можно было идти босиком.

– Побыстрее, козел, – проворчал Боркен.

Охранники шли за Макгратом, подталкивая его в спину дулами автоматических винтовок. Он как мог быстро ковылял через лес. Сглатывая кровь, которая сочилась из разбитой губы и носа. Через милю показалась поляна, знакомая Макграту по снимкам аэрофотосъемки. Вблизи она показалась ему больше. С высоты семи миль поляна выглядела аккуратным пятном среди деревьев, заполненным ровным кольцом строений. Вблизи она оказалась размером со стадион. Грубая каменистая почва под ногами, большие деревянные бараки, умело поставленные на прочные железобетонные столбы.

– Ждите здесь, – бросил Боркен.

Он ушел, а охранники встали по обе стороны от Макграта. Тот огляделся по сторонам. Увидел центр связи, с отходящим телефонным кабелем и штыревой антенной. Увидел остальные строения. Почувствовал запах стряпни, исходящий от самого большого из них. Обратил внимание на барак, стоящий на отшибе. Решил, что там находится арсенал.

Подняв взгляд, Макграт увидел высоко в небе инверсионные следы. Вся критичность ситуации была написана там, белым по голубому. Разведывательные самолеты отказались от безобидного барражирования с востока на запад. Их следы сжались в непрерывные концентрические окружности. Они летали по бесконечному кругу на высоте семь миль, прямо у Макграта над головой. Устремив на них взгляд, он беззвучно прошептал: «Помогите!» Ему захотелось узнать, достаточно ли хорошая на самолетах оптика, чтобы разобрать черты его лица. И умеют ли читать по губам Уэбстер, Джонсон или его подручный. Макграт ответил себе сам: да и нет.

* * *

Ричер на мгновение задумался над горькой иронией проблемы, стоявшей перед ним. Впервые в жизни он молил бога о том, чтобы его противники умели метко стрелять. Он прятался за деревьями в ста ярдах к северо-западу от здания суда. И смотрел на шестерых часовых. Они стояли неровной дугой, изогнувшейся с юга на восток вокруг большого белого здания. Ричер навел автоматическую винтовку на ближайшего из них. Но он не стрелял. Потому что если он выстрелит, шестеро часовых начнут ответный огонь. И промахнутся.

Ричер чувствовал себя абсолютно уверенно с винтовкой М-16 на дистанции сто ярдов. Из такого оружия на таком расстоянии он мог гарантированно поразить любую цель. Он готов был поставить об заклад свою жизнь. В прошлом много раз его жизнь зависела от меткого выстрела. И, как правило, чем хуже стреляли его противники, тем лучше Ричер себя чувствовал. Но только не в данном случае.

Сам он будет стрелять с северо-западной стороны. Его противники будут стрелять с юго-востока. Они услышат звуки его выстрелов, возможно,

увидят вспышки, прицелятся и откроют огонь. И промахнутся. Их пули полетят куда попало. Немым доказательством тому служат мишени на стрельбище. Да, на дистанции триста и четыреста ярдов имелись достаточно меткие стрелки. Об этом говорили продырявленные мишени. Однако весь опыт Ричера говорил, что человек, который может, постаравшись, поразить цель на дистанции триста ярдов, в настоящем бою оказывается бесполезным. Одно дело лежать на матах и спокойно, неторопливо целиться. Другое – стрелять, находясь под проливным дождем пуль. Совершенно другое. Это наглядно доказал тот тип, который защищал грузовики с ракетами. Его очереди разлетелись во все стороны. И в этом заключалась проблема. Когда часовые откроют огонь с юго-востока, их шальные пули также полетят во все стороны. Вверх, вниз, влево и вправо. Тех из них, которые уйдут вниз и влево, можно не опасаться. Они лишь нанесут урон горной флоре. Но те пули, которые уйдут вверх и вправо, попадут в здание суда.

Автоматическая винтовка М-16 стреляет патронами М855. Стандартный боеприпас НАТО, калибр пули 5,56 миллиметра, чуть меньше четверти дюйма. Для своего размера пуля тяжелая, потому что она представляет собой сандвич из свинца и стали, заключенный в латунную оболочку. Это сделано для того, чтобы увеличить пробивную способность. Шальные пули, которые попадут в здание суда, вопьются в наружную обшивку стен со скоростью две тысячи миль в час. Пройдут сквозь старое дерево так, словно его нет вовсе. Обрушатся на полуразложившийся динамит сошедшим с рельс поездом. Энергия удара станет лучшим детонатором из всего того, что использовалось на шахте. Именно для этого и предназначается пуля патрона М855. Какой-то член комитета по вооружению попросил сделать пулю, способную пробить борт грузовика, перевозящего боеприпасы, и привести к их детонации. Что и было выполнено.

Поэтому Ричер не стрелял. Если бы часовых было трое, он, возможно, и рискнул бы. По его прикидкам, он успел бы сделать три прицельных выстрела как раз за три секунды. Слишком быстро для ответной реакции. Но шесть – это уже слишком много. К тому же, часовые рассредоточены на большом расстоянии друг от друга. Для того, чтобы целиться каждый следующий раз, придется совершить существенные движения. У последних часовых будет время среагировать. Очень мало времени. Определенно, недостаточно для того, чтобы успеть прицелиться. И как раз в этом заключалась проблема.

Не поможет и перемена позиции. Ричер мог бы зайти к зданию суда с юга. Ему понадобилось бы минут двадцать на то, чтобы прокрасться лесом и занять положение как раз напротив. Ну и что дальше? Он будет находиться выше по склону, чем часовые. Здание суда будет у них прямо за спиной. Разумеется, он сможет поразить каждого выстрелом в голову,

без проблем. Но он не сможет заставить пули остановиться в полете. Не сможет помешать тяжелым пулям в оболочке, обладающим большой энергией, пробить насквозь черепа и полететь дальше, прямо в стены второго этажа. Покачав головой, Ричер опустил винтовку.

* * *

Макграт видел, как Боркен совещается с кем-то на краю поляны. Это был тот человек, который возглавлял отряд, устроивший засаду. Тот, кто отобрал у него револьвер и ударил по лицу. Сверившись с часами, оба посмотрели вверх. Кивнули. Похлопав второго мужчину по плечу, Боркен ушел. Нырнул в лес и скрылся по направлению к поселку. Командир отряда засады двинулся к Макграту. Ухмыляясь. Снимая с плеча винтовку.

– Пришло время устраивать представление.

Подойдя ближе, он развернул винтовку. Ударил прикладом Макграта в живот. Тот упал на землю. Один из охранников ткнул дуло винтовки ему в горло. Другой – в живот, куда только что пришелся удар.

– Лежи смирно, козел, – сказал командир. – Я вернусь через минуту.

Макграт не мог пошевелить головой из-за винтовки, прижатой к горлу, но он проследил за ним взглядом. Командир зашел в предпоследнее строение. Не в арсенал, стоявший особняком. На склад. Вышел с киянкой, веревкой и четырьмя предметами. Защитная армейская краска. Когда командир приблизился, Макграт разглядел, что это такое. Это были колышки от палаток. Длиной дюймов восемнадцать, от больших палаток, в которых устраивают столовые.

Командир положил свою ношу на землю. Металлические колышки звякнули о камни. Командир кивнул тому из бойцов, который держал винтовку приставленной к животу Макграта. Тот выпрямился и отошел в сторону. Командир занял его место. Прижал Макграта к земле своей винтовкой.

Боец засуетился. Судя по всему, он знал, что делать. Взяв киянку, боец вогнал в землю первый колышек. Земля была каменистой, так что ему пришлось постараться. Он поднимал киянку высоко и опускал ее со всей силой. Колышек был забит на две трети своей длины. Затем боец отступил футов на восемь и начал вколачивать второй. Макграт следил за ним взглядом. Когда был забит второй колышек, боец отошел на восемь футов под прямым углом от первых двух колышков и забил третий. Четвертый колышек замкнул правильный квадрат со стороной восемь футов. Макграт понял, для чего предназначается этот квадрат.

– Обычно мы делаем это в лесу, – объяснил командир. – Вертикально, используя деревья. – Он указал в небо. – Но сейчас нам надо сделать так,

чтобы было видно оттуда. В лесу с самолета ничего не разглядеть. В это время года слишком густая листва, верно?

Боец, вколотивший колышки в землю, учащенно дышал, приходя в себя. Он снова поменялся местами с командиром. Воткнул винтовку Макграту в живот и оперся на нее, переводя дух. Макграт ахнул от боли. Командир, опустившись на корточки, разложил веревки. Распутал один моток и поймал Макграта за щиколотку. Накинул петлю и туго ее затянул. Дернув за веревку, вытащил Макграта в центр квадрата. Затем привязал свободный конец к колышку. Проверил, прочно ли держит узел.

Второй кусок веревки был обмотан вокруг второй щиколотки Макграта. Свободный конец был привязан к следующему колышку. Ноги Макграта оказались растянуты под прямым углом. Его руки, по-прежнему скованные за спиной наручниками, больно вжимались в каменистую землю. Командир носком ботинка перевернул Макграта на бок. Нагнулся и расстегнул наручники. Схватил запястье и обмотал вокруг веревку. Туго натянул ее, привязывая к третьему колышку. Рука Макграта оказалась на одной прямой с разноименной ногой. Привязав веревку к колышку, командир схватил второе запястье. Бойцы сильнее надавили на винтовки. Не отрывая взгляда от инверсионных следов, Макграт ахнул от боли, распятый на земле правильным крестом.

Убрав винтовки, бойцы отошли в сторону. Встали рядом с командиром. Уставившись на Макграта. Тот приподнял голову, лихорадочно озираясь по сторонам. Дернул за веревки, но тотчас же понял, что этим только туже затягивает узлы. Трое мужчин в камуфляже отошли от него еще дальше и посмотрели в небо. Макграт понял, что они не хотят заслонять собой поле зрения видеокамер.

* * *

Видеокамерам, установленным на разведывательных самолетах, ничего не мешало. На высоте семи миль в небе пилоты выписывали круги, один – внутренний, радиусом всего несколько миль, другой – наружный, более широкий. Нацеленные вниз видеокамеры находились под непрестанным вниманием компьютеров. Внутренний самолет показывал крупным планом поляну, на которой был распят Макграт. Внешний показывал более общую картинку, покрывавшую территорию от здания суда на юге до заброшенной шахты на севере. Изображение передавалось в реальном времени на тарелку спутниковой антенны, установленной на платформе грузовика, который стоял рядом с командной машиной. Тарелка принимала сигнал и по толстому экранированному кабелю посылала его в машину связи. Там компьютеры декодировали изображение и отправляли его на большие цветные мониторы. Фосфоресцирующие экраны показывали жуткую правду. Генерал Джонсон, его адъютант и Уэбстер сидели не

шелохнувшись. Не произнося ни слова, не отрывая взглядов от экранов. Неподалеку жужжали видеомагнитофоны, бесстрастно записывая секунда за секундой то, что происходило в шести милях к северу. Кабина гудела электронной энергией. Однако в ней было тихо, как в гробнице.

– Вы можете увеличить разрешение? – тихо спросил Уэбстер. – Навести камеру на Макграта?

Адъютант подкрутил черную ручку. Уставившись на экран. Он увеличивал разрешение до тех пор, пока не стали видны отдельные точки изображения, после чего чуть вернулся назад.

– Это максимум.

Увеличение было достаточным. Распятое тело Макграта занимало почти весь экран. Был виден командир, перешагивающий через веревки. У него в руке был нож. Черная рукоятка, сверкающее лезвие длиной дюймов десять. Судя по виду, большой кухонный нож. Такой, каким пользуется хороший повар. Очень подходит для того, чтобы нарезать мясо тонкими ломтями. Именно таким ножом воспользуется повар для того, чтобы приготовить гуляш или бефстроганов.

Затаив дыхание, Джонсон, адъютант и Уэбстер следили за тем, как командир положил нож Макграту на грудь. Расстегнул ему пиджак. Ослабил галстук и сдвинул его в сторону, под ухо. Схватил обеими руками рубашку и разорвал ее. Хлопчатобумажная ткань лопнула под ножом, оставив его на месте, но теперь уже на голом теле. Командир выдернул подол рубашки из-под пояса, открывая всю грудь. Осторожно, не торопясь, словно хирург, которому предстоит срочно оперировать больного.

Командир снова взял нож. Присел на корточки справа от Макграта, наклоняясь к нему. Держа нож острием вниз, у самого живота. Розоватый цвет кожи Макграта отражался на лицах тех, кто сидел в командной машине, прильнув к экранам.

Они увидели, как командир приподнял нож на дюйм. Положил указательный палец на тупую сторону лезвия, чтобы ухватиться удобнее. Лезвие двинулось вниз. Бледное солнце сверкнуло на стали. И тут изображение стало нечетким. Картинку затянуло беззвучное розовое облачко. Когда оно рассеялось, командир по-прежнему сжимал в руке нож. Но у него не было головы. Вместо нее было сплошное кровавое месиво, и командир медленно валился набок.

Глава 42

С левым бойцом Ричер также расправился без труда. Он всадил ему пулю в голову, над самым ухом, и тот тяжело рухнул на землю, прямо на распятого человека из ФБР. Однако тот боец, что стоял справа, успел

среагировать. Развернувшись, он перескочил через натянутые веревки и бросился в лес. Выждав мгновение, Ричер уложил его в десяти футах от квадрата из колышков. Боец с разбега повалился на сланец, подняв облако пыли. Дернулся и затих.

Ричер подождал. Последние отголоски трех отрывистых выстрелов отразились от самых дальних гор, и наступила тишина. Ричер следил за деревьями, окружавшими Бастион. Высматривая малейшее движение. Солнце светило ярко. Слишком ярко, чтобы можно было быть абсолютно уверенным. Слишком большая контрастность между яркими красками поляны и тенью леса. Поэтому Ричер ждал.

Наконец он вышел из-за центра связи и совершил отчаянный бросок. Добежал до открытой площадки перед столовой. Убрал трупы. Один из бойцов валялся прямо на человеке из Бюро. Командир лежал у него на ногах. Отшвырнув их, Ричер нашел нож. Перерезал четыре толстых веревки. Поставил человека из Бюро на ноги и толкнул его в ту сторону, откуда только что прибежал сам. Подхватил две ближайшие автоматические винтовки и рванул следом. Догнал его на полдороге. Человек из Бюро измученно ковылял вперед. Поэтому Ричер подхватил его под руки и потащил к спасению. Швырнул в заросли за бараками и остановился, согнутый пополам, пытаясь отдышаться. Затем вынул магазины из только что захваченных винтовок и один убрал в карман, а другой вставил в свою винтовку. Оба были удлиненные, емкостью тридцать патронов. У него оставалось всего шесть патронов. А теперь стало шестьдесят. Десятикратное увеличение. К тому же, у него появилась еще одна пара рук.

– Ты Броган? – спросил Ричер. – Или Макграт?

Человек из Бюро ответил натянуто. У него на лице были написаны страх, паника и смятение.

– Я Макграт. Федеральное бюро расследований.

Ричер кивнул. Этот человек еще не пришел в себя, но он союзник.

Достав из кармана «глок» Фаулера, Ричер протянул его рукояткой вперед.

Шумно дыша, Макграт дико озирался по сторонам. В его позе сквозила агрессия. Руки были сжаты в кулаки.

– В чем дело? – обеспокоенно спросил Ричер.

Метнувшись вперед, Макграт выхватил «глок» и отпрянул назад. Схватил пистолет обеими руками и прицелился. Ричеру в голову. У него с запястий свисали обрезанные концы веревок. Ричер недоуменно уставился на него.

– Что ты делаешь, черт побери?

– Ты один из них, – выпалил Макграт. – Брось винтовку, хорошо?

– Что? – недоуменно произнес Ричер.

– Делай как я сказал, понятно?

Ричер смотрел на него, не в силах поверить собственным ушам. Опомнившись, он указал на распростертые тела на Бастионе.

– А как же вот они? Неужели это для тебя ничего не значит?

«Глок» в руке Макграта застыл словно каменный. Нацеленный Ричеру в голову. Старший агент напоминал фотографию из пособия по стрелковому делу, если только не считать обрывков веревок, свисающих с запястий и щиколоток подобно вымпелам.

– Это совсем не идет в счет? – повторил Ричер, указывая на трупы.

– Необязательно, – проворчал Макграт. – Ты убил и Питера Белла. Нам это известно. Из того, что ты не позволяешь своим бойцам насиловать и истязать заложников, вовсе не следует, что ты дружишь с ангелами.

Ричер долго смотрел на него, пораженный. Напряженно думая. Затем, осторожно кивнув, он бросил винтовку ровно посредине между собой и Макгратом. Если бы он бросил ее себе под ноги, Макграт просто приказал бы пинком пододвинуть винтовку к нему. Если бы он бросил ее слишком близко к Макграту, у него ничего бы не получилось. Перед ним стоял опытный агент. По его позе Ричер чувствовал, что его противник прошел по крайней мере основы специальной подготовки.

Макграт бросил взгляд вниз. Колеблясь. Несомненно, он не хотел, чтобы Ричер приближался к нему. Не хотел, чтобы тот шагнул вперед, подталкивая винтовку ногой. Поэтому Макграт сам выставил ногу вперед, намереваясь подтянуть винтовку к себе. Ростом он был на десять дюймов ниже Ричера. Целясь Ричеру в голову с расстояния шесть футов, он вынужден был задирать руку. Выставив ногу вперед, Макграт уменьшил свой рост еще где-то на дюйм, что автоматически заставило его задрать руку еще выше. Кроме того, он весь сместился вслед за ногой ближе к Ричеру, что еще больше увеличило угол возвышения пистолета. Когда Макграт дотянулся носком до винтовки, его правая рука уже находилась прямо перед лицом, закрывая ему обзор. Ричер ждал, когда он снова опустит взгляд вниз.

Макграт посмотрел вниз. Подогнув колени, Ричер рухнул как подкошенный. Выбросил вперед и вверх правую руку, отбивая «глок» в сторону. Описал левой рукой широкую дугу, захватывая Макграта за ноги. Тот распластался спиной на земле. Зажав Макграту запястье,

Ричер мягко давил до тех пор, пока «глок» не выпал из пальцев. Поднял пистолет за ствол.

– Взгляни на это. – Задрав манжету, Ричер показал кольцо спекшейся крови на запястье левой руки. – Я не один из них. Большую часть времени я провел в наручниках.

С этими словами он снова протянул «глок» рукояткой вперед. Макграт недоверчиво посмотрел на пистолет, затем перевел взгляд на поляну. Покрутил головой влево и вправо, смотря на трупы. Снова взглянул на Ричера, по-прежнему сбитый с толку.

– По нашим расчетам ты получился плохим парнем.

– Я уже понял, – кивнув, сказал Ричер. – Но почему?

– По видеозаписи камеры наблюдения в химчистке, – объяснил Макграт. – Получилось, будто ты поджидал Холли и набросился на нее.

Ричер покачал головой.

– Я просто случайно проходил мимо.

Макграт продолжал смотреть на него. Напряженно ломая голову.

Наконец он принял решение. Кивнув, принял предложенный «глок» и положил его на землю, словно подписывая символический договор. Начал неловко застегивать пуговицы рубашки. Обрезал обрывки веревки, затянутые на запястьях и щиколотках.

– Хорошо, мы сможем начать сначала? – смущенно сказал Макграт.

Кивнув, Ричер протянул руку.

– Разумеется. Я Ричер, ты Макграт. Начальник Холли. Рад познакомиться с тобой.

Грустно улыбнувшись, Макграт вяло пожал руку. Неуклюже завозился с манжетами.

– Ты знаешь человека по фамилии Гарбер?

Ричер кивнул.

– Служил под его началом.

– Гарбер уверял нас, что ты чист. Мы ему не поверили.

– Естественно, – усмехнулся Ричер. – Гарбер всегда говорит правду. Поэтому ему никто никогда не верит.

– Итак, я приношу свои извинения. Я был виноват. Но ты все же попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. На протяжении пяти дней ты был врагом номер один.

Махнув рукой, Ричер встал и помог подняться на ноги Макграту. Наклонился, поднимая с земли «глок», и протянул пистолет.

– Что у тебя с носом?

Убрав пистолет в карман пиджака, Макграт осторожно пощупал нос и поморщился.

– Ублюдок ткнул кулаком. Похоже, сломал. Просто развернулся и ударил наотмашь, словно не мог больше терпеть.

Слева в лесу послышался шум. Схватив Макграта за руку, Ричер потащил его в чащу. Остановился, повернувшись лицом на восток. Прислушался. Запыхавшийся Макграт, набравшись решимости, задал вопрос:

– Значит, с Холли все в порядке?

Ричер кивнул. Но мрачно.

– Пока что. Однако освободить ее будет чертовски сложно.

– Мне известно насчет динамита. Это было последнее, о чем сообщил Джексон. В понедельник вечером.

– Это очень серьезная проблема, – продолжал Ричер. – Одна шальная пуля – и Холли несдобровать. А здесь сотня человек, которым так и не терпится пострелять. Так что нам придется действовать крайне осторожно. Подкрепления уже прибыли? Отряд по освобождению заложников?

Макграт покачал головой.

– Пока что нет. Соображения большой политики.

– Возможно, это и к лучшему. Здесь ходят разговоры о том, чтобы совершить массовое самоубийство, если мы прижмем их слишком сильно. Понимаешь, жить свободным или умереть.

– Как им угодно. Пусть поступают как хотят. Мне наплевать на них. Меня заботит только Холли.

Они молча пробирались через лес. Остановились, когда зашли глубоко в чащу, приблизительно на уровне задней стены столовой. Теперь уже у Ричера повис на кончике языка вопрос. Но он вдруг застыл, поднося палец к губам. Слева послышался шум. Патруль, идущий вдоль опушки. Макграт сделал было движение, но Ричер остановил его, схватив за руку.

Лучше замереть на месте, чем двигаться, рискуя произвести шум самим. Патруль приближался. Взяв винтовку, Ричер перевел переводчик огня на автоматический огонь. Приглушив щелчок ладонью. Макграт затаил дыхание. Патруль уже было видно. Шесть человек, шесть автоматических винтовок, в десяти футах за деревьями. Бойцы ритмично переводили взгляд из стороны в сторону, влево – вправо, влево – вправо, между краем залитой солнцем поляны и темной зеленью лесной чащи. Ричер медленно выпустил задержанный вдох. Дилетанты, плохо подготовленные, выбравшие неверную тактику. Постоянный яркий солнечный свет в глаза не позволял им что-либо разглядеть в тени густых деревьев. По сути дела, они были слепы. Патруль прошел мимо, не останавливаясь. Подождав, когда шаги затихнут вдали, Ричер повернулся к Макграту.

– А где Броган и Милошевич? – прошептал он.

Макграт мрачно кивнул.

– Знаю. Один из них предатель. До меня наконец это дошло, за полсекунды до того, как меня взяли.

– Где они? – повторил Ричер.

– Где-то там. Мы перешли через овраг в миле друг от друга.

– Который из них предатель?

Макграт пожал плечами.

– Не знаю. Я так и не смог это вычислить. Я постоянно ломал над этим голову. Оба поработали хорошо. Милошевич отыскал химчистку. Принес кассету видеонаблюдения. Броган вывел нас сюда, в Монтану. Это он обнаружил грузовик. Он держал связь с Квантико. Я не могу поверить, что один из них предатель.

– Когда установили мою личность?

– Утром в четверг. Мы сразу же получили весь твой послужной список.

Ричер кивнул.

– Предатель сразу же связался с Боркеном. И тот вдруг узнал, кто я такой. Как раз утром в четверг.

Макграт снова пожал плечами.

– Они оба узнали это одновременно. В тот момент мы все трое находились на базе Петерсон.

– Ты получил факс от Холли?

– Какой факс? Когда?

– Сегодня утром. Мы отправили его рано, где-то без десяти пять. Холли предостерегала тебя.

– Мы перерезали телефонную линию. Замкнули ее на машину связи. А без десяти минут пять я спал.

– Но кто дежурил?

– Милошевич и Броган, – угрюмо кивнул Макграт. – Вдвоем. Они как раз заступили на дежурство. Судя по всему, факс получил как раз тот, кто является предателем, и он его скрыл. Но который, я не могу сказать.

Ричер задумчиво кивнул.

– Можно попытаться вычислить. А можно просто подождать, и все и так станет ясно. Один из них будет на свободе, лучшим другом, а другой – в наручниках или мертвый. Разницу мы уж как-нибудь увидим.

Макграт мрачно поморщился.

– Я не могу ждать.

Но тут Ричер, встрепенувшись, оттащил его ярдов на десять вглубь леса. Услышав шаги возвращающегося патруля.

* * *

Находясь внутри здания суда, Боркен услышал три выстрела. Он сидел в кресле судьи, и звуки донеслись очень отчетливо. Бах, бах... бах, повторенные десяток раз склонами гор, вернувшими отголоски. Боркен тотчас же отправил гонца в Бастион. Миля туда, миля обратно по тропе, петляющей между деревьями. Двадцать минут спустя запыхавшийся гонец принес новости: три трупа, четыре перерезанных веревки.

– Это Ричер, – проворчал Боркен. – Надо было замочить его в самом начале.

Милошевич согласно кивнул.

– Я хочу держаться от него подальше. Я читал отчет о вскрытии твоего дружка Питера Белла. Я хочу поскорее получить свои денежки и убраться отсюда, договорились?

Боркен кивнул. Затем рассмеялся. Резким, нервным смехом, в котором веселье соседствовало с напряжением. Встав, он вышел из-за скамьи. Ухмыльнулся и похлопал Милошевича по плечу.

* * *

Холли Джонсон знала о динамите не больше, чем основная масса людей. Она не помнила точно его химический состав. Знала только, что там

должны где-то быть нитрат аммония и нитроцеллюлоза. Ну а нитроглицерин? Он тоже входит в состав динамита? Или это какое-то другое взрывчатое вещество? Так или иначе, Холли знала, что динамит представляет из себя вязкую жидкость, которой заливают пористый материал в виде шашек. Тяжелых и достаточно плотных. Если стены ее комнаты обложены тяжелыми, плотными шашками, они хорошо поглощают звук. Что-то вроде звукоизоляционного слоя в городских квартирах. Следовательно, выстрелы, которые она услышала, прозвучали относительно близко.

Холли услышала: бах, бах... бах. Но она понятия не имела, кто стрелял в кого, и почему. Это были не выстрелы из пистолета. Со времен обучения в Квантико Холли хорошо запомнила глухой лай пистолета. Нет, эти выстрелы были произведены из длинноствольного оружия. Но это был и не гулкий грохот «Баррета» на стрельбище. Более мелкий калибр. Значит, кто-то трижды выстрелил из обычной винтовки. Или три человека выстрелили по одному разу, беглым огнем. Так или иначе, что-то произошло. То есть, она должна быть готова.

* * *

Гарбер тоже услышал выстрелы. Бах, бах... бах, где-то в тысяче ярдов к северо-западу, быть может, в тысяче двухстах. И тотчас же от склонов гор пришли десятки отрывистых отголосков. У Гарбера не возникло сомнений, что это было. М-16, одиночный огонь. Первые два выстрела один за другим; на армейском жаргоне это называется «сдвоенным стуком». Так стреляет опытный стрелок. Успевающий выпустить вторую пулю еще до того, как первая стреляная гильза упадет на землю. Затем выстрел в третью цель, или контрольный выстрел во вторую. Ритм, который невозможно с чем-либо спутать. Своеобразный автограф. Звуковая роспись человека, у которого за плечами многие сотни часов на стрельбище. Кивнув, Гарбер направился сквозь деревья.

* * *

– Это должен быть Броган, – прошептал Ричер.

Похоже, Макграт был удивлен.

– Почему Броган?

Они сидели на корточках, прижимаясь спиной к соседним деревьям, в тридцати ярдах от опушки, невидимые. Вернувшийся патруль прошел мимо и снова их не заметил. Макграт рассказал Ричеру всё. Быстро пробежался по основным этапам расследования – разговор профессионала с профессионалом – предоставив своеобразный стенографический отчет. Ричер задал несколько уточняющих вопросов, Макграт дал на них краткие ответы.

– Время и расстояние, – сказал Ричер. – Вот что имело решающее значение. Взгляни на все с такой точки зрения. Нас запихнули в грузовик и повезли прямиком в Монтану. Сколько от Чикаго до сюда? Тысяча семьсот миль? Тысяча восемьсот?

– Где-то около того, – подтвердил Макграт.

– А Броган – человек умный, – продолжал Ричер. – Он знает, что ты тоже человек умный. Достаточно умный для того, чтобы знать, что он умный. Поэтому Броган не может просто завести расследование в тупик. Но он может сделать так, чтобы вы безнадежно отстали и таким образом перестали представлять собой угрозу. Именно это он и провернул. Ему удалось поддерживать связь. Она ведь должна была быть двусторонней, так? Поэтому в понедельник Броган узнаёт, что похитители взяли грузовик напрокат. Однако до самой среды он занимается только угнанными машинами, так? Броган столько сил потратил на тот «Эконолайн» в Аризоне. Но вот, наконец, он делает решающий прорыв с агентством проката и грязью под колесными арками. Выставляет себя героем, хотя на самом деле он лишь ставил палки в колеса, мешая расследованию. Именно Броган позволил похитителям выиграть время и отвезти нас сюда.

– Но он ведь все-таки привел нас в Монтану, правильно? – возразил Макграт. – Конечно, с существенным опозданием по сравнению с преступниками, но все же привел.

– А ему от этого было ни тепло ни холодно. Боркену не терпелось похвастаться тем, где находится Холли, – он ждал только того, когда ее привезут сюда. Конечная цель не должна была оставаться тайной, так? В этом все дело. Холли должна была стать щитом, не позволяющим вам применить силу. Но это имело бы смысл только в том случае, если бы вы знали, где именно она находится.

Макграт что-то пробурчал себе под нос. Задумался. Ричер почувствовал, что он продолжает сомневаться.

– Брогана подкупили. Поверь мне. У этих подонков практически безграничный военный бюджет. Двадцать миллионов долларов в украденных акциях на предъявителя.

– То самое ограбление инкассаторского автомобиля? В северной Калифорнии? Это их рук дело?

– Они этим бахвалятся.

Макграт обработал новую информацию. Побледнел. Заметив это, Ричер кивнул.

– Совершенно верно. Позволь высказать предположение: Броган не стеснен в средствах, так? Никогда не ворчит по поводу жалования?

– Проклятие! – выругался Макграт. – Каждый месяц алименты двум женам, требовательная подружка, шикарные обновки, а я об этом даже не задумывался! Наоборот, был признателен ему за то, что он не жалуется на зарплату.

– Как раз сейчас Броган получает очередную выплату. А Милошевич убит или где-то заперт.

Макграт медленно кивнул.

– Броган перевелся к нам из Калифорнии. Проклятие, я даже не задумывался над этим. Десять к одному, что именно он был тем, кто расследовал ограбление инкассаторской машины. Броган сказал, отделение в Сакраменто не смогло привязать Боркена к этому преступлению. По его словам, из архивов было неясно, почему. А потому, что Боркен таскал ему доллары ведрами. А этот ублюдок с радостью их принимал. Вот он и постарался, чтобы Боркен вышел из воды сухим.

Ричер молча кивнул.

– Проклятие, – снова выругался Макграт. – Проклятие, проклятие, проклятие! Это все я виноват.

Ричер снова ничего не сказал. Тактичнее хранить молчание. Он понимал чувства Макграта. Понимал, в каком положении тот оказался. В прошлом ему самому время от времени приходилось попадать в похожие положения. Тогда сам он чувствовал себя так, будто ему прямо между лопаток входит лезвие ножа.

– Броганом я займусь потом, – наконец сказал Макграт. – После того, как мы освободим Холли. Она говорила обо мне? Верила в то, что я приду на помощь? Говорила об этом?

– Ричер кивнул.

– Она сказала, что верит в своих друзей.

Глава 43

Впервые за последние двадцать лет генерал Гарбер убил человека. Он не собирался это делать. Он хотел лишь оглушить его и забрать оружие. Только и всего. Этот боец был одним из внутреннего кольца часовых. Расставленных в линию в ста ярдах к югу от здания суда. Гарбер незаметно прокрался по лесу в одну и в другую сторону, высматривая их. Неровная линия часовых, ярдов сорок – пятьдесят между соседними, двое крайних на обочине дороги, а остальные в лесу.

Гарбер выбрал того, который был ближе всех к прямой линии между ним и большим белым зданием. Судьба этого часового оказалась предрешена. Гарберу нужно было получить прямой доступ к зданию. И ему нужно было оружие. Поэтому он выбрал часового и осторожно приблизился к нему. Захватив камень размером с кулак, который выковырял из сырой земли в лесу. Он подошел к часовому сзади.

Его задачу упростило то, что часовые не имели необходимой подготовки. В лесу часовые должны находиться постоянно в движении. Ходить туда и обратно вдоль своего участка периметра, который им поручено охранять. В этом случае, если напасть на одного из них, остальные сразу же это обнаружат. Однако эти часовые стояли на месте. Застыв неподвижно. Наблюдая и вслушиваясь. Неправильная тактика.

Тот часовой, которого выбрал Гарбер, был в кепке армейского образца. Камуфляжной расцветки, однако это был не тот камуфляж. Черные и серые полосы. Тщательно рассчитанные для того, чтобы быть очень действенной маскировкой в условиях города. Однако в лесу, пронизанном лучами солнца, они были совершенно бесполезны. Зайдя к часовому сзади, Гарбер замахнулся камнем. Аккуратно ударил его по затылку.

Удар получился слишком сильным. Проблема заключается в том, что все люди разные. Нет возможности сказать наперед, какого усилия окажется достаточно. Это не бильярд. Там для того, чтобы закатить шар в угловую лузу, требуется ткнуть его кием с определенной силой. Однако человеческие черепа разные. Одни твердые. Но у этого часового череп оказался хрупким. Он проломился словно яичная скорлупа, спинной мозг разорвался в самой верхней точке, и часовой умер еще до того, как рухнул на землю.

– Проклятие! – выдохнул Гарбер.

Его не беспокоила этическая сторона проблемы. Нисколько не беспокоила. Сорок лет постоянного общения с крепкими, закаленными людьми, свернувшими на кривую дорожку, определили для него многие этические моменты. Гарбера беспокоили мухи. Человек, находящийся без сознания, мух не привлекает. Мертвый – привлекает. Кружащие в воздухе мухи подают тревожный сигнал. Предупреждают остальных часовых: один из вас убит.

Поэтому Гарбер незначительно изменил план. Забрав у убитого М-16, он прошел дальше, чем собирался первоначально. Остановился всего в двадцати ярдах от того места, где заканчивались деревья. Походил вправо и влево, пока не нашел каменистую россыпь в десяти ярдах от края леса. Именно здесь будет то место, где он незаметно проникнет на территорию противника. Укрывшись за деревом, Гарбер опустился на

корточки. Разобрал винтовку и проверил ее состояние. Снова собрал и стал ждать.

* * *

В четвертый раз перекрутив назад видеокассету, Гарланд Уэбстер снова просмотрел то, что произошло. Мгновенно появившееся розоватое облачко, падающий охранник, второй охранник, пытающийся убежать прочь, резкий переход видеокамеры на общий план, чтобы захватить всю поляну. Второй охранник вдруг падает на землю. Затем долгая пауза. Потом сумасшедший рывок Ричера. Ричер раскидывает трупы, перерезает веревки, утаскивает Макграта под защиту леса.

– Мы ошибались насчет этого парня, – признался Уэбстер.

Генерал Джонсон кивнул.

– Жаль, что здесь нет Гарбера. Я должен буду перед ним извиниться.

В наступившей тишине вдруг прозвучал голос адъютанта:

– У разведывательных самолетов горючее на исходе.

Джонсон снова кивнул.

– Отошли один назад. Теперь оба здесь больше не нужны. Пусть сменяют друг друга.

Адъютант связался с базой Петерсон, и через полминуты три из шести экранов в командной машине погасли. Самолет, летавший по внешнему кругу, развернулся и взял курс на юг. Второй перешел на более плавные круги, уменьшив фокусное расстояние объективов так, чтобы держать под наблюдением весь район. Крупный план поляны уменьшился до размеров монеты, и в правом нижнем углу появилось здание суда. Три одинаковых изображения на трех экранах, по одному для каждого из присутствующих в машине. Уэбстер, Джонсон и его адъютант подались вперед, прильнув к экранам. Вдруг в кармане Уэбстера запищала рация.

– Уэбстер? – послышался голос Боркена. – Ты меня слышишь?

– Да, слышу.

– Что случилось с самолетом? У вас что, пропадает интерес?

На мгновение Уэбстер задумался, как Боркен это определил. Затем вспомнил про инверсионные следы. Чертившие высоко в небе карту.

– Кто это? – спросил он. – Броган или Милошевич?

– Что случилось с самолетом? – повторил Боркен.

– Кончилось горючее. Он вернется.

Последовала пауза. Затем голос Боркена снова вернулся:

– Хорошо.

– Так кто же это? – опять спросил Уэбстер. – Броган или Милошевич?

Но рация у него в руке просто умолкла. Щелкнув выключателем, он поймал на себе взгляд Джонсона. У генерала на лице было написано: «Как выяснилось, армейский человек оказался хорошим, а человек из Бюро – плохим.» Уэбстер пожал плечами. Постарался передать этим жестом огорчение. Постарался сказать, «Мы оба ошибались.» Однако выражение лица Джонсона говорило: «Ты должен был знать.»

– Это может создать определенные трудности, не так ли? – сказал адъютант генерала. – Броган и Милошевич. Тот из них, который не предатель, по-прежнему считает Ричера нашим врагом. А тот, который предатель, знает, что Ричер его враг.

Уэбстер отвел взгляд. Снова уставился на экраны.

* * *

Боркен убрал рацию в карман черного мундира. Побарабанил пальцами по судейскому столу. Окинул взглядом тех, кто вопросительно смотрел на него.

– Одной видеокамеры достаточно.

– Конечно, – согласился Милошевич. – Одна – ничуть не хуже, чем две.

– Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы нам сейчас помешали, – продолжал Боркен. – Поэтому прежде чем что-то предпринять, надо разобраться с Ричером.

Милошевич нервно огляделся по сторонам.

– На меня можешь не рассчитывать. Я остаюсь здесь. Я хочу забрать свои деньги и убраться отсюда.

Боркен задумчиво посмотрел на него.

– Знаешь, как проще всего поймать тигра? Или леопарда? Выманить его из джунглей?

– Что? – недоуменно произнес Милошевич.

– Надо привязать к дереву козу, а самому затаиться и ждать.

– Что? – повторил Милошевич.

– Ричер пошел на все, чтобы спасти Макграта, так? Возможно, он также пойдет на все, чтобы спасти твоего дружка Брогана.

* * *

Услышав шум, генерал Гарбер рискнул продвинуться вперед еще на несколько ярдов. До самой опушки. Он присел на корточки. Сместился чуть влево, чтобы лучше видеть. Здание суда находилось выше по склону, прямо перед ним. Обращенное к Гарберу южной стеной. Фасад был виден ему под острым углом. Крыльцо. Лестница. Гарбер увидел, как из здания вышла группа людей. Шестеро. Впереди двое, озирающиеся по сторонам, с автоматическими винтовками наготове. Остальные четверо несли человека, держа его за руки и за ноги лицом к земле. Это был мужчина. Гарбер определил это по голосу. Мужчина вырывался и кричал. Это был Броган.

Гарбера прошиб холодный пот. Он знал, что произошло с Джексоном. Ему это рассказал Макграт. Гарбер поднял винтовку. Прицелился в ближайшего из бородачей в камуфляже. Повел дулом справа налево, следя за его перемещениями. Периферийным зрением наблюдая за остальными пятерыми. Но тут он вспомнил про заслон часовых, оставшийся у него за спиной. Поморщился и опустил винтовку. Шансы безнадежные. У Гарбера было правило: заниматься текущей задачей до тех пор, пока она не будет решена. На протяжении сорока лет он проповедовал его словно священное писание. В настоящий момент текущая задача состояла в том, чтобы спасти Холли Джонсон. Вернувшись в лес, Гарбер пожал плечами, отвечая на немой вопрос двоих человек, ждавших его.

Экипаж сбитого «Чинука» выбрался из упавшего вертолета и ушел в лес. Пилоты считали, что идут на юг, однако, потеряв ориентацию, они шли строго на север. Пилоты прошли незамеченными сквозь цепочку часовых, сами не зная того, и вышли прямо на генерал-лейтенанта, сидящего под сосной. Генерал заставил их залечь и вести себя тихо. Пилотам казалось, что все происходящее им снится, и они хотели поскорее проснуться. Им были хорошо слышны пронзительные крики, доносившиеся со стороны разрушенного здания администрации округа.

* * *

Ричер и Макграт услышали эти крики через несколько минут. Сперва слабые, далеко в лесу, слева. Затем они стали громче. Ричер и Макграт сместились к промежутку между бараками, откуда им открылся вид через весь Бастион до самого начала просеки. Они остановились в десяти футах от опушки, достаточно далеко, чтобы оставаться скрытыми за деревьями, достаточно близко, чтобы им самим все было видно.

Они увидели, как двое передовых бойцов вышли на солнечный свет. Затем еще четверо, идущие в ногу, с винтовками на плече, согнувшиеся под тяжестью какой-то ноши. Эти ноша вырывалась и кричала.

– Господи, – прошептал Макграт, – это Броган.

Ричер долго молча смотрел на страшную процессию. Затем кивнул.

– Я ошибался. Предатель – Милошевич.

Макграт щелкнул спусковым крючком, снимая «глок» с предохранителя.

– Подожди, – прошептал Ричер.

Сместившись вправо, он знаком предложил Макграту следовать за собой. Оставаясь в деревьях, они двинулись параллельно шестерым бойцам, которые тащили Брогана через поляну. Бойцы шли медленно; Броган кричал все громче и громче. Они обогнули вбитые в землю колышки от палатки и три трупа.

– Они направляются на гауптвахту, – шепотом объяснил Ричер.

Деревья сомкнулись вокруг тропы до следующей поляны, скрывая из виду шестерых бойцов и Брогана. Однако по-прежнему были слышны жуткие крики. Судя по всему, Броган знал, что именно ждет его впереди. Макграт вспомнил рассказ Боркена по радио о судьбе Джексона. Ричер вспомнил, как предавал земле истерзанное тело.

Они рискнули подойти ближе к следующей поляне. Увидели, как шестеро бойцов остановились перед дверью барака без окон. Первые двое развернулись, держа под прицелом своих винтовок окружающую местность. Третий, который держал Брогана за запястье правой руки, свободной рукой достал из кармана ключ. Броган завопил, призывая на помощь. Моля о пощаде. Боец отпер зверь. Распахнул ее настежь. Удивленно застыл на пороге и что-то крикнул.

Из барака вышел Джозеф Рэй. По-прежнему обнаженный, он держал в охапке свою одежду. Вся нижняя часть его лица была покрыта спекшейся кровью, словно маской. Рэй неловко зашлепал босыми ногами по сланцам. Шестеро бойцов проводили его взглядом.

– Черт побери, а это еще кто такой? – прошептал Макграт.

– Так, один осел, – шепотом ответил Ричер.

Брогана бросили на землю. Затем схватили за шиворот, поднимая на ноги. Он дико озирался по сторонам и кричал. Ричеру хорошо было видно его лицо, побелевшее от ужаса, с широко раскрытым ртом. Шестеро бойцов затолкали Брогана в барак. Зашли следом за ним. Дверь захлопнулась. Макграт и Ричер подкрались к самой опушке. Из барака донеслись крики и звуки, которое издает человеческое тело, ударяясь о деревянные стены. Это продолжалось несколько минут. Затем наступила тишина. Дверь открылась, Шестеро бойцов вышли на улицу, улыбаясь и потирая руки. Тот, что выходил последним, вернулся,

чтобы напоследок отвесить еще один хороший пинок. Ричер услышал глухой удар и крик Брогана. Затем боец запер дверь и поспешил догонять остальных. Похрустев по камням, шестерка скрылась в лесу. На поляне наступила тишина.

* * *

Холли доковыляла до двери и прислушалась. Полная тишина. Ни звука. Вернувшись к матрасу, она взяла свежий комплект камуфляжной формы. Зубами разорвала швы на штанах. Отделила переднюю сторону одной из штанин. У нее получился кусок материи длиной дюймов тридцать и шириной около шести. Взяв его, Холли направилась в ванную и наполнила раковину горячей водой. Намочила в ней тряпку. Сняла штаны. Выжала тряпку и как можно туже перебинтовала колено. Надела штаны обратно. Холли надеялась, что мокрая хлопчатобумажная тряпка, высохнув, сядет и сожмется. По ее расчетам, это должно было хоть как-то решить главную проблему. Только зафиксировав сустав неподвижно, можно было избавиться от боли.

Затем Холли сделала то, что уже давно репетировала. Сняла с основания костыля резиновый набалдашник. Что есть силы ударила металлическим концом по одной из плиток, которыми были вымощены стены в душе. Плитка раскололась. Перевернув костыль, Холли изогнутой рукояткой выковыряла осколки из штукатурки. Выбрала два. В форме треугольника, с заостренным тонким сколом. Концом костыля соскребла остатки цементного раствора. Оставив только слой белой глазури, подобный лезвию ножа.

Холли спрятала оружие в два разных кармана. Задернула занавеску ванной, чтобы скрыть следы своей работы. Надела резиновый набалдашник обратно на костыль. Доковыляла до матраса, села и стала ждать.

* * *

Главная проблема наблюдения с помощью только одной камеры заключалась в том, что съемки приходилось вести удаленным планом. Только так можно было следить сразу за всем районом. Поэтому отдельные детали получались очень мелкими. Группа людей, несущих что-то, на экране казалась ползущим насекомым.

– Это был Броган? – спросил вслух Уэбстер.

Перемотав кассету, адъютант снова включил видеомагнитофон на воспроизведение.

– Его несли лицом вниз. Трудно определить.

Остановив кассету, он с помощью цифровой обработки увеличил изображение. Переместил распятого человека в середину экрана.

Увеличил разрешение до тех пор, пока изображение не начало расплываться.

– Трудно определить, – повторил адъютант. – Но это или Броган, или Милошевич, это точно.

– По-моему, это Броган, – сказал Уэбстер.

Джонсон пристально всмотрелся в изображение. Большим и указательным пальцем измерил по экрану рост того человека от головы до пяток.

– Какой у Брогана рост?

* * *

– Какой у Брогана рост? – вдруг спросил Ричер.

– Что? – переспросил Макграт.

Они прятались за деревьями, наблюдая за гауптвахтой. Ричер не отрывал взгляда от передней стены. Она имела в длину футов двенадцать, и футов восемь в высоту. Справа простенок шириной фута два, затем дверь, шириной тридцать дюймов, петли справа, ручка слева. Затем другой простенок шириной семь с половиной футов, до самого угла строения.

– Какой у него рост? – повторил Ричер.

– Господи, разве это имеет какое-то значение? – изумился Макграт.

– Я думаю, имеет.

Макграт недоуменно посмотрел на него.

– Пять футов девять дюймов, возможно, десять. Особенно высоким его не назовешь.

Цоколь был выложен из горизонтальных брусьев восемь на четыре дюйма, прибитых к каркасу. Где-то на середине проходил шов. Пол, скорее всего, из досок толщиной три четверти дюйма, уложенных на брус два на четыре дюйма. Следовательно, пол возвышался на пять дюймов над верхней частью цоколя. На полтора дюйма ниже дверной коробки.

– Он тощий, так? – продолжал Ричер.

Макграт по-прежнему ничего не мог понять.

– Думаю, тридцать восьмой размер.

Ричер кивнул. Стены сложены из бруса два на четыре, обшитого снаружи и изнутри вагонкой. Общая толщина около пяти с половиной

дюймов, быть может, меньше, если внутри вагонка тоньше. Скажем, внутренняя поверхность дальней стены находится в пяти дюймах от угла, а пол поднят на пять дюймов.

– Броган правша или левша? – спросил Ричер.

– Объясни же мне, в чем дело! – прошептал Макграт.

– Правша или левша?

– Правша, в этом я уверен.

Стеновые брусья обычно связывают через каждые шестнадцать дюймов. Это стандартная практика. Однако от угла до правого края двери всего два фута. Если отбросить толщину стены, останется девятнадцать дюймов. Связка находится как раз посредине. А может быть, ее просто пропустили. В этом случае полость стены для теплоизоляции заполнена минеральной ватой.

– Отойди, – шепнул Ричер.

– Зачем?

– Делай, как тебе говорят!

Макграт отошел назад. Ричер сосредоточил взгляд на точке в десяти дюймах от угла строения и в пяти футах от земли. Качнувшись влево, оперся плечом на дерево. Поднял М-16 и прицелился.

– Какого черта ты делаешь? – прошипел Макграт.

Ричер ничего не ответил. Дождался очередного удара сердца и выстрелил. Раздался грохот, и пуля, пролетев сто ярдов, пробила стену. В десяти дюймах от угла, в пяти футах от земли.

– Какого черта ты делаешь? – снова прошептал Макграт.

Схватив за руку, Ричер увлек его в лес. Отбежав в сторону севера, они остановились. И тут одновременно произошли две вещи. На поляну высыпали шестеро бойцов. И дверь гауптвахты распахнулась. На пороге появился Броган. Его правая рука болталась. В плече зияла рана, из которой хлестала кровь. В руке был зажат табельный револьвер 38-го калибра. С взведенным курком. Указательный палец лежал на спусковом крючке.

Ричер перевел М-16 на автоматический огонь. Выпустил пять очередей по три патрона в землю, в середину поляны. Шестерка бойцов отпрянула назад, словно наткнувшись на невидимую преграду или оказавшись на краю пропасти. Скрылась в лесу. Броган вышел из дома. Остановился в

полосе солнечного света и попытался поднять револьвер. Однако правая рука отказывалась повиноваться. Свисая беспомощной плетью.

– Ловушка, – объяснил Ричер. – Боркен рассчитывал, что я брошусь спасать Брогана. А тот ждал за дверью с револьвером. Я знал, что Броган – предатель. Но Боркену удалось на мгновение меня провести.

Макграт кивнул. Не отрывая взгляда от табельного револьвера в руке Брогана. Вспоминая, как его собственный револьвер отобрали. Подняв «глок», он прижал руку к стволу дерева. Прицелился.

– Оставь, – остановил его Ричер.

Держа Брогана под прицелом, Макграт покачал головой.

– Не оставлю. Ублюдок продал Холи.

– Я имел в виду, оставь «глок», – уточнил Ричер. – До Брогана сто ярдов. Для пистолета слишком далеко. Тебе повезет, если ты отсюда попадешь в дом.

Макграт опустил «глок», и Ричер протянул ему M-16. С любопытством посмотрел, как Макграт целится.

– Куда? – спросил он.

– В грудь, – ответил Макграт.

Ричер кивнул.

– В грудь – очень хорошо.

Замерев, Макграт выстрелил. У него получилось неплохо, но не отлично. Переводчик огня по-прежнему стоял на коротких очередях, и винтовка выпустила три пули. Первая попала Брогану в лоб, а две остальные ушли выше и расщепили дверной косяк. Неплохо, но не отлично. И все же достаточно для того, чтобы сделать дело. Броган рухнул словно марионетка, которой перерезали нити. Сложился будто телескоп, прямо на пороге. Выхватив у Макграта M-16, Ричер дал несколько очередей по опушке до тех пор, пока в магазине не кончились патроны. Вставив новый магазин, он вернул «глок» Макграту. Кивком предложил ему уходить в лес, на восток. Развернувшись, они наткнулись прямо на Джозефа Рэя. Безоружного, полураздетого. Спекшаяся кровь на лице напоминала бурую краску. Рэй пытался одеревеневшими пальцами застегнуть рубашку. Пуговицы попадали не в те петли.

– Женщины и дети погибнут, – пробормотал он.

– Джо, у вас есть час, – сказал ему Ричер. – Оповести всех. Пусть те, кто хочет остаться в живых, уходят в горы.

Рэй покачал головой.

– Нет. Мы должны собраться на плацу. Таков приказ. Мы должны будем ждать там Бо.

– Бо никуда не придет, – заверил его Ричер.

Рэй снова покачал головой.

– Придет, – уверенно заявил он. – Вам не одолеть Бо, кто бы вы ни были. Это просто невозможно. Мы должны будем ждать Бо. Он скажет нам, что делать.

– Джо, уноси отсюда ноги. Ради всего святого, уводи детей.

– Бо говорит, все должны оставаться здесь. Чтобы или пожинать плоды победы, или испить горечь поражения.

Ричер лишь молча посмотрел на него. Глаза Рэя безумно сияли. Зубы на мгновение сверкнули в победоносной улыбке. Отвернувшись, он убежал прочь.

– Какие женщины и дети погибнут? – спросил Макграт.

– Это все шумиха Боркена. Ему удалось убедить всех, что расплатой за поражение должно будет стать массовое самоубийство.

– И никто не осмелится его ослушаться?

– Ты даже представить себе не можешь, какая у него над ними власть.

– Впрочем, мне нет до них никакого дела, – сказал Макграт. – Пока что меня интересует только Холли.

– Согласен.

Они молча направились лесом в сторону Бастиона.

– Как ты узнал? – вдруг спросил Макграт. – Насчет Брогана?

Ричер пожал плечами.

– Не знаю. Просто почувствовал. Наверное, все дело было в его лице. Эти подонки обожают бить людей по лицу. Возьмем хотя бы тебя. Но лицо Брогана осталось нетронутым. Я его отчетливо разглядел. Ни синяков, ни крови. И мне показалось, в этом что-то есть. Засада, захват – эти ребята должны были дать выход напряжению, поработав кулаками по лицу Брогана. Так же, как это произошло с тобой. Но он был своим, поэтому его встретили теплыми объятиями.

Макграт кивнул. Машинально поднимая руку, чтобы ощупать разбитый нос.

– Ну а если бы ты ошибся?

– Ничего страшного не произошло бы. Если бы я ошибся, Броган не стоял бы за дверью. Он валялся бы на полу с несколькими сломанными ребрами, потому что его бы действительно здорово оттузили.

Макграт снова кивнул.

– И еще вспомни все эти крики, – продолжал Ричер. – Эти ребята маршировали словно на параде, не спеша, а Броган тем временем вопил, надрываясь. На самом деле все это было для того, чтобы привлечь мое внимание.

– Это у Боркена получается хорошо, – заметил Макграт. – Что очень беспокоит Уэбстера. Директор Бюро не понимает, зачем Боркен привлекает к себе внимание, поднимает ненужную шумиху.

Они находились в лесу. На полпути между поляной и Бастионом. Вдруг Ричер застыл как вкопанный. Словно у него остановилось сердце. Поднес руку к губам. Он стоял, не дыша, как будто планета внезапно лишилась атмосферы.

– Боже, кажется, я знаю, – наконец прошептал он. – Это все делается для отвода глаз.

– Что? – не понимая, переспросил Макграт.

– У меня очень нехорошее предчувствие.

– Какое? – тревожно спросил Макграт.

– Все дело в Боркене. Тут что-то не сходится. Он громогласно твердит о том, чтобы нанести первый удар. Но где Стиви? Знаешь что? Я думаю, первых ударов будет два. Эта шумиха с провозглашением независимости здесь и что-то еще, где-то в другом месте. Внезапный удар. Как Перл-Харбор, о котором у Боркена так много книг. Вот почему он сознательно нагнетает обстановку. Холли, угроза массового самоубийства. Боркен хочет, чтобы все внимание было приковано сюда.

Глава 44

Когда за Холли пришли, она стояла перед дверью. Тугая повязка на колене высохла, поэтому Холли вынуждена была стоять, так как нога больше не сгибалась. Кроме того, молодая женщина сама хотела стоять, поскольку так ей было удобнее осуществить задуманное.

Холли услышала шаги внизу. Затем поднимающиеся по лестнице. По ее оценке, двое. Шаги замерли за дверью. В замке повернулся ключ, щелкнула задвижка. Зажмурившись, Холли набрала полную грудь воздуха. Дверь открылась. В комнату вошли двое. Две автоматических

винтовки. Холли распрямила плечи, встречая вошедших спокойным взглядом. Один из бойцов шагнул вперед.

– Выходи, сучка.

Холли стиснула костыль. Тяжело опираясь на него, захромала к двери. Медленно. Она хотела оказаться на улице до того, как кто-либо догадается, что она способна передвигаться гораздо свободнее. Прежде, чем кто-либо догадается, что она вооружена и представляет опасность.

* * *

– Нанести первый удар, – сказал Ричер. – Я истолковал эти слова неправильно.

– Почему ты так решил? – спросил Макграт.

– Потому что я уже давно нигде не видел Стиви. С раннего утра. Стиви здесь больше нет. Значит, он находится где-то в другом месте.

– Ричер, ты говоришь какую-то ерунду! – возразил Макграт.

Ричер тряхнул головой, словно прогоняя туман, и побежал на восток. Продолжая объяснять на бегу:

– Я ошибался. Боркен сказал, что собирается нанести первый удар. По системе. Я решил, он имеет в виду провозглашение независимости. Именно это, на мой взгляд, и должно было стать первым ударом. Декларация независимости, бой за освобождение территории самопровозглашенного государства. Я думал, это и будет первый удар. Отдельный, ни с чем не связанный. Но Боркен задумал еще что-то. Где-то в другом месте. Он собирается нанести сразу два удара. Одновременно.

– О чем ты? – прервал его Макграт.

– Слушай внимательно, – продолжал Ричер. – Провозглашение независимости должно было приковать всеобщее внимание сюда, к Монтане, так?

– Разумеется, – подтвердил Макграт. – Боркен намеревался пригласить в свидетели Си-эн-эн и Организацию объединенных наций. Куда уж больше внимания!

– Однако в действительности это был бы только отвлекающий маневр. У Боркена целый книжный шкаф трактатов, призывающих ни в коем случае не делать то, что ждет от тебя противник. Целая полка в нем посвящена Перл-Харбору. И я случайно подслушал разговор Боркена с Фаулером. На шахте. Когда они забирали «Стингер». Боркен сказал, что к сегодняшнему вечеру эта забытая богом дыра в списке приоритетов будет занимать далеко не самую верхнюю строчку. Так что на самом

деле он планирует что-то еще, где-то в другом месте. Что-то совершенно другое и значительно более серьезное. Двойной удар по системе.

– Но что именно? И где? Где-нибудь неподалеку?

– Нет. Наоборот, скорее всего, где-нибудь далеко. Как это было с Перл-Харбором. Боркен спешит нанести смертельный удар в другом месте. Очень важен фактор времени. Удары должны быть скоординированы.

Макграт лишь молча посмотрел на него.

– Все спланировано блестяще, – продолжал Ричер. – Все внимание обращено сюда. Декларация независимости. Потом вспомни то, что Боркен намеревался проделать с тобой. Расправиться медленно, под объективами видеокамер. Затем это массовое самоубийство, гибель женщин и детей. Осада по всем правилам военного искусства. Одним словом, все взгляды будут прикованы сюда. И никто не будет ждать удара в другом месте. Боркен умнее, чем я думал. Два одновременных удара, каждый из них служит прикрытием другого. Все внимание обращено сюда, затем где-то далеко происходит что-то гораздо более значительное, все отворачиваются в ту сторону, а Боркен тем временем спокойно строит здесь новое государство.

– Но где же будет нанесен этот второй удар, во имя всего святого? И что это будет за удар?

Остановившись, Ричер покачал головой.

– Не знаю.

И вдруг он застыл. Прямо впереди послышался громкий треск, и из густых зарослей вывалился патруль из шестерых бойцов. У всех в руках М-16, на ремнях подсумки с гранатами. На лицах удивление и радость.

* * *

Боркен поручил всем имеющимся в наличии людям искать Ричера, оставив только тех двоих, которым предстояло заняться Холли. Услышав их шаги, спускающиеся по лестнице здания суда, он достал из кармана рацию и раскрыл ее. Выдвинул короткую антенну и нажал кнопку.

– Уэбстер, устраивайся поудобнее перед телевизором, хорошо? Продолжим разговор через минуту.

Не дожидаясь ответа, он выключил рацию и повернул голову следом за звуком шагов на улице.

* * *

Гарбер, находившийся в семидесяти пяти ярдах к югу, увидел, как они выходят из здания и спускаются с крыльца. Генерал вышел из леса.

Скрытно переместился вперед и присел за грудой камней. Рассудив, что теперь он в относительной безопасности, поскольку у него появилось хоть какое-то прикрытие. Пилоты «Чинука» находились в тридцати ярдах у него за спиной, рассредоточенные, замаскировавшиеся, получившие приказ кричать во все горло, если кто-то приблизится к ним сзади. Поэтому Гарбер спокойно смотрел вниз по склону на большое белое здание.

Он увидел двух вооруженных бородатых мужчин, которые спускались по ступеням. Мужчины волокли молодую женщину с костылем. Копна темных волос, аккуратная форма защитного цвета. Холли Джонсон. Гарберу еще не приходилось ее видеть. Только на фотографиях, которые ему показали сотрудники Бюро. Фотографии не воздали Холли должное. Даже на расстоянии семидесяти пяти ярдов Гарбер ощутил исходящую от молодой женщины энергию. Какое-то внутреннее свечение. Почувствовав это, он крепче сжал винтовку.

* * *

М-16, которую держал в руках Ричер, была выпущена в 1987 году компанией «Кольт файрармз» на заводе в Хартфорде, штат Коннектикут. Это была модификация А2. Принципиальное отличие от предыдущей модели заключалось в том, что на смену полностью автоматическому огню пришли короткие очереди. В целях экономии боеприпасов после каждых трех выстрелов курок блокируется.

Шесть целей, по три патрона на каждую из нового, полностью снаряженного магазина. Всего восемнадцать патронов и шесть нажатий на спусковой крючок. Каждая очередь из трех выстрелов заняла одну пятую секунды, поэтому на собственно стрельбу ушло всего одна целая и одна пятая секунды. Гораздо больше времени потребовалось на то, чтобы отпускать и снова нажимать спусковой крючок. Это отняло столько времени, что Ричер, уложив четвертого противника, столкнулся с проблемами. Он не целился. Он просто небрежно вел винтовкой слева направо, выпуская очереди с близкого расстояния в стоявших перед ним врагов. Те разом начали поднимать свое оружие. Первые четыре винтовки так и не успели подняться. Однако к тому моменту как четвертый боец получил свою дозу свинца, через две с четвертью секунды после первого выстрела, пятая и шестая винтовки уже находились в горизонтальном положении.

Поэтому Ричер решил рискнуть. Это было мгновенное, чисто интуитивное действие. Сказать, что оно было принято за долю секунды, явилось бы грубым искажением действительности. Ричер перевел М-16 сразу на шестого бойца, уверенный в том, что Макграт разберется с пятым из «глока». Это был тот поступок, в основе которого нет ничего кроме предчувствия, которое, в свою очередь, опирается на оценку того,

кто находится рядом, на сравнение его с теми, кому ты доверял в прошлом.

Глухой треск «глока» потонул в грохоте М-16, но пятый боец повалился на землю одновременно с шестым. Ричер и Макграт дружно отскочили в заросли и распластались на земле. Глядя во внезапно наступившей тишине, как в лучах солнца, пробивающегося сквозь листву, медленно кружат струйки дыма от бездымного пороха. Никакого движения. В живых не осталось никого. Глубоко вздохнув, Макграт протянул руку. Повернувшись, Ричер крепко ее пожал.

– А ты для старика довольно шустер, – сказал он.

– Именно это и помогло мне дожить до старости.

Медленно поднявшись, они отступили вглубь леса. Было слышно, как на них надвигаются люди. Со стороны Бастиона двигался людской поток. Макграт поднял «глок», Ричер перевел М-16 на одиночный огонь. У него осталось двенадцать патронов, слишком мало, чтобы расходовать их впустую, даже с экономичным режимом модификации А2. Но тут они увидели за деревьями женщин. Женщин и детей. С ними небольшое количество мужчин. Семьи, держащиеся группами. Люди шли в колонне по двое. Ричер увидел Джозефа Рэя, рядом с ним женщину, впереди двоих мальчиков. Увидел женщину из столовой, идущую рядом с мужчиной. Перед ними трое маленьких детей.

– Куда они направляются? – шепотом спросил Макграт.

– На плац. Боркен ведь приказал всем собраться на плацу, так?

– Но почему бы им просто не спрятаться в лесу?

Пожав плечами, Ричер ничего не ответил. У него не было объяснений. Стоя за деревом, он смотрел на мелькающие мимо безучастные, тупые лица. Наконец Ричер тронул Макграта за руку, и они совершили рывок через лес и оказались за столовой. Ричер осторожно осмотрелся по сторонам. Протянул руку и ухватился за подзор крыши. Поставил ногу на оконную раму и, подтянувшись, взобрался на кровлю. Прополз по скату крыши и замер на сверкающем железе. Поднял краденый бинокль и навел его на юго-восток, в сторону поселка, гадая, не происходит ли что-то еще. А если происходит, то где.

* * *

Адъютант генерала Джонсона проворнее всех управлялся с компьютером.

То ли у него было больше опыта, то ли просто все объяснялось тем, что он был моложе. Ловко орудуя мышью, адъютант сфокусировал камеру на крыльце здания суда. Затем чуть уменьшил разрешение, добавляя в

поле зрения ближайшие окрестности. Справа на экране появился западный фасад здания суда, а слева – восточный фасад разрушенного здания администрации округа. Между ними располагались две лужайки, одна заросшая сорняком, другая относительно ухоженная. Дорога пересекала изображение строго вертикально, словно на карте. Джип, на котором привезли Макграта, по-прежнему стоял там, где его бросили. Адъютант настроил по нему фокусировку. Изображение стало кристально чистым. Появилась возможность разглядеть, что это была списанная армейская машина. Закрашенные белые надписи. Сложенное вниз ветровое стекло, сзади канистра для бензина и саперная лопатка.

Затем показались двое мужчин, тащивших Холли. Сверху они выглядели тремя точками, расположенными по диагонали, словно тройка на игральной кости. Мужчины вывели Холли на улицу и стали ждать. Затем у них за спиной показалась грузная туша, спускающаяся по ступеням крыльца. Боркен. Выйдя на дорогу, он поднял взгляд. Посмотрел прямо в объектив телекамеры, невидимой вверху на высоте семи миль. Помахал руками. Высоко поднимая правую. В ней был зажат черный пистолет. Затем, опустив взгляд, поднес левую руку к уху. На столе перед Уэбстером запищала рация. Схватив аппарат, директор ФБР раскрыл его.

– Да?

На экране было видно, что Боркен снова помахал рукой невидимой камере.

– Видите меня?

– Видим, – тихо ответил Уэбстер.

– Видите вот это? – спросил Боркен, поднимая пистолет.

Адъютант увеличил разрешение. Огромная туша Боркена заполнила весь экран. Задранное вверх розовое лицо, черный пистолет в поднятой руке.

– Видим, – сказал Уэбстер.

Помощник уменьшил разрешение. Боркен вернулся в прежние размеры.

– «ЗИГ-Зауэр П226», – продолжал он. – Вам знакомо это оружие?

Уэбстер помолчал. Посмотрел по сторонам.

– Да.

– Калибр девять миллиметров, – сказал Боркен. – Пятнадцать патронов в обойме.

– И что?

Боркен рассмеялся. Уэбстеру в ухо ударил громкий звук.

– Пришла пора немного поупражняться в стрельбе, – сказал Боркен. – И угадайте, что будет играть роль мишени?

Двое мужчин надвинулись на Холли. И вдруг та вскинула костыль. Схватив его обеими руками. Холли со всей силы ударила костылем первого мужчину в живот. Развернувшись, подняла костыль над головой. С размаху опустила его на голову второму мужчине. Однако это был легкий алюминий. Никакого веса. Отбросив костыль, Холли сунула руки в карманы. Достала их, сжимая что-то в обоих кулаках. Что-то блеснувшее на солнце. Метнувшись вперед, Холли отчаянно полоснула лицо стоявшего перед ней мужчины. Отскочила назад, крутанулась на месте, размахивая своим импровизированным оружием.

Адъютант резко увеличил разрешение. Первый боец валялся на земле, зажимая ладонями горло и лицо. Его руки были в крови. Холли выписывала стремительные круги, рассекая воздух, словно пантера в клетке. Она разворачивалась на негнущейся больной ноге, переступая здоровой, и металась влево и вправо. В наушник рации Уэбстер услышал ее учащенное дыхание. Крики и вопли раненых. Уставившись на экран, он мысленно взмолился: «Холли, беги влево, к джипу!»

Холли побежала вправо. Высоко размахивая левой рукой и держа правую перед собой, словно боксер в стойке. Она бросилась на второго бойца. Тот поднял винтовку, но поперек – движение, проникнутое чистой паникой, направленное только на то, чтобы отразить удар. Рука Холли с размаха налетела на ствол. Пальцы разжались, оружие вывалилось. Холли лягнула бойца ногой, попав ему в пах. Он повалился на землю. Холли метнулась к Боркену. Рука со сверкнувшим на солнце оружием описала зловещую дугу. Уэбстер услышал торжествующий крик. Видеокамера показала, как Боркен трусливо отскакивает прочь, а Холли несется следом за ним.

Однако в этот момент у нее за спиной поднялся первый боец. Постояв в нерешительности, он взмахнул винтовкой, словно битой. Попал прикладом Холли по затылку. Та, обмякнув, повалилась на землю. Больная нога осталась прямой в колене. Холли упала через нее, словно споткнувшись о невидимый барьер, прямо к ногам Боркена.

* * *

Двое лежат на земле. Из них одна – Холли. Подкрутив бинокль, Ричер повел им по сторонам. Двое стоят. Боец с винтовкой и Боркен, с пистолетом и рацией. Все плотной кучкой, хорошо видной сквозь деревья, на расстоянии тысяча двести ярдов к юго-востоку и в трехстах футах ниже. Ричер перевел взгляд на Холли, распростертую на земле.

Его захлестнула волна страсти. Он проникся горячей любовью к молодой женщине за ее мужество. Ей противостояли двое вооруженных бойцов и Боркен, но она вступила в неравный бой. Безнадежный, однако Холли не стала смиренно ждать своей доли. Опустив бинокль, Ричер обвил ногами трубу. Словно уселся верхом на стального коня. Труба была теплая. Туловище Ричера лежало на скате крыши, только голова и плечи возвышались над гребнем. Снова подняв бинокль, он затаил дыхание и стал ждать.

* * *

На экране были видны возбужденные жесты Боркена. Боец, получивший удар ногой в пах, поднялся с земли и присоединился к другому, который оглушил Холли. Заломив молодой женщине руки за спину, они вдвоем рывком подняли ее на ноги. Голова Холли безжизненно болталась. Одна нога была согнута, другая застыла неестественно прямо. Бойцы застыли в нерешительности. Боркен подал им знак. Они перетащили Холли на противоположную сторону дороги. Уэбстеру в ухо снова заговорил голос Боркена, громкий, с придыханием:

– Итак, шутки остались позади. Дай мне ее папашу.

Уэбстер протянул рацию Джонсону. Тот рассеянно взглянул на нее, затем поднес наушник к уху.

– Все что ты хочешь. Все что угодно. Только не делай ей больно.

Боркен рассмеялся. Громкий смех, пронизанный облегчением.

– Вот такое отношение мне нравится. А теперь смотри.

Бойцы протащили Холли по заросшей лужайке перед разрушенным зданием администрации округа. К стволу засохшего дерева. Развернули и прижали к нему спиной. Заломили руки назад. Холли подняла голову. Тряхнула ей, прогоняя оцепенение. Один из бойцов схватил Холли за обе руки. Второй что-то достал. Наручники. Сковал ей руки за деревом. Бойцы торопливо вернулись к Боркену. Холли сползла вниз по дереву. Затем, собравшись с силами, поднялась. Снова тряхнула головой и огляделась по сторонам.

– Стрельба по живой мишени, – объявил по рации Боркен.

Адъютант опять повозился с разрешением, приближая картинку. Боркен отошел назад. Ярдов на двадцать. Обернулся, держа «ЗИГ-Зауэр» направленным в землю, и поднес рацию к губам:

– Начали.

Повернувшись боком, он поднял руку. Выпрямил ее, разворачивая плечи, словно дуэлянт. Прищурившись, прицелился и выстрелил.

Пистолет беззвучно дернулся, и над землей в трех футах от неподвижно застывшей Холли взметнулся фонтанчик.

Боркен снова рассмеялся.

– Промах. Мне нужно попрактиковаться. Наверное, потребуется какое-то время, чтобы научиться попадать в цель. Но у меня осталось еще четырнадцать патронов, так?

Он выстрелил еще раз. Фонтанчик земли. В трех футах с другой стороны от Холли.

– Осталось тринадцать патронов. Полагаю, ваша главная надежда – Си-эн-эн. Немедленно свяжитесь со службой новостей и расскажите все как есть. Сделайте официальное заявление. Пусть вас поддержит Уэбстер. А затем подключите вот к этому радиоканалу. Раз вы не хотите восстанавливать мой факс, я буду держать связь напрямую.

– Ты сошел с ума… – пробормотал Джонсон.

– Нет, это вы все сошли с ума, – возразил Боркен. – Я являюсь движущей силой истории. Меня нельзя остановить. Я стреляю в твою дочь, генерал Джонсон. В крестную дочь президента. Ты ничего не понимаешь. Мир меняется. И это я его меняю. Вся планета должна быть свидетелем этого.

Потрясенный Джонсон молчал.

– Ну хорошо, – объявил Боркен. – Я делаю небольшой перерыв. Связывайся с Си-эн-эн. У меня осталось тринадцать патронов. Если в самое ближайшее время телевизионщики не выйдут со мной на связь, последний патрон убьет Холли.

Услышав в наушнике щелчок, Джонсон перевел взгляд на экран и увидел, что Боркен бросил рацию на землю. Поднял «ЗИГ-Зауэр» двумя руками. Прицелился. Всадил пулю прямо между ног Холли.

* * *

Усевшись на теплую трубу, Ричер опустил бинокль. Лихорадочно произвел мысленные расчеты. Связанные с временем и расстоянием. До лужайки перед зданием администрации округа тысяча двести ярдов. Он не успеет добраться туда. И не сможет сделать это бесшумно. Распластавшись на крыше столовой, Ричер окликнул Макграта. Его голос прозвучал спокойно и уверенно. Словно он делал заказ официанту в ресторане.

– Макграт, взломай дверь в арсенал. Это самое последнее строение, стоящее особняком.

– Хорошо. Что тебе нужно?

– Знаешь, как выглядит снайперская винтовка «Баррет»? Большая черная штуковина, оптический прицел, на стволе дульный тормоз. Найди полный магазин. Скорее всего, он будет где-нибудь рядом.

– Хорошо, – ответил Макграт.

– И поторопись!

* * *

Гарберу, находившемуся к югу от разрушенного административного здания, снова открылась вся перспектива, когда двое бойцов отошли назад и встали позади Бо Боркена. Поодаль, словно не желая мешать ему целиться. Боркен стоял футах в тридцати от Холли и стрелял в нее вверх по склону. Гарбер находился в семидесяти ярдах вниз по крутому склону. Холли была чуть левее. Боркен – чуть правее. Его черная туша отчетливо выделялась на белом фоне южной стены здания суда. Гарбер обратил внимание на то, что окна второго этажа были недавно заколочены белой фанерой. Голова Боркена как раз попадала в центр одного из этих новых прямоугольников. Гарбер улыбнулся. Ему предстоит выстрелить в розовое «яблочко», нарисованное на листе белой бумаги. Переставив переводчик огня М-16 на короткие очереди, Гарбер осмотрел автоматическую винтовку и поднес ее к плечу.

* * *

Поднявшись на цыпочки, Макграт протянул Ричеру «Баррет». Протянув руку, Ричер схватил винтовку и поднял ее на крышу. Взглянул на нее и тотчас же спустил назад.

– Не эту. Найди ту, серийный номер которой оканчивается на пятьдесят два – двадцать четыре, хорошо?

– Зачем?

– Потому что я точно знаю, что она стреляет правильно, – ответил Ричер. – Я ей уже пользовался.

– Господи… – пробормотал Макграт, снова пускаясь бегом.

Ричер вытянулся на скате крыши, стараясь унять сердцебиение.

* * *

Десятый выстрел Боркена все еще не попал в цель, однако уже самую капельку. Холли отдернулась в сторону, насколько позволяли наручники. Боркен принялся радостно расхаживать из стороны в сторону. Громко хохоча. Время от времени останавливаясь, чтобы сделать следующий выстрел. Гарбер следил за тем, как его туша перемещается вправо и влево на фоне белой стены. Выжидая, когда же он остановится. Потому что у Гарбера было правило: первый же выстрел должен поразить цель.

* * *

Отыскав винтовку, из которой уже стрелял Ричер, Макграт протянул ее на крышу. Подхватив «Баррет», Ричер проверил серийный номер. Кивнул. Макграт очертя голову побежал по каменистой тропинке. Скрылся из виду. Ричер проводил его взглядом. Нажал пальцем на большие патроны, уложенные в магазин, проверяя пружину. Ладонью мягко вставил магазин. Поднес винтовку к плечу и тщательно уложил ее на гребне крыши. Разложил приклад и прильнул глазом к оптическому прицелу. Большим пальцем левой руки подкрутил настройку на дистанцию тысяча двести ярдов. Объектив вдвинулся до упора. Ричер положил ладонь левой руки на ствол. Передернул затвор, скользнувший словно по маслу, и дослал патрон в патронник. Посмотрел на открывающийся внизу вид.

Оптический прицел слегка исказил перспективу, однако геометрические углы остались прежними. Холли стояла на возвышении, чуть справа. Прикованная к стволу засохшего дерева. Ричер долго смотрел ей в лицо. Затем чуть перевел прицел. Боркен находился ниже, футах в шестидесяти дальше, вниз по склону, и чуть левее. Он расхаживал взад и вперед. Когда он останавливался, чтобы развернуться, у него за головой оказывались сотни миль пустоты. Стены здания суда оставались далеко в стороне от возможной траектории пули. Совершенно безопасно. Безопасно, но сложно. Тысяча двести ярдов – чертовски большое расстояние. Сделав выдох, Ричер застыл, дожидаясь, когда Боркен замрет на месте.

И вдруг его прошиб холодный пот. Краем глаза Ричер заметил солнечный блик на тусклом металле. В семидесяти ярдах вниз по склону. Скала. За ней человек. С винтовкой. Знакомая голова, сохранившая ежик седых волос. Генерал Гарбер. Гарбер, вооруженный М-16, за скалой, водящий стволом из стороны в сторону вслед аз движением цели, которая расхаживала по короткой дуге в семидесяти ярдах прямо перед ним.

Выпустив задержанный вдох, Ричер улыбнулся. Ощутил нахлынувшую волну теплой признательности. Гарбер. Страховка на случай неудачи. Гарбер, который будет стрелять с расстояния всего семьдесят ярдов. Ричер понял, что Холли ничего не угрожает. Его снова захлестнула волна признательности.

Через мгновение сменившаяся ледяным приступом паники. Вступил в действие мозг. Решивший простую геометрическую задачу, начертанную внизу. С позиции Гарбера здание суда находится прямо за спиной Боркена. Как только Боркен остановится, Гарбер выстрелит. Возможно, он попадет, возможно, промахнется. Но в любом случае выпущенная им пуля попадет в стену здания суда. Скорее всего, как раз в районе

юго-восточного угла второго этажа. И тонна старого динамита образует огненный смерч диаметром четверть мили. Который превратит Холли в пыль и разорвет на мелкие куски самого Гарбера. Ударная волна, вероятно, сбросит Ричера с крыши столовой, находящейся на удалении тысяча двести ярдов. Проклятие, неужели Гарбер этого не понимает?

Боркен остановился. Повернулся боком и выпрямился. Ричер выдохнул весь воздух из легких. Повел винтовкой. Остановил перекрестие прицела прямо на виске Холли Джонсон, там, где шелковистый черный локон вился к глазу. Не наполняя легкие, дождался очередного удара сердца. И нажал на спусковой крючок.

* * *

Гарбер увидел, как Боркен поднимает руку. Выдохнул, успокаиваясь. Прищурился, глядя в открытый прицел М-16, и совместил мушку прямо с розовой головой. Большой, контрастной на фоне сияния залитой солнечным светом белой стены. Гарбер сделал все так, как его учили целую вечность назад: выдохнул и дождался очередного удара сердца. После чего нажал на спусковой крючок.

* * *

Генерал Джонсон закрыл глаза. Его адъютант не отрывал взгляда от экрана. Уэбстер смотрел сквозь растопыренные пальцы, раскрыв рот, словно ребенок, который с новой няней смотрит по телевизору фильм ужасов, хотя уже давно пора ложиться спать.

* * *

Сначала из дула «Баррета» в руках Ричера вырвался поток раскаленных газов. Пороховой заряд в гильзе сгорел за миллионную долю секунды и расширился перегретым пузырем. Этот пузырь газа прогнал пулю по стволу и вырвался следом за ней в атмосферу. Большая его часть вышла через дульный тормоз в стороны в форме правильного пончика, поэтому сила отдачи вонзила ствол прямо в плечо Ричера, не отклоняя его вбок, вверх или вниз. Тем временем пуля, схваченная нарезкой ствола, начала вращение.

Затем газ, находящийся перед пулей, нагрел кислород воздуха до температуры возгорания. Последовала короткая вспышка пламени, из которой вылетела пуля, разрывающая горящий воздух со скоростью тысяча девятьсот миль в час. Тысячную долю секунды спустя пуля уже находилась в ярде от дула, преследуемая расширяющимся конусом догорающих частиц пороха и облачком сажи. Еще через тысячную долю секунды пуля уже была в шести футах, а звук выстрела храбро гнался за ней следом с втрое меньшей скоростью.

Пуле потребовалось пять сотых секунды на то, чтобы пересечь Бастион, а звук выстрела к этому времени лишь достиг ушей Ричера и перевалил через гребень крыши. Облаченная в латунную оболочку,

отполированную вручную, пуля летела по прямой, но к тому времени, как она беззвучно просвистела над головой у Макграта, ее скорость уже несколько уменьшилась. Сопротивление воздуха нагрело пулю и затормозило ее. Кроме того, воздух смещал пулю в сторону. Легкий ветерок, дувший с гор, отклонял пулю влево. За полсекунды полета пуля преодолела тысячу триста футов по прямой и сместилась на семь дюймов влево.

И опустилась на семь дюймов. Уступая силе тяжести. Чем больше тянула сила тяжести, тем медленнее летела пуля. Чем медленнее летела пуля, тем больше сила тяжести искривляла ее траекторию. Пуля выписывала изящную плавную кривую. Через целую секунду после того, как она покинула дуло, пуля преодолела девятьсот ярдов. Обогнала бегущего Макграта, но все еще оставалась над лесом. И до цели ей надо было лететь еще триста ярдов. Еще через одну шестую долю секунды пуля вылетела из леса и прошла рядом с разрушенным зданием администрации округа. Теперь она уже летела медленно. Отклонившись на четыре фута влево и на пять футов вниз. Пуля прошла в стороне от Холли, и когда она была уже в двадцати футах от нее, та услышала ее свист. Звук выстрела был еще далеко. Он только что настиг Макграта, бегущего по лесу.

И в это мгновение в воздухе появилась вторая пуля. И тотчас же третья, и четвертая. Гарбер нажал на спусковой крючок на секунду с четвертью позже Ричера. Его винтовка была поставлена на автоматический огонь. Она выдала очередь из трех выстрелов. Три пули за пятую долю секунды. Эти пули были меньше размером и легче. Более легкие, они летели быстрее. Они покинули дуло со скоростью свыше двух тысяч миль в час. Гарбер находился ближе к цели. Поскольку его пули были более легкие и быстрые и поскольку он находился ближе к цели, сопротивление воздуха и сила тяжести так и не успели по-настоящему вступить в дело. Три пули, выпущенные Гарбером, пролетели практически по прямой.

Пуля Ричера попала Боркену в голову через секунду с третью после выстрела. Она вошла в лоб и через три десятитысячных доли секунды вышла из затылка. Почти не замедлившись, потому что череп и мозг Боркена не явились сколько-нибудь существенным препятствием для куска свинца весом две унции, заключенного в полированную латунную оболочку с острым носом. Пуля успела отлететь далеко в бескрайний лес, когда наконец ударная волна, родившаяся в черепе Боркена, разорвала его на части.

Это явление объясняется чистой физикой. В основе его лежит кинетическая энергия. Много лет назад Ричеру объяснили, что все дело в эквивалентных импульсах. Пуля весит всего две унции, но она летит очень быстро. Это эквивалентно чему-то тяжелому, что движется

медленно. Две унции, летящие со скоростью тысяча миль в час, эквивалентны чему-то весом десять фунтов, что движется со скоростью три мили в час. Например, кувалде, которой с силой бьют человека по голове. Эффект получается приблизительно один и тот же. Ричер следил в оптический прицел. Затаив дыхание. Ему пришлось ждать целую секунду и еще одну треть. Он увидел, как голова Боркена лопнула, словно размозженная кувалдой. Развалилась на мелкие куски. Во все стороны разлетелись изогнутые осколки черепа, а в эпицентре возникло расширяющееся розовое облачко.

Но Ричер не мог видеть, как три пули, выпущенные Гарбером, не встретив сопротивления, пролетели через это облачко и устремились к стене здания суда.

Глава 45

Самая распространенная ошибка при стрельбе из автоматического оружия состоит в том, что после первого выстрела под действием отдачи ствол дергается вверх, и вторая пуля летит выше, а третья – еще выше. Однако Гарбер не совершил эту ошибку. Он провел достаточно времени на стрельбище, чтобы на дистанции семьдесят ярдов не промахнуться. Ему пришлось не раз бывать в критических ситуациях, и он умел сохранять хладнокровие и сосредоточенность. Гарбер всадил все три пули строго в середину розового облачка, образовавшегося на месте головы Боркена.

Пули потратили две десятитысячных доли секунды на то, чтобы беспрепятственно пролететь через это облачко, после чего продолжили путь дальше. Вонзились в новую фанеру, которой были заколочены оконные рамы. Первая пуля от удара чуть изменила траекторию и дернулась влево, и через двадцать два дюйма вырвала кусок из сосновых досок внутренней обшивки. Пуля пересекла комнату Холли и вошла в противоположную стену слева от двери. Прошила ее насквозь и застряла в дальней стене коридора.

Вторая пуля попала в отверстие, оставленное первой, и поэтому преодолела двадцатидвухдюймовый промежуток по прямой. На выходе из досок внутренней обшивки она отклонилась вправо. Пересекла комнату, пробила перегородку ванной и разнесла вдребезги дешевый унитаз из белого фаянса.

Третья пуля летела чуть выше. Попав в гвоздь, крепящий наружную обшивку, она отклонилась под прямым углом. Прежде чем ее энергия иссякла, пуля пробурила себе дорогу вниз через восемь новых досок словно выживший из ума термит. Окончила свой путь мятым куском свинца, застрявшим в новой сосновой доске.

* * *

Ричер увидел в оптический прицел вспышку, вырвавшуюся из дула винтовки Гарбера. Понял, что его бывший командир выпустил короткую очередь из трех выстрелов. Понял, что пули обязательно попадут в стену здания суда. Уставившись на белые доски с расстояния тысяча двести ярдов, Ричер стиснул гребень крыши и зажмурился. Ожидая взрыв.

* * *

Гарбер понял, что Боркена убили не его пули. На это у них просто не было времени. Даже когда речь идет о крошечных долях секунды, существует определенный ритм. Выстрел… попадание. Однако Боркен был убит до того, как пули из М-16 успели бы долететь до него. Значит, где-то выше по склону находился второй стрелок. Гарбер понял, что он не один. Улыбнулся. Выстрелил снова. Еще девять раз нажал на спусковой крючок и оставшимися двадцатью семью патронами изрешетил двоих бойцов Боркена, а заодно и стену здания суда.

* * *

Выскочив из вестибюля здания суда, Милошевич бегом спустился с крыльца. Сжимая в правой руке табельный револьвер 38-го калибра и высоко поднимая в левой золотой значок Бюро.

– Агент ФБР! – крикнул он. – Всем ни с места!

Взглянув на Холли, он повернулся к Гарберу, поднимавшемуся навстречу, а затем к Макграту, который выбежал из-за здания администрации округа. Макграт побежал прямиком к Холли. Крепко стиснул ее в объятиях, прижимая ее к стволу засохшего дерева. Холли смеялась. Она не могла в свою очередь прижать Макграта, потому что руки у нее были скованы за спиной. Отпустив ее, Макграт сбежал вниз по склону и хлопнул по плечу Милошевича.

– У кого ключи от наручников?

Гарбер указал на двоих убитых бойцов. Подбежав к ним, Макграт порылся в пропитанных кровью карманах. Нашел ключ и взбежал к дереву. Зашел Холли за спину и расстегнул наручники. Молодая женщина качнулась вперед, и Макграт схватил ее за руку. Милошевич подобрал на дороге костыль и бросил его Макграту. Тот поймал костыль и передал его Холли. Молодая женщина спустилась, держась за Макграта. Выйдя на дорогу, они остановились, оглядываясь по сторонам, удивляясь неожиданной оглушительной тишине.

– Кого мне благодарить? – спросила Холли.

Вцепившись в руку Макграту, она посмотрела на труп Боркена, лежащий в шестидесяти футах. Огромная черная туша упала навзничь. Головы у нее не было.

– Генерала Гарбера, – сказал Макграт. – Познакомься, это большая шишка из военной полиции.

Гарбер покачал головой.

– Нет, это был не я. Меня опередили.

– И не я, – сказал Милошевич.

Обернувшись, Гарбер кивнул в сторону леса.

– Вероятно, вот его.

Ричер бежал вниз по склону от административного здания. Запыхавшийся. Тело ростом шесть футов пять дюймов и весом двести двадцать фунтов подходит для многого, но только не для спринта на одну милю.

– Ричер! – воскликнула Холли.

Ричер не обратил на нее внимания. Не обратил внимания ни на кого. Пробежал дальше и уставился на белую стену. Он увидел пулевые отверстия. Много отверстий. Штук тридцать, большая часть из которых была сосредоточена в юго-восточной части стены второго этажа. Ричер таращился на них несколько мгновений, затем рванул к джипу, стоящему на обочине. Выхватил лопатку, закрепленную рядом с запасной канистрой. Бегом поднялся на крыльцо. Взлетел на второй этаж и ворвался в комнату Холли. Подбежал к стене фасада.

Ричер увидел не меньше дюжины выходных пулевых отверстий, пробивших сосновые доски. Рваные, расщепленные края. Ричер ударил по одному из них ребром лопаты. Разломил доску вдоль и, действуя лопатой как рычагом, оторвал ее. Вставил лопату в образовавшуюся щель и выломал следующую доску. Когда в комнату вбежал Макграт, Ричер успел вскрыть внутреннюю обшивку на протяжении четырех футов. Когда к ним присоединилась Холли, они уже смотрели в пустую полость.

– Динамита нет, – тихо промолвила молодая женщина.

Ричер бросился к соседней стене. Оторвал несколько досок, чтобы быть абсолютно уверенным.

– Значит, его здесь и не было, – сказала Холли. – Проклятие, я не могу в это поверить.

– Динамит здесь был, – возразил Макграт. – Об этом сообщил Джексон. Он описал все как было. Я читал его донесение. Джексон лично разгружал грузовик вместе еще с семерыми бойцами. И носил его

наверх. Черт побери, Джексон видел, как динамит укладывали в стены. Целую тонну. Такое ни с чем не спутаешь.

– Значит, динамит здесь был, – сказал Ричер. – А затем его отсюда достали. Укладывали его у всех на виду, а забрали тайком. Для того, чтобы использовать в другом месте.

– Динамит отсюда забрали? – недоуменно переспросила Холли.

– Женщины и дети должны умереть, – медленно произнес Ричер.

– Ты о чем? – воскликнула Холли. – О чем ты говоришь?

– Но не здесь, – продолжал он. – Не эти женщины и дети.

– Ты о чем? – повторила Холли.

– Речь идет не о массовом самоубийстве, – сказал Ричер, – а о массовом убийстве.

Внезапно он умолк. У него в голове звучали раскаты страшного взрыва, прогремевшего тринадцать лет назад. Звуки Бейрута. Звуки базы морской пехоты, расположенной неподалеку от аэропорта. Ричер слышал их снова и снова, до боли в ушах.

– Теперь я понимаю, что это, – прошептал он, перекрывая оглушительный рев, звучащий у него в голове.

– Что? – нетерпеливо спросил Макграт.

– На просевших рессорах, – продолжал Ричер. – Но нам неизвестно, куда он уехал.

– Ты о чем? – снова спросила Холли.

– Женщины и дети должны умереть, – повторил Ричер. – Так сказал Боркен. Он сказал, что этого требуют исторические обстоятельства. Но Боркен имел в виду не тех женщин и детей, которые находятся здесь.

– Черт побери, что ты хочешь сказать? – воскликнул Макграт.

Ричер удивленно посмотрел на него, затем перевел взгляд на Холли, так, словно видел их впервые в жизни.

– Я был в гараже, – сказал он. – Видел грузовик. Наш грузовик. Он стоял на просевших рессорах, как будто загруженный под завязку.

– Ты о чем? – опять спросила Холли.

– Боркен начинил машину взрывчаткой, – объяснил Ричер. – Стиви должен перегнать ее в какое-то людное место. Где будет нанесен второй

удар. Грузовик взорвется среди толпы. В нем целая тонна динамита. И Стиви опередил нас на целых шесть часов.

Макграт первым бросился к лестнице.

– Садимся в джип! – крикнул он.

Гарбер тоже устремился к джипу. Но Милошевич находился гораздо ближе. Он прыгнул за руль и завел двигатель. Макграт помог Холли забраться на переднее сиденье. Ричер остановился на крыльце, задумчиво уставившись на юг. Вдруг Милошевич выхватил револьвер. Большим пальцем взвел курок. Гарбер застыл на месте. Вскинул винтовку и прицелился. Милошевич нагнулся к Холли. Макграт отскочил в сторону. Милошевич надавил на газ и рванул с места, управляя джипом одной рукой, другой наставив револьвер на Холли. Джип затрясся на ухабистой дороге. Гарбер понял, что попасть в Милошевича будет невозможно. Опустив винтовку, он обреченно проводил машину взглядом.

* * *

– Оба? – растерянно пробормотал Уэбстер. – Господи, только не это...

– Сейчас нам не помешал бы еще один вертолет, – заметил адъютант. – Полагаю, теперь можно больше не беспокоиться по поводу зенитных ракет.

Он перевел видеокамеру на северо-запад и вывел на экран увеличенную картинку чаши в горах перед входом в шахты. Четыре грузовика со «Стингерами» застыли на спущенных колесах. Неподалеку валялся труп убитого часового.

– Хорошо, вызываем вертолет, – согласился Джонсон.

– Сэр, будет лучше, если вы сделаете это лично, – предложил адъютант.

Генерал положил руку на телефон. Затем повернулся обратно к экрану, на котором был виден джип, несущийся по лесной дороге. Выписав последний крутой поворот по горному серпантину, машина понеслась по дну чаши, устланному сланцем. Обогнула неподвижные грузовики и резко затормозила перед левым сараем. Выскочив из машины, Милошевич обежал вокруг капота. Направив револьвер на Холли. Схватив молодую женщину за руку, он выдернул ее из джипа и потащил к массивным бревенчатым воротам. Ногой толкнул одну створку и запихнул Холли внутрь. Нырнул следом за ней и захлопнул за собой ворота.

Уэбстер оторвался от экрана.

– Сэр, вызывайте вертолет, – настойчиво повторил адъютант.

– И побыстрее, – добавил Уэбстер.

* * *

Кратчайшая дорога до шахты проходила напрямик через Бастион. Там было безлюдно и тихо. Ричер, Макграт и Гарбер пересекли поляну и побежали дальше на север, через стрельбище к плацу. Остановились в зарослях, не выходя на открытое место. Все оставшееся население самопровозглашенной республики стояло на плацу, выстроившись в молчаливые ряды, обратив объятые страхом лица на середину, где перевернутый ящик все еще ждал появления Боркена.

Не обращая на них внимание, Ричер повел остальных лесом. Напрямую к дороге. Дальше на север по дороге. Ричер нес большую снайперскую винтовку. Которую он забрал с крыши столовой, потому что успел проникнуться к ней любовью. От него ни на шаг не отставал Гарбер. Макграт замыкал шествие, стараясь из последних сил, переполненный отчаянным желанием спасти Холли.

Все трое снова свернули в лес перед последним поворотом, и Ричер отправился разведать обстановку. Спрятавшись за той самой скалой, за которой он уже прятался ночью, Ричер дюйм за дюймом исследовал чашу в оптический прицел «Баррета». Наконец он махнул рукой, призывая остальных присоединиться к нему.

– Они в гараже. В левом сарае.

Ричер указал длинным толстым стволом винтовки, и остальные, увидев брошенный джип, кивнули. Пробежав вперед, Ричер присел за капотом первого из грузовиков. Гарбер пустил следующим Макграта. Сам перебежал последним. Укрываясь за машиной, все трое уставились на бревенчатые ворота.

– И что дальше? – спросил Гарбер. – Атака в лоб?

– Подонок приставил Холли к голове дуло револьвера, – сказал Макграт. – Ричер, я не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось. Она мне очень дорога, ты понимаешь?

– Другим путем в этот сарай никак нельзя попасть? – спросил Гарбер.

Ричер не отрывал взгляда от ворот, и рев бейрутского взрыва уступил место леденящей душу тишине кошмара, который он пережил этой ночью. Целую минуту Ричер тщетно искал другое решение. Перебирая в уме ракеты и винтовки, уложенные в кузовах грузовиков. В конце концов вынужден был отказаться.

– Постарайтесь привлечь внимание Милошевича. Говорите с ним, делайте что угодно.

Положив «Баррет» на землю, Ричер забрал у Макграта «глок». Пригибаясь, быстро перебежал к следующему грузовику, затем к следующему, и так до самого входа во вторую пещеру. В жуткий склеп, полный скелетов и крыс. До него донеслось, как Макграт что-то кричит Милошевичу. Ричер совершил рывок к бревенчатым воротам. Нырнул в щель и снова оказался в темноте.

Фонарика у него не было. Ричер на ощупь обошел машину, перевозившую личный состав, и отправился в недра горы. Держа руку над головой, он чувствовал, как понижается свод пещеры. Нашел сваленные грудой трупы и обошел их стороной. Крысы, слышавшие его шаги, чувствовавшие его запах, провожали его сердитым писком. Ричер опустился на четвереньки, затем лег и поплыл в море сырых костей. Ощущая, как понижается свод и сжимаются стены тоннеля. Он сделал глубокий вдох, собираясь с силами, и почувствовал, как возвращается страх.

* * *

Быстрее всего к месту действия мог подоспеть «Найт хок» морской пехоты, находившийся на авиабазе Мальмстрим. Длинная, толстобрюхая, горбатая машина, но самая быстрая. Через считанные минуты после звонка Джонсона вертолет уже прогревал двигатели, получив приказ лететь на запад, а затем на север до обочины самой последней дороги в штате Монтана. Еще через несколько минут «Найт хок» уже поднялся в воздух. Пилот быстро отыскал нужную дорогу и полетел вдоль нее на север, быстро, на небольшой высоте. Вскоре он обнаружил скопление штабных машин. Развернувшись, пилот посадил вертолет на обочину и стал ждать. К нему побежали трое. Один штатский и двое военных. Из которых один полковник, а второй – председатель объединенного комитета начальников штабов. Пилот пожал плечами. Напарник показал ему сквозь толстый плексиглас верха кабины на одинокий инверсионный след, проходящий на высоте тридцать шесть тысяч футов. Какой-то большой реактивный самолет, раскрутив тугую спираль, улетал на юг. Снова пожав плечами, пилот рассудил, что то, что происходит, происходит где-то южнее. Поэтому он произвел предварительные расчеты. Пилот был очень удивлен, когда самый высокопоставленный военный в Соединенных Штатах поднялся на борт и приказал лететь на север, в горы.

* * *

Ричер смеялся. Протискиваясь вперед по тоннелю, он хохотал вслух. Трясся и плакал от смеха. Ему больше не было страшно. Тесные объятия каменных стен теперь казались ему ласками возлюбленной. Один раз он уже прошел через это и остался жив. Значит, это возможно. Значит, он снова пройдет через это.

Страх исчез так же внезапно, как и появился. Протиснувшись через груду рассыпавшихся костей в дальнем углу пещеры, Ричер ощутил, как ему на спину опустился каменный свод. Стены стиснули грудь, в горле запершило. Испытав вспышку горячей, влажной паники, Ричер вжался в землю. Почувствовал, как иссякают его силы. И вдруг все изменилось. Ричер вспомнил о том, что его ждет неотложное дело. Холли. Милошевич приставил дуло револьвера к копне черных волос, очаровательные глаза затуманены отчаянием. И тотчас же штрек словно распрямился, превратился в теплую, гладкую трубу. Как раз соответствующую внушительным размерам Ричера. Словно сделанную как раз под него, и для него одного. Итак, ему предстоит просто преодолеть некоторое расстояние по горизонтали. Давным-давно Ричер накрепко усвоил, что определенные вещи стоят того, чтобы их бояться. А другие – нет. То, через что он уже прошел один раз и остался в живых, не заслуживает страха. Нерационально бояться того, что не угрожает смертью. А какие недостатки ни водились за Ричером, он был человек рациональный. В считанные доли секунды страх бесследно исчез, и Ричер успокоился. Он боец. Мститель. И Холли его ждет. Вытянув вперед руки, словно пловец, входящий в воду, Ричер начал долгий путь через чрево горы к Холли.

Очень быстро он выработал своеобразный ритм. Что-то вроде ходьбы по дороге, но только лежа на животе, в кромешной темноте. Умелые, экономные движения руками и ногами. Опустив голову. Смеясь от облегчения. Ричер чувствовал, как проход сужается, сжимая его. И протискивался дальше. Уткнувшись в глухую стену, он аккуратно согнулся пополам и завернул за угол. Глубоко вздохнул и перестал смеяться. Решив, что пора начинать соблюдать тишину. Ричер полз вперед так быстро, как только мог. Остановился лишь тогда, когда почувствовал, что свод над головой начинает подниматься. Осторожно пробрался вперед и наконец ощутил дуновение свежего воздуха, сообщившее, что тоннель остался позади.

И тут Ричер услышал гул вертолета. Приглушенный рев несущего винта вдалеке. В сорока ярдах впереди прозвучали шаги. Послышался голос Милошевича. Пронзительный, нервный. Проникнутый удивлением и паникой. Выговор Западного побережья.

– Уберите вертолет! – закричал Милошевич в щель между створками.

Гул приближался. Становился громче.

– Уберите вертолет, вы слышите? – вопил Милошевич. – Макграт, я ее прикончу! Я не шучу, ты меня слышишь?

В гараже царил полный мрак. От полосок света, пробирающихся сквозь щели в воротах, Ричера загораживали машины. Но белого грузовика среди них не было. Он исчез. Перекатившись на то место, где раньше

стоял грузовик, Ричер достал из кармана «глок». Рев несущего винта звучал совсем близко. Сотрясая створки ворот и наполняя пещеру.

– Холли – это мой страховой полис, – продолжал кричать Макграт. – Я ее пальцем не трону, она вернется к вам целая и невредимая, хорошо? Макграт, ты меня слышишь?

Если ответ и был, Ричер его не услышал.

– Я не имею никакого отношения к этим кретинам, – вопил Милошевич. – Я тут человек посторонний. Меня втянул Броган. Это он заставил меня помогать ему.

Рев стал оглушительным. Массивные створки ворот дрожали.

– Я пошел на это только ради денег, – кричал Милошевич. – Броган хорошо мне платил. Сотни тысяч долларов, Макграт. На моем месте ты поступил бы так же. Броган сделал меня состоятельным человеком. Это он купил для меня «Форд эксплорер». Модель люкс. Заплатил тридцать пять «штук». Черт побери, разве я сам смог бы купить себе такую машину?

Слушая эти истеричные вопли, Ричер поймал себя на том, что ему не хочется стрелять в Милошевича. Он ощутил что-то вроде прилива признательности по отношению к предателю, потому что тот помог ему раз и навсегда избавиться от детского кошмара. Милошевич заставил его бросить вызов старым страхам и победить их. Ричер стал лучше, чем был. Ему захотелось броситься к Милошевичу и пожать ему руку. Он даже мысленно представил себе это. Но затем картина перед глазами изменилась. Ричер понял, что ему надо броситься к Милошевичу и сжать ему горло, требуя от него ответа, знает ли он, куда уехал на белом грузовике Стиви. Вот что он должен сделать. Вот почему ему нельзя стрелять в Милошевича. Под оглушительный рев турбин Ричер прокрался между машинами.

Он действовал в мире, в котором осталось только одно измерение. Абсолютная темнота лишила его возможности видеть. Рев вертолета лишил его возможности слышать. Ричер ощутил какое-то движение рядом с воротами. Выглянув из-за пикапа, увидел смутный силуэт на фоне полосок света, пробивающегося в щели. Силуэт, представлявший собой объединение двух силуэтов. Неестественно широкий в плечах, на четырех ногах. Милошевич, схвативший Холли за шею, прижавший револьвер ей к затылку. Ричер подождал, когда его глаза привыкнут к новым условиям освещения. Лица побледнели, превратившись из черных в серые. Холли перед Милошевичем. Ричер поднял «глок». Сместился влево, чтобы получить лучший угол обзора. Зацепился ногой за бампер. Споткнувшись, отступил назад и налетел на гору пустых банок из-под краски. Банки бесшумно повалились на каменный пол:

шум полностью потонул в оглушительном реве, который доносился из-за ворот. Ричер совершил стремительный рывок в сторону света.

Почувствовав что-то неладное, Милошевич обернулся. Его рот раскрылся в беззвучном крике. Милошевич дернул Холли к себе, загораживаясь ей как живым щитом. На мгновение застыл в растерянности, подняв револьвер. Ричер метнулся вправо, затем снова отступил влево. Милошевич проследил за его движениями дулом револьвера. Воспользовавшись этой заминкой, Холли вырвалась из рук Милошевича. Надрывный рев турбин достиг немыслимой громкости. Милошевич лихорадочно оглянулся по сторонам. Принял решение. Ричер вооружен, Холли безоружна. Милошевич бросился вперед. Из дула револьвера 38-го калибра вырвалась беззвучная вспышка пламени. Молниеносная, белая, ослепительная в кромешной темноте. Ричер потерял Холли из виду. Выругавшись, он не стал стрелять в ответ. Милошевич снова прицелился. Вдруг у него за спиной мелькнула рука Холли. С убийственной точностью сомкнулась на шее. Милошевич пошатнулся. В этот момент ворота распахнулись настежь, и Холли, отшатнувшись от хлынувшего в пещеру потока солнечного света и шума, очутилась прямо в объятиях Ричера.

Луч солнца яркой полоской упал на Милошевича. Предатель лежал на спине. Зажав в руке табельный револьвер. С взведенным курком. Из того места, где был левый глаз, торчал острый осколок кафельной плитки. Ушедший дюйма на три внутрь. Из раны вытекала тонкая струйка крови.

В пещере мгновенно стало многолюдно. Ричер увидел в облаке пыли Макграта и Гарбера. У них за спиной приземлился «Найт хок». Из вертолета выскочили трое, побежавшие к распахнутым воротам. Один штатский и двое военных. Полковник и генерал Джонсон. Обернувшись, Холли увидела отца и снова уткнулась лицом в грудь Ричеру.

Гарбер подбежал первым. Он вытащил Ричера и Холли на свет и шум. Они неуклюже ковыляли по неровной земле, обнимая друг друга. Поток воздуха, поднятый несущим винтом вертолета, налетел на них, пытаясь разъединить. К ним подоспел Макграт, и Холли, отпустив Ричера, бросилась ему на шею. Но к ней уже спешил генерал Джонсон.

– Холли… – беззвучно произнес губами он.

Молодая женщина повернулась к отцу. Радостно улыбнулась. Закинула волосы назад. Отпустила Макграта и стиснула отца в объятиях.

– Папа, у меня еще есть одно дело! – крикнула она, перекрывая рев двигателей. – Объясню все потом, хорошо?

Глава 46

Ричер покрутил рукой над головой, показывая пилоту вертолета, чтобы тот не глушил двигатели, и, подбежав сквозь водовороты поднятой несущими винтами пыли к Гарберу, забрал у него «Баррет». Махнул рукой, призывая остальных садиться в «Найт хок». Быстро поднялся по трапу и закрыл люк. Положил винтовку на стальной пол и уселся в брезентовое кресло. Надел шлемофон. Нажал кнопку и обратился к пилоту:

– Ждите указаний, хорошо? Как только я определю курс, я вам его скажу.

Кивнув, пилот прибавил обороты двигателей. Несущий винт завращался быстрее, рев усилился. Вертолет чуть приподнялся в воздух, снимая нагрузку с опор шасси.

– Черт побери, куда мы летим? – крикнул Уэбстер.

– Догонять Стиви, шеф, – прокричал в ответ Макграт. – Он ведет грузовик. Наполненный динамитом. Чтобы где-то взорвать его. Помните, что сказал шериф Кендэлла? Стиви все время посылали делать грязную работу. Теперь вам понятно, что задумал Боркен?

– Но этот Стиви никуда не мог выехать отсюда на машине. Мост взорван, а просек через лес не осталось. Лесничие их перекрыли.

– Не совсем так, – возразил Макграт. – Тот лесничий сказал, что были перекрыты некоторые просеки. И не смог уточнить, какие именно, вот и все. Он сказал, что дорога через лес может быть, а может и отсутствовать.

– У Боркена было целых два года на то, чтобы досконально разведать весь лес, – вмешался Ричер. – Ты сказал, что сожженный пикап какое-то время ездил по просекам, проложенным сотрудниками федерального лесничества, так? Под колесными арками песчаник. У Боркена было два года на то, чтобы отыскать выход из лабиринта.

Уэбстер взглянул налево, на восток, где за высокой горой простирался бескрайний лес. Кивнул.

– Хорошо, значит, мы должны остановить Стиви. Но куда он направился?

– Стиви опередил нас на шесть часов, – крикнул Ричер. – Можно предположить, через лес ему пришлось пробираться достаточно медленно. Скажем, на это ушло около двух часов, так? А дальше четыре часа по шоссе. Миль двести. Дизельный «Эконолайн», груз тонна, вряд ли он может делать больше пятидесяти миль в час.

– Но в каком направлении, черт побери? – проорал Уэбстер, перекрывая рев двигателей.

Холли посмотрела на Ричера. Этот самый вопрос они уже много раз задавали друг другу, и применительно к тому же самому грузовику. Развернув в голове мысленную карту, Ричер снова прошелся по ней по часовой стрелке.

– Стиви мог поехать на восток. В этом случае он до сих пор должен находиться в Монтане, где-то за Грейт-Фолз. Мог спуститься на юг в Айдахо. Мог поехать на запад в Орегон. В этом случае он уже на полпути к Сиэттлу.

– Нет, – крикнул Гарбер. – Думай от обратного. В этом ключ к разгадке. Куда ему приказано ехать? Что должно стать целью удара?

Ричер задумчиво кивнул. Гарбер прав. Цель удара.

– Где Боркен хотел нанести удар? – спросил Джонсон.

Ричер вспомнил слова Боркена: «Изучая систему, учишься ее ненавидеть.» Задумавшись, он наконец кивнул и, включив микрофон, обратился к пилоту:

– Итак, в дорогу. Прямо на юг.

Рев усилился, и «Найт хок» тяжело оторвался от земли. Развернувшись в воздухе, поднялся над скалами. Скользнул на юг и, опустив нос, увеличил скорость. Шум покинул кабину и, превратившись в низкий гул, сосредоточился где-то в районе двигателей. Внизу быстро замелькала земля. Горные пики сместились назад, мимо проплыл плац. Заполненный крошечными фигурками людей. Строй нарушился, и маленькие человечки разбредались во все стороны, скрываясь под зеленым пологом леса. Затем внизу промелькнула узкая полоска стрельбища, потом просторная каменистая проплешина Бастиона. Вертолет быстро набрал высоту, и земля стремительно ушла вниз, так что проплывшее мимо белое здание суда показалось крохотным кукольным домиком. Затем внизу осталось ущелье, взорванный мост, и вертолет полетел на юг над бесконечными лесами.

Похлопав пилота по плечу, Ричер сказал в микрофон:

– Какая у нас скорость?

– Сто шестьдесят.

– Курс?

– Строго на юг.

Ричер кивнул. Закрыл глаза, производя расчеты в уме. Он словно снова вернулся в начальную школу. Машина А находится в двухстах милях впереди и движется со скоростью пятьдесят миль в час. Вертолет в летит следом со скоростью сто шестьдесят миль в час. Через какое время он ее догонит? С арифметикой у Ричера в начальной школе было все в порядке. Как и с драками на переменах. Однако в отличие от искусства драк, арифметика с годами стерлась из памяти. Ричер не сомневался, что для таких задач должна существовать общая формула. С иксами и игреками, на всю страницу. Что-то равно чему-то. Но если формула и существовала, Ричер давным-давно ее забыл. Поэтому ему пришлось идти к ответу методом проб и ошибок. Через час Стиви будет в двухстах пятидесяти милях от дома. «Найт хок» пролетит сто шестьдесят миль. То есть, еще будет отставать. Еще через час Стиви будет в трехстах милях, а «Найт хок» – в трехстах двадцати. Перебор. Следовательно, вертолет настигнет грузовик где-то на исходе второго часа. Если он летит в нужном направлении.

Далеко впереди показалось озеро Флэтхед. Внизу простиралась холмистая местность, изрезанная петляющими дорогами. Ричер нажал кнопку микрофона:

– Курс по-прежнему на юг?

– Строго на юг, – подтвердил пилот.

– Скорость по-прежнему сто шестьдесят?

– Ровно сто шестьдесят.

– Отлично, так держать. Мы должны настигнуть грузовик где-то через час пятьдесят минут.

– Так куда же направляется Стиви? – не выдержав, – спросил Уэбстер.

– В Сан-Франциско, – ответил Ричер.

– Почему? – спросил Макграт.

– Или в Миннеаполис, – продолжал Ричер. – Но я все же склоняюсь в пользу Сан-Франциско. – Сами подумайте: остальные возможные варианты – это Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Кливленд, Ричмонд, штат Вирджиния, Атланта, Чикаго, Сент-Луис и Канзас-Сити, штат Миссури, или еще Даллас, штат Техас.

Макграт недоуменно пожал плечами. Уэбстер растерянно нахмурился. Джонсон вопросительно посмотрел на адъютанта. Лицо Гарбера оставалось непроницаемым. Одна только Холли улыбнулась. Улыбнулась и подмигнула Ричеру. Тот подмигнул в ответ. «Найт хок» с

ревом пронесся на юг над Миссулой со скоростью сто шестьдесят миль в час.

* * *

– Господи, сегодня же четвертое июля, – внезапно спохватился Уэбстер.

– Можете не напоминать об этом, – согласился Ричер. – День независимости, во всех общественных местах толпы народа. Люди выходят на улицу всеми семьями, с детьми.

Уэбстер мрачно кивнул.

– Ну хорошо, Сан-Франциско, но где именно?

– Я точно не знаю.

– К северу от рынка, – вставила Холли. – На площади Эмбаркадеро-Плаца. Вот где, шеф. Я однажды была там четвертого июля. В полдень пышный парад, вечером красочный фейерверк над заливом. В течение всего дня там огромные толпы народа.

– Четвертого июля огромные толпы повсюду, – возразил Уэбстер. – Ребята, надеюсь, ваша догадка верна.

Макграт поднял взгляд. По его покрытому синяками и ссадинами лицу медленно расплылась улыбка.

– Верна, – уверенно заявил он. – Это Сан-Франциско, можно не сомневаться. Не Миннеаполис и не какое-либо другое место.

Улыбнувшись, Ричер подмигнул ему. Макграт тоже догадался до истины.

– Не хотите объяснить мне? – спросил Уэбстер.

– Сами догадайтесь, – не переставая улыбаться, ответил Макграт. – Вы же директор ФБР, черт побери.

– Потому что до Сан-Франциско ближе всего?

Макграт кивнул.

– И в прямом, и в переносном смысле.

– Какой еще переносный смысл? – спросил Уэбстер. – О чем это вы?

Ему никто не ответил. Военные молчали. Холли и Макграт смотрели в иллюминатор на землю, проплывающую в двух тысячах футов внизу. Ричер, выкрутив шею, смотрел вперед через плексиглас пилотской кабины.

– Где мы находимся?

Пилот ткнул пальцем в сторону бетонной полосы внизу.

– Федеральное шоссе номер 93. Покидает территорию Монтаны и входит в Айдахо. По-прежнему идет строго на юг.

Ричер кивнул.

– Замечательно. Летите вдоль шоссе. Это ведь единственная дорога на юг, так? Мы настигнем грузовик где-то не доходя Невады.

* * *

На исходе второго часа Ричера охватило беспокойство. Тревога. Он лихорадочно перепроверил свои нехитрые арифметические прикидки. А что если Стиви держит скорость выше пятидесяти миль в час? Он водит машину быстро. Быстрее, чем Питер Белл. Быть может, Стиви гонит под шестьдесят. Где он должен оказаться в этом случае? В трехстах шестидесяти милях. Тогда вертолет догонит его только через два часа пятнадцать минут. А если Стиви выжимает все семьдесят? Может ли «Эконолайн» держать семьдесят миль в час, час за часом, с тонной в кузове? Это не исключено. Очень даже возможно. В этом случае Стиви отъехал от дома на четыреста двадцать миль. Вертолету потребуется лететь два часа сорок минут, прежде чем он догонит грузовик. Итого, вот временн*ы*е рамки. Между одним часом пятьюдесятью минутами и двумя часами сорока минутами, между Монтаной и Невадой. Целых пятьдесят минут нарастающей паники. Больше ста миль бетонной ленты, прежде чем можно будет с уверенностью сказать, что он ошибся и надо как можно быстрее разворачиваться на северо-восток, в сторону Миннесоты.

Опустив нос, вертолет на максимальной скорости летел строго вдоль федерального шоссе номер 93. Все семь пассажиров, выгнув шеи, смотрели на дорогу. Вертолет пролетал над городком под названием Сэлмон. Пилот выдавал информацию, словно гид. Справа величественная гора Макгуайр высотой десять тысяч футов. Еще дальше сдвоенная вершина Твин-Пикс, десять с половиной тысяч футов. Левее пик Бора, самый высокий, высотой двенадцать с половиной тысяч футов. Вертолет опустился на высоту тысяча футов. Окруженный возвышающимися горами, полетел вдоль шоссе, опустив нос, словно идущая по следу гончая.

Время вело неумолимый отсчет. Двадцать минут. Тридцать. Движение по шоссе было очень редким. Оно связывало Миссулу на севере с Твин-Фолз, штат Айдахо, находящимся в трехстах милях южнее. Оба городка даже с большой натяжкой нельзя было назвать многолюдными мегаполисами; к тому же, сегодня был праздник. Все путники уже добрались туда, куда направлялись. Лишь изредка попадались одинокие легковые машины и грузовики, водители которых решили заработать сверхурочные. Но ни одного белого «Эконолайна». За всю дорогу встретились всего две белые машины, но это были пикапы. И один

бортовой грузовик, но темно-зеленый. И все. Больше ничего. Ни одного белого грузовика. Временами шоссе оказывалось пустым до самого горизонта. Время вело неумолимый отсчет. Словно бомба с часовым механизмом. Сорок минут. Пятьдесят.

– Я собираюсь связаться с Миннеаполисом, – наконец объявил Уэбстер. – Мы ошиблись.

Макграт, еще не потерявший надежды, покачал головой.

– Подождите. Это будет шагом отчаяния. Который вызовет массовую панику. Вы можете себе представить, как поведут себя толпы людей? Начнется давка, неизбежно будут жертвы.

Уэбстер снова прильнул к иллюминатору. Не отрывал взгляда от дороги в течение целой минуты. Пятьдесят четыре минуты в пятидесятиминутных рамках.

Время продолжало отсчет. Пятьдесят восемь минут. Час. Шоссе оставалось пустынным.

– Время еще есть, – сказал Гарбер. – Неважно, Сан-Франциско или Миннеаполис, – Стиви ехать еще долго.

Он посмотрел на Ричера. В его взгляде были смешаны сомнение и вера, приблизительно в равных долях. Время шло. Час пять минут. Дорога оставалась пустынной, до самого отдаленного горизонта.

– Этот Стиви может находиться где угодно, – снова заговорил Уэбстер. – Раз мы ошиблись насчет Сан-Франциско, возможно, мы ошиблись и насчет Миннеаполиса. Он может уже быть в Сиэттле. Или вообще где угодно.

– Только не в Сиэттле, – возразил Ричер.

Он напряженно смотрел вперед. Не отрывая взгляда от дороги. Ему в горло вцепились страх и паника. Он то и дело сверялся с часами. Час десять минут. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Час с четвертью. Ричер переводил взгляд с часов на пустынную ленту шоссе внизу. Наконец молча откинулся назад. Охваченный леденящим ужасом. Он не сдавался так долго, как только мог, но теперь уже была достигнута та точка, в которой арифметика становилась абсурдной. Для того, чтобы отъехать так далеко на юг, Стиви должен был гнать грузовик со скоростью сто миль в час. Или даже сто двадцать. Или сто пятьдесят. Окинув взглядом остальных, Ричер произнес чужим голосом:

– Я ошибся. Стиви направляется в Миннеаполис.

Рев двигателей отступил на второй план, и во второй раз за этот день Ричер услышал жуткий раскат взрыва. Он широко раскрыл глаза, чтобы

ничего не видеть, но все равно увидел это. Только теперь не морских пехотинцев, не закаленных солдат, прибывших в эту жару делать свое дело, а невинных женщин и детей, собравшихся в городском парке, чтобы смотреть фейерверк, разорванных в клочья, испепеленных неукротимой энергией взрыва, как это произошло тринадцать лет назад с боевыми товарищами Ричера. Осколки костей, вырванные из детских тел, со свистом летящие в раскаленном воздухе и попадающие в других детей, которые находились за сотни ярдов от места взрыва. Поражающие их смертоносной шрапнелью, после чего оставшимся в живых счастливчикам придется по целому году мучиться в больницах.

Все молча смотрели на него. Только сейчас до Ричера дошло, что у него по щекам катятся слезы, срывающиеся на воротник рубашки.

– Извините.

Все тактично отвернулись.

– Мне нужно сделать несколько звонков, – объявил Уэбстер. – Но объясните же наконец, почему это должен быть Миннеаполис? Почему вы были уверены, что это будет Сан-Франциско?

– Отделения Федерального резервного банка, – тихо промолвил Ричер. – Их всего двенадцать. Ближайшие два к Монтане находятся в Сан-Франциско и Миннеаполисе. Боркен люто ненавидел Федеральный банк. Считая его главным орудием в руках всемирного правительства. Он полагал, это часть огромного заговора с целью ликвидировать средний класс. У него на этот счет была особая теория. Боркен хвалился, что первый догадался до этого. Он был уверен, что Федеральная резервная система приказала банку, с которым имел дело его отец, заставить его взять кредит, чтобы впоследствии можно было его разорить.

– Значит, Боркен хочет нанести удар по Федеральной резервной системе? – спросил Джонсон.

Ричер кивнул.

– Сдвоенный удар. Война против всемирного правительства. Неожиданный удар по старой системе, наподобие Перл-Харбора. И параллельно построение новой системы, привлекающей потоки новообращенных. Одним выстрелом двух зайцев.

Ричер умолк. Не имея сил продолжать. Ни физических, ни душевных. Гарбер молча смотрел на своего бывшего подчиненного, и у него на лице была написана искренняя боль. Рев двигателей был настолько громкий, что казался абсолютной тишиной.

– Провозглашение независимости явилось лишь одной половиной удара, – подхватил Макграт. – Отвлекающим маневром. Мы должны были сосредоточить все внимание здесь, сходить с ума, беспокоясь о судьбе Холли, беспокоясь об угрозе совершить массовое самоубийство, в то время как Боркен собирался у нас за спиной нанести удар по Федеральной резервной системе. Я подумал о Сан-Франциско, вспомнив Кендэлл. Решил, что Боркен выберет в качестве цели то отделение, которое находится ближе всего к ферме его отца.

Уэбстер кивнул.

– Дьявольский план. Праздничные выходные, половина сотрудников правоохранительных органов отдыхает, предстоит принимать важные стратегические решения, а всеобщее внимание приковано к другому месту. Затем весь мир думает только о чудовищном взрыве, а тем временем Боркен столбит свою территорию.

– Где находится отделение Федеральной резервной системы в Миннеаполисе? – встревожено спросил Джонсон.

Уэбстер неуверенно пожал плечами.

– Понятия не имею. Я никогда не бывал в Миннеаполисе. Полагаю, это должно быть большое административное здание, вероятно, в живописном месте, вокруг парк, может быть, на берегу реки. Через Миннеаполис ведь протекает река, так?

Холли кивнула.

– Да, под названием Миссисипи.

– Нет, – вдруг сказал Ричер.

– Да, черт побери, – уверенно произнесла Холли. – Это всем известно.

– Нет, – повторил Ричер, – это не Миннеаполис, а Сан-Франциско.

– Миссисипи даже близко не протекает рядом с Сан-Франциско, – возразила Холли.

Тут она увидела, как по лицу Ричера расплывается широкая улыбка. В его уставших глазах зажегся торжествующий огонь.

– В чем дело? – спросила она.

– Мы были правы относительно Сан-Франциско.

– В таком случае мы уже должны были обогнать Стиви, – недовольно буркнул Уэбстер. – Давным-давно.

Ричер схватил микрофон. Закричал, обращаясь к пилоту:

– Разворачивайтесь! Быстро!

Улыбнувшись, он закрыл глаза.

– А мы обогнали Стиви. Давным-давно. Пролетели прямо у него над головой, черт побери. Ублюдки перекрасили грузовик в зеленый цвет.

Накренившись, «Найт хок» заложил крутой вираж. Пассажиры бросились от одного иллюминатора к противоположному, глядя на разворачивающийся внизу пейзаж.

– В гараже стояли пустые банки из-под краски. Я налетел на них в темноте. Скорее всего, зеленая защитная. Грузовик красили сегодня утром. Думаю, краска еще не высохла.

Впереди появился Кенворт, над которым вертолет пролетел несколько минут назад. Городок остался в тысяче футов внизу. Дальше потянулась пустынная бетонная лента. Белый пикап. Снова пустынное шоссе. Наконец зеленый грузовик, спешащий на юг.

– Вниз, вниз! – крикнул в микрофон Ричер.

– Это он? – спросил Макграт.

Расстояние между грузовиком и обогнавшим его пикапом увеличивалось. Грузовик отставал. За ним не было ничего до самого горизонта. «Найт хок» терял высоту. Падал на грузовик словно орел на кролика.

– Это он? – снова спросил Макграт.

– Он, – ответил Ричер.

– Точно он! – радостно воскликнула Холли.

Макграт присмотрелся. Крыша была вымазана темно-зеленой краской, но под ней была видна россыпь мелких отверстий. Как будто кто-то выстрелил в крышу зарядом дроби.

– Мы таращились на эти дыры целых два дня, – продолжала Холли. – Я запомнила их на всю оставшуюся жизнь.

– Их сто тринадцать, – добавил Ричер. – Простое число. Я сосчитал.

Рассмеявшись, Холли повернулась к нему. Радостно хлопнула по плечу.

– Это наш грузовик! В этом нет никаких сомнений.

– Можно посмотреть на водителя? – спросил Макграт.

Пилот опустил нос вертолета и чуть сместился в сторону, открывая обзор.

– Это Стиви! – торжествующе воскликнула Холли. – Точно, Стиви! Мы его нашли!

– У этой штуковины есть какое-нибудь вооружение? – спросил Уэбстер.

– Два крупнокалиберных пулемета, – ответил пилот. – Но только я не смогу ими воспользоваться. Не имею права. Армия не должна принимать участия в операциях правоохранительных органов.

– Вы можете вести вертолет ровно, по прямой? – спросил Ричер. – Со скоростью пятьдесят миль в час? Или шестьдесят? Не задавая лишних вопросов?

Пилот рассмеялся. Его смех прозвучал в наушниках искаженным писком.

– Я могу вести свою ласточку как вы пожелаете. Разумеется, с разрешения генерала Джонсона.

Джонсон осторожно кивнул. Нагнувшись, Ричер поднял с пола «Баррет». Отстегнул ремень и встал на колено. Знаком попросил Холли поменяться с ним местами. Молодая женщина переползла к Макграту, и Ричер устроился на ее месте. «Найт хок» сбавил скорость и сбросил высоту. Максимально отпустив ремень кресла Холли, Ричер застегнул петлю на талии. Протянул руку к люку. Нажал на ручку, и люк скользнул в сторону по направляющим.

В кабину с воем ворвался поток воздуха. Вертолет развернулся боком, словно машина, которую занесло на заснеженной дороге. Зеленый грузовик ехал внизу и сзади, на расстоянии около двухсот футов. Пилот выровнял скорость вертолета со скоростью грузовика и развернул винтокрылую машину так, чтобы Ричер смотрел прямо на шоссе.

– Ну как?

Ричер ткнул кнопку микрофона.

– Отлично! Что у нас впереди?

– Одна машина движется в сторону севера, – ответил второй пилот. – За ней нет ничего на протяжении десяти миль.

– Что сзади? – спросил Ричер, провожая взглядом проезжающую на север машину.

Превозмогая врывающийся в открытый люк буран, Макграт высунул голову. Обернувшись, кивнул.

– Сзади чисто.

Ричер поднес «Баррет» к плечу. Дослал патрон в патронник. Стрелять из одного движущегося транспортного средства по другому – задача не из легких, однако цель двадцать футов длиной и семь футов шириной находилась на расстоянии меньше семидесяти ярдов, поэтому Ричер особенно не беспокоился. Он навел перекрестие прицела на точку на удалении двух третей длины от начала крыши. Рассудив, что поступательное движение грузовика и обратное перемещение воздуха обеспечат то, что пуля попадет прямо в середину кузова. У него мелькнула мысль, остался ли там двуспальный матрас.

– Подождите! – воскликнул Уэбстер. – А что если вы ошибаетесь? Что если грузовик пуст? Ведь это одни только догадки, разве не так? Это все лишь предположения. Нам нужны доказательства, Ричер. Необходимо вызвать подкрепление.

Ричер даже не обернулся. Не оторвал глаз от окуляра прицела.

– Ерунда! Сейчас у вас будут все доказательства, какие только понадобятся.

Уэбстер схватил его за руку.

– Вы не имеете права! А что если вы убьете ни в чем неповинного человека?

– Ерунда, – повторил Ричер. – Если он ни в чем неповинен, я его не убью, ведь так? – Стряхнув с себя руку Уэбстера, он повернулся к нему лицом. – Сами хорошенько подумайте. Спокойно. Логически. Доказательства появятся после моего выстрела, так? Если этот грузовик начинен динамитом, мы сразу же узнаем об этом. Если же в кузове один только воздух, с водителем ничего не случится. Все сведется к тому, что в крыше кузова появится еще одна дырка. Сто четырнадцатая.

Ричер повернулся к открытому люку. Снова поднял винтовку. Навел ее на цель. По привычке выдохнул и дождался промежутка между двумя сердцебиениями. И нажал на спусковой крючок. Потребовалась одна тысячная доля секунды на то, чтобы звук выстрела достиг уха Ричера, и в семьдесят раз дольше, чтобы тяжелая пуля долетела до грузовика. С течение секунды ничего не происходило. Затем грузовик просто перестал существовать. Мгновенно превратившись в ослепительный огненный шар, прокатившийся по шоссе раскаленным белым клубком перекати-поле. В небо стремительно поднялась концентрическая ударная волна. Содрогнувшись, вертолет метнулся в сторону и взмыл вверх на пятьсот футов. Пилоту с трудом удалось удержать управление. Стабилизировав полет, он развернул машину. Опустил нос. Внизу не было ничего кроме бурлящего облака дыма каплевидной формы, имеющего в длину триста ярдов. Ни обломков, ни металлических деталей, ни горящих колес, ни обугленного остова. Ничего кроме

невидимых микроскопических частиц пара, уносящихся в атмосферу со сверхзвуковой скоростью.

* * *

Пилот долго кружил над шоссе, после чего отвел вертолет к востоку. Осторожно посадил машину среди редкого кустарника в сотне ярдов от обочины. Заглушил двигатели. Посидев немного в оглушительной тишине, Ричер расстегнул ремень. Положил «Баррет» на пол и спрыгнул в открытый люк. Медленно пошел к полосе асфальта.

Тонна динамита. Целая тонна. Взрыв страшной силы. Не осталось абсолютно ничего. Ричер предположил, что в радиусе полумили трава полегла, но этим все и ограничилось. Страшная энергия взрыва разошлась в стороны, не встретив ничего на своем пути. Ничего мягкого, ничего хрупкого. Ударная волна распространилась, теряя силу и скорость, и умерла на удалении нескольких миль, превратившись к тому времени в легкое дуновение. Но так ничего и не разрушив. Абсолютно ничего. Закрыв глаза, Ричер постоял в тишине.

Вдруг он услышал приближающиеся шаги. Ричер сразу понял, что это была Холли. Перемежающаяся поступь здоровой и больной ног. Открыв глаза, Ричер отвернулся в сторону дороги. Подойдя к нему, Холли остановилась. Положила голову ему на грудь и обвила его руками. Крепко прижала к себе. Подняв руку, Ричер ласково разгладил Холли волосы за ухом, как делала она сама.

– Все кончено, – сказала Холли.

– Если возникла проблема, ее надо решить. Таково мое правило.

Холли ответила не сразу.

– Жаль, что не всегда бывает так просто.

То, как она произнесла эти слова, – после долгой паузы, – превратило их в длинную речь. В аргументированное рассуждение. Ричер сделал вид, будто не понимает, какую проблему Холли имела а виду.

– Знаешь что? – сказал он. – Ты вышла из тени своего отца.

Прижимаясь лицом ему к груди, она покачала головой.

– Не знаю.

– Поверь мне. То, что ты сделала ради меня на плацу, было самым смелым, самым хладнокровным, самым продуманным поступком из всех, какие мне довелось повидать на своем веку. Сам я никогда не совершал ничего подобного. Как и твой старик. Он без колебаний отдал бы свои передние зубы за то, чтобы иметь такое мужество. Как и я. Ты вышла из тени, Холли. Поверь мне.

– Мне так казалось. Некоторое время. Честное слово. Но затем я снова увидела отца, и все стало на свои места. Я снова назвала его папой.

– Но ведь он твой папа, – заметил Ричер.

– Знаю. И в этом вся проблема.

Он долго молчал.

– В таком случае, смени фамилию. Может быть, это поможет.

Она затаила дыхание.

– Это предложение?

– Совет.

– Ты полагаешь, «Холли Ричер» звучало бы хорошо?

Настал его черед умолкнуть. Затаить дыхание. И, наконец, озвучить главную проблему.

– Замечательно. Но, полагаю, «Холли Макграт» будет звучать лучше.

Она ничего не ответила.

– Это ведь он счастливчик, правда? – спросил Ричер.

Холли кивнула. Едва ощутимое движение головы, прижатой к широкой груди Ричера.

– Так скажи же ему.

Она пожала плечами.

– Не могу. Боюсь.

– А ты не бойся. Возможно, Макграт сможет сказать тебе что-нибудь похожее.

Холли подняла лицо. Ричер всмотрелся ей в глаза.

– Ты так думаешь? – спросила она.

– Ты боишься, он боится. Но кто-то же должен что-нибудь сказать. А я за вас это делать не стану.

Холли стиснула его в объятиях. Затем, поднявшись на цыпочках, поцеловала. В губы. Долго, чувственно.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что ты все понял.

Ричер пожал плечами. Это не конец света. Но что-то очень похожее.

– Идем? – спросила Холли.

Он покачал головой.

– Нет.

Она оставила его на обочине федерального шоссе 93, на границе Айдахо. Ричер проводил ее взглядом до вертолета. Холли поднялась по короткому трапу в кабину. Задержалась и обернулась. Посмотрела на него. Затем нырнула внутрь. Люк закрылся. Завращался несущий винт, набирая обороты. Ричер понял, что больше никогда не увидит Холли. Вертолет поднялся вверх, обдав его потоком пыли, срывая одежду. Ричер помахал ему вслед. Проводил взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду. Затем, глубоко вздохнув, вышел на пустынное шоссе и посмотрел влево и вправо. Пятница, четвертое июля. День независимости.

* * *

В субботу, пятого июля, и в воскресенье, шестого июля округ Йорк был полностью оцеплен. Армейские подразделения напряженно трудились круглые сутки. Зенитчики забрали батарею «Стингеров». Увезли ее на юг на четырех «Чинуках». Интенданты собрали все боеприпасы, какие только смогли найти. Их хватило бы на маленькую войну.

Военные санитары собрали трупы. Они нашли тела двадцати бойцов зенитной батареи в пещере. Нашли скелеты, через которые ползал Ричер. В другой пещере нашли пять изуродованных трупов. Судя по одежде, строительные рабочие. Санитары забрали труп Фаулера из дома командира и труп Боркена с дороги перед зданием суда. Принесли труп Милошевича из входа в шахту и труп Брогана с небольшой поляны к западу от Бастиона. Отыскали простую могилу Джексона в лесу и извлекли его тело. Уложили тела восемнадцати мужчин и одной женщины незаконного вооруженного формирования на стрельбище и увезли их вертолетами.

Один из военных следователей генерала Гарбера забрал жесткий диск из компьютера бухгалтерии Боркена и переправил его в Чикаго. Военные саперы заминировали входы в шахту. Инженерная часть прибыла в Бастион, отключила водоснабжение и перерезала линии электропитания. Подожгла бараки. В воскресенье поздно вечером, когда над пожарищем еще вился дымок, последние солдаты загрузились в вертолеты и отбыли на юг.

В понедельник рано утром Гарланд Уэбстер снова сидел в белой комнате ожиданий в Белом Доме. Рут Розен с улыбкой справилась у него, как он

провел выходные. Улыбнувшись в свою очередь, Уэбстер ничего не ответил. Час спустя, когда утреннее солнце поднялось над Чикаго, трое агентов ФБР арестовали подругу Брогана. Побеседовав с ней по душам в течение тридцати минут, они посоветовали ей убраться из города, оставив все, что подарил ей ее дружок. Затем те же самые агенты забрали новенький «Форд эксплорер» Милошевича со стоянки перед зданием Бюро и отогнали его на пять миль к югу. Оставили на тихой улице, незапертый, с ключами в замке зажигания. В тот момент, когда машину угоняли, Холли Джонсон входила в хирургическую клинику. Час спустя она уже была на работе в своем кабинете. После обеда деньги, похищенные во время нападения на инкассаторскую машину, покинули Каймановы острова и направились тем путем, который проложила для них Холли. В шесть часов вечера в понедельник Холли вернулась домой и собрала вещи. Побросав сумки и чемоданы в машину, она поехала на север. Перебралась в дом Макграта в Ивенстоне.

Во вторник утром в Интернете на страничке незаконных вооруженных формирований Соединенных Штатов появились три отдельных сообщения. Оставшиеся в живых члены «Вооруженной милиции Монтаны», перебравшиеся на юг и на запад в другие поселения, сообщили о последней операции всемирного правительства. Иностранные войска уничтожили отряд героев. Возглавлял международный батальон французский наемник. Победу иностранцам удалось одержать только потому, что они использовали секретные технологии СОИ, в том числе спутники, лазеры и микросхемы. Журналисты, наткнувшиеся на эти заметки, сразу же связались с центром имени Гувера. Поздно вечером во вторник пресс-атташе ФБР в специально подготовленном заявлении сообщил о том, что Бюро не располагает никакой информацией на этот счет.

Рано утром в среду, проехав на пяти попутных машинах и на четырех автобусах через семь штатов, Ричер наконец попал в Висконсин. Туда, где он намеревался оказаться ровно неделю назад. Ему там понравилось. Он пришел к выводу, что Висконсин в июле – очень неплохое местечко. И задержался там до пятницы.

Примечания

1

Агентство по контролю за продажей и распространением табачных изделий и стрелкового оружия.

2

Поселок в штате Айдахо, прославился на всю страну в августе 1992 года, когда во время ареста Рэнди Уивера, подозреваемого в незаконном хранении оружия, были убиты четыре человека, в том числе жена

Уивера, кормящая мать. Действия федеральных властей были признаны чрезмерными.

3

Город на востоке штата Техас, в 1993 году стал печально известен событиями в укрепленной базе воинствующей секты «Ветвь Давидова». База сгорела во время штурма, предпринятого федеральными властями. В огне погибло около 80 человек, в том числе дети. Название города стало символом превышения власти государством.

4

Стратегическая оборонная инициатива – научно-исследовательская и испытательная программа размещения в космосе системы противоракетной обороны, оснащенной лазерными пушками, спутниками-убийцами и т. п., проводившаяся в США с 1983 по 1993 годы.

5

Я не американец. Я французский солдат, вот уже несколько лет агент международного правительства, два месяца назад приступил к выполнению тайного задания. Нам нужно оценить, какую опасность представляет ваш отряд. (фр.)

6

Психологический тест, основанный на том, что испытуемому показывают десять абстрактных пятен; назван по имени немецкого психолога, впервые применившего его.

7

Вы понимаете, друг мой? (фр.)